

АТРАДИ

Карин Кармон
Ольга Чорномаз

16+

**Ольга Черномаз
Карин Кармон
Атради**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66623994

SelfPub; 2021

Аннотация

Их расе нечего и некого бояться. Атради были всегда, атради всегда будут. Они бессмертны, неуязвимы, почти боги. Но даже боги ошибаются. Их настоящая память стёрта, безмятежный покой – иллюзия, а вечный мир несовершенен и может снова стать смертельной ловушкой, стоит древней крови проснуться.

Содержание

Глава 1. Бар	5
Глава 2. Взрыв	24
Глава 3. Замок	41
Глава 4. Гости	62
Глава 5. Разговор при луне	83
Глава 6. Дух противоречия	104
Глава 7. Истерика	119
Глава 8. Море Истока	129
Глава 9. Странное свечение	146
Глава 10. Старая знакомая	159
Глава 11. В гостях у Ллэра	179
Глава 12. Вирус	195
Глава 13. Луна доа	213
Глава 14. Тени	236
Глава 15. Рецепт	261
Глава 16. В замке	276
Глава 17. Уговор	286
Глава 18. Покажи	300
Глава 19. Исцеление и смерть	313
Глава 20. Самый древний атради	338
Глава 21. Пещера	358
Глава 22. Бал	376
Глава 23. Доани	396

Глава 25. Голос	431
Глава 26. ЗАКРЫТЫЙ мир	454
Глава 27. И снова Тени	473
Глава 28. Правда	494
Глава 29. Новый Замок	516
Глава 30. План Таль	537
Глава 31. Выбор	559
Глава 32. Снова вместе	594
Глава 33. Нэшта	615
Глава 34. Прощание	642
Глава 35. Конец и начало	655
Эпилог	674

Карин Кармон, Ольга Черномаз Атради

Глава 1. Бар

В баре почти не осталось свободных мест, но народ всё прибывал.

Около стойки уже образовалась толпа. Потный, раскрасневшийся бармен едва успевал выхватывать протянутые мятые купюры и рассовывать стаканы с выпивкой. Как только не ошибался! Впрочем, вряд ли парнишка проработал бы здесь долго, напугай он хоть раз. На его место сразу нашлось бы десятка два таких же мускулистых молодцев, посчитавших за счастье обслуживать клиентов «Нольда». Недаром бар считался лучшим в Бэаре. И единственным, где свободно продавали что-то покрепче сока.

Адан с раздражением посмотрел на входную дверь. Новая клиентка задерживалась, и ужасно хотелось курить. Он вытащил из кармана куртки пачку, с сожалением бросил её на стол: сигареты отсырели. Адан поискал глазами официантку, тихо выругался – шумная пьяная компания закрывала обзор. Опять посмотрел на вход. На этот раз вовремя: светловоло-

сая молодая женщина, в лиловом платье, как и договаривались по телефону – наверняка клиентка – нерешительно переминалась с ноги на ногу.

Адан приподнялся, приветливо помахал ей рукой.

Резко закружилась голова, вынуждая рухнуть на стул. Удушающий запах заставил закашляться, помещение поплыло перед глазами, сменяясь темнотой.

А потом наступила тишина. Абсолютная.

Странное ощущение. Ни голосов, ни звуков, ни запахов. Словно всё вокруг разом исчезло: бар, люди, клиентка.

Адан попытался открыть глаза, но веки ни в какую не желали разлипаться. Когда наконец-то удалось, ничего ровным счётом не изменилось.

Темнота и тишина.

Он пошевелился, машинально касаясь руками всего, до чего смог дотянуться. Оказалось, что по-прежнему сидит на стуле, но стола рядом уже не было. Ни спереди, ни сбоку, ни сзади. Вместе с ним исчезли отсыревшая пачка и вставленная в неё зажигалка.

– Отлично...

Сигарет не жаль, а вот свет бы сейчас пригодился.

Голова болела. Не сильно, но ощутимо. Наверное, ударился, когда потерял сознание... Стоп! Что значит потерял сознание? С какой стати ему, здоровому тридцатилетнему мужику, падать в обморок?

Адан не успел придумать ответ: послышался неожиданно

громкий и чёткий звук. Словно в нижнем зале двигали стулья по деревянному полу. Кто? И почему в темноте? Может, не заметили, как он упал? Закрыли бар, посетители разошлись, а служащие заканчивают убираться вниз. Хотя нет, что значит не заметили? Не могли не заметить!

Гадать не имело смысла. Надо было как-то добраться до двери, а если она заперта – попытаться спуститься вниз, где наверняка найдётся чёрный выход. Адан встал, сделал несколько торопливых, неосторожных шагов и моментально налетел на что-то... судя по всему – стул. Тихо ругаясь, потёр ушибленное колено.

Снизу донёсся грохот, потом наступила тишина, и снова шум, будто на пол уронили что-то тяжёлое. Следом послышался звон разбитого стекла.

Адан на всякий случай вытянул руки и медленно пошёл вперёд. Где-то рядом находилась лестница. Он точно её видел, когда пришёл.

Свет вспыхнул в тот самый момент, когда Адан уже нащупал узкие металлические перила и почти шагнул вниз. Хорошо, не успел, иначе летел бы сейчас кубарем по лестнице, превратившейся из обычной в винтовую.

В первый миг тусклые лампы на стенах показали бьющими в глаза софитами, через несколько секунд их света было уже недостаточно, чтобы полноценно рассмотреть помещение. Но кое-что удалось заметить сразу.

Первый этаж располагался на широком балконе, с двумя

рядами круглых столиков и беспорядочно расставленными стульями. Барная стойка, за которой ещё несколько мгновений назад орудовал шустрый бармен, теперь терялась в темноте. Даже когда глаза привыкли, Адан не мог высмотреть её, как ни старался, и тогда глянул вниз.

Лестница была с краю, примерно посередине балкона, и спускалась к квадратному танцполу, в центре которого высилась, упираясь макушкой в потолок, искусственная пальма. Единственные яркие пятна – стойки внизу, в противоположных концах громадного зала: стекло, зеркала, гранёные бутылки с разноцветной жидкостью, наверняка спиртным – прямо искрились под слепящим светом ламп. А дальше – полумрак, где с трудом угадывалась мебель. Там явно кто-то был.

Торопливо спустившись, Адан остановился и огляделся. Он редко бывал в «Нольде» и всякий раз усаживался за столиком наверху. Считал, что нижний этаж – обычный, подвальный и потому душный и прокуренный. Теперь с удивлением отметил, что тут гораздо уютней.

Смущало, что бар был совершенно пуст. Ни персонала, ни посетителей. Хотя свет всё же включили, и в глубине между столиками точно кто-то шевелился.

Несколько секунд Адан простоял, соображая, как лучше поступить. Стоило вернуться наверх, отправиться домой, выспаться, а уже потом разбираться, что случилось. Может, даже заскочить к врачу. Обморок – достойная причина за-

думаться о здоровье. Сколько вообще времени он пролежал без сознания, раз все успели разойтись?

Адан собрался посмотреть на часы, но из полумрака снова раздался шорох. На этот раз движение сопровождалось чем-то похожим на вздох или тихий стон.

Адан затаил дыхание, пытаясь угадать направление звука, потом резко повернулся.

В нескольких шагах от него стояла девушка с растрёпанными тёмными волосами до плеч, в нелепо съехавшей набок светлой футболке и красных бриджах. Она замерла, словно боялась дышать. У Адана не получалось разглядеть её лицо, но вся поза и заметное напряжение в теле делали незнакомку похожей на зверька, которого застал врасплох хищник. Хищником он себя не считал, поэтому с улыбкой шагнул вперёд.

– Привет.

Глаза у неё оказались чёрные, блестящие и испуганные. Губы были плотно сжаты, будто она едва сдерживала крик. Адан понимал – одно неосторожное движение, и девушка сорвётся. Кто его знает, чем тогда всё обернётся. Мелкие зверьки в панике способны на удивительные вещи.

– Не знаешь, куда все подевались? – как можно дружелюбнее поинтересовался он.

– Все?.. А много вас здесь?

– Без понятия. Я был наверху. Потом свет погас, а теперь никого.

– Ты кто вообще?

– Я? – он задумчиво потёр переносицу. – Я Адан. Адан Свир, адвокат. А ты?

Она не успела ответить. За спиной послышался цокот каблучков.

– О, – произнёс женский голос. – А где же гости?

Адан обернулся. У второй девушки были длинные рыжие волосы. Светло-голубое платье едва доходило до колен, подчеркивая стройные ноги.

– Гости?.. Хотел бы я сам знать, где.

Отсутствие разумного объяснения начинало утомлять. Адан решительно направился обратно к лестнице.

– Уходишь? Ну и ладно! – донёсся вслед разочарованный возглас. – Нам больше достанется. Я – Роми, – это она, надо полагать, обращалась уже к девушке-зверьку. – Ты чем трагиваться предпочитаешь?

Не самый удачный вопрос. Адан представил, как без того бледное лицо от страха становится ещё блее, и всё-таки не удержался, оглянулся.

Девушка по-прежнему стояла в стороне. Казалось, за всё это время даже не пошевелилась. А рыжая, назвавшаяся Роми, уже по-хозяйски орудовала за стойкой, изучая этикетки на бутылках.

– Ну, что пить будешь? – она явно чувствовала себя, как дома, и ей хотелось праздника. Вот и прекрасно. Вот и пусть ищет подходы к испуганным зверькам.

Адан продолжил подниматься.

На втором этаже всё так же не хватало света, но где находилась дверь он помнил и мог найти и в темноте. Главное, не налететь на мебель и не расшибить себе лоб.

Что-то было не так. Адан остановился, не сделав и десяти шагов. Судорожно сглотнул, нахмурился. Что-то было... иначе?

Он скользнул взглядом по гладким деревянным стенам, по невразумительным картинам, расположенным там, где совсем недавно находились высокие окна и стеклянная дверь, сквозь которые виднелись светящиеся неоновые рекламные вывески. Снова – по столам, стульям... По выключенным светильникам на стенах. По каменному полу.

Всё здесь было другим. Чужим! То есть совсем. Словно Адан никогда здесь не бывал.

Разум радостно принялся подбрасывать подходящие случаю объяснения, но Адан уже понимал – себя не обмануть. Дело вовсе не в том, что он редко бывал в баре и не очень-то присматривался к обстановке. Не в том, что ударился головой, получил лёгкое сотрясение и дезориентацию.

Постояв ещё несколько секунд, он кинулся обратно вниз.

Роми всё-таки уболтала вторую девушку сесть, но не расслабиться: зверёк прислушивался к каждому звуку и настроенно оглянулся, едва Адан сбежал по ступенькам.

– Вот. Как ты просила, покрепче, – Роми поставила перед ней на стойку стакан, полный льда, плеснула в него янтарной жидкости. Себе намешала чего-то ярко-красного и те-

перь потягивала через трубочку: – Пробуй. Добавки всегда найдём.

– Спасибо, – буркнула девушка-зверёк. Послушно придвинула к себе коктейль, отпила. Морщась, вернула стакан на стойку.

– Бармен из меня никудышный, я предупредила. Но рука лёг... – Роми улыбнулась Адану: – О, ты вернулся. Решил присоединиться к нам? Молодец. А мы как раз...

– Послушайте, – перебил он. – Двери нет!

– Где – нет?..

– Там, – Адан махнул рукой в сторону лестницы.

– А раньше была?

– Была.

– Уверен?

– Вполне, – Адан усмехнулся, представив, как выглядит со стороны. Он бы тоже засомневался в собственной нормальности, будь сейчас на месте Роми. – Неважно. Наверное, где-то есть ещё одна. Должна быть. Как-то же мы сюда все вошли. Пойду поищу.

Он устремился вглубь бара. Ощущение, что что-то не так, что-то совершенно не так, только усиливалось.

– Не помню я никакой двери, – донеслось ему вслед. – А ты помнишь?

Что ответил зверёк, Адан не расслышал.

Рядом со второй стойкой обнаружилась кухня: шкафы, металлические столы, огромный холодильник в углу и ни ду-

ши. Чисто, тихо. Ничего интересного.

Он вернулся в зал и направился в противоположный конец мимо тихо беседующих девушек.

В этой части практически ничего не было видно, но слабого света от софитов танцпола хватило, чтобы разглядеть в полумраке две одинаковые двери. Одна вела в маленький коридорчик, где располагались туалеты. Вторая, находившаяся чуть в стороне, оказалась запертой.

Адан подёргал за широкую металлическую ручку – безрезультатно. С сожалением посмотрел на неё – прочная, из цельного дерева, такую плечом не вышибешь. Но зато дверь всё-таки нашлась. И даже не одна.

Он прислонился к стене. Зажмурился, сжимая пальцами виски. В отличие от пропавшего выхода на втором этаже его головная боль никуда не исчезла.

Даже если их троих случайно заперли в «Нольде», не заметили, когда остальные посетители разошлись, быстро всё убрали и ушли... куда, в таком случае, подевалась дверь наверху? Неужели и ремонт успели сделать? Ага, как же.

Оставалось найти запасной ключ или что-то, чем можно взломать замок на той двери, что имелась.

Он вернулся к стойке. Девушки продолжали переговариваться, точнее, говорила в основном Роми. Что-то рассказывала, широко улыбаясь и размахивая руками.

– Я – Мира, – неожиданно заговорил зверёк, обращаясь к Адану, когда он поравнялся с ними. – Ты помнишь, как

попал сюда?

– Да, – он кивнул и остановился.

– Из больницы?

– Из больницы?.. Нет, я приехал из офиса. Сидел наверху, когда... – Адан кивком указал на потолок, решив не упоминать обморок. – Потом погас свет.

– Понятно, – пробормотала Мира. Покрутила в руках пустой стакан, исподлобья взглянула на Роми. – А ты?

– Внутри я попала, как все нормальные люди – через дверь, – прищурившись, она пристально посмотрела на них. Хмыкнула с едва уловимым удивлением, пожалала плечами и вернулась к изучению бутылок на полке.

– То есть, у тебя есть ключ? – спросил Адан.

– Нет у меня никакого ключа, – Роми выбрала непрозрачную пузатую белого цвета, с пальмами на этикетке. Отпила прямо из горлышка. – Не веришь?

Он решил не тратить время на пререкания. Молча приподнял её сумочку и вытряхнул содержимое на стойку. Ключа там не оказалось.

– Доволен? – Роми сгребла всё со стола, запихала обратно. Развернулась, явно намереваясь сбежать.

– Не так быстро, – Адан схватил её за плечо раньше, чем она успела сделать хотя бы шаг.

Роми зло обернулась, не больше секунды смотрела в упор. Померещилось, что её глаза на мгновение изменили цвет, а лицо стало смуглее. Вроде бы, она даже что-то ответила,

Адан не успел разобрать – на него будто дохнуло ледяным холодом.

Ещё через миг Адан почувствовал, как парит в воздухе. Он нелепо взмахнул руками, попытался поднять голову, но не смог.

Яркий свет софитов на секунду вспыхнул и погас, сменяясь темнотой.

***

Мира застыла, вцепившись в стакан.

Симпатичный высокий парень, назвавшийся Аданом, едва коснулся плеча Способной и сразу же отлетел на несколько метров. И вдруг исчез. Совсем. Растворился прямо в воздухе.

Внутренний голос приказал бежать. Неважно куда, главное, как можно быстрее и дальше. Но Мира не смогла пошевелиться. Ноги будто налились свинцом, не желали слушаться, а мозг лихорадочно соображал. Она помнила, как вышла из больницы, как села в таксилёт. Кажется, собиралась ехать домой. А дальше – ничего. Пустота. Ни малейшего понятия, как очутилась здесь и где именно это «здесь».

– Дурацкий антураж. Не вижу смысла ломать комедию, – Способная пробежалась взглядом по стенам, по рядам бутылок на полках. Затем села на высокий стул, закинула ногу на ногу, локтём опёрлась о барную стойку. Улыбнулась как ни в чём ни бывало. – Мне очень жаль, что всё так...

Исходившую от неё угрозу улыбка замаскировать не могла.

– В каком смысле... жаль? – Мира судорожно вздохнула. Что этой рыжей дуре от неё понадобилось?

В Миере ходили разные слухи про делишки Способных, но чтобы те похищали обычных актарионцев, такого ещё не было. Да и смысл её похищать? Денег у Миры не водилось, богатых родственников, готовых заплатить выкуп, – тоже. Вернее, их не было вообще. Родителей Мира не знала, выросла в приюте на окраине Актариона. Ничем особым отличиться не успела, разве что подхватила неизвестный вирус, чуть не сдохла и проторчала в карантине последние пару месяцев. Может, в Актарионе началась Гражданская война?

– В смысле всегда жаль, когда оказываешься не готов к переменам. У тебя ведь есть жизнь? Там... – Способная неопределённо махнула рукой.

Мира отшатнулась и испуганно уставилась на неё.

– Куда ты его дела? – на всякий случай она сделала шаг назад.

– Кого?.. А-а-а! Не волнуйся, Адан к переменам готов.

Складывалось впечатление, что Способная специально говорит загадками.

– К каким ещё переменам? – разозлилась Мира.

– А ты не догадываешься? – вот теперь она, кажется, удивилась. – Откуда ты такая взялась?

– Не твоё дело! – Способная больше не пугала, лишь раз-

дражала с каждой секундой всё сильнее. – Имей в виду, мне плевать, что ты там умеешь...

– Сядь! – рявкнула та таким тоном, что Мира невольно попятилась. Не удержавшись, плюхнулась на стул. – До сих пор не понимаешь, где ты?

– А что я должна понимать? Кто ты вообще такая?

– Меня зовут Ромиль Эннавара. Сегодня я – зритель атради. Это тебе тоже ни о чём не говорит?

– Представь себе – нет. А должно?

Способная качнула головой.

– Нет. Но большинству – сказала бы, – она шумно выдохнула. – Фантастика. Ну почему повезло именно мне?

– А давай просто пойдём по домам и забудем обо всём, а? – Мира кивнула на лестницу. – Ты меня выпускаешь, я уйду, и все довольны.

Способная прищурилась, мгновенно очутилась рядом. Коснулась ладонью щеки Миры, прошептала:

– Так и будет. Так и будет...

Её обдало холодом. Ноги снова отказались держать, и в последний момент Мира почувствовала, что падает.

А потом словно кто-то резко выключил свет. Буквально через секунду, даже меньше, где-то наверху в крошечной темноте раздался взрыв.

Ещё через мгновение наступила тишина. Абсолютная.

Мира приподнялась на локте, огляделась. Бар исчез вместе со Способной, вокруг росла привычная ярко-розовая

трава. С оранжевого неба ослепительно светило голубое солнце. Сомнений не было, это Актарион. И вокруг газон, тот, что посреди многолюдной и шумной Центральной площади Миера.

Встать получилось далеко не с первого раза. Хотя «получилось» – понятие растяжимое. Едва Мира выпрямилась, как со всех сторон послышался протяжный вой сирен. Мужчины в красных комбинезонах – санитары Первой помощи – подхватили её под руки и практически силой уложили обратно на траву. Зачем-то принялись осматривать, ощупывать, что-то измерять приборами. Её вопросы либо не слышали, либо игнорировали, удивлённо перешёптываясь между собой. Наконец, рядом остался только один из них.

– Что случилось? – в десятый раз за последние две минуты спросила Мира.

– Тебе повезло, вот что случилось, – философски изрёк он, закрывая чемоданчик и поднимаясь с колен. – Хотя всё относительно.

Что санитар имел в виду, она не поняла, но уточнить не успела. Как только он отошёл, к ней подскочил худощавый мрачный полицейский и устроил допрос с пристрастием. Попытки объяснить, что она туго соображает и ничегошеньки не помнит, оставались без внимания. Но зато хотя бы удалось приблизительно понять, что же произошло.

Таксилёт, в котором она находилась, взорвался прямо в воздухе. Остатки рухнули в пруд в паре сотен метров отсю-

да, водитель погиб, а она не просто выжила, но совершенно не пострадала. Последнее обстоятельство очень беспокоило хмурого полицейского, о чём он неоднократно ей сообщил, щурясь и пристально вглядываясь в глаза.

Ну вот, ещё один Способный на её голову. Небось, пытается прочесть мысли. Напрасно. Мира действительно не знала, когда и как произошла авария. Помнила только бар, исчезнувшего адвоката и Способную с ярко-рыжими, как небо, волосами. Ни куда и откуда летела, ни зачем. Память словно отшибло.

Разговор пошёл по третьему кругу, когда полицейский потребовал никуда не уходить и переключился на немногочисленных свидетелей взрыва.

Мира зло плюхнулась обратно на траву и огляделась. Вокруг неё уже собралась толпа зевак, автолётки разных цветов и моделей бесшумной вереницей опускались на дорогу. Наверняка совсем скоро сюда притащатся журналисты.

Вот так вляпалась.

Что теперь делать – Мира не знала. По периметру газона уже выставили лазерное ограждение. Захочешь уйти, не выйдет. Только становиться звездой выпусков новостей в планы не входило, как, впрочем, проводить остаток жизни в тюрьме, доказывая, что хоть и не помнит ничего, но взрывать таксилёты – точно не её хобби. Может, рассказать им про бар, Способную и исчезнувшего адвоката? Нет, не поверят. Да и как объяснить, каким образом оказалась здесь –

на лужайке? Она ведь самая обычная актриса, никаких способностей к телепортации у неё отродясь не было. И где тот бар – тоже ни малейшего представления.

– Помощь нужна?

– Нужна, но на адвоката у меня нет денег, – Мира уставилась на светловолосого загорелого незнакомца в тёмно-серой футболке чёрных джинсах, непонятно, как и когда успевшего сесть рядом с ней на траву.

Он щурился и едва заметно улыбался.

– Я разве похож на адвоката?

– Неа, но раз сумел пройти ограждение, ты либо полицейский, либо адвокат. Либо Способный. Первые не носят джинсы, последние не предлагают таким, как я, помощь.

– Ну, Способные тоже бывают разные, – он подмигнул.

– Ага, сволочи и большие сволочи, – усмехнулась Мира, срывая травинку и засовывая кончик в рот.

Несколько секунд он, всё так же улыбаясь, пристально смотрел Мире в глаза. Потом покачал головой:

– Неужели ты решила изменить планы и стать звездой местных новостей? Или собираешься провести остаток жизни в тюрьме, доказывая, что взрывать таксилёты – точно не твоё хобби?

– Откуда ты?.. – Мира нахмурилась, осеклась. Ясно. Прочитал её мысли. Значит, всё-таки очередной Способный.

– Ты будешь душой, если не примешь мою помощь. Не думаешь же ты...

– Ты знаешь, что я думаю, – с досадой пожала плечами Мира. Собралась послать улыбчивого незнакомца подальше, но вдруг перехотела. Он почему-то больше не раздражал.

– Знаю. И что ты чувствуешь – тоже. Но у нас не так много времени на дискуссии.

– Разве? У меня теперь масса свободного времени.

– Ошибаешься, – из серых глаз исчезла ухмылка. – Но я могу помочь. Беседы будем вести потом. – Он замолчал, а Мира словно услышала невысказанное: если откажешься – помогу тебе без твоего согласия.

– Чертовски приятно иметь с вами дело. Всегда есть право выбора, – хмыкнула она и оглянулась.

Полицейские продолжали допрашивать свидетелей, остальные начали расходиться, понимая, что самое интересное закончилось. А вот для неё всё только начиналось. Или началось давно, но никак не хотело кончаться. Сейчас ответят в Управление, начнут допытываться, что, как, почему... Знать бы ещё, что на самом деле не виновата, но последние несколько часов жизни выглядели одним жирным прочерком.

Исчезнуть бы, переждать, а там видно будет.

– И как ты собираешься мне помогать? Втянешь в ещё большие неприятности? – Мира обернулась к незнакомцу.

– Идём, – он встал, протянул ей руку, предлагая подняться.

– Куда?

– Сначала к тебе. Возьмёшь вещи, одежду. Потом отведу к себе.

– Ладно, только... – Мира выразительно показала глазами на лазерное ограждение. – Я, как вы, сквозь стены и пространства не умею, – она сжала его ледяные пальцы.

– Не волнуйся на этот счёт, – он снова улыбнулся, потом, не выпуская её руку, подвёл Миру к самому ограждению. Спросил: – Готова? – не дожидаясь ответа, притянул к себе, обнял обеими руками, и... Меньше, чем через миг, они уже стояли перед знакомой входной дверью её квартиры.

– Очень оригинально. Спасибо, конечно, но сразу внутрь нельзя было?

– Можно. Но вторжение в частную собственность?.. – он театрально прищурился, покачал головой. – Не мой стиль.

– Ключей у меня всё равно нет.

Незнакомец положил руку на дверное полотно.

– Отсутствие ключей – поправимо.

Внутри что-то щёлкнуло, как будто раскрылся старый механический замок, которого здесь отродясь не было. Дверь с тихим шелестом уползла в сторону.

Мира почти вошла в холл, но в проёме остановилась.

– Может, подождёшь здесь?

– Боишься меня? – Темнота в квартире его, похоже, нимало не заботила. – Не стоит.

Мира не ответила, страх исчез сам собой. Она, не оборачиваясь, вошла в квартиру.

– Надеюсь, у тебя хотя бы имя есть.

– Конечно есть, – он зашёл следом, и дверь почти бесшумно закрылась. Неожиданно загорелся свет. Яркий, пронзительный.

Мира тут же зажмурилась, а когда открыла глаза, первое, что увидела – нахально-невозмутимую физиономию.

– Ллэр, – представился он. – А тебя как зовут?

– А то ты не знаешь, – фыркнула Мира. Надо же, вызвался помочь, пасётся безвылазно в её голове, а имя узнать не успел?

– Я не пасусь безвылазно в твоей голове, – хмыкнул он.

– Ага, заметно. Ладно, – она махнула рукой вправо: – Там кухня, но еды всё равно нет. Меня давно не было дома. Там, – Мира указала в противоположную сторону, – есть диван. Был, во всяком случае. Можешь сесть и подождать. Я быстро. Переоденусь, соберу вещи и... – Что случится с ней дальше, не было ни малейшего представления. Но сейчас это почему-то абсолютно не заботило.

Глава 2. Взрыв

– Господин Свир, – женский чуть с хрипотцой голос настойчиво повторил его имя.

Адан хотел пошевелиться – не вышло. Тогда он попытался открыть глаза, но и это оказалось непосильной задачей.

– Уже пятнадцать минут в отрубке, – откуда-то сбоку констатировал недовольный баритон.

– Лучше позвать врача, – предложил уже знакомый женский голос.

– Мне не нужны проблемы. – Рядом двинули стул. Донёсся шорох, и снова заговорил мужчина: – Поймите правильно. В баре полно народу. Если сюда приедет неотложка, то следом сунется полиция, и начнется переполох. Как вы наверняка догадываетесь, мне это совершенно ни к чему. Поэтому предлагаю отвезти вашего приятеля к врачу самостоятельно.

– Вообще-то, он – не мой приятель. Он – адвокат. Мы договорились встретиться, чтобы...

– Подробности меня не интересуют. Мои ребята помогут вынести его отсюда к вашей машине. Если не хотите связываться, пусть валяется здесь, пока не очухается. А потом выбирается сам.

– Но...

– Врача в моём баре не будет! – отрезал мужской голос. Послышался характерный звук шаркающих ног. Хлопнула

дверь, и шаги стихли.

Адан снова попытался пошевелиться. На этот раз успешно. Хотя и с огромным трудом, но удалось разлепить тяжёлые веки.

Первое, что он увидел – обеспокоенное лицо склонившейся над ним клиентки. Лиловое платье с закрытым воротом и яркий макияж подчеркивали бледность, придавая её коже какой-то неестественный, мёртвый оттенок.

– Господин Свир, – дрожащие губы скривились в вымученной улыбке. – Как хорошо, что вам лучше. Я уже не знала, что и думать, – она выпрямилась и прижала к груди сцепленные в замок пальцы.

Вместо ответа Адан благодарно улыбнулся. Осторожно приподнялся на локтях и огляделся.

Он лежал на небольшом сером диванчике у стены. Напротив него находился изогнутый металлический письменный стол и кресло с высокой спинкой тоже серого цвета. Окон не было, только пустые стены, выкрашенные под серебристый мрамор. Наверное, личный кабинет владельца.

– Господин Свир, как вы себя чувствуете? – клиентка заботливо коснулась его плеча, прерывая поток мыслей.

Адан растерянно перевёл на неё взгляд:

– Что со мной случилось? – каждое слово давалось с трудом, как будто он разучился разговаривать.

– Не знаю, – она покачала головой. – Когда я пришла, даже не сразу вас увидела. Потом заметила, как вы помахали

рукой. И вдруг покачнулись... Упали на пол. Я подбежала, попробовала привести вас в чувство, но бесполезно. Вы не реагировали, поэтому вас отнесли сюда.

Такого с ним никогда не было. Серьёзно болен или обычное переутомление? Хотелось надеяться, что последнее. В конце концов, он не железный. Столько работать без выходных. Надо будет обязательно заскочить как-нибудь к врачу. Всё же потеря сознания – достойная причина задуматься о здоровье...

Стоп.

Адан нахмурился. Стойкое дежавю усиливалось. Всё это уже было, не хватало только подозрительных девиц. Роми и... кажется, вторая представилась Мирой.

Может, они остались снаружи? Или всё ещё внизу, у стойки? Тогда откуда здесь клиентка? Ведь он же поднимался наверх, никого не обнаружил. Даже дверь исчезла.

Адан медленно сел, пытаясь вспомнить, что случилось. Неужели приснилось? Но он ведь не спал, а потерял сознание. Именно так, как рассказала клиентка – прямо за столиком. Почувствовал резкий запах. Потом точно пришёл в себя и вовсе не в этой комнате, а в баре. Было темно, затем почти сразу включили свет, и он смог спуститься на нижний этаж. А дальше...

– Если вам уже лучше, мы можем поговорить о моём деле?

– Деле?..

– Ну да, – неуверенно кивнула клиентка. – Помните,

утром, мы же договорились.

– Простите, – торопливо перебил Адан, поднимаясь с дивана. – В данный момент я вряд ли смогу вас внимательно выслушать. А тем более что-то дельное посоветовать. Давайте встретимся завтра. Или на следующей неделе. У меня в офисе или где пожелаете. Я вам позвоню. Извините.

Очутившись на улице, Адан пересёк дорогу и свернул за угол. Узкий переулок не освещался, и пешая прогулка в крошечной темноте сулила нежелательные последствия, особенно если он снова потеряет сознание. Но так было гораздо ближе до припаркованной машины, чем в обход. Адан точно помнил, что оставил кабриолёт где-то там: на перекрёстке Прогресса и Алгоритмов. Подальше от «Нольда», чтобы напрасно не рисковать, ведь последний визит в бар стоил разбитой фары и помятого капота.

С момента приезда сюда заметно похолодало. Теперь тонкая куртка едва спасала от порывов ветра. Зато головная боль исчезла вместе с непонятным запахом, преследовавшим в баре. А одно это уже огромный плюс. Осталось без приключений добраться до дома.

Через минуту Адан вышел на круглую площадь и огляделся. Белый кабриолёт с бордовыми сидениями стоял в паре метров от него. Он машинально сунул руку в карман, чтобы вытащить ключ, и громко чертыхнулся. Судорожно проверил куртку – ничего. Значит, оставил где-то в баре вместе с кошельком, документами, отсыревшими сигаретами и за-

жигалкой.

Без приключений не получалось.

Адан снова выругался. Возвращаться в «Нольд» не имело смысла. Вряд ли удастся отыскать хотя бы ключи, не говоря уже об остальном. Хорошо ещё, сотовый у него. Можно задействовать считывающее биометрическое устройство, чтобы получить доступ к навигации кабриолёта и войти в квартиру. А вот завтра вместо отдыха придётся заниматься восстановлением всех магнитных карточек.

Не открывая дверцу, Адан запрыгнул на сидение. Вытащил сотовый и по памяти набрал код для сканирования папиллярных узоров на пальце.

В этот момент на соседнее сидение кто-то сел.

Адан резко поднял голову:

– Ты?!

– Я, – кивнула Роми. Поёжилась, обхватывая плечи руками. Тонкое, открытое платье не подходило к сезону. – Холодно тут у вас. Крыша есть?

Как мило. Какого чёрта она делает в его машине? Их мимолётное знакомство в баре такого продолжения иметь не могло. Хотя...

Он нахмурился. Добрая половина из того, что Адан помнил о баре, казалось нелепым сном. Нет, не сном – бредом. Так, как было там, просто не бывает и быть не может. Но... Роми сидела рядом и вела себя так, словно они знакомы. Значит, где-то всё же встречались. И вроде бы в баре. По край-

ней мере, других встреч с ней Адан не помнил и на память до сегодняшнего вечера не жаловался.

Роми приветливо улыбнулась.

– Давай уже поедem куда-нибудь, где теплее, и там поговорим?

– Поговорим? – он выразительно оглядел её наряд. Ну да, конечно. Именно так одеваются хорошие девочки, а потом садятся в машину к незнакомым мужчинам, чтобы поговорить. – Я кошелёк в баре оставил. Всё ещё хочешь поговорить?

Она вскинула брови.

– Причём тут твой кошелёк?

– Сегодня работаешь бесплатно? Особая акция?

– Сегодня особенный день. Для тебя.

– Ага, – протянул Адан, ещё раз пытаюсь осмыслить всё, что произошло. Мозг по-прежнему отчаянно сопротивлялся, не желая принимать нелепые объяснения вместо жёстких законов логики и здравого смысла. Зато полуголая девица прекрасно вписывалась в сумасшедший вечер.

– Ну, так мы... – она осеклась, нахмурилась. На мгновение обернулась назад и снова заулыбалась. – Так и будем тут сидеть?

– А чего бы тебе хотелось? – притворно-сладким голосом поинтересовался он и мрачно уставился на сотовый, возвращаясь к прерванному занятию. Надо было как можно быстрее отделаться от неё и валить домой.

– Механическое тепло меня сейчас вполне устроит.

– Придётся поискать кого-нибудь другого, чтобы согреться.

– Послушай, мне не стоило так тебя выталкивать. Но ты схватил меня и...

Адан вспомнил, как изменилось её лицо, когда он попытался задержать Роми в баре. И практически почувствовал, как глаза округляются от изумления:

– Откуда выталкивать не стоило?

– Оттуда сюда. Обратно, – она нахмурилась, снова оглянулась. – Давай уже поедем?

– Куда поедем? – окончательно растерялся Адан.

– Подальше. Прямо, направо, куда угодно, главное – подальше отсюда. Я всё объясню позже.

Он покосился на неё. Перспектива «лети туда, не важно куда» совершенно не нравилась. Нет, чтобы сразу перейти к сути.

– Как скажешь.

Через несколько секунд кабриолёт завёлся. Каркас крыши автоматически распрямился, с тихим шуршанием натягивая прочную ткань сверху. Адан включил кондиционер и повернулся к Роми:

– Так куда лететь?

– Двигайся к самой дальней точке, на которую хватит заряда. И если можно, выбирай потоки погуще.

Легко сказать, «потоки погуще». После девяти вечера воз-

душное пространство Бэара похоже на пустыню. В какую бы сторону они не направились, на всех уровнях встретится пара-тройка машин, не больше. И то, если очень повезёт.

Адан кивнул на ремень безопасности:

– Пристегнись. – Когда кабриолёт плавно поднялся с парковки, Адан сверился с приборами. – Летать по городу мы можем минут десять, не больше. Потом закончится электричество, так что надо искать заправку. И лучше уже.

– Так ищи, – Роми застегнула ремень безопасности, озабоченно посмотрела вверх, по сторонам. – Что-то здесь не так. Я чувствую.

Не то слово не так. Адан сверился с показаниями бортового компьютера. Минут через восемь они окажутся на границе мегаполиса. Там, если память не изменяет, была заправка. А пока можно потратить время с пользой и попытаться хотя бы приблизительно понять, о чём речь.

– Надеюсь, у тебя есть кредитка, – Адан посмотрел на Роми. Перехватив недоумённый взгляд, пояснил: – Чтобы заполнить электричеством аккумулятор, нужны деньги. Забытый кошелек в «Нольде», к сожалению, правда.

– Кредитка... Это что?

– Кредитка – это кредитная карточка. Впервые слышишь о безналичном расчёте?

– Её надо будет куда-то вставлять?

– Очень смешно.

– Я не шучу. Я... никогда не была в вашем мире, не знаю

правил. А с людьми... Сложно. Если там будут автоматы, отсутствие кошелька не станет проблемой, – заявила Роми. – Человеческий мозг сложнее для манипуляций, у него выше сопротивляемость.

– Ясно, – Адан уже ни черта не понимал. Может, она просто чокнутая. Или накачалась какой-нибудь дрянью в баре. И его накачала, что многое объясняет. – Кстати, где твоя из бара подружка? Тоже ищет с кем-нибудь потоки погуще?

– Нет, – ответ прозвучал резко, отрывисто. – Мира мертва.

– Что значит мертва?! Как мертва?! – Адан, не моргая, уставился на Роми. В голове не укладывалось, что всё это происходит наяву. Он же видел Миру минут пятнадцать назад! Может, чуть больше. Когда она успела умереть? Неужели в баре, пока он приходил в себя наверху?

– Таксилёт вместе с ней взорвался и упал на землю.

– Что?..

Кабриолёт подозрительно тряхнуло. Приборы запищали снова, в этот раз истеричнее.

– Проклятые технари, понапихали дрянью всякой, изгадили все поля. Ни фига не чувствую, – процедила Роми сквозь зубы. – Ищи посадку!

– Чем, по-твоему, я занимаюсь? – сердито буркнул Адан.

– Если закончится заряд, что будет?

– Включится запасной гравитатор. Его хватит, чтобы найти безопасный сектор посадки, – он отключил автополёт, возвращая мануальный режим. – Только причина не в заря-

де. Здесь что-то другое.

Адан перевёл взгляд на монитор с правой стороны приборной панели и громко выругался – ничего. Мёртвый экран. Такого просто не могло быть. Всего неделю назад на рутинном техническом осмотре не обнаружилось никаких отклонений. Системы работали исправно, а сейчас отказали все и разом. Покатались, называется.

Пошёл дождь. Чёрное, затянутое тучами, небо не помогало сориентироваться и понять, где они находятся. Альтиметр показывал какую-то ерунду. Цифры хаотично скакали, датчики истошно пищали. Последняя надежда – аварийный навигатор.

Судя по ощущениям, кабриолёт уже не летел, а камнем падал вниз. Ещё пара секунд, и нелепый вечер закончится навсегда. Если гибель Миры – правда, их с Роми ждёт такая же судьба. Адан пристально посмотрел на неё. Она, вцепившись в сидение и глядя прямо перед собой, продолжала что-то бормотать.

Времени на раздумья не оставалось. Выпрыгнуть на ходу – их единственный способ спастись. Или верная смерть.

Он отстегнул ремень безопасности, затем крутанул руль вправо до отказа. Кабриолёт наклонило, и Адана прижало к оголённому плечу Роми. Адан машинально обнял её, притягивая. Невольно вдохнул слабый аромат с кислинкой, похожий на грейпфрут. Надо было что-то сказать. Как-то обнадёжить, но врать не хотелось.

Адан нащупал свободной рукой кнопку ремня на пассажирском кресле. Щелчок. Сейчас или уже никогда. Он дотянулся до рычага на дверце, потянул на себя. В ту же секунду почувствовал, как их вышвырнуло из салона. Короткое мгновение, и руки сами собой разжались. Роми кубарем полетела вниз. Адан – за ней. Воздуха не хватало, перед глазами всё кружилось. Снизу донесся треск и скрежет металла. Наверное, кабриолёт встретился с землей.

Адан зажмурился. Теперь их очередь.

Время застыло.

Ещё через мгновение Адан ощутил, как медленно проваливается в вязкую влажную массу. Какая-то доля секунды, и последовал удар, от которого перехватило дыхание.

Вот и всё. Конец.

Адан стиснул зубы, но ничего не произошло. Он всё ещё лежал на спине. Живой. Тогда Адан открыл глаза и попробовал пошевелиться. Отлично, ноги и руки слушались. Он осторожно приподнялся. Тупая боль постепенно утихала. Повезло – упали посреди поля. Размытый ливнями грунт превратился в жижу и, видимо, смягчил удар.

Рядом в небо взмыло яркое пламя, в воздухе невыносимо запахло гарью.

Адан посмотрел в противоположную сторону. Примерно в двадцати шагах от него лежала Роми. Как и он, приземлилась на спину. Платье задралось, обнажив перепачканные стройные ноги.

Только бы жива...

Пожар разгорался, тревожно потрескивая в тишине. Морозящий дождь ему ничуть не мешал. Но чего-то не хватало.

Адан машинально обернулся. Напрягся, сосредотачиваясь на том, что случилось. Всё правильно, не было взрыва. Значит... Он рванул к Роми, бросился на неё, сгребая в охапку и накрывая собой. Буквально в ту же секунду за спиной раздался оглушительный грохот. Слишком близко. Настолько, что спиной и затылком Адан почувствовал волну раскаленного воздуха. Сжал Роми крепче, практически вдавливая в землю. Выждал несколько секунд, медленно приподнял голову. Было темно. И холодно.

Роми под ним пошевелилась, открыла глаза.

– Нам повезло. Один шанс на миллион, – прошептал Адан, встречаясь с ней взглядом.

– Со мной они всегда возрастают, – заявила она. Не похоже, чтобы шутила. С самомнением у неё явно было всё в порядке.

Адан молча сполз в сторону. Сел прямо на земле, разглядывая промокшую и вымазанную в грязи одежду. Тело всё ещё ныло.

И что теперь? До ближайшей заправки оставалось меньше трёх минут полета. Значит, приблизительно километров шестьдесят. Вокруг – поля. Пешком, да ещё в таком виде, они не дойдут.

Он оглянулся назад и удивлённо сглотнул. Там должна бы-

ла гореть груды металла, которая несколько минут назад считалась его кабриолётом. Но её не было. Только темнота, тишина и дождь.

Какого?.. На какое ж расстояние их отбросило взрывной волной?

– Нам надо валить, – пробормотала Роми. – Как можно быстрее.

Адан вскинул голову. Она стояла чуть в стороне, босиком, утонув ступнями по щиколотку в грязи. Босоножки держала в правой руке, за застёжки. Казалось, на холод ей было плевать, её волновало что-то другое: Роми напряжённо вглядывалась вдаль. Туда, откуда они прилетели.

– Надо. Есть предложения, как?

– На взрыв кто-нибудь явится?

– Если сразу заметят, да. Но это вряд ли, – он осторожно поднялся с земли. – Мы упали слишком далеко от города, почти на границе Сферы.

– Хорошо живёте, раз можете себе позволить не заметить такой мега-бум. Что такое Сфера?

– Не важно, – Адан обречённо махнул рукой. Съязвил: – Про мобильную связь ты тоже не в курсе?

– В курсе. Но не пользуюсь.

Адан задумчиво оглядел её. Чокнутая или притворяется, особой роли не играло. Сам виноват. Надо было выставить из машины силой и отправляться домой. Сейчас бы лежал в тёплой ванне.

– Есть другие идеи, как будем выбираться отсюда?

– Вообще-то... – Роми бросила взгляд на свои босоножки, отшвырнула их в сторону. – Есть, – она достала из маленькой сумочки, по-прежнему болтавшейся на плече, два тонких металлических браслета и ловко застегнула один из них на своём запястье. – Давай руку.

– Что это? – с опаской поинтересовался Адан, непроизвольно делая шаг назад.

– Нужно соединить наши биополя.

Он в изумлении уставился на неё. Босая, в рваном, измазанном платье, с влажными волосами, которые сосульками свисали ей на лицо и грудь, Роми производила пугающее впечатление. И чего не послал её к чёрту сразу?

– Сначала объясни, кто ты такая и что тебе от меня нужно. Медленно, чётко, без фокусов.

– Иначе – что? – она смотрела ему прямо в глаза. Что-то в её взгляде притягивало. Какое-то необъяснимое бесстрашие, превосходство, уверенность.

– Кто ты и что тебе от меня нужно? – повторил Адан, еле сдерживаясь, чтобы не схватить за плечи и ненароком не сделать больно.

– Мне ничего не нужно, но тебе нужна я.

– Неужели?

– Я – атради! – выкрикнула она так, будто это всё объясняло.

– Оригинально, – Адан растерялся.

– Время идёт, – Роми помахала в воздухе вторым браслетом. – Надо спешить.

Кем бы она себя ни называла, она говорила искренне и явно верила в собственную необходимость, как будто только от неё зависит его дальнейшее благополучие.

Адан скрестил на груди руки.

– Я никуда не тороплюсь.

Она чуть запрокинула голову, выкрикнула что-то в небо на незнакомом языке. Явно выругалась. Затем топнула босой ногой, поднимая брызги, в бессильном жесте вскинула руки:

– И почему мне должно быть дело? Подыхай, раз так хочется.

Издалека донёсся громкий треск, словно кто-то тяжёлый прошёлся по тонким сухим веткам, которым неоткуда было здесь взяться: до ближайших деревьев — километры чавкающей грязи.

Ну вот, теперь ещё и галлюцинации. Адан окинул взглядом тёмное поле, развернулся и, не разбирая дороги, пошёл прочь.

Треск повторился, теперь уже ближе и напоминая электрические разряды. Следом ноги ощутили слабый толчок земли, как будто рядом упало что-то увесистое. Например, огромное дерево, что, конечно, вряд ли возможно. Или – ещё один кабриолёт, что точно так же маловероятно.

Адан остановился, оборачиваясь. Удивлённо моргнул – под ногами больше не было чавкающей жижи. Вместо неё –

сухая, в глубоких трещинах глина.

Так разве бывает?

Адан посмотрел на Роми. У неё за спиной, метрах в десяти, появились две тени, похожие на людей. Нечёткие, словно из плотного воздуха. Они на глазах обретали плотность, но всё ещё нельзя было понять, кем окажутся, когда преобразование завершится. Сумерки вокруг превращались в день, и свет, мягкий, молочно-белый, шёл из трещин под ногами.

Так не бывает, но так было.

– Дайте нам уйти, – проговорила Роми. Голос тоже изменился. Он словно дрожал, двоился, так же, как тогда, раньше – в последний момент перед тем, как она вытолкнула Адана из бара.

Тени не шелохнулись. От них так и веяло безразличием. Теперь не осталось сомнений, что они принадлежат людям. Высоким и худым. Огромным.

Роми встретила с Аданом взглядом и вдруг встала рядом, каким-то невысказанным образом преодолев разделявшее их расстояние.

– Совесть не позволяет, – она ловко защёлкнула второй браслет на его запястье, измазав грязью.

Тысяча мыслей и предположений одновременно родились в голове и рвались наружу вопросами. Но он не мог ничего сказать. Просто стоял и в изумлении гладел на происходящее.

Роми выпустила его запястье, сделала несколько шагов

спиной вперёд. Обернулась. Показалось, будто её кожа засияла – так мог бы искриться снег морозным утром, если бы снег был цвета меди. Она сама стала чуть выше, и даже рыжие волосы изменили цвет, потемнели. Или это просто так падал свет. Вытянула руки над головой, сложила ладонями вместе и что-то снова зашептала. Кончики пальцев окрасились в цвет пламени. По кистям вниз потекли жидкие оранжевые молнии. И сразу же запястье Адана словно сдавили раскалённые тиски. На браслете проступили бледно-зелёные символы: то ли мелкие витиеватые буквы, то ли рисунок.

Тени дрогнули, взмахнули чем-то похожим на длинные тонкие конечности. Адан пригнулся, машинально выставив перед собой руку с браслетом. Непонятные закорючки на нём вспыхнули ярче. А следом светлая, почти белая вспышка ослепила.

Последнее, что Адан запомнил – блестящее сюрреалистическое конфетти, медленно оседающее на сухую землю там, где только что стояли две тёмные фигуры.

Глава 3. Замок

Дурацкий день.

Несколько секунд Мира пристально смотрела на своё отражение в квадратике зеркала над раковиной. Бледная, растрёпанная, на щеке огромная ссадина, синяки под глазами. Красавица, ничего не скажешь. Документов нет, денег тоже. Весело. Интересно, сколько у неё в запасе времени. Час? Больше? Меньше?

Сейчас бы набрать горячую ванну, расслабиться на полчаса. Может, удастся привести мозги в порядок. Решить, что делать дальше. Ага, как же. Самое то, когда в прихожей топчется Ллэр. Симпатичный, но всё равно подозрительный. Он не был похож на обычных Способных Актариона.

Эти заносчивые твари ни за что в жизни не станут помогать тем, кого природа не наделила способностями читать мысли и шнырять по мирам.

Она потянулась к дверце встроенного шкафчика.

– Прости, но время на лирические отступления вышло. Ванна отменяется, – отражение Ллэра появилось в зеркале. – Равно как и прочие сборы. Нам надо уходить.

Так быстро? Мира не знала, спросила ли вслух или просто подумала, да и не важно. Он в любом случае «услышал».

Где-то внутри противно заныло. То самое нехорошее предчувствие, неоднократно появлявшееся за сегодняшний

день. По крайней мере, за ту часть, которую Мира помнила, пусть и смутно. Только настойчиво от него отмахивалась, убеждая себя, что у неё предчувствий быть не должно по определению. Просто очередные неприятности. Ну, может, чуть больше, чем обычно. А дальше... Как-то оно будет. Или уже не будет никак, в чём тоже есть свои плюсы.

Мира обернулась. Очень хотелось съязвить насчёт «предусмотрительности» Ллэра – разве стоило переноситься сюда, чтобы через пять минут уходить? Конечно, нет. Но она промолчала. Равнодушно пожала плечами:

– И куда теперь?

– Куда-то, где тебя не достанут, – он закрыл глаза, словно к чему-то прислушиваясь. Мира тоже напрягла слух, но за дверью не раздавалось ни звука. – Ты права, не надо было приводить тебя сюда, – быстрым, резким движением руки оттолкнул её от раковины, вжал в гладкую поверхность дальней от входа стены. – Не шевелись. Не дыши, если можешь.

Ллэр вернулся к двери, положил на неё правую ладонь. Показалось, что его пальцы немного утонули в пластике, и тут же она разлетелась, словно от взрыва, только бесшумно.

Пшик. Ни дыма, ни запаха гари, ни ударной волны.

Ничего подобного Мира никогда в жизни не видела. Закралась мысль, что новый знакомый – не просто Способный, а... Развить её Мира не успела. Кажется, Ллэр снова притянул к себе, а потом в глазах заплясали огоньки, голова закружилась.

– Я... – она не договорила, проваливаясь в темноту. Буквально через секунду та сменилась ярким светом, который слепил даже сквозь закрытые веки.

Мира глубоко вздохнула и открыла глаза. Из груди вырвался удивлённый возглас. Здесь всё было... наоборот: не голубое, а почему-то оранжевое солнце висело в зените не красного, а почему-то пронзительно синего неба и нещадно пекло. На него невозможно было смотреть. Больно, даже когда щуришься и прикрываешь лицо ладонью.

Мира, вытирая слёзы, отвернулась. Случайно задела щеку, отдернула руку и замерла. Мысли путались. Что случилось? Почему она здесь? Ах да, подозрительная авария, огороженная лужайка, полиция, таинственный незнакомец, взрыв...

Она не видела Лэра, но чувствовала – он рядом.

– Мог бы предупредить, куда собираешься меня тащить. Хотя бы солнечные очки прихватила, или предполагается, что в этом мире я должна сразу ослепнуть?

– Прекращай тарашиться на солнце, и сразу станет легче, – отозвался Лэр. Ослепительный свет заслонила тень. – Цела?

– К сожалению.

– Что ж так? – его тон выдавал ухмылку.

– Надеялся, что с поцелуями благодарности повисну на твоей шее? Не дождёшься, – Мира на всякий случай отступила назад, решаясь оглядеться.

На этот раз получилось: то ли она привыкла к яркому свету, то ли спасал заслоняющий солнце Ллэр, но глаза уже не так жгло. Зато злость с раздражением только увеличивались в размерах, заглушая страх.

Они стояли посреди аккуратно подстриженного газона необычайно яркого зелёного цвета, по бокам такие же кусты, за ними – деревца, а дальше – огромный замок.

Ничего подобного Мира не видела.

Она в недоумении перевела взгляд на Ллэра и только сейчас заметила – он изменился: одет в ту же серую футболку и тёмные джинсы, но его кожа стала светлее, а серые нахальные глаза потемнели. Складывалось впечатление, что ни жара, ни палящее солнце ничуть ему не мешали. Ллэр даже не щурился, как раньше – на лужайке в Актарионе. Прежнее сомнение, что он всего лишь обычный Способный, усилилось, а возможное объяснение было только одно.

– Ну и куда ты меня притащил? В свой мир познакомить с мамой?

– В свой мир – да... – Ллэр нахмурился. – Познакомить не выйдет. Моя мать очень давно умерла.

– Извини, – Мира уткнулась взглядом под ноги, осознав, что сморозила глупость. Однако дурацкая привычка язвить и постоянно защищаться, нападая, снова взяла вверх: – Хоть в этом мы с тобой похожи, – ляпнула она раньше, чем мозг снова приказал заткнуться.

Идиотка! В чужом мире, непонятно, что дальше. Где

спать, что есть, как жить, а она растопырила колючки. В конце концов, Ллэр ничего плохого ей не сделал. Наоборот, помог уйти от назойливой полиции. И пока не доказано обратное, лучше придерживаться именно этой версии. Возвращаться в Актарион сейчас желания не возникало, а для того чтобы вернуться потом, всё равно требуется его помощь.

– Это твой дом? – нарушила затянувшуюся паузу Мира, щурясь от солнца и кивая на каменную громадину за спиной Ллэра. – Пить хочется.

– Дом не мой. Дом моей семьи, – он хмыкнул, – но попить в нём на... – Ллэр осекся, глубоко вдохнул, как-то нервно, будто дышать ему стало непросто. И ещё раз. Зажмурился и одновременно сжал левую руку в кулак. – Какого...

Мира настороженно вглядывалась в его лицо. Не похоже, что притворяется. Только этого не хватало. Задохнется сейчас, и что делать? Она мысленно прикинула, как быстро добежит до замка и обратно. Не успеет. Там, конечно, «обрадуются» и обвинят опять её. В итоге будет почти, как если бы осталась на лужайке в Актарионе, а не шлялась по мирам.

– Не волнуйся, я не подыхаю, – Ллэр снова ответил на невысказанные мысли, значит, снова влез к ней в голову. – Пока ещё нет, – он схватил её за запястье, резко притянул к себе. – Попить будет позже.

Мира едва успела заметить, что на его руках странным узором начали проступать вены. Станным – потому что сосуды будто засветились, словно кровь в жилах текла искря-

щаяся, зелёная. Потом вновь на мгновение наступила темнота, а после солнечный день уступил место дождливой ночи.

– Твою мать! – Ллэр выпустил Миру, бросился куда-то.

Она шагнула следом, почувствовала, что проваливается и уже приготовилась падать, терять сознание, ничего не видеть или, наоборот, снова поджариваться на жутком солнцепёке – ко всему, чем занималась в последние полчаса, и даже хуже. Но на удивление ничего не случилось. Почти ничего – только ноги сами собой поехали вперёд, а Мира потеряла равновесие и грохнулась на спину, утопая в чём-то мокром, вязком и ужасно холодном.

– Какого!.. – она задержала дыхание, прислушалась.

Сбоку донеслось неразборчивое бормотание и подозрительное потрескивание. Мира вскочила, оглядываясь. Замечательно, лучше не бывает.

«Что-то» оказалось жидкой грязью в неглубокой яме посреди бескрайнего поля, куда её угораздило свалиться. Над головой – чёрное небо в зеленоватых разводах, чуть дальше Ллэр возился с девушкой. То ли пытался привести в чувство, то ли хотел убедиться, что она мертва.

Мира снова огляделась, убеждаясь, что кроме них на поле ни души. Попыталась стереть вонючую жижу с одежды, но не тут-то было. Брюки покрылись ровненьким липким слоем, от которого уже не избавиться, босоножек не видно, потому что ноги увязли по щиколотки, а как она сейчас выглядит со стороны, лучше не представлять.

Бормоча ругательства, Мира стянула перепачканную футболку, отыскала чистый кусочек и кое-как вытерла им руки и лицо. Надевать её обратно – безумие. Она без сожаления швырнула одежду на землю, зябко поежилась. В одном лифчике и мокрых штанах долго не протянет, лучше уж обратно на солнышко.

Мира осторожно, чтобы не поскользнуться, направилась к Ллэру. Может, он и оживлять умеет? Хорошо бы, если так. В крайнем случае, если она околеет, вернёт её в какой-нибудь дерьмовый мир обратно.

Ллэр продолжал возиться с мёртвой: левой рукой сжимал её запястье, словно щупал пульс, а правой...

Правая рука Ллэра лежала на лбу той самой рыжей девицы из бара.

Резкий порыв холодного ветра вынудил Миру проглотить ругательство.

– Это же...

В следующий миг Ллэр, не поднимаясь с земли, обернулся, в странном жесте вскинул левую руку к Мире, будто хотел дотянуться до её горла. Виски кольнула острая боль и отпустила.

Она такое уже видела! В баре за миг до того, как тот парень... адвокат – Адан, кажется, – исчез.

– Чёрт, ты же не местная, – Ллэр снова повернулся к рыжей девице, подхватил её на руки.

Имя крутилось на языке. Роми, вспомнила Мира. Точно.

Ромиль. Ромиль Эна... как-то там непроизносимо дальше.

– Возьмись за меня, если не хочешь помереть в этом проклятом месте, – сухо бросил Ллэр.

– У тебя просто редкий дар убеждения, – огрызнулась она, но всё же послушно ухватилась за его предплечье. Умирать в грязи от холода совсем не хотелось.

И снова наступила крошечная тьма. Мира её скорее почувствовала, чем увидела. Через мгновение они стояли во все не на поляне под палящим оранжевым солнцем, но Мира почему-то не сомневалась – они перенеслись в тот же самый мир, только сразу в гигантский замок, который она уже видела. Дом семьи, как назвал его Ллэр. Неужели наглая рыжая – его родственница?

Едва в глазах прояснилось, Мира отпустила Ллэра, и он молча зашагал прочь, оставляя на светло-сером ковре грязные следы. Мира опешила. Захотелось отстать, потеряться в широченных каменных коридорах. Пусть Ллэр побеспокоится. Но что-то подсказывало – не станет. Ни искать её, ни, тем более, беспокоиться. А в таком виде, как у неё, чревато, если найдёт кто-то другой. Нет уж! На сегодня приключений хватает. Судьбу она испытает как-нибудь в другой раз.

С вынужденной покорностью пришлось броситься вдогонку за Ллэром. Пусть разберётся с этой своей Ромиль, кем бы она ему ни приходилась, а потом придётся или возвращать домой, или показывать, где и что в этом лабиринте делать.

Коридор казался бесконечным и однообразным. Серо-зелёные каменные стены, серый однотонный мягкий ковёр, полностью скрывающий пол, в тон стенам светло-фисташковые тяжёлые шторы. Света, что пробивался сквозь них, едва хватало, чтобы угадать: за ними скрываются гигантские окна. Белые капли бра, плафоны плоских люстр из какого-то прозрачного камня под самым потолком. Ряд двустворчатых дверей через каждые метров тридцать. Как можно ориентироваться, где чья комната, когда двери абсолютно одинаковые, Мира не представляла.

Какого чёрта она вообще здесь делает? Смысла во всём, что так неожиданно всплыло в памяти, больше не стало. По-прежнему отсутствовал кусок событий. Небольшой, но очень важный, без которого даже не стоит просить вернуть её домой.

Мира помнила всё, что было до бара. Всё, что случилось внутри, но не хватало самого главного – когда и зачем она села в таксилёт. А ещё вспомнился тот незнакомец из бара. Интересно, куда эта полумертвая рыжая дура его дела? Что-то там говорила про готовность к переменам и особенный день. Три раза ха! Вот уж кто оказался к ним не готов, так это сама Роми, раз чуть не умерла.

Шли недолго, но за это время не встретили ни души. Наконец Ллэр остановился.

– Алэй! – крикнул он и замолчал, прислушиваясь.

– Может, наплюешь на свой стиль и вторгнешься в част-

ную собственность? – хмыкнула Мира, кивнув на безжизненно свисающие руки Ромиль. – Если, конечно, ты её спасти, а не угробить собираешься.

– Ты не понимаешь, о чём говоришь, – зло огрызнулся Ллэр. – Алэй! – он пнул дверь ногой. Ещё раз и ещё, будто нарочно ударяя в новое место и оставляя грязный след. – Ладно, – кивнул на ручку. – Тяни. Тут не заперто.

Он оказался прав. Дверь открылась легко, не пришлось прилагать ни малейших усилий.

– Ты неподражаем, – ухмыльнулась Мира. Посторонилась, чтобы его пропустить. – Прошу, понимающий.

Ллэр шагнул в комнату, не оборачиваясь, спросил:

– И в чём это выражается в данном случае? – ответа он не ждал, уверенно углубился в тёмную комнату.

Мира направилась следом. Она не ожидала увидеть ничего конкретного, но просторная комната поражала воображение размерами. В ней почти не было мебели, только необходимый минимум: широкая кровать в огромном эркере, несколько низких шкафов, комод, круглый столик, три высоких кресла вокруг, стеллажи с книгами. Никакой техники. По крайней мере видимой. Полный бардак стилей, выдержана только цветовая гамма – коричнево-бежевая.

В правом, дальнем от входа, углу виднелась ещё одна дверь.

– Снова будем ломиться или как?

– Или как, – Ллэр бережно уложил Роми на постель, при-

поднял и закрепил тесёмкой одну половинку шторы. Присел рядом на корточки, положил руку на лоб Роми, вздохнул чуть слышно.

– Боже, какие нежности, – фыркнула Мира, отворачиваясь. Покрутила головой в поисках, куда бы приткнуться. В итоге уселась прямо на ковёр, скрестив ноги, поближе к двери. Аккуратно собрала свисающие безобразными сосульками волосы в хвост, скрутила их пучком на макушке. Испачканные в грязи пальцы, недолго думая, вытерла о мокрые штаны. – Кем тебе приходится эта чокнутая? Сестра, невеста? Или хуже? – спросила она, не особо надеясь на ответ.

– Хуже – это кто? – Ллэр обернулся.

– Бывшая.

– Эм-м... Всё несколько сложнее, – он поднял остальные занавески, теперь Роми будто купалась в солнце, но светлее от этого в комнате не стало. – Пойдём отсюда, пока...

– Что ты здесь забыл? – послышался недовольный мужской голос.

– ...нас не застали, – закончил Ллэр, встал. Посмотрел на Миру, удивлённо вскинул брови, словно только сейчас заметил её вид. Ответил, обращаясь не к ней: – Она могла умереть.

У Миры никак не получалось разглядеть со своего места, с кем он разговаривает. Возможно, собеседник был невысок ростом, а обзор закрывала спинка кресла. Она только заметила, что дверь в углу комнаты открыта и оттуда льётся при-

глушённый свет.

– Она?.. – Вероятно, это и был Алэй, если слово, которое выкрикивал Ллэр, колотя в дверь, означало имя.

– Рэм. Ей нужно наше солнце. Много солнца. Я не хотел оставлять её одну.

– И поэтому ты явился сюда?

– Поэтому я принёс её сюда, – Ллэр наконец-то повернулся к своему собеседнику.

Раздалось тихое жужжание, и Мира с удивлением поняла, почему не могла никого увидеть: мужчина сидел в инвалидном кресле. Он подъехал к эркеру. Достаточно близко, но свет из окна падал так, что, сидя на полу, Мира не могла толком разглядеть его лицо. Да и он её словно не замечал.

– Что ты с ней сделал?

– Не я, – Ллэр посторонился.

– Значит, твоя затея.

– Нет.

– Врёшь.

Мире показалось, что Ллэр скрипнул зубами.

– Рэм очутилась не в том месте не в то время. Так бывает, Алэй.

– Рядом с тобой – постоянно.

Ллэр сжал кулаки, посмотрел на Миру. Процедил, обращаясь снова не к ней:

– Тебе лучше всех известно, к чему может привести альтруизм Рэм.

Алэй ответил почти шёпотом:

– Это была твоя идея.

Несколько бесконечных секунд они молчали. Потом Ллэр так же тихо заговорил:

– Я знаю, как всё исправить.

– Всё? – в тоне отчетливо слышались недоверие и насмешка. – Уходи. Я позабочусь о Роми. А ты – уходи. Твоей спутнице необходим душ, – Алэй обернулся к Мире. Свет бил ему в спину, по-прежнему пряча лицо. – Прошу прощения за негостепримство.

Понять по голосу, издевается он или говорит серьёзно, у неё не получилось.

– Перебыюсь, – пробормотала она, посмотрела снизу-вверх на Ллэра. – Пойдём?

Тот молча кивнул, протянул руку, помогая встать.

У двери Мира всё-таки не удержалась, обернулась. Удивлённо моргнула.

Пусть волосы у Алэя были светло-русые. И длинные, стянутые в растрёпанный хвост. Пусть глаза, наоборот, темнее, чем у Ллэра, но такие же серые. И такие же ямочки на щеках. Они угадывались, хотя едва ли можно было сказать, что Алэй улыбался сейчас.

Эти двое не были близнецами, но сходство потрясало, и одно Мира поняла точно – мгновением раньше Алэй над ней не издевался. Только желания просить прощения за хамство всё равно не прибавилось. Их проблемы, они одна семья, на-

верное, братья, раз так похожи. Вот и пусть разбираются сами. Да и было бы из-за кого – Роми достойной причиной конфликта не выглядела.

Мира выдернула руку, отступила назад и отвернулась. Ллэр тут же схватил её за локоть. Она подумала, что сейчас они снова переместятся, но он лишь бесцеремонно подтолкнул к двери. Уже распахнув, остановился на пороге:

– Как очнётся, дашь таблетку. У неё будет болеть голова.

Алэй промолчал.

– А у меня будет болеть рука, – прошипела Мира, выходя первой в огромный коридор. Обернулась, останавливаясь и вынуждая замереть Ллэра. – Ну что? Будем страшно зыркать глазищами и хватать за горло или сначала сходим куда-нибудь, где тебя не выставят? Переодеться мне бы тоже не помешало, кстати. И вымыться.

– Вымыться и переодеться мы и идём, – буркнул он, отпуская локоть. – Я что, зыркаю на тебя глазищами?

– Ты на всех зыркаешь. Добрый очень, наверное. Вот она тебя и бросила.

– Я не добрый, – Ллэр одарил многозначительной улыбкой. – Но если будет болеть – вылечу, – он махнул рукой в коридор. – Продолжим?

– После тебя, – Мира с издёвкой склонилась в поклоне, пропуская его вперёд. – С вашими расстояниями обидно ошибиться на пару километров, а потом возвращаться.

– Сама ты не догадаешься и не найдёшь. Замок... как

бы так сказать... многомерный. Перенестись внутри не получится. Он стабильный только снаружи и по части планировки комнат. А что касается коридоров... Здесь самый короткий путь из точки А в точку Б – не прямая, а совокупность коротких отрезков, находящихся под разными, постоянно меняющимися друг к другу углами.

Мира не представляла, что он имеет в виду, но уточнять не собиралась. Ей тут не жить, какая разница, какими отрезками ходить?

Минут через пятнадцать выяснилось, что разница есть и огромная. Мозг совсем разморило от усталости, когда они упёрлись в широкие каменные ступени. От неожиданности Мира замерла.

Вправо и влево убегали зеркально одинаковые коридоры, только стены в них выглядели светло-синими, ковёр – почти чёрным, шторы, кажется, голубыми. Бесконечный зелёный проход за спиной никуда не исчез, а перед глазами уходил вверх длинный, широкий пролёт. Он заканчивался не очень большой площадкой с гигантским окном, оттуда два узких ряда ступенек поднимались впритык к стенам, и два точно таких же вели вниз до следующей площадки, после которой лестница вновь соединялась.

Ллэр повёл её вниз.

Широкие ступени застилал всё тот же мягкий ковёр, что и в коридоре. Постепенно он становился темнее, пока на другом этаже не превратился из серого в чёрный.

Спускаться довелось всего на один этаж. И снова коридоры.

Вскоре Мира просто потеряла счёт анфиладам, аркам, переходам, дверям, винтовым лестницам. Возникло ощущение, что стены движутся одновременно с ними, только в противоположную сторону.

В какой-то момент Ллэр выругался, буркнул, будто бы извиняясь:

– Это я и имел в виду. Сегодня до моей комнаты может быть двадцать метров – завтра километр.

И свернул за очередной поворот.

Мира покорно пошла следом. Она уже несколько раз собиралась высказать всё, что думает об уютном, просторном, даже красивом, но слишком непрактичном и громадном замке. И о пеших прогулках на расстояния, которые нормальные люди покрывают на таксилётах, но строил явно не Ллэр. Быстрее они не дойдут, а на спор ни о чём не оставалось сил.

– Когда придём, с тебя массаж. Или будешь таскать меня на руках, – не выдержала Мира, распрощавшись с очередной иллюзией, что этот поворот – последний.

И тут они наконец остановились.

– Пришли.

Комната была почти отражением комнаты Алэя. Тоже огромная, с одним окном-эркером, камином, дверью в правом углу. Кровать стояла там же, как и письменный стол. Зато был диван и шкафов с книгами – намного больше, как

и беспорядка. Чуть ли не на каждом свободном сантиметре что-нибудь да лежало. В основном, бумаги. Не диски, не кристаллы с записями, а распечатки, ксерокопии, схемы, чертежи, карандашные рисунки, журналы, вырезки. Просто скомканные листы или разодранные на одинаковые тонкие полоски. Раскрытые бумажные книги были разбросаны везде: на креслах, на стульях, на кровати и даже на полу. Где не было книг, там валялись чашки или какие-то фигурки, куколки, пирамидки. Мира заметила даже одинокий, несчастный кактус на каминной полке и череп, похожий на человеческий, из глазниц которого торчали карандаши.

– Постарайся ничего не трогать.

– Ой, можно подумать ты заметишь в этом бардаке, – отмахнулась Мира. – Так, сначала попить.

Ллэр склонился к тумбе у письменного стола, звякнули стаканы, потом раздалось бульканье, и по комнате разлетелся кисло-сладкий аромат. Ллэр снова выпрямился, держа в руках два высоких стакана, наполненных светло-лимонной жидкостью.

– Никакого алкоголя, – он протянул один ей. – Но всё равно не спеши.

Не слушая, Мира жадно глотнула. Горло тут же обожгло ледяным холодом. Отдышавшись, следующий глоток она сделала уже медленней.

– Вкусно, – Мира опустила недопитый стакан на стол, чуть сдвинув в сторону исписанные от руки листы. Торопливо

стянула перепачканные в успевшей засохнуть грязи брюки. – Ванна где?

– Там, – Ллэр кивнул на дверь в углу. – Любые полотенца, которые висят – чистые. Те, что на полу... – он развёл руками. – Всё, что в бутылочках на белой полке – можно и на голову, и... – он ухмыльнулся, – не на голову.

– А знаешь, у тебя почти получается быть милым, – хмыкнула Мира, швыряя брюки с босоножками на пол. Что с ними делать, разберётся потом. Вдруг у него не найдётся для неё одежды, и придётся напяливать обратно.

За дверью оказалась совсем не ванная, а спальня. Неожиданно маленькая и светлая. Наверное, когда-то давно стены были совсем белыми, а может, так и задумывалось – смесь серого и слоновой кости. Мебели ещё меньше, чем в предыдущей комнате. Широкая кровать стояла впритык к огромному, чуть ли не во всю стену, занавешенному плотным тюлем окну. Сероватое бельё, явно несвежее, валялось скомканным, несколько квадратных подушек, четыре или даже больше, были грудой свалены в изголовье. С правой стороны – встроенный длинный шкаф без зеркал, напротив него – деревянная светло-серая дверь.

Ванная обнаружилась за ней. Вполне обычная, небольшая, светлая, почти как дома. Только разбросанных по полу полотенец было гораздо больше. У Миры столько просто не нашлось бы. Она равнодушно прошла мимо ванны, прихватив с собой чистое полотенце и первую попавшуюся буты-

лочку с полки над раковиной. Заглянула в душевую кабинку, деловито покрутила краны. Не сразу, но потекла вода. На удивление, прозрачная, а не какая-нибудь... Например, красная.

Стянув нижнее бельё, Мира забралась под тёплые струи, с наслаждением закрыла глаза.

Невероятно. Пару минут назад казалось, что она вот-вот упадёт от усталости, а теперь как будто только что проснулась после крепкого сна.

Халата в ванной не нашлось и, выбравшись из душа, Мира решила ограничиться полотенцем. Когда она вернулась в гостиную, Лэр сидел за письменным столом и, хмурясь, что-то читал. Даже не посмотрел в её сторону и будто бы даже не заметил. Это вполне устраивало.

Мира забрала оставленный на столике лимонад, неторопливо прошлась по комнате, скользнула взглядом по книгам на полках, подошла к окну. Ничего нового в нём не увидела: зелёные лужайки, сочная травка, высокие деревья и яркое солнце, мешавшее любоваться пейзажем. Как они тут только все не ослепли. И вообще какие-то помешанные на солнечном свете.

Она вернулась к дивану, небрежно отодвинула пару валявшихся там книг и плюхнулась, с наслаждением вытягивая голые ноги. Сделала ещё один глоток, причмокнула от удовольствия. Надо же, из всех возможных вкусов он выбрал именно цитрусовый, её любимый.

Ллэр оторвался от чтения.

– Уже? Быстро, – он сложил листки стопкой, сунул в ящик стола.

– Угу, – Мира закрыла глаза, откинулась на мягкий подлокотник.

Скрипнул стул, хлопнула дверь. Видимо, Ллэр тоже пошёл в душ.

Мира приподнялась на локте, огляделась, удивлённо хмыкнула. Надо же, оставил её одну со всем своим барахлом, не побоялся. Она снова откинулась назад. Внутренняя борьба заняла совсем ничего – через мгновение, опустив стакан прямо на ковёр, Мира вскочила с дивана. Поправила чуть не слетевшее полотенце и двинулась к заваленному столу. Стараясь не шуметь, выдвинула ящик. Бумаги оказались на незнакомом языке. Как, впрочем, и всё остальное, что попало под руку. Книги тоже. Часть, кажется, была написана на разных языках. Учёный он, что ли?

Мира вернулась на диван, улеглась, закрыла глаза. Интересно, сколько предстоит тут проторчать? Хотя повезло, что здесь, а не на каком-нибудь вонючем поле ночью. Всегда может быть хуже. За свою недолгую жизнь эту простую истину Мира успела не только хорошенько выучить, но и проверить опытным путем.

Через некоторое время опять хлопнула дверь.

– Два варианта, – заявил Ллэр с порога. – Или ты упаковываешься обратно в свою одежду, или могу выдать джинсы

и футболку не по размеру.

Видимо, суточный лимит любезности закончился.

Мира села, пристально посмотрела в серые ухмыляющиеся глаза. Опустила взгляд на брошенные на полу грязные брюки, возле которых стоял Ллэр, снова посмотрела на него. Выбирать долго не пришлось.

– Упаковываюсь в твои джинсы и футболку.

– Тогда идём, – он скрылся в комнате.

Мира послушно потопала следом. В спальне остановилась, прислонилась к стене, наблюдая, как Ллэр открывает огромный шкаф.

Он достал синие джинсы, бросил взгляд на неё и, ещё немного покопавшись, вытащил футболку и рубашку. Протянул их Мире.

– Пробуй. Если не подойдёт, можешь порыться сама, – он направился к выходу. Потом вдруг остановился, не оборачиваясь, сказал: – Она меня не бросала.

И плотно закрыл дверь с другой стороны.

– Ага, конечно. Поэтому тебя так клинит, – пробурчала Мира. – Но это твои проблемы.

Джинсы, естественно, были велики размера на два, но с помощью ремня кое-как удалось закрепить их на бёдрах. С футболкой Мира возиться не стала, просто надела ту, что выбрал Ллэр, а рубашку завязала узлом на поясе. Оглядела себя в зеркало.

– Ну... Зато живая.

Глава 4. Гости

Дверной звонок истерично заикался вот уже несколько минут. Кому-то очень хотелось, чтобы на него обратили внимание: терпение, с которым ломились в дом, явно говорило, что на «никого нет» гость не купится и просто так не уйдёт.

Адан со стоном приподнял голову с подушки. В третий раз попытался сесть и даже успешно. Мягкий свет ночника автоматически загорелся над изголовьем кровати. На часах – почти полночь. Какого хрена?..

Он собирался завалиться обратно на постель, но гость снова напомнил о себе.

Бормоча проклятия, Адан медленно поднялся. Шатаясь, сумел дойти до гостиной. Голова раскалывалась и отказывалась соображать, но справиться с замком, хоть и не сразу, у него получилось.

– Что... – он не договорил. Изумлённо уставился на ночную гостью. Девушка в болтающихся джинсах, с глубокой ссадиной на правой щеке сейчас мало чем напоминала напуганного зверька из бара, но это была она. Мира. – Ты?! – в один голос с ней воскликнул Адан.

– Она. И я, хотя мы не знакомы, – рядом нарисовался молодой человек в тёмных джинсах и чёрной футболке.

– Но как? Роми же сказала... ты же... Ты погибла, – Адан нахмурился. Вспомнить подробности не получалось. – Раз-

билась.

– Как видишь, обошлось, – незнакомец не дал ей и слова сказать. – Мы можем войти?

Пару секунд Адан переводил взгляд с него на неё и обратно. Выходило, что девушка-зверёк действительно жива, а Роми ему соврала. Зачем? И вообще, что им всем от него нужно?

Разговаривать было больно. Думать – ещё больнее, поэтому он подумает обо всём потом. Завтра. Или позже. Сейчас надо отоспаться и прийти в себя.

– Не можете, – Адан блокировал дверь, а заодно отключил звонок и пошёл обратно в спальню.

За спиной послышалось гудение, раздался щелчок, а следом – шелест отъезжающей в сторону панели.

– Нет так нет, – заявил болтливый незнакомец. – Но мы всё равно войдём.

Адан обернулся, встретился с ним взглядом. Не то чтобы разозлился. Скорее, удивился. А ещё осознал, что окончательно проснулся. Правда, чувствовать лучше от этого не стал, но зато хотя бы вспомнил. Всё или почти всё – трудно предположить, какого-то звена не хватает или, наоборот, лишнее, когда вся цепочка событий пережитого накануне не дружит с логикой.

– Что эта рыжая дура обо мне сказала?! Что я разбилась?! Да сама она разбилась! Особенный день, видите ли. У неё он был точно особенный. Если бы не мы... не он, то есть. Ллэр

её спас, – Мира кивнула на своего спутника, меньше всего похожего на человека, который стал бы кого-то спасать. – Эта чокнутая едва не подохла в грязи на поле.

– На поле, значит, – машинально повторил Адан, задумчиво потирая переносицу.

Правильно, на поле. Где же ещё? Именно там он видел Роми в последний раз. Сначала они куда-то летели, потом отказали приборы, кабриолёт упал, но они выжили. Потом... потом творилось что-то, что разум объяснять отказывался. А дальше... Последнее, что Адан помнил – огромная сиреневая луна. За секунду до этого – яркий зелёный свет от...

Он бросил взгляд на левое запястье – конечно, браслет. Свет на поле шёл от него. А вот каким образом Адан оказался в своей квартире, по-прежнему оставалось тайной. И что случилось потом – тоже. В памяти всё ещё наблюдались серьёзные провалы. Наверное, последствия падения. Но как-то он всё же вернулся домой, вымылся и даже переоделся.

– Так вы знакомы? – Мира спрашивала не у него, а у своего спутника.

Тот покачал головой:

– Нет. Нам просто надо поговорить. Про поле, – он пристально посмотрел на Адана. – Я, кстати, Ллэр.

– Ясно, – Адан кивнул. Снова нахмурился. – Где Роми? Она в порядке?

– Будет в порядке. Скоро.

Мира выразительно закатила глаза.

– Ты что? Тоже за неё переживаешь? После того, как в баре тебя... – она запнулась. Видимо, не смогла подобрать подходящего слова, но Адан словно услышал те варианты, которые крутились у неё на языке. – Ну понятно. Теперь хоть ясно, зачем ты меня сюда притащил, – Мира развернулась к своему спутнику. Громко хмыкнула и направилась в сторону кухни.

– Что вообще происходит? – Адан в недоумении посмотрел на Ллэра, от которого словно повеяло холодком, как будто оба стояли на сквозняке.

– Могу попытаться объяснить, если ты готов слушать.

Адан взгляделся в серые ухмыляющиеся глаза.

– Как будто у меня есть выбор, – он пожал плечами и прошёл в гостиную. Приблизился к окну. Нахмурился, заметив, как на оптической шторе пробежали помехи. Сегодня что, и правда особенный день? Вся техника решила испортиться? Или от пережитых потрясений уже рябит в глазах? Неизвестно, что хуже.

Адан опустил в кресло, кивнул Ллэру на соседнее.

– Если можно, давай сразу к делу.

– А может, я здесь пока поживу? – донеслось из кухни. – В Актарион мне всё равно нельзя, а тут классно. Почти как дома. Не то, что в замке. Я там или на солнце поджарюсь или умру короткими отрезками накручивать километры по коридорам.

Адан посмотрел на развалившегося в кресле Ллэра:

– Надеюсь, она так шутит?

Тот пожал плечами.

– Ей действительно негде жить. Дом взорвали, а в тмиоре не понравилось.

– Где не понравилось?..

– Это может подождать. Лучше расскажи про Роми. Она ведь была с тобой, когда едва не погибла, – в голосе Ллэра не было угрозы или обвинения, скорее, неподдельный интерес человека, столкнувшегося с чем-то абсолютно неожиданным. – Помнишь, как это произошло?

– Нет, – честно признался Адан. – То есть помню, конечно, что мы были на поле и как там оказались. А что случилось потом – очень расплывчато.

– Сосредоточься. Что было до?

Адан несколько секунд изучал Ллэра. Внешний вид, появление на пороге его квартиры, подозрительная настойчивость, если не сказать наглость – всё это не должно было внушать доверия, и вместе с тем хотелось обо всём рассказать. Может, вечерние события настолько не вписывались в привычный уклад, что требовалось проговорить их вслух кому-нибудь только для того, чтобы самому поверить?

– Хорошо, – Адан задумчиво взъерошил волосы.

До определённого момента всё ведь было обычно. Офис, слушание в суде, снова офис, дела, клиенты. И так до самого вечера, пока он не пришёл в «Нольд». Там заканчивалось обычное и начиналось невероятное, включая парочку, нахо-

дившуюся в его квартире сейчас.

– В общем, Роми нашла меня на парковке, когда я ушёл из «Нольда». Ей приспичило покататься. Ну и... – Адан развёл руками. – Докатались. Система неожиданно отказала, я не успел разобраться, в чём дело. Кабриолёт стал терять высоту, пришлось выпрыгивать на ходу. Не знаю, как мы не разбились. Не понимаю. В голове не укладывается. Ни это, ни то, что происходило на поле. Роми нацепила на меня браслет. Потом появились тени. Или это были люди. Хотя вряд ли люди. Не знаю. – Описать словами то, что там происходило, не получалось. – Помню свет, очень яркий. Из этой вот штуки, – Адан приподнял левую руку. – Потом вроде был взрыв. И луна. Огромная, сиреневая. Никогда такой не видел. Дальше – прочерк. До вашего прихода я ничего не помню. Ни как вернулся домой, ни как лёг спать.

Ллэр всё так же щурился, пристально смотрел на него, и Адан скорее прочитал по губам, чем услышал его задумчивое бормотание:

– Как же мне не повезло.

– А мне, думаешь, повезло? Весь вечер – мечта идиота.

– Ты жив, это уже плюс. Найдутся ещё. Плохо, что машина сгорела. Я бы посмотрел на показания приборов. Может, смог бы понять, что сожрало всю энергию.

Адан обернулся на выходящую из спальни Миру. Когда только успела.

– У тебя очень даже мило, – прошелестел в голове её голо-

сок. – Чистенько, но не маниакально. Ну, чего уставился-то? Я просто заглянула. Посмотрела и всё. Интересно же. Ничего не трогала, в личных вещах не ковырялась, надо больно.

Она опустила на столик квадратный деревянный поднос с тремя чашками кофе, села на диван, и Адан вдруг понял, что Мира не сказала ни слова с момента, как ушла на кухню.

Но как такое возможно?! Он же точно слышал её слова.

Виски сдавило сильнее. Адан стиснул зубы, закрыл глаза. Вдох, выдох, вдох. Медленно, по чуть-чуть, но отпускало.

– Голова болит? – участливо поинтересовался Ллэр. Адан не сомневался: вопрос адресован ему.

– Сейчас пройдёт. Наверное, – он на секунду приоткрыл глаза и тут же снова зажмурился – свет от электрических ламп казался яркими прожекторами.

– Помочь?

– Неужели лимит доброты снова пополнился, – съязвила Мира.

Адан опять отчётливо осознал, что она не произнесла ни слова.

– Сделай одолжение – не думай, – буркнул он.

– Хорошо же тебя шандарахнуло в баре. Даже мысли читать научился, – а вот это Мира точно сказала – громко и насмешливо.

– Не провоцируй его, – попросил Ллэр.

– А то что? – убавлять громкость она не собиралась. – Мог оставить меня в замке, раз мешаю. – С дивана донеслось

обиженное сопение.

Адан приоткрыл глаза и не сразу понял, почему ничего не видит. Через миг сообразил, что кто-то погасил свет и в комнате царил полумрак. То ли отсутствие яркого освещения, то ли тишина, то ли всё вместе, но становилось легче. Головная боль постепенно затихала, хотя мысли всё ещё путались и думать связно не получалось. Это не было похоже на обычную мигрень или недомогание. Скорее, на лёгкое помешательство, когда кажется, что можешь слышать, что думают другие, когда видишь то, чего нет и быть не может по определению.

Ллэр терпеливо ждал, а Мира с пультом в руках нашла себе новое развлечение – картинки на оптической шторке менялись со скоростью звука.

– Ой, а я её знаю, – молчание продлилось недолго. – Это же Таль.

Адан машинально повернул голову и замер. Проклятье! Он был уверен, что давно избавился от всего, что напоминало о бывшей подружке. Но с трёхмерной картинки, задорно улыбаясь и подмигивая, на них смотрела именно она.

– Выключи! – приказал Адан, оборачиваясь к Мире.

– Это же Таль! Точно она! – та не слушала.

– Выключи! – он резко вытянул руку, собираясь отобрать пульт. Диван почему-то перевернулся, опрокинувшись назад, а Мира с пронзительным визгом отлетела к стене. П слышался грохот, слабый стон, и наступила тишина.

– Ты рехнулся?! – Ллэр исчез из кресла, чтобы в тот же миг появиться около Миры. – Контролируй свои мысли! Она нужна мне живой.

– Хочешь сказать, это я сделал?.. – обомлел Адан.

Ллэр хмыкнул, но не ответил. Осторожно приподнял Миру и уложил ровно на пол, накрыл ладонью её лоб. Штора затрещала, будто её закоротило и вот-вот посыпятся искры, но этого не произошло. Изображение мигнуло и пропало. Тут же в квартире вспыхнул яркий свет и почти сразу погас везде, кроме одного единственного светильника в дальнем углу гостиной. Ллэр всё так же сидел над Мирой, потом она вдруг шумно вдохнула и распахнула глаза.

– Не шевелись, – приказал он чуть слышно.

Адан растерянно скользнул взглядом по перевёрнутому дивану, уставился на стену. На шершавой каменной поверхности темнел кровавый след, причудливым изгибом уходящий вниз к паркету. Наверняка у девчонки пробит череп или того хуже.

– Ллэр, ты... У тебя нежные руки. И глаза... очень серые... красивые, – пробормотала Мира. Или подумала, Адан не смог разобрать. Просто продолжал стоять около кресла, не двигаясь, и в ужасе смотрел на её бледное лицо. Теперь она снова была похожа на маленького перепуганного зверька, только на покалеченного жестоким хищником, умирающего. – Ты же меня не бросишь здесь?

Адан виновато отвернулся. Он не хищник. Он – чудови-

ще. Чуть не угробил Миру, а до этого на поле что-то сделал с Роми. Больше ни о каком «вероятно» не могло идти и речи. Услышанное и увиденное за вечер вдруг сложилось в одно целое. Что-то случилось именно с ним. Что-то плохое, неправильное. В баре или до. Или позже. Роми всего лишь хотела помочь, а в итоге чуть не погибла по его вине.

Невероятная авария, взрыв... Это его рук дело. И после всего он бросил её умирать в грязи, а сам спокойно вернулся домой. Теперь даже знал, как – так же, как сейчас очутился у окна. Или как в его руке только что оказалась пачка сигарет – достаточно просто захотеть.

До сегодняшнего вечера он был, как все. Маленький винтик, живущий удобной, уютной жизнью, когда все вокруг чётко, ясно, понятно. Но вдруг его собственный отлаженный механизм дал сбой. Что-то случилось... Что?!

Наверное, именно это собирались выяснить Ллэр и Мира. Поэтому явились к нему – хотели узнать, что произошло на поле, почему чуть не погибла Роми. Думали, он знает, сможет помочь, в итоге получили очень красочный рассказ, как всё было, а главное, теперь точно знают, кто виноват. И «я не хотел» – уже не оправдание после того, как с чудовищной лёгкостью чуть не убил Миру на глазах Ллэра. Да и «чуть» – понятие относительное. Как там сказала Мира? Если бы не Ллэр, Роми бы погибла. В её словах больше не приходилось сомневаться, потому что Адан только что убедился: если бы не Ллэр, Мира бы тоже не выжила.

Он прислонился плечом к стеклу, закурил. Получилось не сразу – дрожащие пальцы не слушались. Несколько жадных затяжек не помогли, легче не становилось.

Погруженные в ночную темноту высотки на мгновение осветились в пронзительных ярких вспышках зеленых молний. Наверху на расстоянии двадцати пяти километров от нулевого уровня снова бушевала буря. Вода мутными потоками стекала по Сфере. Прочный, прозрачный купол из пластиковой стали защищал Бэар, не позволяя осадкам и вредным космическим лучам проникать в искусственную атмосферу мегаполиса. Потом, закончив фильтрацию, система жизнеобеспечения спровоцирует «ливни» внутри в количестве, необходимом для поддержания баланса. Доведённый до автоматизма процесс никогда не давал сбоев. Гарантированный и отлаженный механизм, чтобы все жители Бэара, словно рыбки в аквариуме, могли и дальше существовать на этой мрачной и неуютной планете.

– Поделишься? – Ллэр стоял рядом.

Адан осторожно протянул полупустую пачку. Не хватало размазать по стенке единственного вменяемого в квартире. На всякий случай сунул руки в карманы и несколько секунд наблюдал, как Ллэр прикуривает. По его лицу нельзя было понять, ни что он думает, ни что собирается предпринять и собирается ли вообще. По идее – должен. После всего... Но от него все так же веяло холодом. Хотя, может, и хорошо, что ни его мыслей, ни чувств, ни желаний «не слышно».

– Она... будет жить? – глухо спросил Адан, поворачивая голову. На удивление диван уже стоял на своём месте. На нём, на мягких широких подушках, неподвижно лежала Мира.

– Будет, – Ллэр затянулся, выпустил облако дыма. Устался в окно. – Сто лет не курил.

Адан промолчал.

Совершенно идиотская ситуация. Затуманенным мозгом он понимал, что должен делать совсем другое, причём делать сразу, как только швырнул Миру. Вызвать скорую помощь, позвонить в полицию – все те тривиальные вещи, которые всегда советовал клиентам, потому что важны не причины, а намерения. Исход дела решает, что произойдёт дальше. Только почему-то понимая всё это, Адан продолжал стоять, прислонившись плечом к стеклу и тупо глазел на ночной Бэар. Как будто со стороны размышлял обо всём. Отрешённо, равнодушно, пассивно.

Адан невольно усмехнулся. Ну хоть в чём-то он ещё похож на истинного бэарца.

Можно, конечно, было бы позвонить. Но что он скажет? Объяснить, что случилось, нормальным языком просто не представлялось реальным. А Ллэр в приведении девиц в чувство, кажется, неплохо набил руку. Вряд ли даже самый способный врач смог бы сделать то, что вышло у него.

Звонить незачем, звонить некому. На шум всё равно никто не придёт. Просто не заметят. Ночь давно, да и здания

уже тысячелетиями строят так, чтобы соблюдалась стопроцентная шумовая изоляция. Наверху или внизу могли устроить пальбу из петард, он бы ничего не услышал. А судя по обрывкам разговора, которые сумел запомнить, Миру никто не хватится. У неё вроде бы даже дома не осталось. Взорвали или что-то такое... И вообще, складывалось впечатление, что эта парочка неожиданно вторгшихся в его квартиру гостей неместная и к Бэару отношения не имеет. Как это возможно, учитывая, что мегаполис наглухо закрыт Сферой, за пределами которой жизни не существует, в голове не укладывалось. Но увиденного и сделанного за вечер хватало с лихвой, чтобы не сомневаться – объяснение всему есть, просто он его не знает и даже не подозревает, что так бывает.

Адан хотел затануться, но взгляд упал на браслет, болтавшийся на запястье. Он осторожно дотронулся до металлической дужки миллиметров пять шириной без застёжки или замка. Как снять – непонятно. Никаких рисунков, на первый взгляд – обычный металл, только прочный, потому что браслет даже не гнулся. Но в том, что блестящая хреновина вовсе не так безобидна и проста, он успел убедиться.

Мысль, что вот она причина всех бед, не выглядела сейчас абсурдной. Ведь именно после того, как Роми нацепила браслет, начало твориться что-то необъяснимое. Или всё-таки раньше – ещё в баре?

– Знаешь, как это снять? – нарушил молчание Адан, приподнимая руку.

Ллэр даже не прикасался к нему: металлическая дужка раскололась в одном месте и мягко соскользнула в его ладонь, на миг тускло засветилась и снова превратилась в обыкновенное блестящее кольцо без застёжки.

– Абсолютно мёртв, – пробормотал он, сжал пальцы. Продолжил, глядя на кулак: – Это один из наручников тайко. По крайней мере, так их называла Роми. Тайко – это народ, которого больше не существует. Интересные были ребята, у нас дофига цапок их производства, – он на мгновение замолчал, вглядываясь в лицо Адана. – Тебе короткую версию или длинную?

– Понятную.

– Попробую. Одно из свойств браслета – связывать биополя двух людей. Вероятно, Роми собиралась перенести тебя, и предполагалось, что пока трансформация не завершится, он защитит тебя от солнца за счёт её биополя.

– Куда и зачем перенести? – нахмурился Адан.

– Подальше от существ на поле. В тмиор. Думаю, это единственное, что пришло ей в голову. В общем, правильно пришло, только что-то помешало осуществить план, – он посмотрел на Адана. – Твой наручник испорчен, а из Роми высосали всю жизненную энергию.

– Я высосал?

Ллэр пожал плечами.

– Если бы я точно знал, с чем вы столкнулись, смог бы ответить. Но я не знаю. К сожалению, ты, как я понимаю,

тоже. На поле зашкаливает энергетический фон. Хотя природу выброса я понять не могу, логично предположить, что наручники тайко имеют к этому самое прямое отношение.

– Тмиор – это где? – помолчав, спросил Адан.

– Ты допускаешь возможность существования параллельных миров?

– В данный момент я допускаю любую возможность.

– Тогда всё просто. Тмиор – это один из известных миров, самый молодой и, возможно, самый необычный.

– Это, по-твоему, просто? – хмыкнул Адан. Поискал глазами пепельницу, собираясь потушить сигарету, но не нашёл. И в тот же миг понял, что тушить больше нечего – окурок исчез. Несколько секунд Адан в недоумении смотрел на свои пальцы, потом перевёл взгляд на Ллэра. – Этому тоже есть простое объяснение?

– Некоторые вещи мы просто... умеем, – ухмыльнулся тот. – Но ничто не исчезает в никуда. Ты, видимо, намусорил удалённо. Где обычно стоит твоя пепельница?

– Мы?! Что значит мы? – местонахождение окурка волновало теперь меньше всего.

– Атради и доа. Я – атради. Ты – доа или скоро станешь им, когда окончательно завершится метаморфоза. Вы что-то вроде двоюродных братьев атради. В чём-то похожи, в чём-то ничего общего. Одни корни, разное будущее, если можно так сказать, – он помолчал, потом снова ухмыльнулся. – И опять спрошу, тебе длинную версию или пока достаточно?

– Мне по-прежнему понятную версию, – Адан вернулся к креслу и буквально рухнул в него. Кивнул на лежащую без движения Миру. – Она тоже атради, как ты? Или как я?

– Она пешка, – Ллэр остался у окна. – Разменная монета. Обычная актарионка без способностей, которая должна была погибнуть. Вернее, её собирались убить и почти преуспели, если бы не я. Роми не соврала, когда рассказала тебе про аварию.

По спине побежал предательский холодок. Адан сам себе не мог объяснить почему, но именно Роми теперь винил в так называемой метаморфозе, о которой говорил Ллэр. До встречи с Роми он был обычным и нормальным. Если что-то и случилось, то там, внизу, в «Нольде». Скорее всего, когда она странно зыркнула и откинула его куда-то. Обратного в Бэар или... Не важно. Важно другое – вот почему Роми припёрлась к нему в машину, собралась защищать, переносить в свой Тмиор, даже не интересуясь его мнением.

– Если она, – Адан кивнул на Миру, – должна была погибнуть, ты почему-то её спас. Дважды, – тихо добавил он. – И сказал, что она нужна живой. Значит, для тебя она вовсе не разменная монета. А ещё ты привёл её сюда, ко мне. Ллэр, зачем вы пришли?

Он хмыкнул.

– Я пришёл поговорить. С собой её потащил только потому, что не хотел бросать в замке, – Ллэр наконец прекратил созерцать ночной Бэар за окном и уселся в кресло. – С та-

ким характером это чревато, – он обернулся, посмотрел на Миру. Перевёл взгляд на Адана. – Мой единственный опыт подобного разговора – когда я был на твоём месте. Поэтому скажу, как есть. Ты опасен. И для себя, и для окружающих, если это тебя волнует хоть каким-то образом. Я шёл поговорить, а увидел... бесконтрольную ментальную силу, которая ещё будет расти. Наш потенциал не раскрывается весь сразу. Первый всплеск обычно идёт в половину силы. Пусть на поле меня не было, но я могу предположить. Тебе плевать на Роми, на Тмиор, но суть не в этом. Суть в том, что по всем следам, по тому, что ты сам помнишь о тех... тенях – за тобой пришли. Понятия не имею кто, но уверен, ты не дал себя в обиду. Только, насколько я разбираюсь в подобных вещах, этим не ограничится. И не то чтобы я сильно переживал за твою жизнь из чисто альтруистических побуждений, но ты побывал вместе с Мирой в плеш... в баре. А после этого ты чуть не убил Роми. И вот это уже затрагивает мои непосредственные интересы.

– Какие интересы?

Ллэр поморщился, ответил, словно нехотя, после паузы:

– Скажем так, я хочу изменить кое-что в моём образе жизни. Это сейчас мой единственный интерес. Возможно, не только Мира, но и ты сможешь мне помочь. Я пока не знаю, как, если твой удивлённый взгляд означает именно это. Но ты вовлечён, а значит, нам по пути. По крайней мере, в ближайшее время, если у тебя нет склонности к самоубийству, –

он вздохнул. – Наверное, я должен ещё кое-что объяснить о мироустройстве. Атради считают, что Тмиор – центр, точнее – вершина некоего конуса или ядро шара, солнце всего. Есть миры, которые принято называть зрелыми. Они расположены вокруг Тмиора. Потом следует некая граница, преграда, за которой находятся все остальные миры. Например, твой. Мы называем их песочницей. Зрелые миры не так уж отличаются, просто находятся ближе к Тмиору и в курсе существования друг друга, и атради в том числе. Перемещаться из одного в другой там так же обыденно, как для тебя поехать на другой конец Бэара. А ещё есть плешь. Это некий фильтр между мирами. Местами хреновый такой фильтр. Дырявый. Тот бар, что ты упоминал сегодня... Не «Нольд», куда ты приехал, а тот, где позже встретил Миру и Роми, он как раз в плешу и находился.

– В фильтре между мирами? – уточнил Адан, поймав себя на мысли, как бредово же это звучало.

– Именно.

– Но как...

– Как раз в вашем появлении там я и хочу разобраться. Это не то место, куда можно ненароком забрести по дороге домой, и твоё случайное попадание туда практически исключается. Тебя там не должно было быть. Есть правила, законы, есть смотрители атради, которые постоянно следят за плешью. Роми одна из них.

– А она? – Адан кивнул на Миру.

– Она – случайный сбой в механизме контакта Тмиора и зрелых миров. Подправили бы память и вернули домой. В Актарион. Собственно, Роми так и сделала.

На отсутствие информации жаловаться не приходилось. Наоборот, её было много. Слишком. Настолько, что связать услышанное в одно целое, задуматься, сопоставить факты просто не получалось.

– Понятно, – Адан потянулся к пачке. Закурил, медленно выпуская дым. Вдруг с удивлением заметил на столике пепельницу с одним единственным окурком. Его окурком. Улыбнулся: – Я бы тоже хотел во всём разобраться. Что конкретно ты предлагаешь?

– Как бы парадоксально это ни прозвучало, но для начала я предлагаю тебе пойти с нами. В мой мир. Тмиор. Тут я больше ничего не могу сделать для неё, – Ллэр кивнул на Миру. – Тебе не нужен браслет, чтобы защититься от нашего солнца, в остальном там безопаснее всего.

Адан задумчиво уставился на тлеющий конец сигареты. Ллэр не договаривал. Может быть, врал. Внезапные телепатические способности тому виной или просто голос опыта, но уверенность, что это так, была практически стопроцентной. Адан не сомневался, просто знал, чувствовал. Другое дело, что с этим знанием делать. У Ллэра могли быть собственные причины не доверять и сознательно о чём-то умалчивать. Он бы на его месте точно не стал откровенничать с психом, неспособным контролировать желания и мысли.

Тем более, если когда-то сам побывал на его месте.

Ллэр всё же прав, он, Адан, сейчас опасен. Для себя и для окружающих. По крайней мере, пока не научится управлять свалившимся на голову «счастьем» или пока не избавится от него. Даже если это не половина силы, и Ллэр ошибался, всё равно достаточно, чтобы стать причиной новой трагедии. Уж среди клиентов и чёртовых зануд-бюрократов Системы справедливости Бэара встречаются экземпляры похуже Миры, и совсем не хотелось, чтобы так успешно начатая карьера адвоката, сулившая много всего замечательного в будущем, неожиданно закончилась размазанным по стенке зала заседаний клерком или тем безобразием, что мысленно Адан часто желал с ними сотворить.

Ещё один плюс в пользу Тмиора – Роми. Она, в отличие от Миры, не была пешкой, случайностью или сбоем механизма и должна понимать, что случилось в баре и почему он стал каким-то доа с метаморфозами.

Был ещё один небольшой плюсики – авария и разбитый кабриолёт. Обморок в «Нольде» при свидетелях – достаточная причина, чтобы оправдать потерю управления и как итог сгоревшую грудку металла. А вот объяснить, как очутился дома да так быстро, нормально не получится. Говорить правду – не поверят, утверждать, что не помнит – навлекать подозрения и дополнительные расследования. Гораздо лучше, если он исчезнет на несколько дней из Бэара.

Его будут искать. Конечно же, проверят офис, отследят

звонки по сотовому, встречи, придут в квартиру, увидят кровь на стене, проведут анализ ДНК и... ничего не обнаружат. Данных Миры в системе мегаполиса быть не могло по определению. Вот и пусть пошевелят мозгами, а он потом вернётся. Может быть, уже обычный, нормальный. И будет утверждать, что ровным счётом ни черта не помнит, и вполне возможно, это станет правдой, если им с Ллэром удастся всё выяснить, а потом с подкорректированной памятью вернуть его обратно в Бэар.

– Надеюсь, ты не ошибаешься, – Адан затушил недокуренную сигарету, поднялся.

Глава 5. Разговор при луне

Малюсенькие молоточки выбивали в висках барабанную дробь. Тарадам-там-там. Секундная пауза. И снова тарадам-там-там. Вдох. Выдох. Тарадам-там-там.

Снова дышать было странно. Вспоминалось – за какую-то долю секунды воздух становится сначала густым, липким и тут же сухим, дерёт горло, а потом и вовсе заканчивается. И тогда начинается темнота. Хочется сделать глупость – например, забрать чью-нибудь жизнь, выбор «ты или кто-то ещё» сейчас не стоит. Но ничего не выходит, будто вокруг ни души.

Глаза открывать не хотелось, и этому нежеланию, по крайней мере, можно было отдаться. Запросто – веки будто смазали клеем, не разлепить.

Жаль, бесконечно так продолжаться не может. Те твари, что с лёгкостью вышли на их след и ещё легче высосали всю энергию из кабриолёта, а заодно, кажется, и из неё самой, не дадут отлеживаться вечно. Вряд ли Адан уничтожил их – Роми не почувствовала в тених плоть, только мощь энергетических полей неизвестного ей типа. Неизвестного! Никогда ничего подобного она не видела и даже не слышала о таком.

Роми пошевелилась, застонала. Головная боль усилилась: в затылок словно воткнули большой раскалённый гвоздь. Вроде ж не били. Откуда такая слабость?! Неужели её вы-

черпали практически до дна?

Стиснув зубы, Роми попыталась сесть. Тело никак не хотело принимать вертикальное положение, но понять, что под ней не холодная сырая земля, а мягкая постель – удалось. Ладно. Тогда сначала раскроем глаза.

Вместо ночного дождливого неба обнаружился потолок. Знакомый. Невысокий, скошенный. Деревянный. Роми перевела взгляд на окна, стены.

Тяжёлые шторы раздвинуты лишь на самую малость. За ними прятался плотный тюль, через который практически не просачивался свет, да и не было особо чему просачиваться – за окном вечер.

Полумрак не мешал узнать место.

Не померещилось. В этой комнате она бывала не раз и знала каждый её миллиметр. Каждую тень в углах, каждую картину на стене, фигурку на полке.

Спальня Алэя. Тмиор.

Надо же. Закрыла глаза на поле в Песочнице, а открыла – дома.

Вторая попытка сесть оказалась удачнее, но головная боль нахлынула с новой силой. Роми рухнула на постель, тихонько застонав. Где-то справа должна быть кнопка.

– Рэм?

– Алэ?! – от неожиданности она снова вскочила. Где был Алэй, Роми не видела, не получалось разглядеть. Но только он теперь называл её Рэм, и это был его голос. – Ты... я не

слышала... Где ты?

Тихо зажужжал мотор инвалидного кресла, Алэй появился из темноты:

– Ты в порядке?

Они не виделись несколько месяцев. Он похудел и стал бледнее, серые глаза казались почти чёрными.

Роми сглотнула. В порядке ли она? Ты сам-то не совсем в порядке, дружище, хотелось ответить. Столько лет прошло, а ты всё ещё не в порядке, всё ещё не разрешаешь зажигать у себя в комнате свет, не выходишь на свежий воздух и почти ни с кем не разговариваешь.

– Что я здесь делаю?

– Тебя принёс Ллэр.

– Ллэр? – она удивлённо моргнула и только сейчас вспомнила, что в какой-то момент нацепила на Адана наручник. Машинально проверила запястье. Всё правильно – второй на ней. Наверное, Ллэр почувствовал. – Когда?

– Пару часов назад.

Пару часов.

Последнее, что она помнила – как внезапно стало катастрофически не хватать энергии. Ни на что. Жизненная сила вытекала из неё, как из пробитого сосуда. И тогда Роми попыталась сделать то, к чему атради поклялись прибегать только в самых крайних случаях – взять силу у населявших мир людей. Всю, какую они могли дать. Пусть бы это привело к эпидемии, к смертям. В тот момент хотелось одного

– выжить. Удрать. Существа-Тени выглядели опасными. От них веяло такой древней мощью, что Роми испугалась и стала действовать, как загнанный в угол зверь: сначала она, потом весь мир.

У неё ничего не вышло. Словно оттягивала неизбежный конец. А тот, кого она явилась вроде как защищать и вводить в курс дела, что-то такое сделал, на что она оказалась не способна.

Голова болела невыносимо. Роми глубоко втянула носом воздух, чтобы не закричать.

– Есть таблетка?

– Есть лучше, – Алэй кивнул. – Под подоконником на полке.

Там нашлись синие кругляши с впрыскивателем. Сильнейший анестетик в одном из самых технологически развитых миров: Роми узнала язык на упаковке с инструкцией. Удивилась, но ничего не сказала, приложила к вене на запястье, придавила. В кожу впилась микроскопическая иголка, вводя лекарство. Головная боль исчезла почти мгновенно.

Роми подняла глаза на Алэя.

– Не надо, Рэм. Я не злоупотребляю.

– Я ничего не говорю, Алэ.

– У тебя очень характерный взгляд. Я жалкое зрелище, знаю. Незачем напоминать.

– Слушай, ты хотел покончить с собой, это был твой вы-

бор, и я его уважаю. – Роми осеклась. Сама удивилась, как легко, даже грубо, удалось выпалить всю тираду. – Давай не будем сейчас об этом снова!..

Алэй улыбнулся:

– Так где ты перешла дорогу нашему оптимисту?

Она вскинула брови.

– Почему ты решил, что я перешла ему дорогу?

– Потому что это Ллэр. Он сказал, что ты оказалась не в том месте, не в то время, но это же Ллэр. Просто так он никому не станет помогать. Даже тебе.

– А он помог?

– Он принёс тебя домой. Сюда. Не знаю, откуда, но ты была на грани. Ещё немного – солнце Тмиора уже бы не спасло, – Алэй помолчал. – Рэм, не говори мне, будто ты веришь, что это случайность.

– Ты же видел наручник у меня на руке. Наверное, Ллэр хотел высказать мне своё недовольство, а вместо этого нашёл мой недотруп.

Алэй прищурился.

– С ним была девчонка.

– Девчонка?

– Ага. Чёрные волосы, голубые глаза. Вызывающее поведение, вся в грязи... Судя по произношению – Ближняя.

– Понятия не имею, – Роми нахмурилась. Описание подходило, но она же видела, как взорвался таксилёт. В такой аварии никто не мог выжить. Или мог? Если, к примеру, ря-

дом на удачу ошивался такой себе бездельник-атради. Вот так вот. Чисто случайно. Ага.

Её смена закончилась, теперь за злополучной Плешью наблюдал кто-то другой. Ему, конечно же, повезёт: на его веку никто не вломится и не устроит фейерверк. Ей не повезло.

Обо всём этом стоило подумать. Неторопливо и обстоятельно. Или, наоборот, забыть и выбросить из головы, вернуться на вечеринку. Сколько там прошло? Пару часов отключки, полчаса в «баре» можно вообще не считать, полчаса всего остального. Народ даже не успел как следует набраться.

Нет, обратно на вечеринку не хотелось. Вряд ли кто-то заметил её отсутствие, но настроение уже не то.

– Ллэр что-нибудь говорил?

– Дать тебе таблетку.

– Таблетку?

– Сказал, у тебя будет болеть голова, – Алэй помолчал. –

Он выглядел уставшим и потрёпанным.

– Потрёпанным? – Роми вдруг поняла, что постоянно переспрашивает. Мозг требовал солнца и отдыха, но похоже, в ближайшее время ей светят луны и размышления. Она виновато улыбнулась. – Алэ...

– Всё понял, – он улыбнулся в ответ. – Сон и ещё раз сон.

Моя кровать – твоя кровать.

– Нет, – Роми покачала головой. – Спасибо. Пойду на террасу. Луны, конечно, не солнце, но лучше, чем ничего. До рассвета всё равно долго.

Той энергии, которую она впитала за несколько часов в полутёмной комнате Алэя, не хватило бы даже на переход в другой конец Замка. Роми чувствовала слабость, а потому – злилась. Проклятые луны. Она не помнила, когда последний раз её так опустошало, и сейчас отчаянно нуждалась в солнце. Луны давали лишь свет, увлажняя кожу и чуть-чуть бодря. Даже если скинуть с себя одежду и проторчать под открытым ночным небом полный цикл, настоящей энергии в организме не прибавится.

Анализировать случившееся не получалось. Роми даже не могла вспомнить имя парня из «бара». Девчонку вроде бы звали Мира. А вот он или не представился, или ей отшибло память. Или это было сделано нарочно.

Роми вдруг осенило – странности начались уже в Плеши. Там она подумала, что он особенный, готов к переменам, сильный и способный. Такой быстро пройдёт все стадии метаморфоз и через месяц ему, как и ей, понадобится солнце Тмиора. Девчонка же слабее и будет сопротивляться до последнего, а потому проще подтереть её память, подправить биополе, психокинетический код и вернуть домой. И только сейчас Роми поняла, что было неправильно с самого начала. Таких, как эти двое, в Плеши просто не могло оказаться. А если добавить последующее появление Ллэра... Интуиция подсказывала – это далеко не всё.

Закрыть на случившееся глаза? Выкинуть из головы? Какое ей дело до очередной нелепой авантюры Ллэра?

Дело было. А из-за того, что она не может погрузиться в решение задачи прямо сейчас, вынужденная подзаряжаться от светил Тмиора, как проклятая батарейка, Роми бесилась.

Неприятно чувствовать себя зависимой. Клетка. Очень просторная, но всё равно клетка, и бывших хищников бросили в неё, предварительно вырвав зубы. Невыносимо.

Малочисленные Зрелые миры, что по Эту сторону, короткие визиты на Ту и Тмиор – вот и всё, что доступно теперь тем, кто раньше ворочал Основаниями. Только здесь, под раскалённым красным солнцем, атради чувствовали былую силу. Только этот мир мог их выносить бесконечно долго. Потому что здесь некем управлять. Не на ком паразитировать.

Забытое чувство. Забытые мысли. Роми слишком давно не была там, в Песочнице.

– Можешь не верить, но я рад, что Ллэр успел вовремя, – послышался сбоку тихий мужской голос. – Прости, что так получилось. Там, на поле... – тот самый парень из «бара», живой и невредимый, стоял на террасе и смотрел на ночное небо. – Люблю луну. А у вас их целых две. Красиво.

Если Роми ещё хоть немного колебалась, ввязываться во всё это или нет, то теперь последние крохи сомнения исчезли. Игра, которую затеял Ллэр, серьёзна, и остаться в стороне Роми не сумеет.

– Я верю, – она чуть улыбнулась, не спеша подошла к плетённому креслу, взяла с него шёлковый халатик. Короткий,

едва-едва прикрывающий то, что нуждалось в прикрытии. – У нас тут... да. Можно сказать, красиво. Ты помнишь, что именно «получилось» на поле?

– Почти, – он по-прежнему не смотрел в её сторону. – А ты?

– Почти, – этот вариант подходил и для неё. Она помнила – что, не понимала – каким образом. Роми снова улыбнулась. – А здесь ты как оказался?

Она знала ответ, но хотелось послушать, что скажет он.

– Ллэр пришёл ко мне. Или за мной. Наверное, он лучше меня объяснит всё, что случилось. Я не совсем понимаю, что... там произошло. Как... Да вообще всё! Каким образом я превратился в неуправляемую кинетическую энергию, которая чуть не убила тебя и Миру.

– Психокинетическую, – машинально поправила Роми. Значит, Мира жива. Значит, Ллэр не дал ей погибнуть, приволок за собой в Тмиор, потом потащил дальше. Так? Или... Роми нахмурилась, в который раз улыбнулась. Слушать объяснения Ллэра не хотелось, но, видимо, придётся.

– Не важно. Я надеялся, ты знаешь ответ. Там в баре, внизу... Ты же что-то сделала со мной. Я бы хотел узнать, что именно.

– Как тебя зовут?

– Адан. Адан Свир, – он снова отвернулся. Повторил вопрос: – Что ты сделала?

– Ты имеешь в виду, как-то тебя изменила? – Роми вста-

ла рядом, облокотилась о парапет. – В «баре» я просто отправила тебя обратно. Туда, откуда ты в него вошёл. Прости, вышло грубо, я обычно сдержанней.

Она сама не понимала, почему так резко среагировала и даже не стала задумываться над поступком. Вытолкнула и ладно. Все ж целы. Сейчас – задумалась. Ну подумаешь, схватил! Не первый и не последний в её жизни мужик распускает руки. Но реакция была молниеносной. Будто перед ней был враг.

– Больше я ничего не делала. Не смогла бы.

– Ты веришь в совпадения? – задумчиво спросил Адан.

– Нет.

– Я тоже. И точно знаю, что до бара был совершенно нормальный. Обычный. Ничего психокинетического за мной не наблюдалось, – он сцепил руки в замок, как-то странно посмотрел на них, словно видел впервые или с ними было что-то не так. – Если не бар, то виной всему твой браслет.

– И не браслет тем более. Ты ищешь сложное объяснение, ищешь что-то, что мог бы обвинить. Но Плешь... бар, куда ты угодил, – не причина, а следствие, что ты перестал быть нормальным. Что-то в тебе изменилось до. Что-то проснулось. Раньше. Поэтому ты и оказался в Плещи. Но это вовсе не появилось из ниоткуда, – вспомнились книжки и фильмы, популярные в одном, не самом продвинутом мире. – Тебя не кусал ядовитый паук, на тебя не переворачивали чан с химикатами, не насылали проклятия. Ты просто такой родился, и

рано или поздно подобное бы обязательно произошло. Если способности есть, они не будут спать вечно.

Она замолчала.

Так всегда бывало, когда Плешь затягивала новичка. То-го, кто впоследствии превратится в одного из атради. Именно для этого и нужны были Смотрители: чтобы не бросать ничего не понимающего человека в омут перемен без подстраховки и чтобы по Плещи не шлялись заблудшие души. Тот, кто попал туда, самостоятельно ни за что не выберется.

Но Адан прав. Здесь крылось некое совпадение или нестыковка, только ухватить догадку за хвост не получалось.

– Понимаешь... Я ищу любое объяснение. Любое нормальное, в которое поверю. А пока, – он обернулся к ней, опираясь на локоть, – всё выглядит так, словно кто-то всё подстроил. Зачем-то. А ещё я не могу ни думать, что из-за меня могли... всё ещё могут погибнуть люди.

Роми выдержала пристальный взгляд, хотя в какой-то момент безумно захотелось отвернуться. Казалось, Адан может видеть больше, чем она. Может забраться к ней в голову, услышать, что она скрывает. Даже то, о чём она сама не подозревает.

Только казалось, конечно. Никаких реальных попыток она не чувствовала. Для подобных манипуляций рано. Не на этой стадии метаморфоз. Да и невозможно это в Тмиоре. Впрочем, как знать. Он ведь справился на поле с теми, кого она не смогла даже опознать.

– Могли. Но это была не твоя вина. И могут, если будешь относиться к этому беспечно, – она тоже опиралась на один локоть и смотрела на него: – Необходимо было подставить кого-то под удар, чтобы ты понял?

– Интересно, сколько раз надо подставить под удар тебя, чтобы выбить самоуверенность? – Адан широко улыбнулся.

Она прищурилась.

– На поле ты вёл себя глупо.

– Ты бы, конечно, на моём месте вела себя умнее. Не сомневаюсь, – подмигнул он. – Начинаю понимать Миру.

– И что же Мира? – Роми вскинула брови.

– Ты ей не нравишься, – Адан пожал плечами. – А может, она просто ревнует к Ллэру.

– А, вот, значит, как. Удачи Мире.

– И что это должно означать? – рассмеялся Адан.

– Ллэра можно ревновать только к одному человеку – к самому Ллэру.

– Голос горького опыта? – он снова уставился на ночное небо. – Не отвечай, я так... просто. Не моё дело. Расскажи лучше про ваш мир.

– Жаркое солнце, яркая трава, всегда лето, море... – Роми задумалась.

Про Тмиор можно говорить долго и ничего не рассказать в итоге. Потому что тут почти ничего не существовало. Только бескрайние девственные леса и один единственный гигантский Замок. Пустой мир, непонятный даже тем, кто его на-

селял.

– Расскажи лучше про Миру. Ты был в Актарионе?

– Я даже не знаю, что это такое, – Адан развернулся к ней. – Или где это такое. Но, видимо, мир, из которого попала Мира, так?

Она кивнула.

Роми не сомневалась, что он говорит правду. Даже такие мелочи, как ощущать, где правда, а где ложь – недоступны в Тмиоре, но интуицию и опыт за годы общения с людьми никто не отменял. Предполагать, что Адан стоит за аварией Миры, что он заодно с Ллэром, что прекрасно знал, кто напал на них на поле, а остальное не больше, чем игра. Нет, сложно, многоуровнево и непрактично. Ллэр слишком самоуверен, чтобы плести нечто подобное. Ему всегда было плевать, раскроют его замыслы другие атради или вообще не заметят его возню. Других соперников, кроме атради, у них быть не могло. Адану тем более незачем было играть в такие игры.

– Значит, ты сделал что-то с Мирой позже?

– Угу, – он отвёл взгляд.

– Похоже, на этот счёт я от тебя больше ничего не добьюсь, – Роми усмехнулась. – Тогда Тмиор. И мы. Не знаю, что именно я должна тебе рассказать и почему-то чувствую, что стандартное введение в курс дела – не тот подход. Но попробую. Здесь живём только мы. Никаких местных жителей. На всей планете нет ни одного города, посёлка или про-

сто даже захудалого палаточного лагеря. Нас несколько тысяч. Если быть точной – восемь тысяч семьсот восемьдесят два человека. С тобой будет восемьдесят три. У каждого есть своя нора в этом Замке, пространство внутри которого искомое. Снаружи – гигантский, внутри же... бескрайний. Не спрашивай, как такое возможно. Мы не знаем и, честно говоря, не пытались узнать. Всею виной местная аномалия, которую удалось подчинить тем, кто привёл нас сюда тысячелетия назад.

– Ллэр сказал, в Тмиоре я буду в безопасности. В первую очередь от самого себя, – Адан ухмыльнулся. – И не смогу повторить того, что сделал с Мирой. И с тобой тоже, – он вдруг с улыбкой обернулся и выразительно обвёл её взглядом сверху вниз и обратно, подмигнув: – Здесь все девушки-атради разгуливают в таком виде по ночам или мне просто повезло?

– Мне необходим свет, – выпалила Роми. Осеклась, почти испугалась.

Адан ещё столько не знал, не понимал. Он видел лишь бесстыжую девицу, не знающую меры и приличий. А она едва не загнулась от опустошения, от голода и могла думать только об энергии, которой катастрофически не хватало, и о бодрости, которую дарили Луны. Это можно было преподнести по-разному. Роми предпочла улыбнуться. Тем более многозначительный взгляд Адана способствовал бодрости и хорошему настроению лучше любой луны.

– Свет солнца Тмиора или хотя бы его двух лун для нас единственный источник жизненных сил. Одежда мешает. И стеснительность не в моде. Но да, тебе повезло, только в другом – в том, что ты вышел именно на эту террасу.

– В везение я верю ещё меньше, чем в совпадения, – Адан помрачнел. – После всего, что увидел сегодня, что узнал, что сделал, – он прижался спиной к парапету, сунул руки в карманы брюк. Несколько секунд молча разглядывал стены Замка, тёмный коридор, потом обернулся к ней. – Вряд ли ты или вообще кто-то, кто не пережил сам, в состоянии понять, что я сейчас чувствую, – он сердито тряхнул головой. – Наверное, могло быть ещё хуже, но утешение слабое. Я ничего не понимаю. Только одно знаю точно: к везению всё, что произошло сегодня со мной, не имеет никакого отношения. Кто-то очень хотел, чтобы меня втянуло в Плешь. Его желания оказалось достаточно. И на эту террасу я вышел, не потому что мне повезло. Я думал о тебе, хотел найти. И нашёл.

Нашёл, потому что думал. На такое не способны новички. Не должны быть способны. Сами атради редко плутают в многомерном Замке – они без труда выходят на того, кто им нужен и о ком думают. Но чтобы так же легко коридоры выводили новичка или гостя – вот об этом Роми слышала впервые.

Адан подался вперёд, сжал её ладонь, пристально глядя в глаза:

– Ты, наверное, считаешь, что Ллэр перенёс меня в Тмиор,

чтобы превратить в атради. Это не так. Я здесь... у вас... временно. Я не атради и никогда им не буду. Я... – он нахмурился, недовольно поджал губы. – Ллэр говорит, что я – доа, в чём-то похож на атради, в чём-то совершенно другой. Ваше солнце для меня безвредно. И если верить Ллэру, вы, атради, должны принять меня за своего. Только всё как-то... До нашего разговора я надеялся, что смогу стать прежним, обычным собой. Что надо всего лишь найти причину моего изменения, устранить её и всё. Но теперь, кажется, привыкаю к мысли, что вы правы. Таким, как раньше, я не буду никогда. А потому ещё сильнее хочу узнать, почему способности проснулись именно сейчас. Ллэр, видимо, тоже заинтересован в этом. Поэтому, как он выразился, нам с ним по пути.

Роми нахмурилась. Она подозревала, что с Аданом не всё так просто. Но доа? О них она ничего не знала. Зато Ллэр, как всегда, оказался осведомлённее. Или вешал лапшу на уши, преследуя собственные цели, а на деле Адан просто сильнее кого бы то ни было, кто попадал в Плешь и превращался в атради.

В это не верилось.

– Тебя примут за своего. А не примут – не обратят внимания. Раз ты здесь, значит, имеешь право – так относится большинство моих сородичей к новым лицам. В Тмиоре ты в безопасности, – Роми улыбнулась. – Но временно, так временно. Если ты ждёшь от меня ответов и поэтому искал...

Я не слышала о доа и не представляю, кем должен быть тот, кто смог дать толчок твоему раскрытию и создать ситуацию, когда Плешь пропустила бы тебя.

Роми вдруг подумала: разве что самим Ллэром. Он способен на многое, если не на что угодно. Он прошёл через подобное, одарённое него она до недавнего времени никого не встречала. Даже Алэй, при всей своей ныне утерянной силе, был слабее.

– Жаль, – Адан с улыбкой отпустил её руку. – Хотя я, конечно, не надеялся, что у тебя есть ответы на все мои вопросы. Но кое-что ты всё-таки знаешь и не рассказываешь мне.

– Что?

– Ты ведь была в Актарионе уже после Плеша, – он не сводил с неё пристального взгляда, – после того, как вытолкнула меня из бара. Зачем? И почему потом отправилась в Бээр?

– Была. В этом нет никакой тайны. Мира слаба, у неё нет способностей. Такие, как она, иногда попадают в Плешь по никому не понятной случайности. Тогда такие, как я, подправляют им мозги, чтобы они могли продолжать жизнь как ни в чём ни бывало. Поэтому я и пошла. Хотела убедиться, что она вернулась в свой мир и ничего не помнит. А за тобой я собиралась вернуться позже, потому что тебя надо вести дальше. Не бросать на произвол новых умений. Но когда я увидела, что Мира погибла... Вероятность такого совпадения практически равна нулю. Я не хотела, чтобы и ты...

– И это я вёл себя на поле глупо? – Адан нахально усмех-

нулся. – Ты почувствовала мои способности, поняла, что мне грозит опасность, но всё равно пошла за мной?

– Конечно пошла, Адан! Любой атради пошёл бы. Это правило. Мы никогда не бросаем новичков. Если бы я не вытолкнула тебя из Плеши, ты бы так и бродил там до конца своих дней. Если бы я оставила тебя самого разбираться с новоприобретенным счастьем, то неизвестно, к чему бы это привело. Тебя, твою семью, друзей. Даже твой мир. Конечно, это всё верно, будь ты обычным новичком. Насколько ты не обычный, я узнала на поле. В «баре» я почувствовала просто способности. Того, что случилось потом, я не ожидала.

– Ты могла всё объяснить сразу.

– И ты стал бы меня слушать?

– Не знаю, – Адан раздражённо пожал плечами. – Но ты могла попробовать, а не выталкивать из Плеши. Ты могла не позволить мне тупо бродить по бару, искать дверь, которой там всё равно не существовало, не пудрила бы мозги коктейлями и болтовней ни о чём. И тогда, может быть, мы бы сейчас знали, кто напал на нас на поле. Вполне возможно, вместе мы смогли бы предотвратить аварию. Никто бы не пострадал. Ни тогда, ни потом. И... – он резко замолчал, как будто передумал что-то говорить. Или понял, что говорить не должен. Недовольно хмыкнул, отвернулся, сделав вид, что разглядывает небо, и уже тише, спокойнее добавил: – Мира утверждает, что Ллэр её спас. Если ты видела, как она разбилась, должна была видеть и его. Если, конечно, с самого

начала не знала, что он там.

– Для Ллэра не проблема избежать лишних свидетелей.

– А ты – лишний свидетель?

– Думаешь, я тоже часть какого-то плана?

Теоретически, чем бы ни занимался Ллэр, он мог рассчитать и учесть дни, когда именно ей предстояло присматривать за Плешью. Но зачем? До сих пор она действовала чётко по веками отработанной схеме контакта с новичками. Разве что... Вот идиотка!

– Адан, где браслет?

– У Ллэра. Я не мог его снять, а у него получилось.

– Конечно, у него получилось, – буркнула Роми.

– Ты же говорила, браслет ни при чём, – Адан с ухмылкой обернулся: – Передумала?

– К переменам в твоей жизни ни при чём. Но если Ллэр хотел забрать его у меня...

Звучало слишком сложно. Такая авантюра только чтобы заполучить по большому счёту ничем не примечательный артефакт? Ну может он защитит от солнца, ну даёт возможность перемещения тем, кто иначе её лишен. И что? Пусть это нужно Ллэру, есть же способы проще!

Роми посмотрела на Адана. И где гарантия, что всё пойдёт так, как нужно? Что именно такому она отдаст наручник тайко? А ведь отдала, потому что другого выхода не было.

– Ллэр что-нибудь говорил о наших с тобой... оппонентах на поле?

– Нет. Не думаю, что ему известно про них больше, чем тебе.

Роми усмехнулась.

– Ты плохо знаешь Ллэра.

– Я его вообще не знаю. Как и тебя, – парировал Адан. – Зато вижу, что ты не доверяешь тому, кому обязана жизнью. Полагаю, не без серьёзных причин.

Роми отвернулась, пожала плечами, посмотрела на парк внизу. Конечно, у неё были причины, только дело не в доверии.

С Ллэром никогда не бывало просто. Никогда ничего не было только тем, чем выглядело на первый взгляд. За первым слоем скрывался второй, потом третий. Когда-то она умела читать намерения Ллэра между строк, потом разучилась. Или он научился закрываться лучше, потому что по его сторону баррикад не осталось ни для кого места. Те, кто оказывались рядом, расценивались или как средства достижения цели, или как временные попутчики, пешки, рычаги. Кто угодно, только не равноправные члены команды.

– Ллэру можно доверять, только если ваши интересы совпадают. И ровно до тех пор, пока они совпадают. Малейшее расхождение, и... – она вдруг поняла, что говорит в пустоту. Адана на террасе не было.

Ушёл? Перенёсся?

Роми нахмурилась, пробормотала:

– Кто же ты такой, доа Адан Свир?..

Он был способнее Ллэра. Значит, очень скоро им станет не по пути.

Глава 6. Дух противоречия

Чёрное молчаливое ничто медленно рассеивалось, постепенно наполняясь звуками и запахами. Сначала непонятными и потому пугающими, потом знакомыми, но какими-то отрывистыми, возникающими из ниоткуда и туда же исчезающими. И снова, снова, снова.

Мире казалось, что она просыпается лишь на мгновение, а затем опять проваливается в тёмную пустоту, будто неведомая сила заставляет сознание отключаться.

Наконец бешеная качка в голове пропала, и даже получилось открыть глаза. Неожиданно легко, словно она только что проснулась после долгого и глубокого сна. Еще неожиданной оказалось увидеть себя лежащей на огромной кровати и понять, что находится в погруженной в полумрак спальне Ллэра. Значит, снова замок и Тмиор. Не самое ужасное. По крайней мере, не грязное поле и не...

За окном была ночь. Если, конечно, темнота и луна – не оптическая иллюзия.

Мира резко приподнялась на локтях, огляделась.

Ллэр спиной к ней рылся в одном из шкафов и, судя по всему, совершенно не беспокоился, что бардак в комнате увеличивается в геометрической прогрессии.

– Эй.

Он замер, потом торопливо обернулся, бросил короткий

пристальный взгляд через плечо:

– С возвращением, – с ухмылкой выпрямился.

Мира уставилась на покрывало, машинально поправляя задравшуюся на животе футболку.

Наверное, стоило его поблагодарить. Затылком-то к бетону чокнутый Адан приложил её не слабо – до сих пор помнила, как что-то хрустнуло и голову обдало жаром. Сто процентов сотрясение мозга. Если бы не Ллэр, валялась бы там на полу и блевала по углам ещё долго. С другой стороны, если бы не Ллэр, её там, вообще, не оказалось бы, а значит, и благодарить не за что. Сам виноват – сам исправлял. Тем более, обещал вылечить, если понадобится. Вот и вылечил, и никаких сантиментов.

– Имей в виду, в следующий раз, когда потянет общаться с этим идиотом, пойдёшь к нему один. Без меня, – нарочито небрежно бросила Мира, осторожно дотрагиваясь до затылка. Брезгливо поморщилась, когда пальцы нащупали слипшийся комок волос. Она удивлённо моргнула. Ничего себе ударились. Сколько ж кровищи-то из неё вытекло?

– Отлично, – его улыбка стала шире. – Ты явно пришла в норму.

– Смотря что для тебя норма, – Мира уселась на постели, скрестив ноги. Кивнула на кучу барахла за его спиной: – Освобождает для меня полочку?

– А у тебя есть, что сложить на неё?

– Одолжу у Роми.

– Я это вижу, – на какое-то мгновение улыбка всё-таки исчезла с его лица.

Ага, значит, задело. Так и надо, первый начал. Мира победно хмыкнула, слезая с кровати. Стоило бы подобрать что-то из одежды, принять душ, перекусить, а уже потом продолжать обмен любезностями до бесконечности. Но, поравнявшись с Ллэром, остановилась. В упор посмотрела в его серые ухмыляющиеся глаза.

– Кстати о Роми...

Какое-то непонятное и неуправляемое желание язвить и делать ему больно полностью заглушало здравый смысл. Может, потому что рыжая – единственное слабое место самоуверенного Ллэра, которое Мира знала, а у неё таких мест – вся она целиком. И вся целиком в его в власти. Хотя именно по этой причине стоило помалкивать. Не получалось. А ведь Ллэр при желании мог хорошенько двинуть, это она тоже понимала, но почему-то страха к нему не испытывала. И никак не могла заткнуться.

– Твоя драгоценная Ромиль уже приходила выразить благодарность за спасение? Или так и не дошла, заблудившись в коридорах? Сегодня было слишком много километров для её ослабевших ножек? А может, не захотела, потому что гордая?

– Проверяешь границы моего терпения? – улыбка на лице Ллэра никуда не исчезла, но голос стал тише и взгляд серьёзней. – Поразительно.

– Не лъсти себе, – выдержать его оказалось непростой задачей. Ллэр словно буравил сумасшедшими глазами, проникая очень глубоко. Не в голову, не в мысли, а куда-то ещё глубже. И в то же время совершенно невозможно было отвернуться. Да и почему-то не очень-то хотелось.

– И как ты дожила до своих лет с таким характером? – он чуть склонил голову набок.

– А ты со своим как?

– Я лишил себя возможности умереть много лет назад.

– И меня по ходу. Трижды за сутки. Что же я буду делать, когда ты меня используешь и бросишь? Наверное, тогда и умру. Сразу. С моим-то характером.

Он покачал головой.

– Ты не знаешь, о чём говоришь. Ты не представляешь, чем обладаешь, – Ллэр поднял руку, словно собирался дотронуться до её щеки, но передумал. – Ты и сейчас можешь умереть. В теории. Если захочешь или если хорошо меня попросишь. Потом, позже. А если останешься рядом... Поверь, в долгой жизни нет ничего привлекательного. Это всего лишь очень много времени, чтобы совершать ошибки.

– Так у меня даже будет выбор: уйти или остаться? Отлично. Чем не смысл жизни, – Мира нахально улыбнулась. Все-таки глаза у него обалденные. Безумные, но красивые. – Я в душ.

– В ванной на тумбе одежда. Это тебе.

Мира открыла рот, чтобы поблагодарить, но неожиданно

смутилась. Торопливо исчезла за дверь. Ллэр пытался сказать больше, чем сказал? Или нет? Неужели показалось? Интересно, если бы, и правда, предложил остаться, она осталась бы? Вряд ли. Таким, как он, не нужны такие, как она.

Вариант остаться в Тмиоре навсегда ни разу не приходил в голову. Мира даже не предполагала, что это возможно. Совершенно другой мир, другая жизнь – не её, чужая. Всё чужое. С другой стороны, в Актарионе ничего хорошего не ждёт. А может, именно на это Ллэр и намекал – потом, позже ей придётся сделать выбор: остаться здесь или вернуться, чтобы погибнуть?

В отличие от спальни, в ванной царил почти идеальный порядок. С пола исчезли грязные полотенца, количество тюбиков и флаконов на полках уменьшилось вдвое. Видимо, кто-то наконец-то избавился от пустых. На тумбе, как и обещал Ллэр, лежала одежда.

Мира бегло осмотрела стопку. Нижнее бельё, несколько футболок и пара джинсов, халат. Всё чистое, новое, словно только что из магазина. Интересно, когда Ллэр успел? Или не он вовсе.

Наверное, если не размышлять о причинах, не анализировать его поступки и их мотивы, стоило бы испытывать к нему благодарность. Видно же, что забота о ближнем – далеко не его сильная сторона. Только почему-то просто быть благодарной не получалось. Или хотя бы молчаливо-послушной. А ведь она умела казаться покорной и даже незаметной, ко-

гда это необходимо и требуют обстоятельства. Сейчас как раз тот самый случай. А нет... Не получается. Ни послушной, ни покорной, ни молчаливой.

Что она, вообще, знает о Ллэре? Ничего. Появился из воздуха на лужайке, предложил помощь, перенёс в свой мир. Рано или поздно так же вернёт обратно и исчезнет. А пока она просто зачем-то ему нужна и всенепременно живой, поэтому он спасает и заботится, как умеет. А раз нужна живой, беспокоиться не о чем.

Мира неторопливо стянула футболку и джинсы. Открыла кран, несколько секунд провозилась со смесителем, добываясь желаемой температуры. Всё-таки странно. Ллэр столько может, столько умеет, комнаты завалены книгами и чертежами, а дом какой-то примитивный. Не то что у Адана.

Она ухмыльнулась. О нём лучше не вспоминать и не думать вообще, потому что тут же накатывала злость. В первую очередь на себя – как сразу не поняла, что он Способный, пусть и не из Актариона? Ведь Роми именно это имела в виду, когда говорила о переменах. Следом – на Ллэра, потащившего её к Адану. И всё ради чего? Чтобы выслушать историю про бедную рыжую дуру и что там с ней приключилось на поле. Как будто эта самонадеянная нахалка – центр Вселенной. А, между прочим, Мира тоже чуть не погибла. Дважды. Нет, трижды. И каждый раз по вине Способных с их заморочками.

Мира раздражённо мотнула головой. Не думать! К чёрту

Адана и Роми. Её это не касается, и думать о них она не будет. И злиться, и даже приблизительно представлять, чем всё могло закончиться, если бы не... И спрашивать ни о чём не станет. Даже о том, что её ждет дальше. Надо жить одним днём. Так проще. Тем более изменить или повлиять на события она не в силах.

Мира шагнула под воду. Пару минут, не двигаясь и закрыв глаза, просто стояла под прохладными струями. Потом, дотянувшись до полочки, начала намыливать тело и волосы.

Совсем не думать не получалось.

Сейчас она полностью во власти Ллэра. В этом есть и плюсы, и минусы. Плюсы лучше использовать, на минусы постараться не обращать внимания. И как-то взять себя в руки, перестать дерзить и нарываться. «Проверять границы его терпения».

В принципе, ничего удивительного в её поведении не было. Способные всегда вызывали непроизвольное желание огрызаться и делать всё, чтобы её слово осталось последним. Пусть оно останется вообще её последним словом в жизни. Никакая логика не срабатывала. Чувство самосохранения молчало. А кто такой по сути Ллэр? Атради, значит, точно такой же Способный, только родом из другого мира. Вот и вся разница.

Закончив с душем, Мира вытащила из стопки чистой одежды первую попавшуюся футболку и голубые джинсы. Покрутилась перед зеркалом, шлёпая босыми ногами по

мокрому полу. На удивление, всё подходило по размеру, как будто сама выбирала.

Она задумчиво посмотрела на своё отражение. Ну и какой смысл одеваться, если на улице почти ночь? Осторожно, чтобы не уронить, вернула одежду на тумбу, накинула на себя светлый махровый халат, завязала на талии пояс. Небрежно толкнула ладонью дверь, собираясь вернуться в спальню, и вдруг почувствовала головокружение. Зажмурилась, машинально хватаясь за стену, и поняла, что её нет. И пола тоже не стало – вместо него была мягкая, прохладная трава.

Трава? Откуда в ванной Ллэра трава?!

Мира изумлённо уставилась на босые ступни и замерла, боясь пошевелиться – ноги по щиколотку утопали в тёмно-зелёной растительности.

– Какого чёрта?!

– Ты?! – послышался рядом удивлённый мужской возглас.

Мира обернулась и застыла – буквально в двух шагах от неё на траве сидел Адан.

Она судорожно огляделась по сторонам. Убежать бы, но ноги словно приросли к земле. Да и куда бежать? Ночь, темно, замка не видно, вокруг огромные деревья. Похоже на парк, но ни малейшего представления, где именно они находятся – ещё в Тмиоре или Адан вытянул её из ванной в свой мир? Далеко она всё равно не убежит – что ему стоит остановить её каким-нибудь «действенным способом», как тогда в квартире? И Ллэра рядом нет, спасти больше никому.

Заорать, позвать на помощь? А дальше что?

Мира шумно выдохнула и обречённо повернулась к нему:

– Что тебе от меня нужно?

– Нужно? – переспросил он, вскакивая на ноги. Адан выглядел растерянным и неопасным. Даже не верилось, что это он несколько часов назад почти убил её. Но сомневаться не приходилось – воспоминания отпечатались в голове навсегда, причём во всех смыслах сразу. – Но как?! Я же...

– Ты же что? – выдержав паузу, осторожно поинтересовалась Мира.

– Не бойся, – он расплылся в глупой призывной улыбке. Протянул руки ладонями кверху, потом вдруг отдернул и спрятал в карманы. – Я тебе ничего не сделаю. Не смогу, даже если захочу.

– Очень убедительно.

– Я... – он нахмурился, опустил взгляд. – Я не хотел. Прости.

– Чего не хотел?

Адан ответил не сразу. Несколько секунд задумчиво смотрел перед собой.

– Причинять тебе боль, – наконец произнёс он.

– А сюда зачем перенёс?

– Как это перенёс? – его удивление выглядело искренним.

– Откуда я знаю, как, – передёрнула плечами Мира. – Тебе виднее. Пешком я сюда не приходила.

– Я просто хотел с тобой поговорить, подумал... – он осёк-

ся. Снова улыбнулся той же нелепой, глупой улыбкой. – Я не совсем понимаю, как так вышло, чтобы ты... Да я, вообще, уже ничего не понимаю, если честно. Я выгляжу по-идиотски?

Мира не ответила. Конечно, по-идиотски, но озвучивать мысли чревато, пусть чокнутый адвокат в состоянии их прочитать.

– Я – Адан, – зачем-то представился он, опускаясь обратно на траву. – До сегодняшнего вечера был совершенно вменяемым человеком. По крайней мере мне так казалось. Обычный. Без способностей. Ничего подобного делать не мог. А потом после бара... Плеша... что-то со мной случилось. Вот я и подумал, что могла бы помочь мне понять, но...

Мира всё-таки не сдержалась, недоверчиво хмыкнула. Был обычный и вдруг изменился? Да, как же. Так не бывает. Способными никто не становится, ими надо родиться.

– Не веришь?

– Не верю, – решила Мира. Врать не было смысла – зачем, если он всё равно знает, что она думает. – Ты меня за полную дуру держишь?

Он не ответил, помолчал. Потом вдруг спросил:

– У меня дома... Там... – он небрежно махнул рукой перед собой. – В Бэаре ты сказала, что хочешь остаться. Почему?

Значит, они всё-таки не в его мире. Уже легче.

Мира переступила с ноги на ногу, разглядывая Адана. Тот смотрел в упор и явно ждал честного ответа.

– Не знаю, – искренне призналась она. Пожала плечами: – Сначала мне понравилось. Уютно, красиво, удобно. Очень похоже на мой мир. Я же не думала, что ты... – Мира не договорила, заметив виноватое выражение на его лице. Хоть и помнила, на что Адан способен, но явной или скрытой угрозы сейчас от него не исходило. – Давай начистоту. Что ты от меня хочешь?

– Чтобы ты рассказала обо всём, что случилось в баре и потом. Обо всём, что знаешь, что видела, что запомнила.

– Зачем?

– Я же уже сказал, – он помрачнел. – Там что-то произошло. Я не понимаю, что и как. Но мне очень важно это узнать. Ты можешь помочь.

– Каким образом?

– Ты же тоже там была.

– Была, но понимаю ещё меньше, чем ты, – усмехнулась Мира, развела руками. – Я же не умею, как вы. Лучше спроси Ллэра. Или Роми.

– Я спрашивал, но... – он замялся. – Им я не доверяю.

– А мне доверяешь? – насмешливо хмыкнула Мира.

– Тебе – да, – Адан задумчиво прикусил нижнюю губу. Какое-то время молчал, потом снова заговорил: – В баре ты была сильно напугана. Знаешь, как маленький зверёк, которого застали врасплох, – он дружелюбно улыбнулся. – Я уве-

рен, что меня и Роми ты видела впервые и вовсе не ожидала очутиться в плещи. Мы оба оказались там не просто так. Мы похожи. В смысле, ты обычная, такая же, как я.

– Ничего себе такая же!

– Я имею в виду, что ты – не атради. Как Ллэр и Роми.

– Ладно, – вздохнула она. – Выбора у меня, как я понимаю, нет. Пока ты не услышишь всё, что хочешь, обратно не вернёшь, так?

– Почти так, – рассмеялся Адан. – Не уверен, что смогу вернуть, даже если расскажешь. Я не обманываю. Я правда не знаю, как ты здесь очутилась.

– Здесь это где? – уточнила Мира. – Мы в Тмиоре или?..

– В Тмиоре, – кивнул Адан. – Наверное, чтобы ты вернулась в замок, мне нужно захотеть. Или придётся возвращаться пешком. Кажется, это не очень далеко.

Мира изумлённо уставилась на него. Ничего себе! Кажется, ему... А что, если неправильно кажется? Что, если не получится вернуть? Перспектива гулять в одном халате по ночному Тмиору совсем не улыбалась.

– В крайнем случае, я вернусь один и попрошу Ллэра. Кстати, ты давно его знаешь?

– Нет, – зло буркнула Мира. Снова огляделась, потом уселась рядом с Аданом на траву, обняла колени. – Как ты вообще здесь очутился, если ничего не умеешь?

– Когда ты... – он помрачнел, отвернулся. Каким-то чужим, глухим голосом продолжил: – Тогда в квартире у меня

раскалывалась голова. А ты болтала... то есть, думала без остановки. Мне казалось, что я не только слышу тебя, но и твои мысли. Это было невыносимо. Я почувствовал раздражение, злость... Нет, ярость! Хотелось только одного – чтобы ты исчезла. И... – он повернулся, виновато вздохнул. – Прости.

Мира кивнула. Столько всего случилось. Вдруг, сразу. Она ведь тоже вела себя глупо.

– Ллэр сумел остановить кровь, – продолжал рассказывать Адан. – Потом предложил пойти с вами.

– Хочешь сказать, Ллэр знает, что ты здесь?!

– Конечно. Это же была его идея, чтобы я переждал в Тмиоре, пока научусь контролировать себя. Он почему-то считает, что здесь я никому не смогу причинить вреда. Надеюсь, не ошибается.

– Даже так? – вспыхнула Мира. Отвернулась, чтобы скрыть смятение и злость.

Значит, Ллэр знал, но ничего ей не сказал. Даже не предупредил, что притащил Адана с ними. А она, глупая, решила, что в полной безопасности, что о ней заботятся. Ага, как же. Ллэр просто использует её. Впрочем, чему она удивляется? Он, как все Способные – ничего не делает просто так и плевать хотел на чувства обычных. Наверное, даже знает, где она сейчас и с кем находится. Может, это часть какого-то плана. Его или их с Роми, или... Да какая разница, чьего? Она всего лишь безвольная марионетка.

Мира повернулась к Адану.

– Что ты хотел узнать?

– Ты... расстроилась?

– Нет, – она заставила себя выдержать пристальный взгляд. Даже смогла улыбнуться. – Просто устала. Давай побыстрее с этим покончим. Спрашивай.

– Ты помнишь, как попала в бар?

Мира сорвала травинку, задумчиво уставилась в ночное небо.

– Как именно – нет. Только то, что было непосредственно до этого. Я собиралась ехать домой, села в таксилёт. По моему, заснула, потому что не помню, как летела. А потом резко очнулась и не могла понять, где нахожусь. Было темно, я сижу на полу. Хотела встать, ударилась ногой, что-то упало... бутылка... или стакан. Кто-то зажжёт свет, и оказалось, что я в баре. Дальше появился ты. Вернее, я услышала шаги. Хотела спрятаться, но что-то снова задела, ты меня заметил и... Дальше ты знаешь.

Адан кивнул.

– А потом, когда я уже был не там?

– Ты имеешь в виду, когда эта рыжая дура тебя толкнула?

Он снова кивнул.

– Сначала я испугалась. Не сразу поняла, что случилось. Но догадалась, что она – Способная.

– Ты ведь её терпеть не можешь, а? Почему? Роми что-то сделала тебе? До или после?

– Да ничего она не сделала, – Мира покрутила в руках травинку. Нехотя пояснила: – В моём мире тоже такие есть. Немного, но есть. Мы называем их Способными. С ними лучше не связываться, ничем хорошим не кончится. Ведут себя так, словно весь мир принадлежит только им, а мы так... отбросы, – она запнулась. – Что я тебе рассказываю, ты же сам такой.

– Я не такой, – с мягкой улыбкой произнёс Адан. Попытался взять её за руку, но Мира отшатнулась.

– Давай только без этого вот, – она опасливо покосилась на него. – Дотронешься, а у меня потом сыпь по всему телу начнётся.

– Такое бывает? – он испуганно уставился на неё.

– Бывает и не такое. Так что без рук.

Адан как-то странно посмотрел, со смешанным изумлением и жалостью. Послушно отодвинулся.

– Расскажешь, что произошло, когда я исчез из бара?

Глава 7. Истерика

Адану очень хотелось верить, что Мира не обманывает. Но уверенности не было. И уж тем более не было внятного и логичного объяснения, почему оба угодили в фильтр между мирами, да ещё практически одновременно.

Одно стало ясно точно: Роми не обманула. Как и говорила, вернула Миру обратно в Актарион, а получилось прямо в аварию. Случайно или специально? Авария могла быть подстроена кем-то, кто знал про плешь. Например, Ллэрэм. Но он спас Миру и не позволил ей погибнуть в квартире Адана. Значит... Что это значит, ещё предстояло выяснить, а пока – дослушать версию Миры.

– Я вам не помешаю? – вопрос Роми сопровождался смешком.

Или она ступала по траве неслышно, так, что даже шелест не предупредил об её появлении, или материализовалась, как у них заведено. В данный момент Роми в том же халатике стояла в метре от Адана.

– О, явилась! – Мира заметно напряглась, но с места не сдвинулась, осталась сидеть. – Помешаешь. Теперь исчезнешь?

Адан с любопытством посмотрел на Роми.

– А сама-то как думаешь? – та шагнула ближе, но на траву опускаться не спешила.

– Вот видишь? – Мира одарила его многозначительным взглядом. – Надо было тебе её на поле добить, чтобы даже Ллэр ничего не смог сделать. А этот дурак ещё убивается по ней зачем-то.

Роми удивлённо вскинула бровь.

Представить Ллэра, убивающегося по кому-то, получалось с трудом. С другой стороны, Адан совсем его не знал. Иногда внешность обманчива. Но в одном Мира была права – атради что-то связывало кроме расы. Что-то гораздо большее, чем простое знакомство. И это что-то могло иметь самое прямое отношение ко всему, что с ним случилось – до плечи, в плечи или после.

Адан наклонился, чтобы усадить обратно вскочившую Миру, и снова взглянул Роми в глаза.

– Зачем ты здесь?

– Ты... ушёл, не попрощавшись.

– Да она над нами издевается!

По тону Миры не было ясно, спрашивает она или утверждает, но удерживать её получалось с трудом. Отпустить – чревато. Либо кинется на Роми, либо бросится наутёк. Оба варианта не устраивали, пришлось практически силой притянуть Миру к себе, обнять крепче, чтобы она не вырвалась. Её лица он не видел, но судя по громкому сопению довольной та вряд ли была. Ну точно маленький, отчаянный зверёк, угодивший в ловушку.

– Что вы с Роми не поделили?

– Пусти, – вместо ответа прошипела Мира.

– Отпущу, когда буду уверен, что не наделаешь глупостей, – как можно мягче произнёс Адан. Мысленно чертыхнулся – Роми появилась в самый неподходящий момент.

Тоже случайность? Или совпадение? Но зачем бы она ни пришла, теперь Мира может подумать всё, что угодно. Нельзя допустить, чтобы она обозлилась и окончательно возненавидела его. Адан крепче прижал Миру к себе, обхватив талию руками и скрестив пальцы на её животе, снизу-вверх посмотрел на Роми:

– А если серьёзно, то зачем?

– Это было вполне серьёзно, – Роми всё-таки уселась на траву, на колени. Поправила халат. – Ты исчез посреди беседы, неожиданно.

Адан нахмурился. Исчезнуть, не попрощавшись, конечно, не лучший способ закончить разговор. Но так вышло не специально, как и многое из того, что он совершил в последние пару часов. Просто почувствовал острую необходимость побыть одному, разложить по полочкам всё, что узнал и вспомнил, попробовать как-то проанализировать. И в тот же миг оказался здесь, на поляне.

Объяснять всё это Роми не хотелось.

– По-твоему, сейчас подходящий момент для беседы? – Адан выразительно указал глазами на затылок Миры. Та перестала дёргаться, но он чувствовал, как напряжены её мышцы, как бешено бьётся сердце, как судорожно поднимается

и опускается грудь.

– Уж какой есть, – хмыкнула Роми. Помолчала, пристально глядя на Миру. – Что же в тебе такого, раз ты нужна Ллэру живой?

– А ты сходи и спроси, – огрызнулась та.

Адан усмехнулся. Дорого бы он дал, чтобы знать наверняка: Роми правда не догадывается или прекрасно осведомлена, но пытается выяснить, не догадались ли они, потому явилась сюда.

Нет, не похоже. Слишком явно, на поверхности. Даже, если всего лишь элементарная ревность – всё равно не верилось. Вот так запросто прийти и практически признаться, дать понять Мире, что ей не безразлично? Как-то бесхитростно, не по-женски. И уж тем более не вязалось с версией, что Роми давно знала о существовании Миры и планах Ллэра и потому отправила её на верную смерть прямо из плещи. А главное, не объясняло, каким образом он сам оказался замешан в эту историю. Как ни крути, себя в треугольнике Мира-Ллэр-Роми Адан не видел.

Он тихо вздохнул. Слишком мало проверенных фактов, чтобы делать умозаключения. Значит, надо набраться терпения. Рано или поздно тот, кто стоит за всем, себя проявит. Оставалось только дожидаться, пока же – превратиться в глаза и уши, выяснить по возможности как можно больше, а заодно постараться войти в доверие ко всем, кто так или иначе замешан. Последнее сейчас самое трудное – попробуй оставь-

ся ни при чём с двумя полуголыми, обозлёнными девицами и расположить их к себе.

– Да что ты на меня так взъелась, а? – Роми раздражённо взмахнула руками. – Не я виновата, что ты вляпалась в это дерьмо. Не я таксилёт твой грохнула. Не я Ллэра на тебя на-травила.

– Не ты?! – Мира дёрнулась вперёд. – Разве не ты усадила меня обратно? Не ты стояла и наблюдала, как я должна погибнуть? Не ты?! – взвизгнула она, снова пытаясь высводо-биться. – Да не держи ты меня, придурок! – последнее отно-силось уже к нему. – Что вам всем от меня нужно? Убейте или отпустите! – А это уже смахивало на начало истерики напуганной, маленькой девочки, которая ещё чуть-чуть – и окончательно разрыдается.

– Успокойся, пожалуйста, – ласково прошептал Адан, сильнее прижимая к себе. – Всё будет хорошо. Я тебя не бро-шу. Мы вместе найдём решение, – банальность, но в голову не пришло ничего лучше. – Роми сейчас уйдёт. Потом мы поговорим, вернёмся к Ллэру.

– Я не хочу к Ллэру! Я, вообще, ничего не хочу, ясно? Ни-че-го!.. – Она всё-таки разрыдалась. Всхлипывая и шмыгая носом, уткнулась ему в предплечье.

Роми, вскинув брови, молча наблюдала за истерикой Ми-ры. Но недолго.

– Здесь недалеко есть... эм... море. Предлагаю пойти ту-да.

– Зачем? – изумился Адан.

– Чтобы её окунуть.

– Кого?

– Миру. Должно помочь.

– Как ты себе это представляешь? Может, и утопим там сразу, чтобы не мешалась?

– Ты тоже настроен меня обвинять? – Роми всплеснула руками. – Думаешь, я хотела её или вас обоих убить?

– Тебе, наверное, странно об этом слышать, но в данный момент я думаю не о тебе, – сердито отчеканил Адан.

Роми хмыкнула, указала рукой на всхлипывающую Миру.

– Ладно. У тебя есть другие идеи, как это прекратить?

Если Ллэр такой же «добрый», «зверьку» сегодня досталось.

– Мира, – он наклонился к её голове, провёл по волосам, машинально отмечая, что на затылке не осталось даже следа от шрама. Никакой реакции не последовало – она, вцепившись в его руку и вздрагивая всем телом, продолжала судорожно всхлипывать. Адан снова посмотрел на Роми. – Лучше вернуться с ней в замок. К Ллэру.

Роми поджала губы, видимо, раздумывая.

– Хорошо. Можно и в замок, хотя я бы лучше прогулялась к морю. – Она поднялась на ноги. – Послушай, мы ведь с тобой не закончили наш разговор, и... Мне не нравится, что меня обвиняют невесть в чём. Я не сажала её в таксилёт, – Роми заговорила громче. – Она и так была в таксилёте. Ты

тоже из бара не исчезал, твоё тело всё время находилось в «Нольде».

– В смысле?

– Вы не физически попадаете в плешь, только ваше сознание.

– Ясно, – машинально ответил Адан, хотя яснее не стало.

– Ты говорил, что хочешь разобраться. Я хочу того же. Сейчас же.

Если Роми и не была центром Вселенной, то явно себя им считала.

– Я по-прежнему хочу во всём разобраться, но не сейчас, – холодно произнёс он. – Сейчас надо вернуть Миру обратно в за... – договорить не успел. Мира, всё ещё вздрагивая, неожиданно выпрямилась и перебила:

– Что зна... чит то... лько созна... ние?

– То и значит. Сознание, психокинетическая составляющая, душа, дух, астральное тело, биоэнергия, комок нервов или какое там определение придумали в твоём мире. Тело оставалось в таксилёте всё время.

Мира вытянулась, как струна, почти не дыша.

– А что... что было бы со мной, если бы авария случилась раньше? До того, как ты меня вернула обратно.

– Скорее всего, в каком-нибудь мире стало бы на одного призрака больше, – Роми улыбнулась, но вышло криво. Она посмотрела на Адана. – Никто не может проникнуть в плешь физически. То, что мы видим там и, по сути, само место – не

более чем визуализация для удобства восприятия. Антураж задаёт новичок. Ты перенёлся из бара, вот нам и досталась такая картинка.

Адан нахмурился. Звучало логично, хотя по-прежнему не объясняло, каким образом в плешь угодило его сознание вместе с Мириным да ещё из абсолютно разных миров, разделённых какой-то там границей.

– У вас там какие-нибудь радары? Или сигнализация? Как это вообще работает?

– Это... сложно объяснить.

– Ладно. А Ллэр знал, что Мира попала в плешь? Мог знать?

Роми задумчиво кивнула.

– Полагаю, да. Если ты спросишь: мог ли он как-то спровоцировать её попадание, толкнуть Миру в плешь... Теоретически, мне хочется ответить «да». Практически я не вижу, зачем.

– Может быть, чтобы меня... спасти? – запинаясь, предположила Мира.

– Так и забрал бы тебя из таксилёта комплектом ещё раньше, – Роми покачала головой. – Нет, здесь что-то другое. И потом, вы двое попали туда одновременно, а это ещё более редкое явление, чем сам факт вашего там присутствия.

– По-моему, гадать бесполезно. Для начала надо просто спросить Ллэра, – он поднялся с травы и протянул Мире руку, помогая встать.

– Что мы у него спросим? Зачем спас? Он ответит тебе то же, что и в прошлый раз: Мира ему нужна живой. Что с браслетом сделал? Пожмёт плечами.

– То есть спрашивать не будем? Останемся сидеть здесь на травке и гадать? – Адан обернулся к ней.

Роми в ответ скрипнула зубами и отвернулась.

– Слушай, если ты правда хочешь разобраться, может, расскажешь, что между вами произошло? – предложил Адан. Ощущение, что она избегает встречи с Ллэром, только усиливалось. Причём, не просто избегает, а словно пытается убедить, что не стоит даже начинать разговор. – Что вас с ним связывает?

– Она его бывшая, – нарушила молчание Мира.

– Нас много чего связывает, – буркнула Роми, на Миру даже не посмотрела. – Между нами много чего произошло. И каждый раз, когда я так или иначе сталкивалась с ним интересами, начинало происходить снова. Я выучила его, знаю, как он мыслит. Я... – она осеклась, махнула с досадой рукой. – Это всё не относится к делу.

– Это всё очень даже относится к делу. И многое объясняет, – парировал Адан. Обернулся к Мире: – Придётся пешком. Обрато так, как сюда, не получится, прости.

– А может, всё-таки попробуешь? – шмыгнула носом она. Покосилась на стоящую за его спиной Роми, торопливо отвела взгляд. Тихо буркнула, будто не ему, а так... в сторону, не обращаясь ни к кому: – Не очень-то хочется разгуливать

ночью по лесам босиком и в халате.

– Ладно, могу попробовать. Но ничего не обещаю, – Адан зажмурился, попытался сосредоточиться.

До сих пор получалось само собой, повинуюсь какому-то не совсем осознанному желанию. Сейчас надо было захотеть целенаправленно, думая и желая, чтобы случилось что-то конкретное. Как это сделать, не было ни малейшего понятия.

Он невесело усмехнулся. Потом снова собрался, мысленно представляя замок. И в этот момент почувствовал, как Роми схватила за запястье:

– Стой!

Глава 8. Море Истока

Роми успела ухватиться за руку Адана, а вот остановить – нет.

Прислушалась, считала концентрацию и намерение, но не смогла уловить направление. Тогда попробовала отыскать Пути, но в надпространстве царила тишь да гладь. Никаких возмущений, никаких всплесков. Никто не пытался пробить дыру и сократить дорогу до одного шага. Адан не врал – он действительно не знал, как работают Пути. Вряд ли вообще догадывался, что они существуют, тем более, где их искать.

И всё-таки Роми не сомневалась – у него получится. Точно так же, как Адан ушёл с террасы – бесшумно и бесследно, во всех смыслах, – он окажется в Замке. С той же лёгкостью, с какой она могла бы шагнуть туда сама, не будь её энергетическое истощение таким сильным сейчас. И почему-то это пугало.

За миг до того, как они переместились, Роми отчётливо поняла – Адану нельзя перемещаться с Мирой, а ещё лучше – не стоит ему вообще перемещаться в Тмиоре. Пусть ножками топать девчонка не хочет, ничего, не собьёт пятки в кровь – до Замка рукой подать.

Уже сжав пальцами его запястье, Роми вспомнила, что произошло, когда всё было наоборот. Когда он прикоснулся к ней, там – в Плеши, и какая нестерпимая ярость на неё

нахлынула. Хорошо, что сейчас Роми слишком слаба и не в силах причинить боль.

А потом в глаза со всех сторон ударил ослепительный солнечный свет. Так не могло быть, но так было.

Ноги словно лизнуло жидким огнём, и Роми закричала. Кажется, в этот же миг рядом завизжала Мира. А может, это было эхо её собственного крика.

Несколько следующих секунд утонули в тумане невероятной боли. Роми задыхалась, не могла заставить себя перестать жмуриться и начать соображать. Боялась, что станет только хуже, что огонь выжжет ей глаза, что она ослепнет. Ноги не слушались, вязли в густом и липком. Роми пошатнулась, споткнулась, упала. Почувствовала, будто с головой уходит во что-то мокрое, горячее, тягучее, как застывающая карамель. Вода?!

Ощущения выстроились в один логический ряд. Но как? Почему? Слишком рано для прилива, в это время года Море Истока – не больше, чем огромная тёплая лужа.

Роми барахталась, понимая, что дно – вот оно, прямо под ней, но подняться на ноги не получалось. От каждого движения ещё больше вязла в воде, словно в трясине. Тело уже не только горело, но и чесалось, а сил хватало на что-то одно: или не утонуть, или потратить последние мгновения, чтобы с наслаждением драть ногтями кожу.

И вдруг всё закончилось.

Вода исчезла, в лёгкие ворвался воздух, на миг стало

невыносимо холодно. Роми едва не потеряла сознание от резкой перемены температуры, а может, и потеряла, потому что в следующее мгновение уже ощущала под спиной мягкий песок. Тело ещё горело, но дышать стало легче, и в голове худо-бедно прояснялось.

Издали послышался голос Миры:

– Может, она плавать не умеет? Или у неё эта... аквафобия?

– Не аквафобия... – пробормотала Роми, закашлялась. Сплюнула. Её трясло. Она попыталась хотя бы сесть, но ничего не вышло: голова закружилась. – Чёрт... это...

Это не было похоже на то, как Море Истока отвергает атради во время Приливов. Тогда боль тоже подчиняет тело, но над разумом она не властна. Ты остаёшься в сознании, способен понимать, способен как-то реагировать, не делать того, чего делать не стоит. Сейчас же...

– Я могу помочь? – встревоженный голос принадлежал Адану.

– Нет... Пройдёт. Скоро. Должно...

– Что она бормочет? – послышался удивлённый возглас Миры. – Ты её понимаешь, Адан?

– Да. Ты разве нет?

– Издеваешься?!

Мысли всё ещё путались, но с каждым вдохом становилось легче.

Роми запоздало сообразила, что перешла с языка Ближ-

них на родной.

– Я говорила на карни. Мира его не понимает, Адан. Это древний язык атради.

– Совсем не обязательно при мне говорить на древнем языке, – огрызнулась Мира. – Я вам в компанию не навязывалась. Если мешаю, можешь отправить меня обратно. А потом возись с психической, сколько влезет.

– Мира, я случайно...

– Ну да, конечно! У тебя всё случайно, Адан. Как же вы уже достали!

Их голоса звучали одновременно звонко и словно откуда-то издалека. Кто-то громко вздохнул. Потом наступила тишина, нарушаемая слабым, почти бесшумным шелестом волн, которых никогда не знало море Истока.

Роми попробовала открыть глаза. Свет, всё такой же яркий, вынудил зажмуриться.

– Вас тоже слепит?

– Нет, – ответил Адан. – Может, здесь чуть светлее, чем было на поляне. Из-за лун, наверное.

Роми раздражённо мотнула головой:

– Да нет же! Луны Тмиора не могут так ярко светить.

Ничего из того, что сейчас происходило, не могло быть, но мозг настаивал, что всё именно так.

С третьей попытки Роми удалось сесть и даже открыть глаза:

– Великие предки!

Таким Море Истока она не видела. Малая луна почти полностью нырнула за горизонт, и рассмотреть её можно было, только если знать, что и где искать. Большая – гигантский шар, заслоняющий едва ли не две трети неба, – сияла ярче обычного, золотой дорожкой отражалась в воде, заставляя светиться и само море. Переливаться неожиданными цветами, от бледно-серебристого до огненно-алого.

Столько «никогда» за такое короткое время.

– Я смотрю, тебе понравилось купаться, – ухмыльнулась Мира.

– Прекрати, – попросил Адан. – Роми плохо. Неужели не видишь?

– Ну она же первая собиралась меня окунать. Спасибо, не надо. Я оценила, как это успокаивает.

Роми посмотрела на Миру:

– Но успокоило же.

– Так иди ещё поплавай! – та отвернулась, демонстративно отошла в сторону и плюхнулась прямо на песок, спиной к ним.

Она уже молчала, а Роми казалось, что всё ещё слышит её первые и последние слова, наслаивающиеся друг на друга. Эхом.

Адан присел рядом.

– Что с тобой было?

Роми пожала плечами.

– Наша кровь отравлена солнцем. Не только кровь. Это

море... Мы зовём его Море Истока. Оно нас не любит. Особенно в Приливы. Жжётся, давит. Мы в него стараемся не лезть... без особой нужды, – говорить получалось только короткими фразами. – Но сейчас не Прилив.

Адан какое-то время смотрел на воду. Хмурился, покусывая нижнюю губу. Потом, видимо, хотел задать вопрос, но промолчал. Взглянул на Миру, снова посмотрел на Роми.

– Тебе, наверное, лучше вернуться домой. Я могу попробовать. Но не уверен, что мне стоит...

– Нет! – перебила она. – Я поэтому пыталась тебя остановить. Не знаю, кто из нас перенёс всех сюда и зачем, но повторять точно не стоит. Это может быть опасно. Считай, предчувствие.

Адан шумно выдохнул.

– Ты ошибаешься. Ничего бы не случилось, если бы ты не схватила меня за руку. Мы с Мирой были бы сейчас в Замке или остались на поляне. И это не предчувствие. Это уверенность. Я даже не слышал, что Море Истока существует. Мира тоже вряд ли в курсе. Попасть сюда хотела только ты.

Роми не хотела, но спорить не стала.

– Ты ничего не почувствовал в воде?

– В воде – нет. До воды – да, – он нахмурился, покосился на Миру, которая, казалось, успешно делала вид, что её не интересует их разговор. Тоже помолчал. Потом тихо заговорил на карни: – Когда ты прикоснулась ко мне, меня как током прошибло. Так уже было раньше. В баре.

Роми уставилась на Море. Вода наливалась красным, потом бордовым и снова светлела. Волны усиливались, но пока не доставали до того места, где они сидели.

– Ерунда какая-то. Браслет что-то сделал с нами. Теперь, даже когда ты его снял – связь осталась, – она осеклась. – Ты ведь знаешь про связь?

– Биополей?

– Значит, знаешь. Но всё равно такого эффекта быть не должно. А Мира? – Роми оглянулась на неё, спросила громче: – Ты что-нибудь чувствовала во время перехода?

– Вспомнили, что я существую? – фыркнула та. – Ничего я не чувствовала. По колено воды в вашей луже Истока, – Мира обернулась к ним, закатила глаза. – А ты разоралась, как будто тебя режут.

Очутиться рядом с ней, опрокинуть на спину, усесться на груди так, чтобы исключить возможность малейшего сопротивления – всё это заняло не больше секунды. А со стороны наверняка выглядело, как вихрь: только что Роми сидела рядом с Аданом и вот уже вдавливают Миру в песок, обхватив ладонями её голову.

– Сейчас поймёшь, почему орала, – прошипела она ей в ухо и закрыла глаза. Подушечки защипало, в голове стучал двойной пульс: собственный и Миры. Роми делилась с ней всей болью, которой одарило её Море Истока.

Мира взвизгнула, зашлась в крике. И почти сразу Роми отшвырнуло в сторону, на мокрый песок у самой воды.

– Не смей!

Ещё секунда, и рядом с Мирой уже стоял Адан и смотрел Роми в глаза с яростью загнанного в ловушку зверя, не собиравшегося сдаваться без боя. А Мира, обезумев от ужаса, прижималась к нему: всё тело будто свело судорогой, хрупкие плечики вздрагивали, пальцы цеплялись за его футболку.

Роми вскочила на ноги, отпрыгнула от накатившей волны, но вода всё же успела ужалить за пятку. Боль не сбила с ног, а толкнула вперёд – к застывшим на берегу фигурам. Шаг, и Роми вновь стояла рядом с ними. Сейчас она двигалась как никогда быстро – воздействие Моря снова было прежним, утраивая скорость движений. Новой была ярость. Необузданная и... отстранённая. Роми отдавала отчёт всей нелепости своего поведения, но не могла остановиться. В висках стучало одно слово – враг!

Прикоснуться к Адану ей всё же удалось, а потом отбросило назад, как будто его кожа, от которой теперь исходило слабое сиреневое сияние, отталкивала сама по себе.

Роми снова поднялась, снова сделала шаг – в этот раз она продвинулась гораздо меньше. Изменения, вызванные Морем, стирались. Желание лезть в драку, размазать противника по песку, развеять по ветру – крепло. Роми видела лишь один выход.

– Ещё раз, – прищурившись, прошипела она, – и я за себя не ручаюсь.

Адан что-то процедил сквозь зубы, заслони́л собой Миру, резко вытянув обе руки ладонями к Роми. Свет от его кожи стал темнее, но гораздо насыщеннее – уже не сиреневым, а ярко-фиолетовым, и в тот же миг Роми отлетела назад, в противоположную сторону – прямо на скалы. Спинай и затылком почувствовала, как прижата к ним невидимой силой – ни вздохнуть, ни пошевелиться.

– Сила – единственный язык, который ты понимаешь? – Адан медленно шёл навстречу, а за его спиной прибор превращался в настоящий шторм. – Повторить или достаточно?

Роми переводила взгляд с него на беснующеся Море и не могла понять, что первично: её ярость или гигантские волны? Ветра не было, воздух застыл, но Море Истока сходило с ума, и она, казалось, тоже. Мерещилось, будто в голове вертится ураган, закручивая вихрем всё, что она знала, с тем, чего никогда раньше не испытывала. Единственная чёткая мысль – драться. Это – поможет. Надо только оторваться от скалы, прикоснуться ладонью к песку, перейти в другую плоскость – пусть замрёт всё, пусть застынут волны.

Скала за спиной дрогнула. Роми, как могла, склонила голову на бок, вызывая улыбку:

– Ещё.

– Ллэр говорил, что на Тмиоре я не смогу причинить вреда, – Адан мгновенно переместился – между ними оставались какие-то жалкие сантиметры, преодолеть которые, к сожалению или к счастью, у неё не получалось. Но не у Ада-

на. Сильные горячие пальцы сжали горло, скалы за спиной исчезли, чтобы появиться под ногами вместо песка. – Тогда добро пожаловать в Бэар, Роми.

Короткий миг, доля секунды, даже меньше, и она вновь могла дышать свободно. Шумно выдохнула, со свистом вдохнула. С каждым глотком другого, невероятно чистого воздуха становилось легче. Дул мягкий бриз; утёс, на котором они очутились, заливало знойное, но не злое солнце. И ни звука вокруг – ни крика птиц, ни шума прибоя. Ярость исчезла вместе с Морем Истока, растаяла, будто щёлкнули выключателем. Навалилась усталость.

Роми рухнула на гладкий тёплый камень, провела по нему ладонью: ветер хорошо постарался, отполировав его почти до блеска. В воздухе витала чуть солоноватая свежесть, будто где-то рядом было море. Настоящее, а не вязкая лужа глицерина, беснующаяся при малейшем приближении к ней атради.

– Спасибо.

– Спасибо? – хмыкнул Адан. – Объяснить ничего не хочешь?

– Что тут объяснять? – Роми зажмурилась, подставила лицо лучам. Энергии по-прежнему катастрофически не хватало. – Ты всё сделал правильно. Даже лучше, чем мог. Я думала, ты мне просто по роже двинешь, а ты привёл сюда. Не предполагала, что есть такие места.

– Ты... соображаешь, что несёшь? Что делаешь, сообра-

жаешь?!

– Уже соображаю. Там – нет. – Он злился, а ей было слишком хорошо от того, что она наконец обрела контроль над своим сознанием, что её больше не сводит с ума ярость. – У меня нет ни малейшего представления, что со мной было, Адан. Море Истока никогда так не влияло на атради. Боль, усталость, изменённое восприятие времени – это всё да! Но я чуть не задохнулась от желания вас убить. И то, что ты сделал... было правильно.

– Правильно?! – Адан не желал успокаиваться. Или не мог – слишком велико оказалось пережитое потрясение.

До неё только сейчас дошло – там, на песке Тмиора, у него получилось проявить способности в полную силу. А может, это всего лишь малая часть того, на что способен в идеале доа. Малая, но достаточная, чтобы утихомирить её.

Роми поднялась и теперь могла видеть, что они стоят на широкой идеально плоской вершине горы. Высоченный каменный столб не больше двухсот метров в диаметре резко обрывался, а внизу, вероятно, можно было обнаружить то самое, пахнущее йодом и солью, настоящее море.

В том, что Адан – не обычный бэарец, сомнений не осталось. Ни один из них, даже самый одарённый человек из самого Зрелого Мира, не способен на такое в начале пути.

– Ты чуть не убила Миру... меня. Чувствуешь разницу?! Представляешь, чем бы всё закончилось, если бы я не смог тебя остановить?!

– Поверь, чувствую! Представляю! Более чем. Поэтому... спасибо. Я бы... Не думай, что у меня не осталось... что мне плевать на жизни других. Да, я не питаю к девчонке симпатий, но её убийство... Я не такая. Послушай, – Роми прекратила оправдываться, примирительно вскинула руки. – Давай не будем переходить на новый виток споров. Я понимаю, ты злишься. Но и ты пойми. Чем дальше... я без понятия, что вообще происходит. Так не должно быть.

– Великолепно! – Адан какое-то время пристально смотрел на неё, затем прищурился: – Ты вела себя глупо, но теперь я хотя бы знаю, как выбивать из этих наглых голубых глаз самоуверенность. – Он уселся на скалу, прижал к груди колени и обнял их руками. А потом вдруг рассмеялся. – Видела бы ты себя со стороны сейчас.

– Ну, уж простите! Я не предполагала, чем закончится сегодняшний вечер, – она растерялась, машинально запахнула промокший насквозь халат. Адану удалось сбить её с толку, поэтому Роми предпочла отвернуться и сменить тему. – Таким твой мир мне нравится больше, чем ночью из окна кабиолёта.

– Здесь, за сферой мне он тоже нравится. Вопрос, понравлюсь ли я ему теперь... такой, – в голосе мелькнуло беспокойство, но лишь на мгновение. Адан опять беззаботно засмеялся: – Кабриолёт мне уже вряд ли понадобится.

– А зачем вам нужна сфера?

– Видимо, за тем же, зачем вам Море Истока. Никакой

ощутимой пользы, только хлопоты, но есть. Чтобы было.

– Море Истока не совсем бесполезное. Нам в нём всегда больно, хоть и не так, как мне было в этот раз. Но оно нас меняет. Новичков – физиологически. Потом завершает метаморфозы, о которых я тебе говорила и которые похоже тебе не грозят, – она усмехнулась. – А ещё ненадолго позволяет пользоваться всеми нашими способностями, по-другому недоступными в Тмиоре. Заодно наделяет дополнительными. Ускоряет ход внутреннего времени, к примеру, тогда мы начинаем двигаться быстрее. Не перемещаться, прокалывая пространство, а именно двигаться.

– Тебя оно хорошо ускорило, – он с хохотом поднялся и приблизился к краю скалы. Присвистнул, заглянув вниз, обернулся к Роми: – Наша сфера была всегда. Считается, что она защищает мегаполис от вредного излучения. В смысле ту часть, которая скрыта под ней. В Бэаре уверены, что никому не дано узнать, что находится снаружи. Власти утверждают, что пока не существует технологии, способной пробить купол. Или просто боятся. Вдруг вредное излучение – правда. Никому не хочется брать ответственность за гибель миллионов.

Роми тоже подошла к обрыву. Каменная стена оказалась идеально гладкой не только на вершине, до моря было не меньше нескольких сотен метров; на столько же, если не больше, простиралась водная гладь во все стороны, местами виднелись похожие скалы с плоскими вершинами. Все ров-

ные, все, казалось, в одну высоту.

– Ваш воздух неядовитый. И солнце... оно очень похоже на наше.

– Может, для атради не ядовитый, а для нас... для них, то есть, – несколько секунд Адан задумчиво кусал нижнюю губу, словно решая, говорить или нет. Встретился с Роми взглядом. – После того, как те существа... Тени исчезли, я оказался здесь. Моментально! Вспышка света, миг и... я стою вот на этой самой скале. Вокруг темнота. Ночь. И только луна. Огромная, близко-близко. Такая... – Адан восхищённо округлил глаза. Роми только сейчас заметила, что они стали ярче – как трава в Тмиоре. А может, так падал солнечный свет. – Я же никогда по-настоящему её не видел. Сфера преломляет лучи. В общем, когда понял, что я за сферой, жутко испугался. Не поверишь, но гораздо сильнее, чем на поле. Первой мыслью было: сейчас я задохнусь и умру. Нельзя дышать! – Адан рассмеялся. – Не дышать тоже нельзя, поэтому пришлось сделать вдох. И я не умер. Удивительно, что я не помнил этого. Знаешь, когда вспомнил? – он прищурился. – Сейчас, когда ты на Миру набросилась. Странно, правда? Наверное, ваше Море и на меня как-то влияет. Другого объяснения я не вижу.

– Хочешь сказать, оно тебя изменило?

– Могло? Я ничего не почувствовал... такого, из того, что ты описала, – он покосился на промокшие кроссовки. – Только когда ты в Миру вцепилась, меня как в кипятком опу-

стили. Всё тело зажгло, и словно задыхаюсь. А дальше, – Адан развёл руками. – Я не могу этого описать словами. Но как факт – и вспомнил, что было после поля, и смог тебя... – он подмигнул. – Как бы это обозвать, чтобы не обидеть?

– Обзывай, как есть.

– Это было... Да-а-а-а. Бедная Мира. Наверное, со стороны... – На какую-то долю секунды на лице снова промелькнуло прежнее беспокойство. Адан замер, сосредоточенно глядя перед собой, потом опять заулыбался. – Боюсь думать, как выглядят ваши спальни, когда вы...

– О, вот тут как раз возможны варианты! – Роми рассмеялась. – Поэтому после Моря мы стараемся не... расслабляться лишний раз.

Сейчас хотелось именно этого – расслабиться полностью, насладиться тёплым, таким похожим и в то же время совсем другим солнцем, может быть, поддаться безумному порыву и, раскинув руки, рухнуть вниз, в воду. Такой лёгкости уже давно не доводилось ощущать.

– Да, лучше не расслабляйся. Мне мой мир нужен целым, – Адан присел на край скалы, свесив вниз ноги, огляделся. – Ночью здесь гораздо красивее. Не люблю солнце.

– Я тоже, – Роми немного поколебалась, но всё-таки села рядом. Откуда-то появилась уверенность – даже если они соскользнут вниз, ничего не случится. Ни с ней, ни с ним, этот мир – особый, как и сам Адан. – Но у меня нет выбора, любить или нет. Оно нужно атради, как людям – вода и пища.

– Это как это?

– Вот так это, – она невесело усмехнулась. – Мы, как дурацкие батарейки. Энергетическая сущность, запертая в слабой физической оболочке. Вода и еда не дают нам жизненных сил. А солнце Тмиора – да. Наполняет нас. Луна же только бодрит.

– Значит, я тоже теперь батарейка, которой необходимо солнце?

– Ты не атради, и я не знаю. Может быть, для тебя всё осталось по-прежнему. Может, окажется, что тебе необходимо ваше солнце. Оно ведь непростое, ты не чувствуешь?

– Не...ет, – неуверенно протянул Адан, взглянул на небо, щурясь. – По-моему, обычное. Только ярче, чем там... внутри, под сферой.

– А я – чувствую. Моя сила растёт. Немного иначе, чем дома, но растёт. Может, для этих твоих ощущений ещё не время. Ты поймёшь сам. Оно приходит, как чувство голода.

– Звучит ужасно, если честно, – он внимательно посмотрел на неё. – А может, наши с тобой биополя просто несовместимы? Это хотя бы объяснило, почему закоротило чёртов браслет.

– Закоротило?

– Ллэр сказал, что он мёртв. Не действует. Может, обманул. Только браслет всё же следствие. А причина... Что-то со мной случилось до него, ещё в «Нольде». Или даже раньше. Знаешь, я всё прокручиваю в голове... Точно! – Адан

замолчал, нахмурился. Он по-прежнему смотрел на Роми, но будто сквозь. А потом вдруг схватил её за руку и кинулся со скалы вниз, увлекая за собой.

Глава 9. Странное свечение

Интересно, куда все подевались? И сколько ей ещё торчать здесь? Замка с берега видно не было, куда идти, Мира не представляла. Боль от прикосновений Роми прошла, пережитый ужас сменился раздражением, которое только росло, заслоняя собой все остальные чувства и мысли.

– Какого чёрта ты тут делаешь?! – голос принадлежал Ллэру и был, по традиции, злой.

Мира уже почти привыкла, как они появляются из ниоткуда и уходят в никуда. И всегда злятся. Она и раньше сталкивалась с тем, что у Способных нервы расшатаны, но эта троица просто била все рекорды. Успокоительное пить надо! На завтрак, обед и ужин.

– Дышу свежим воздухом. Не видишь? – Мира остановилась по колено в вязком тёплом глицерине, которое почему-то называлось морем, и вскинула голову.

Ллэр стоял не более чем в метре от неё, у самой кромки воды. Взлохмаченные волосы, сверкающие глаза, неожиданная белая рубашка вместо привычной чёрной футболки, застёгнутая на несколько нижних пуговиц. Видок – будто сорвался с места внезапно, неожиданно даже для самого себя. Помчался выяснять, обвинять, требовать.

Мира поправила съехавшую с плеча бретельку и сделала несколько шагов, заходя глубже в воду. Ллэр вскинул бро-

ви, несколько секунд постоял, потом принялся заворачивать джинсы.

– Купаться собрался? Не советую. Ваше море вас не любит.

– Тебе уже рассказали? – пробормотал он, но занятие не прекратил. Присел, протянул к воде руку. Море мягко отступило, но не больше, чем на полшага, и он до него достал. Посмотрел на мокрые пальцы, потом на Миру, ухмыльнулся. – Жить буду.

На секунду стало страшно – что, если Ллэр отреагирует так же, как Роми? Адана рядом нет и куда он исчез с чокнутой, непонятно. Когда вернутся и вернутся ли вообще – тоже. С другой стороны, о ней кто-нибудь из них беспокоится? Нет. Вот и она не будет. И вытаскивать Ллэра, если начнет корчиться, как Роми, тоже не станет.

– За буйки не заплывай.

Ллэр хмыкнул, выпрямился, не спеша и не поднимая брызг, пошёл в её сторону. По всей видимости, вода ему неудобств не доставляла.

– Так как ты тут очутилась?

– Тебе всё в подробностях или кратким пересказом?

– Всё.

– Любознательный какой, – Мира раздражённо закатила глаза. – Обойдётся. Могу коротко о главном. Сначала твой зеленоглазый друг, о котором ты забыл меня предупредить, выдернул меня из ванной на какую-то поляну. Потом туда

явилась тв... Роми. Вся такая из себя... в общем, чокнутая стерва. Потом... – она осеклась. Про собственную истерику рассказывать не хотелось. – Твоя бывшая перенесла нас сюда и попыталась утонуть в этой луже, но не вышло. Потом она меня чуть не убила. А потом они исчезли. Воооон... – Мира махнула рукой на прибрежные скалы, – там стояли, Адан её душил, а теперь не стоят.

Ллэр бросил туда лишь беглый, хмурый взгляд, продолжая приближаться. Остановился, только когда между ними осталось не больше двух шагов.

– Он не мой друг. И предупреждать тебя я не обязан.

Ну правильно. Обиду теперь будем вымешивать на ней. За этим и явился. Глупо, конечно, рассчитывать на мягкое заискивание, как с Аданом, и всё же. С рыжей своей, наверное, Ллэр разговаривает иначе. И голос другой, и взгляд. Да она и сама видела, как он чуть с ума не сошёл от беспокойства.

Мира демонстративно отвернулась.

– Проваливай, откуда явился.

– Ты не настолько смелая, как пытаешься изобразить.

– Тебе-то что?

Повисло молчание.

– Слушай, я не буду разговаривать с твоей спиной, – тихо проговорил Ллэр.

– Уже разговариваешь. – Теперь пусть хоть убивает. И ведь не убьёт, раз нужна ему живой.

Хлюпнула вода, Ллэр грубо развернул Миру к себе, силь-

но сжал за плечи.

– Тебе не надо меня бояться. Я не убью и даже не покалечу. Но настроение испортить могу. Сильно. Это не угроза. Это предупреждение.

– Да пошёл ты!

Его пальцы сжали плечи сильнее.

– А ведь всё равно боишься.

– Тебе карту нарисовать?

Самообладанию Ллэра можно было позавидовать. Она бы на его месте уже давно въехала по физиономии, а потом, схватив за шкирятник, окунула башкой в воду и не давала дышать столько, сколько нужно, чтобы раз и навсегда научить держать язык за зубами. Сделала бы, не задумываясь о последствиях, и получила бы удовольствие. Ведь даже сейчас, стоя по пояс в вязкой луже, Мире очень сильно хотелось ему врезать. За что? Сама не знала. Может, чтобы доказать, что несмотря на страх не желает подчиняться и признавать очевидное – она слабее. Необъяснимое, иррациональное и, кажется, совершенно бесконтрольное желание.

Мира замахнулась. Внутренний голос отстранённо и равнодушно посоветовал готовиться к худшему. Она так же равнодушно пренебрегла советом. И замерла, глядя на запястье правой руки. Испуганно выдохнула, машинально подняла левую и так и застыла от изумления: всегда бледная кожа потемнела, а по ней изогнутыми сиреневыми линиями проступили вены и словно светились изнутри.

Ллэр задумчиво склонил голову набок. Теперь он взял руки Миры по-другому, мягко, ладонями к себе. Выпустил правую, осторожно дотронулся до узора на левом запястье.

– Что-нибудь чувствуешь?

– Твой палец, – буркнула Мира, не понимая, что с ней творится. Ллэра хотелось оттолкнуть, но одновременно – прижаться к нему.

Она отшатнулась, чуть не упала, но сумела удержаться на ногах. С сожалением посмотрела на берег, где остался лежать халат, невольно оглядела себя и застыла. Искрящиеся вены проступали по всему телу и были видны даже в тёмной воде.

– Ой...

– Действительно «ой», – Ллэр усмехнулся. – Давай-ка убежёмся отсюда.

Мира опомниться не успела, как он, нимало не интересуясь мнением на этот счёт, подхватил её на руки и через миг поставил на песок. Но этого мига хватило, чтобы почувствовать жар его тела. Ллэр и сейчас стоял слишком близко. А там, где его пальцы прикасались к её коже, невыносимо жгло. Не так, когда Роми повалила на землю. По-другому. Вызывая не боль, а приятную истому, от которой кружилась голова.

– Из-за тебя я похожа на радиоактивную куклу, – смутилась Мира, пытаясь высвободиться.

– Ты – обычная. Такой реакции не должно быть, – он раз-

жал пальцы, отступил на полшага. Прищурился. – Интересно.

– Что интере... – она не договорила, потому что та же непонятная сила, как в ванной, вдруг откинула назад. Недалеко, буквально на несколько метров, но на этот раз получилось прочувствовать перемещение. Не было ни темноты, ни ощущения падения. Только на долю секунды стало прохладно, как от порыва ветра.

– Помнишь, у меня дома... перед тем, как я тебя ударил, – Адан, непонятно, когда и как оказавшийся на пляже, не сводил с неё пристального взгляда. – Ты переключала картинки на окне. Потом увидела женщину. Таль. Ты сказала, что её знаешь. Откуда?

– Она врач в Миере. Она меня лечила, – Мира замолчала, потому что руки, крепко сжимавшие плечи, исчезли, как и сам Адан. Зато рядом стояла Роми. – Жива? Жаль.

– По-моему, тебя не от того лечили.

– Ну тебя-то даже лечить не берутся, – не осталась в долгу Мира. – Скажи Ллэру спасибо за спасение и можешь догонять Адана. Он, похоже, только и делает, как от тебя сбегает, – добавила она, направляясь обратно к месту, где валялся халат.

Как ни странно, рыжая дура не огрызнулась. Да и Ллэр всё это время молчал. Не сделал ни шагу, стоял там, куда несколько минут назад вынес Миру из моря. Смотрел на Роми. Странно смотрел, непривычно. По-настоящему серьёзно.

но. Мира вдруг вспомнила того, другого, в инвалидном кресле. Алэя. Сейчас они казались ещё больше похожими. Будто не просто братья, а близнецы.

– Не хочешь рассказать, что происходит? – послышался за спиной спокойный голос Роми. Обращалась она явно к Ллэру.

– Я тебя там подожду, – подхватив с песка халат, тихо проговорила Мира.

Ллэр едва заметно кивнул, по-прежнему не сводя взгляда с Роми.

К самым дальним скалам Мира всё-таки не пошла. Пусть и не хотела торчать в опасной близости, понимая, что поговорить у этих двоих без очередных психов не получится, но лишать себя возможности понаблюдать со стороны не стала. Вряд ли поймёт, наверняка будут разговаривать на своём языке, зато сможет хотя бы их видеть. Мало ли что.

– Так как? – спросила Роми.

Мира, накинув халат, присела на прохладный камень и удивлённо застыла. Надо же. Роми предпочла говорить не на карни. Странная. То кидается ни с того ни с сего, то вся из себя воспитанная.

– Не хочешь просто уйти? – отозвался Ллэр.

– Уйти? – удивление в голосе Роми было неподдельным.

– Ага. Ты только бестолково вмешиваешься и отвлекаешь.

Тебе здесь не место.

– А этой – место?

Ллэр хмыкнул.

– Надо же.

– Что – надо же?

Они так и стояли в нескольких метрах друг от друга. Ллэр – словно статуя, Мира не видела его лица, Роми – то ли злая, то ли растерянная, чуть покачиваясь, сжав руки в кулаки.

– Это не имеет к тебе никакого отношения. Совсем. Мне просто не повезло, что всё случилось в твой день. Возвращайся к своей жизни, оставь нас в покое. Я как-нибудь разгребу эту кашу без твоего чуткого руководства.

– Да уж. Ты разгребёшь, – она скривилась. Он промолчал. Роми махнула рукой в сторону воды. – Эта проклятая лужа чуть меня не убила. А я чуть не убила твою новую игрушку. Море не может вести себя так! Это уже и моё дело.

– Теперь море у нас виновато! Ага, как же, – вырвалось у Миры.

– Ты... вообще... – Роми обернулась в её сторону, – ты сиди и... и... – она замолчала.

– Боишься, что игрушка, которую ты предлагала Адану утопить в «проклятой луже»... – передразнила Мира и осеклась. Последние два слова удалось не просто повторить тоном Роми, а в точности скопировать её голос. Так, словно говорила сама Роми.

Теперь и Ллэр смотрел на неё. Удивлённо и довольно.

– Значит, ты не только карни понимаешь, но и голосам подражаешь.

Роми нервно дёрнулась, бросила на него прищуренный взгляд, но промолчала.

«А ещё сверкаю в темноте», – мысленно добавила Мира. Бред какой-то. Бред, которому есть только одно объяснение.

– Меньше лапать надо, – буркнула она, покосилась на босые ступни. Кожа уже не светилась, хотя вены отчётливо просматривались. – Лучше бы научил меня исчезать, когда хочется. Чтобы раз и нету.

– Тебе не положено уметь, – заявил он. Шумно выдохнул, запустил пальцы в шевелюру. – Не понимаю. Ты ведь случайность, не больше.

– Надо было головой думать, когда начинал очередные эксперименты, – хмыкнула Роми. Добавила, обращаясь к Мире: – Если научишься исчезать, он тебя привяжет. Кто ж отпускает морских свинок дале...

– Прекрати, – оборвал Ллэр. – Это не мои эксперименты.

– Ну да, конечно.

– Рэм, не мои! Я наблюдал, не отрицаю. Собирал информацию. То, что я... Опыты на людях из Зрелых Миров никак не продвинут меня в том, чего я пытаюсь добиться. Я ничего ни с кем не делал.

– Пока.

– Что?

– Пока не делал, да?

– В чём именно ты меня обвиняешь?

Роми передёрнула плечами. Видимо, это означало «ни в

чём конкретно, просто веду себя, как сволочь. Как обычно».

Ну вот, начинается. Мира вскочила с камня.

– Слушайте, вы! Пара самовлюблённых придурков! Может, пойдёте куда-нибудь, где я вас не буду ни слышать, ни видеть, а? И там выясните отношения?! Вы достали уже, вам ясно?! Я не хочу, чтобы вы ко мне прикасались своими лапами! – умом она понимала, что теряет контроль, что в таком состоянии способна наговорить и сделать многое, о чём придётся сильно пожалеть, но остановиться уже не могла. Усталость, раздражение, страх, голод, злость, обида – всё вместе рвалось наружу истеричным криком: – С меня хватит! Таскаете за собой, дёргаете, швыряете с место на место, кидаетесь, орёте, убиваете, потом зачем-то спасаете! Оставьте меня уже в покое!

– Ты же светишься! – Роми изумлённо моргнула, обернулась к Ллэру. – Она что, тоже доа? Как Адан?

– Не твоё дело, поняла?! И вообще тебе лучше убраться! Потому что, если я, как Адан, даже он, – Мира кивнула на Ллэра и угрожающе подняла руку, – тебе уже не поможет.

– Мира, давай успокоимся, – тихо попросил Ллэр.

– А я, между прочим, спокойна! – взвизгнула она. И дальше, само собой, получилось заговорить его же голосом: – Тебе не надо меня бояться. Я тебя не убью и даже не покалечу. Но настроение испортить могу. Сильно. Это не угроза. Это предупреждение.

– Сама напросилась, – Ллэр приблизился, потянулся схва-

тить и не смог. Его пальцы прошли сквозь её ладонь, будто она – воздух.

Мира застыла. Не от угрозы Ллэра, которая не сулила ничего хорошего, а от внезапного понимания, что с ней происходит что-то ... хорошее или нет, она не знала, но поразительное уж точно. Неужели после всех перемещений она тоже изменилась? Выходит, Адан прав. Плешь что-то с ними сделала. С ними обоими!

– Мамочка, – выдохнула Мира, только сейчас заметив, что её тело ярко светится. Роми говорила правду – она действительно выглядит, как чуть раньше Адан. Кожа потемнела, но при этом от неё исходит фиолетовое сияние, заметное даже сквозь халат.

– Мира! – позвал Ллэр. – Мира, посмотри на меня!

Она беспомощно подняла на него глаза. Раздражение и злость сменились протрацией, когда будто видишь себя со стороны, безвольно и безучастно. И всё равно, что будет. Вообще. Абсолютно.

– Можно? – спросил он, протягивая к ней раскрытые ладони. Мира секунду колебалась, потом позволила прикоснуться, и в этот раз Ллэр смог взять её за руки. – Видишь. Это управляемо. Как и всё остальное.

– Остальное? – собственный голос казался теперь совершенно чужим.

– Остальное. Цвет, свет, – он улыбнулся. – Что бы там ни всплыло в будущем. Прости, если я говорю, как... поучаю.

Ты просто должна оставаться спокойной. Для начала. Максимально, – она хотела возразить, но Ллэр не позволил, сильнее сжал ладони. – Я знаю, это сложно. Особенно с такими помощничками, как мы. Роми задирает, ведёт себя, как настоящая стерва. Я или угрожаю, или умничаю, или... – он нахмурился, качнул головой. – Но надо. Я плохо понимаю, что с тобой происходит. Выйдет из-под контроля и... Плевать, что будет с нами, потому что с нами ничего не будет. Пока мы в этом мире – мы бессмертны и почти неуязвимы. Что будет с тобой? Само это не пройдёт. Тебе нельзя быть сейчас одной.

Одной нельзя, Ллэр прав. Одной не получается справиться. Если бы Адан был рядом сейчас, здесь, с ней, он бы понял. Он бы помог. Он знает, как. Но Адан исчез, и неизвестно, увидит ли она его ещё когда-нибудь.

Мира вздрогнула, напряглась, вспомнив, о чём он спрашивал несколько минут назад. Таль. Откуда у него дома её изображение? Разве они могут быть знакомы? Она ведь из Актариона, а он – нет. Или?

Мира окончательно запуталась. Странное оцепенение прошло, стало страшно. Ужасно, до пронизывающего ледяного холода внутри. У неё же ничего нет. Ни дома, ни родных, ни друзей. Таких, кому бы смогла рассказать обо всём. Никто не поймёт, не поможет. Даже для Ллэра она всего лишь живая кукла. Морская свинка, как сказала Роми. Посадит в клетку и будет разглядывать под микроскопом, пока

ему не надоест.

И всё же это лучше, чем ничего. Чем совсем одна в этом мире.

– Пусть она уйдёт, – тихо попросила Мира, опуская глаза. И ещё тише добавила: – Обними меня.

Конечно, Роми не ушла, Ллэр даже не стал просить её об этом. Но он всё-таки обнял. Не сразу. Несколько секунд колебался, потом ласково привлёк Миру к себе, прижал к груди.

Некоторое время они так и стояли, обнявшись, в полном молчании. Этого хватило, чтобы не только успокоиться, но и трезво оценить ситуацию. Понять и в чём-то даже смириться с нынешним незавидным положением.

– Морская свинка устала и хочет есть, – Мира отстранилась от Ллэра, сделала шаг назад, с надеждой посмотрела на него: – Сможешь вернуть её в клетку?

Глава 10. Старая знакомая

Там, в Тмиоре, подтверждения Миры не требовалось. Догадка ослепительной вспышкой пронеслась мгновением раньше – на скале, куда перенёс Роми. Но Адан всё равно вернулся на пляж, чтобы услышать от испуганной девчонки «Таль, врач».

Её врач. И его любовница.

Всё правильно. Вот оно недостающее звено, связывающее с угодившим в плешь зверьком.

...Новенький офис радовал глаз несмотря на то, что вокруг царил самый настоящий хаос. По полу были раскиданы пластиковые коробки, некоторые до сих пор запечатаны и не тронуты, какие-то наполовину распакованы, а часть – уже пустые и сваленные в кучу около двери. Лёгкая, практичная мебель из тонкой фиолетовой пластмассы так и осталась стоять там, где бросили, без намёка на удобство и комфорт. Ещё предстояло всё расставить, разобрать, подключить. Но уже сейчас Адан отчётливо осознавал, что после стольких лет мечта сбылась.

Его собственный офис, в котором он сам себе хозяин и волен поступать так, как захочет. Без консультантов, без десятка пытливых, следящих за каждым движением коллег и начальства. Позади учеба, стажировка, бесконечный год ра-

боты в Центральной Адвокатуре, чтобы получить разрешение на практику, мучительные месяцы ожидания документов, и вот наконец долгожданная свобода. Отличный подарок себе на тридцатилетие.

– Как здесь всё... фиолетово, – послышался сзади весёлый, звонкий женский голос. – Вы – Адан?

Он вздрогнул от неожиданности. Резко обернулся, с удивлением уставился на незнакомку в летнем платье тёмно-оранжевого цвета. Адан не слышал, как она вошла, хотя должен был. И мог поклясться, что закрыл дверь на ключ.

– Да, – он кивнул, с интересом разглядывая её. Высокая, худенькая и очень симпатичная с копной вьющихся каштановых волос, свободно спадающих на обнажённые, загорелые плечи. Хитрый, но одновременно дружелюбный взгляд синих глаз. И очаровательная, милая улыбка. Он никогда раньше не встречал её, потому что обязательно запомнил бы, если увидел. Таких сразу выделяют из толпы. А крутившийся на языке вопрос о том, как она здесь очутилась, вдруг трансформировался в другой: – Чем могу быть полезен?

– Мне нужен адвокат, – не дожидаясь приглашения, незнакомка ловко выхватила стул, опустила его на каменный пол, тоже фиолетовый, и уселась, закинув ногу на ногу. – Дело в том, что я получила наследство от отца и хотела бы прояснить кое-какие моменты, прежде чем вступлю в права. Меня зовут Таль Гаон.

Следовало сразу прервать поток объяснений, сказать, что

только что переехал и совершенно не готов давать консультацию, а тем более, браться за её дело.

Адан не мог. Вместо этого внимательно, словно за гипнотизированный, слушал. Каждый раз, когда хотел задать какой-то дополнительный вопрос, Таль говорила то, что ему требовалось знать. Словно читала его мысли...

Так началось их знакомство. И она действительно читала мысли, но об этом Адан узнал гораздо позже – сегодня утром, когда, как сумасшедший, бросился к ней из Тмиора в Актарион. И только там, стоя на лужайке погружённого в ночную темноту парка перед её домом, окончательно осознал – Таль, эта красивая, но слишком навязчивая женщина, которая полгода преследовала его, не желая мириться с расставанием и находя каждый раз новый предлог для встречи, была из другого мира.

Несколько месяцев тому назад она исчезла из его жизни – не приходила, не поджидала у офиса или квартиры, как обычно. Даже не названивала, вымаливая о последнем свидании. И хотя успела оставить бесчисленное количество напоминаний о себе, он с облегчением вздохнул. Зря.

Телепортация, телекинез и всякие прочие телеумения, которые так неожиданно получил сам, были в её арсенале с самого начала. И если до сегодняшнего дня навязчивое внимание Таль не воспринималось, как проблема настолько, чтобы заморачиваться, теперь заморочиться придется.

Долгожданный вечер всё никак не хотел наступать. Время тянулось мучительно долго. Казалось, секунды превратились в минуты, минуты стали часами, часы – неделями. Адан переделал всё, что мог: заявил об украденном вместе с документами и кошельком кабриолёте, восстановил необходимые карточки – так показалось проще в новых обстоятельствах. Когда найдут, если ещё не обнаружили обгоревшие остатки, решат, что кто-то просто «одолжил» покататься. Жертв нет, файл закроют. Страховая компания уже пригнала на стоянку новенькую машину, только садиться за руль Адан побоялся. Зато по дороге домой обзавелся новеньким телефоном. Мобильник, правда, никак не соглашался работать в его руках, но хотя бы был, как у всех нормальных людей в Бэаре. Адан даже привёл в порядок квартиру, избавившись от кровавых следов опыта превращения в доа на собственных стенах.

И всё же становиться опять нормальной, обычной, как у всех, его жизнь не спешила, а бесконечный, сумасшедший день не желал заканчиваться.

Серые низкие тучи продолжали нелепо громоздиться друг на друга. Свинцовые, уродливые, сначала они закрыли солнце, а через секунду от голубого неба не осталось даже кусочка. Резкий порыв ветра выхватил из пепельницы окурки, закружил в безумном танце, унося с собой. Несколько тяжёлых, крупных капель упали на лицо, скользнули вниз, оставляя на коже мокрые следы. Следом раздался оглушительный

гром. Яркая молния ослепила, вынуждая зажмуриться.

Адан вернулся с балкона обратно в квартиру, задвинул стеклянную дверь – электричества снова не было. Новенький трансформатор, установленный пару часов назад, сгорел, как только он попытался включить оптическую шторку. Чёртово биополе... Интересно, как теперь с ним жить в мире, где каждый сантиметр напичкан техникой. Ладно, об этом он подумает потом.

Опустив на столик пепельницу, Адан присел на мягкие подушки, откинулся назад. Уставился в окно.

В мегаполисе начиналась гроза. Почти настоящая. По крайней мере в это очень легко поверить, лежа в полумраке на удобном диване и слушая, как по стеклам барабанят тяжёлые капли отфильтрованной воды. А где-то там, на расстоянии тысяч километров, за Сферой, по-прежнему светит яркое солнце, на синем небе – ни облачка, свежий воздух пропитан запахом моря. Солоноватый, он чуть горчит на языке, от него с непривычки першит горло и голос становится хриплым. Через несколько часов оранжевый диск солнца исчезнет за горизонтом, и ему на смену на потемневшем небе появится огромная сиреневая луна, моментально погружая высокие плоские скалы, гигантскими столбами торчащие из воды, в фиолетовые сумерки. А в воздухе по-прежнему будет пахнуть морем.

Неизвестный день, неизвестная ночь.

Поразительно... Прожить в Бэаре тридцать с лишним лет

и не иметь ни малейшего представления, каким может быть его мир. Настоящий, не упрятанный под крышку и так сильно отличающийся от всего, к чему привык. А сколько ещё он не знает о собственной планете. Вечности не хватит, чтобы увидеть, вдохнуть, прикоснуться к девственной природе.

Оставшиеся до вечера часы Адан попытался скоротать за сном, но уснуть так и не получилось. То ли из-за всего, что произошло в последние сутки, то ли из-за ливня и пронзительных ярких вспышек зеленых молний – где-то наверху, над Сферой, тоже бушевала буря. Он несколько раз вставал, подходил к огромным, почти с него ростом, окнам гостиной. Выходил на балкон, курил, потом возвращался. Долго стоял, прижавшись лбом к стеклу. Думал. Дважды порывался броситься обратно в Актарион, дважды практически в последний миг заставлял себя остаться и подождать ещё чуть-чуть.

Адан всё равно пришёл слишком рано.

В Миере только-только рассвело, но больше ждать просто не хватило сил и терпения. Голубое солнце лениво карабкалось по тёмному небосводу, превращая сад в плод чьей-то больной фантазии, ставшей вдруг реальностью.

Адан с любопытством огляделся – здесь всё было совсем не так, начиная с яркого оранжевого неба в ошмётках уродливых бурых облаков и заканчивая розовой травой под ногами. По периметру сада – нечто тоже розовое, отдалённо напоминавшее кустарник.

Внутри двухэтажный дом чем-то смахивал на его соб-

стенную квартиру, и стало понятно, что имела в виду Мира, когда оказалась у него. Простор, натуральный камень, дерево, массивная удобная мебель и куча всевозможной техники. Адан недовольно поморщился, физически ощущая сопротивление магнитных полей. Кажется, в Актарионе их было гораздо больше, чем в Бэаре.

Спальня не поражала воображение. После буйства красок снаружи и, помня совместные ночи с Таль, Адан ожидал увидеть что-то такое... явно не то, что предстало его взору. Всё оказалось намного скромнее и меньше, хотя и довольно мило. Удобно и функционально.

Каменный пол, отделанные натуральным деревом стены, такая же мебель. Посередине – овальная кровать на массивной подставке, занимавшая большую часть пространства, вдоль стены – шкаф с раздвижными дверцами, напротив, у самого окна, громоздились два мягких черных кресла, а между ними ютился круглый деревянный столик.

Ещё один, почти такой же, только меньше, располагался у изголовья кровати. На нем, судя по всему, остатки романтического ужина: пустая бутылка, два бокала, ваза с причудливыми фруктами, ни один из которых не выглядел съедобным.

В воздухе витал до боли знакомый приторно-сладкий аромат излюбленных благовоний Таль, от которых обычно через пару минут начинала болеть голова.

Адан прошёл вглубь, осторожно переступая через разбро-

санную по полу одежду. Серебристые туфельки без каблука, синие мужские брюки, тёмно-голубая рубашка, почему-то только один белый ботинок. У столика сиротливой тряпочкой валялось серое блестящее платье.

Он молча опустил в кресло. Пошевелил на расстоянии бутылку на столике. Она на миг зависла в воздухе, а секунду спустя разлетелась на кусочки оглушительным звоном по полу.

Два голых тела на чёрных простынях зашевелились.

– Доброе утро! – громко произнес Адан, откидываясь на мягкую высокую спинку.

Худощавый светловолосый мужчина первым заметил его присутствие. От неожиданности подскочил, прикрываясь тонким одеялом, и изумлённо уставился на Адана. Следом с подушки подняла голову Таль. Заспанный взгляд моментально трансформировался в удивлённый.

– Адан?! – воскликнула она, приподнимаясь на локте.

– Какого хре... – герой-любовник не успел возмутиться.

Проломив дверцы, его тело с грохотом приземлилось в шкафу. Сверху посыпались полки и одежда.

Таль не сдвинулась с места, так и осталась полулежать на постели. Даже не обернулась, продолжая смотреть в упор на Адана:

– Что ты здесь делаешь?

– Соскучился. Извини, что без букета.

– Между прочим, ты только что сломал ему два ребра, –

она произнесла это так, будто всего лишь констатировала свершившийся факт. Равнодушно, без страха или жалости.

– А ты разве не предупредила беднягу, что, трахая тебя, он сильно рискует? Могут начаться метаморфозы. Эта была первая. Встанет, будут и другие.

Таль улыбнулась, продолжая смотреть ему в глаза. Прищурилась. Виски слегка сдавило, и Адан впервые почувствовал, каково это, когда пытаются пробить защиту, чтобы украсть мысли – словно сотня маленьких острых коготков впиалась в голову одновременно. Ещё секунда, и они влезут внутрь, разрывая на части плоть, и начнут безжалостно копошиться.

– Хм, – Адан помахал в воздухе указательным пальцем. – Ничего не получится, любимая. Я сильнее.

Коготки исчезли.

– Дай мне десять минут. Насколько я понимаю, впереди у нас долгий разговор. Не хочу отвлекаться, но придется, если он, – она кивнула на разломанный шкаф, – останется валяться здесь без сознания.

– Буду ждать внизу, – Адан поднялся. – У тебя пять минут убрать мусор.

Пульсирующая боль в венах исчезла, стоило выйти из дома и с шумом вдохнуть воздух. Даже он здесь был другим – сладкий, обволакивающий.

Адан задумчиво уставился на голубое солнце, размышляя, каким должен стать его следующий шаг, а заодно при-

кидывая в уме, что делать, если Таль не появится. И в случае других неожиданностей, которые невозможно предугадать, но стоит опасаться.

Она всё же пришла. И даже гораздо быстрее, чем он предполагал. Не появилась из воздуха, как ожидалось, а бесшумно подошла сзади, хотя Адан все равно почувствовал её приближение.

– Как ты меня нашёл? – горячие ладони легли на его плечи.

– Ты же знаешь, я не силён в физике, – не оборачиваясь, ответил он.

– Хорошо... Тогда сформулирую по-другому, – спокойный, ровный голос. Но Таль нервничала, он это знал, чувствовал, хотя она изо всех сил старалась скрыть. – Что ты теперь можешь?

– Свернуть тебе шею.

– Я имею в виду из того, что не мог раньше.

– Свернуть шею и прочитать твои предсмертные мысли.

– Значит, у меня получилось.

Адан развернулся к ней, удивлённо вскинул брови. Таль, облачённая в короткий чёрный халатик и туфельки, довольно улыбалась. Только её пальцы слегка дрогнули и тут же сплелись в замок на его шее. А он-то думал, она испугается, будет отрицать, придумывать оправдания. Или хотя бы оденется.

– Видимо, получилось, – Адан нахмурился. – И сейчас ты

расскажешь, что именно.

– Пойдём, – Таль взяла его за руку и повела за собой через сад. – Не пытайся узнать, о чём я думаю. Я тоже умею защищаться.

– Ты слабее.

– А ты не чувствуешь границ. Будешь так ломиться в ментальный блок, сломаешь и всё.

– То есть я должен перестать из жалости к тебе?

– Отнюдь, – Таль обернулась и подмигнула. – Просто так ты ничего в итоге не узнаешь уже никогда.

– Не факт, – хмыкнул Адан, но попытки прочесть мысли прекратил.

Они свернули за угол дома, где нелепая розовая травка к радости Адана сменилась мелким, похожим на дроблённый асфальт, гравием, который мягко пружинил под ногами. В нескольких метрах от них в тени невысоких деревьев располагалась симпатичная резная беседка.

– Я попросила приготовить нам лёгкий завтрак, – пояснила Таль, хотя он ничего не произнёс.

Адан невольно напрягся – неужели сумела все-таки проникнуть к нему в голову? С ней надо быть осторожней. Не расслабляться, глаза по сторонам.

Они вошли внутрь. Адан равнодушно скользнул взглядом по накрытому круглому столику, явно брату-близнецу того, из спальни.

– Я не голоден.

– Всё равно садись, – Таль кивком указала на плетеные кресла с мягкими чёрными подушками.

Он послушно сел, она осталась стоять. Несколько раз прошла взад-вперёд, словно собираясь с мыслями или обдумывая, что именно следует рассказывать.

– Я тебя не обманывала, – наконец заговорила Таль.

– Да ну, – хмыкнул Адан.

– Я не врала, – она остановилась, облокотилась о бортик беседки спиной и с улыбкой посмотрела на него. – Всё, что ты обо мне знаешь, правда.

– Зато сколько я всего о тебе не знаю, – усмехнулся он, облачиваясь назад и скрещивая руки на груди. – Можешь начинать. Я весь внимание. Считай, что у тебя уникальная возможность убедить меня не сворачивать тебе шею. Чем искренней ты будешь, тем больше шансов выйти отсюда живой. Имей это в виду, – Адан подмигнул.

– Ты не пришёл убивать. Ты просто обижен. А если бы пришёл, то, – Таль тряхнула головой, отчего скрученные на затылке тёмные волосы волной упали на плечи, – не смог бы.

– Уверена?

– Меня – не смог бы.

– Давай без лирических вступлений, – он многозначительно ухмыльнулся, без стеснения разглядывая знакомое тело. Под халатом, конечно же, ничего нет. Соблазнительная, чувственная дрянь. – Лучше расскажи, что тебе говорит... Например, имя Мира.

– Ничего, – Таль словно ждала этого вопроса. – Вернее, говорит слишком много. Мира – самое распространённое женское имя в Актарионе. Я каждый день узнаю, как минимум, двух новых Мир.

– И всех отправляешь в плешь?

– Куда? – Её удивление выглядело совершенно искренним, но он всё равно не поверил. Почти по слогам повторил:

– В плешь. Знаешь, в такой себе хреновый дырявый фильтр между мирами, где первые несколько минут думаешь, что сходишь с ума. Потом даже не сомневаешься, что сошёл, потому что из воздуха появляется полуголая рыжая красотка-атради и угощает тебя как ни в чём не бывало коктейлями. А дальше ещё фееричней, – Адан зло усмехнулся, вспоминая, как почти поверил, что не выживет после падения кабриолёта. – Всё ещё не звучит знакомо?

– Значит, плешь на самом деле существует, – блудливая улыбка исчезла, а тон Таль вызвал сомнение в собственной теории.

– Хочешь сказать, ты о ней не знала? – Адан нахмурился.

– Слышала, но не думала, что это правда. Мы называем по-другому. Не плешь, а дыра. Только никаких свидетельств её существования нет. Она, как миф. А если и есть, то никто из Актариона туда не попадает.

– Ну вообще-то насколько я знаю, попадает, – Адан уставился на Таль. – Я видел своими глазами. И как ты, надеюсь, понимаешь, мне сейчас не до шуток. Но если ты предпочи-

таешь никогда больше не выходить из этой беседки и продолжишь настаивать, что имя Мира тебе ничего не говорит.

– А должно?! – перехватив его многозначительный взгляд, она шумно выдохнула: – Ладно. Допустим. Как она выглядела?

– Невысокая худенькая брюнетка. В красных коротких брюках. Волосы чуть ниже плеч. И почему выглядела? Она до сих пор так выглядит. Разве что одежда...

– Эту Миру я знаю, только так она уже не выглядит, можешь мне поверить.

– Это почему это? – насторожился Адан.

– Потому что эта Мира погибла. Таксилёт, в котором она летела, взорвался.

Способности молчали, опыт, сбитый с толку тем, чего быть не может, просто потому что не может быть, заткнулся, казалось, навсегда. Оставалось полагаться только на интуицию, а она настойчиво подсказывала не торопиться с рассказами о чудесном спасении Мира.

– Ты уверена? – осторожно поинтересовался Адан.

– Более чем, – Таль опустила голову, задумчиво покусала верхнюю губу, посмотрела на него. – Эту аварию... Взрыв... Это не совсем случайность.

Раньше, чем она договорила, Адан уже понял, что Таль собирается сказать. И остолбенел от шокирующей откровенности.

– К... – он осёкся. Нет. «Как?» – это даже не вопрос. Не

тот, что на самом деле имеет значение, и который стоит задавать в сложившихся обстоятельствах. Как – он и сам знает, но хотя бы чувствует себя виноватым. А вот у стоящей рядом женщины ни вины, ни раскаяния не наблюдалась. Перед ним – иная Таль. Незвестная, незнакомая, опасная. – Зачем?

– Так было проще. Лучше. Для Миры, – она повела плечом, словно говоря: ты не поймёшь.

– А ты попробуйся.

– Всё намного проще. Если смотреть с нашей точки зрения.

– Нашей?

– Да, нашей. Способных жителей Актариона. Тех, у кого есть определённые способности и кому не безразлично будущее нашего мира.

– Звучит, как предвыборный лозунг политической партии, – ухмыльнулся Адан. – Но даже если у вас тут оправдывают преднамеренное убийство, я всё равно не понимаю, какое это имеет отношение...

– Прямое, – перебила Таль. Видимо, заметив его изумление, торопливо добавила: – Я объясню. Постараюсь, но сначала ответь на один вопрос. Это важно, – она умоляюще сложила руки. – И правда имеет отношение к тому, что я хочу рассказать.

– Ну?

– Ты можешь, сейчас, здесь, – Таль обвела глазами беседку, – вернуться к себе? В свой мир?

Адан в сотый раз за этот долгий день удивлённо вскинул брови.

– Это не простое любопытство, поверь. Можешь? – настойчиво переспросила она, приближаясь и не сводя с него пристального взгляда.

Он прислушался к себе, и как будто к привычным шести чувствам добавилось столько же. Надо только понять, что хочет, куда, и становится ясно – как. Невидимые до вчерашнего дня поля, ощущения, запахи, звуки. Обычное пространство наполняется светящимися проходами, порталами между соприкасающимися гранями Вселенных. Остаётся нащупать нужный и шагнуть, вынуждая две точки соединиться, на каком бы расстоянии они не находились.

– Могу.

– Я знала! Ты прокалываешь пространство, – Таль довольно хлопнула в ладоши. – Значит, я не ошиблась. Моя теория верна – ты особенный. Не такой, как мы.

– Это типа должно меня радовать?

– Конечно! Это великолепно. Это замечательно. Это же... Ты же... как они!

– Мы, они... Да я вот теперь даже и не знаю, – саркастически протянул Адан, – радоваться мне или начинать беспокоиться.

– Понимаешь, я не могу, – Таль возбуждённо взмахнула руками, – взять и оказаться вот отсюда, с этого места, – она зачем-то топнула ногой, – в другом мире!

– Это должно меня огорчить? – хмыкнул Адан.

– Знаешь, почему не могу?

– Не имею ни малейшего представления.

– Потому что отсюда нет коридоров. Вообще, нет, – Таль застыла, выразительно глядя в глаза.

– И? – выдержав паузу, спросил Адан.

– Мы не такие, как ты.

– О, теперь я наконец-то понял! Вы не такие, как я, они не такие, как вы. И знаешь, что я думаю? – Адан театрально вытаращил глаза. – Это же охренеть, как стало ясно!

Таль перестала улыбаться. Какое-то время задумчиво смотрела на него.

– Ладно. Попытаюсь, чтобы стало яснее. Дело в том, что в отличие от тебя мы...

– Мы?..

– Я и такие, как я. Актарионцы, наделённые способностями с рождения. Мы не можем прокалывать пространство для телепортации. Для переходов между мирами используем порталы, которые есть далеко не везде и не всегда. Ты тоже должен их чувствовать... Они, как окна, ведущие из одного измерения в другое.

– Вижу, – согласился Адан, прищуриваясь и снова прислушиваясь к себе. – Только не понимаю, как это вообще возможно... С точки зрения науки...

– Забудь о вашей науке, – оборвала Таль. – Пытаться что-то объяснить с её помощью, это все равно, что рассказывать

трёхлетнему ребенку, откуда берутся дети.

– А у вас они берутся оттуда же? – не удержался он, ухмыляясь.

Таль отмахнулась.

– Проблема Актариона в том, что нас мало.

– Опять вас? – Адан вопросительно изогнул брови.

– Способных, – пояснила она. – Тех, кто обладает паранормальными способностями. Это делает нас очень уязвимыми. Во-первых, то, что мы можем, далеко не всегда передаётся по наследству. Ген, отвечающий за способности, не стабилен. Во-вторых, мы довольно сильно ограничены в наших перемещениях. Между мирами – только через порталы, но и внутри Актариона телепортация забирает колоссальное количество энергии. Любой, самый одарённый Способный, по сравнению с тобой – неумелый младенец. Мы не приспособлены накапливать энергию так, как это делаешь ты. Наш организм рано слабеет, изнашивается. Мы даже не успеваем стареть. Средняя продолжительность жизни очень невелика – большинство из нас не дотягивают до сорока лет.

– Стоп. Это всё, конечно, очень познавательно, но... Какое отношение имеет ко мне? И к убийству Миры.

– Именно это я и пытаюсь объяснить. Ты можешь просто выслушать, не перебивая?

– Обещаю попробовать.

– Основное различие между нами и теми, у кого нет никаких способностей – кровь. Я работаю в Институте крови. То,

что мы пытаемся выяснить, это возможно ли создать способности искусственным путем, – Таль перестала мерить беседу шагами и опустилась в кресло напротив.

– Насколько я понимаю, пока у вас ничего не получилось, так?

– Так, – она кивнула. – И тогда я предложила попробовать позаимствовать кровь Способных из других миров.

– И что? – улыбнулся Адан. – Неужели не нашли добровольцев-доноров?

– Нашли, – усмехнулась Таль. – Только их кровь оказалась несовместимой с нашей или слишком слабой.

– Наверное, я должен посочувствовать, но ты же не обидишься, если не буду? И прости за нетерпение, но всё, что ты наговорила, даже на миллиметр не приблизило меня к пониманию, какого чёрта ты пыталась убить Миру, а я стал каким-то доа.

– Доа? – с довольной улыбкой повторила Таль, видимо, решившая игнорировать его сарказм напрочь. – Значит, это так называется. Как ты узнал?

– Так сказал Ллэр, – Адан не сводил с её лица пристального взгляда.

– А он кто? – она удивлённо моргнула. Он мог поклясться – не фальшивила.

– Он... Не важно. Друг. Атради.

– Атради? – Таль презрительно скривилась. – Я бы не стала доверять им. Вечные отморозки не признают никого, кро-

ме своих. Кичатся своей бессмертной отравленной кровью. Но, собственно, это не меняет сути. Как бы ни называлась ваша раса, твоя кровь...

– Бессмертной? – перебил Адан. – В каком смысле?

– В прямом. Они не умирают. Видишь перед собой девушку, а на самом деле её возраст исчисляется десятками тысячелетий. Твой друг ничего об этом не сказал?

Глава 11. В гостях у Ллэра

Просыпаться без головной боли было приятно. Даже когда в правую щеку упирается что-то острое, левая рука неестественно вывернута в бессознательном поиске подушки, а правая нога, согнутая в колене, свисает с края лежанки и затекла.

Просыпаться там, где пахнет книгами, тоже доставляло неожиданное, новое по краскам удовольствие. Особенно, когда запах знакомый, почти родной. Такой, словно Роми снова вернулась на много, очень много лет назад. Туда, где всё только начиналось. Где было тепло. Даже жарко.

Нет, это сейчас жарко. Несмотря на то, что она ничем не укрыта, а одежды по-прежнему, считай, что нет. На лицо падают мягкие солнечные лучи. Значит, ещё утро. Или уже – утро... Но всё равно жарко и пробуждает воспоминания.

Алэй всегда любил бумагу. Книги. В их с Ллэром мире ещё не успели заменить всё и вся электронными версиями, но к этому шло, когда она забрала его оттуда. Став атради, Алэй получил неограниченный доступ к любому из миров, но остался верен себе: всё от руки, всё на бумаге. Ему нравилось, что техника не любит их биополя, машины – глохнут, бытовая аппаратура сходит с ума, даже электронные часы в относительной близости от атради ломаются. Зато карандаши, ручки, чернильные перья, грифели, фломастеры, бума-

га, блокноты – что угодно, в чем не будет микросхем и электроники – это было его.

Когда-то Алэй играл на скрипке. И на гитаре. И ещё на нескольких музыкальных инструментах. В детстве его пытались убедить, что дар этот, как говорили у него дома, от Бога, но он не особо любил музыку. Алэй любил сочинять истории и сделал ставку на это. Он не был гением, но воображение никогда не подводило, слова подчинялись легко, и в двадцать семь Алэй уже умудрился издать несколько книг, которые неплохо продавались. Ему ничего не было нужно, только свобода и возможность делать то, что ему нравится. И это он сумел себе и не только себе обеспечить.

В его доме всегда пахло солнцем и книгами. Но у судьбы были свои планы на молодого, подающего надежды писателя.

Ллэр не умел ничего. Точнее, он не хотел уметь. Ему всё давалось легко, по щелчку. Любая затея, любой идиотский план с раннего детства без труда воплощался в реальность. У него был острый ум, склонность к манипуляциям, желание власти и одновременно свободы, а ещё ни с чем не сравнимый талант обольщать и очаровывать.

Вся семья в один голос пыталась вразумить бездельника. Твердила ему, что он смог бы многого достичь. Что игнорировать свои таланты – безответственно. Ллэр ухмылялся, пожимал плечами и срывался с места в очередное безумное путешествие на поиски древних цивилизаций. Это единствен-

ное, что ему было интересно. Вся его не такая уж долгая смертная жизнь была похожа на игру.

А потом появилась она, пообещав вечность и невозможное. Роми знала, чего больше всего на свете не хватало Ллэру, и предложила это ему. В отличие от Алэя, он поверил сразу.

Как же они оказались похожи! Ллэра точно так же тянуло ко всему бумажному, написанному от руки. И плевать, что на один единственный манри-кристалл можно залить всё, чем он забил полки от пола до потолка в нескольких комнатах. Плевать, что его жилище походит на библиотеку и архив.

Сначала Роми это нравилось, потом...

Нет. Не стоит. Сейчас – не самый лучший момент вспоминать, как оно всё было. Потому что так недолго расслабиться, подставить себя и, скорее всего, других под удар. Это же Ллэр. Он далеко не белый и пушистый романтик, увлекающийся мифами и историей всех миров сразу.

Роми пошевелилась, пытаясь принять вменяемую позу, но только сильнее вывернула суставы, охнула. Открыла один глаз. Правый. Прямо перед носом действительно лежала толстая старая книга. А ещё стопка помятых листков, исписанных мелким, аккуратным почерком, затёртая от множества прикосновений папка с пожелтевшими газетными вырезками, огрызок карандаша, какой-то хлам.

Всё это и многое другое она успела рассмотреть вчера, пока проявляла несвойственные ей чудеса выдержки, ожида-

ьясь, когда Ллэру надоест возиться с нахальной девчонкой.

Конечно, когда он решил выполнить просьбу «морской свинки» и «вернуть её в клетку», Роми и не подумала оставить их в покое и свалить восвояси. Она могла бы отправиться на поиски Адана, попытаться понять, что именно он такое вспомнил, когда утащил её с Бэара, а потом так же мгновенно исчез из Тмиора, едва задав несколько вопросов.

Вместо этого Роми упрямо последовала за Ллэром, пусть это означало наблюдать, как он любезничает с Мирой, организовывает ей полноценный ужин из трёх блюд, укладывает спать. Та бурчала в ответ что-то благодарное, а Роми подумала, что не так уж девчонка хочет, чтобы её оставили в покое и вернули к прошлой жизни. Разве будет в ней место настоящему чуду и исполнению любой прихоти?

Миру хотелось размазать тонким слоем по стенке. С самого первого мгновения. Даже, когда она полагала, что их знакомство продлится ровно столько, сколько необходимо, чтобы стереть девчонке память и отправить домой. Задолго до того, как на сцене появился Ллэр и дал Роми более-менее очевидный повод злиться.

И чем дальше, тем сильнее Мира раздражала её. Последующей истерикой, претензиями, заискивающим тоном с Аданом. Тем, что Ллэр опекает, уговаривает, успокаивает, нянчится с ней, как с маленькой, беспомощной и беззащитной, коей она вовсе не является. Тем, что Мира даже не пытается соображать и упростить всем задачу по выяснению, какого

чёрта происходит и кому она мешала настолько, что её пытались убить, не особо заботясь о возможных свидетелях. В общем – всем, и это было глупо, но справиться с собой Роми не могла, поэтому вместо того, чтобы найти подход к девчонке, продолжала её провоцировать. А та в долгу не оставалась.

Ллэр эти выбрыки игнорировал и на берегу моря, и позже, в Замке, чем только добавлял масла в огонь. В оба огня. В конце концов, Роми не выдержала, ушла от греха подальше, но не слишком далеко – в соседнюю комнату. Ждать.

Она видела, что Ллэр не всё понимает, что у него масса вопросов. Кто-то пытался, и довольно успешно, переиграть его. Перехитрить. Кто, зачем? Кому-то мешают его затеи? По-настоящему мешают? Значит, он затеял что-то грандиозное или натолкнулся на что-то стоящее. Роми хотела быть частью этого.

Утром она была готова признать, как нелогично, чтобы не сказать по-идиотски, вела себя накануне. Вряд ли поможет, если предложит теперь Мире: «Давай начнем всё с начала – мы же не враги». Или: «Смирись, я никуда не денусь». Точно не станет лучше, но по крайней мере можно попытаться поговорить с Ллэром.

Все её поведение было такой несусветной глупостью, таким ребячеством, что Роми даже не стала искать вразумительное объяснение. В итоге просидела в эркере на диване, листая книги и перебирая записи. Раз за разом прокручивала в голове предстоящий разговор, продумывала вопросы,

перебирала события дня, репетировала реплики, а потом – просто пыталась вспомнить, когда последний раз общалась с Ллэром или хотя бы находилась в одной комнате. Разговор обещал быть долгим. Или наоборот. Но при любом раскладе – тяжёлым, который рано или поздно скатится во взаимные обвинения.

Вспоминать – лучший способ заснуть, особенно, когда организм отключается от непривычной усталости. Может, и хорошо, что она вырубилась в совершенно не приспособленном для сна месте: переспав со своими вопросами и размышлениями, на свежую голову оглянувшись на вчерашние события, Роми вдруг поняла – давить на Ллэра и требовать ответов уже не хочется. Хотелось, чтобы разговор действительно стал разговором. Чтобы Ллэр рассказал об Адане. О доа.

Это название одновременно ни о чём не говорило и заставляло внутренне вздрагивать. Но не только из-за того, чему она уже была свидетелем. В ней словно оживали древние инстинкты, о которых Роми не знала или забыла, как забыла тот день, когда появилась на свет, как не помнила, где. Будто просыпалась генетическая память и говорила: держись от доа подальше. И в то же время толкала глубже в трясину. Что-то не давало остановиться, вычеркнуть случившееся из памяти – словно это тоже было частью давней программы, заложенной в ней.

Не раз за вчерашний безумный день Роми ловила себя на ощущении, что окажись на её месте любой другой атради,

давно лишившийся любопытства, он бы тоже не смог остаться в стороне. Какая-то тайна, связанная с доа, не даст ему забыть. И что Ллэр всё это понимает, гонит её, но в то же время готов принять, готов ответить. Главное, подобрать правильные слова, чего Роми уже много лет не удавалось.

Тайна. Страх. Опасения... Такие неожиданные эмоции и чувства, которые не получалось игнорировать. Роми не находила объективных причин вмешиваться в дела Ллэра, и, вероятно, он был прав, говоря, что она лишь бестолково отвлекает, но если бы судьбе не было угодно её участие, карусель бы не завертелась именно в её, Роми, дежурство в Плеши. А значит, теперь она часть дела.

Роми закрыла глаза. Хотелось нырнуть обратно в сон, ненадолго убежать от бешеного поиска ответов. В этот момент Роми напомнила самой себе Миру. Девчонка тоже кричала, что хочет, чтобы ничего такого с ней не происходило. Чтобы всё было, как раньше. И вряд ли по-настоящему хотела.

Надо всё-таки просыпаться. Вернуться к себе, принять душ, одеться в конце концов. Если через пару часов всё начнет повторяться, если её вновь выжмут как губку, высосут всю энергию, потом попытаются утопить в ядовитом море, вытащат под незнакомое и в то же время почти родное солнце чужого мира, то пусть при этом она хоть выглядит вменяемо, а не как бездомная оборванка.

Роми села. Потянулась. Зевнула.

– Доброе утро, – послышалось из дальнего тёмного угла.

От удивления она моргнула. Надо же! Ллэр заговорил первым. Не удержалась:

– Тебе тоже ночь пошла на пользу?

Ллэр хмыкнул.

– Кофе?

– По твоему рецепту?

– Не моя идея была заснуть на моём диване.

Роми встала, поправила халат. Приблизилась к письменному столу, за которым сидел Ллэр.

– Ладно, давай уже свой кофе.

– И никакой благодарности! – он, ухмыляясь, протянул стакан. Светло-коричневый напиток оказался ледяным, абсолютно не похожим на кофе, но тем не менее вкусным и, главное, действительно бодрящим.

Несколько секунд она потягивала его, глядя то на Ллэра, то на разложенные по столу бумаги и книги, и даже заметила выглядывающий из-под вороха листов пластиковый угол чего-то, что вполне могло оказаться ноутбуком. Ллэр и техника? Вот это уже что-то новенькое!

Ллэр не сводил с неё хмурого взгляда.

– Ненормальная реакция Моря Истока, странное солнце Бэара, мёртвый наручник тайко. Доа Адан со всеми его непонятными способностями. Невесть кто Мира, светящаяся, как гирлянда, – неторопливо перечислила Роми. – Ты правда думал, что я просто уйду, если попросишь?

– А ты проснулась и сразу в бой, – пробормотал он.

– Конечно, я в бой. Ты втянул меня в какую-то хрень! – Настрой на конструктивный разговор улетучивался. Ллэр же оставался спокойным. – Верни наручник.

– Он не принадлежит тебе.

– О, конечно! Зато тебе – да?

– Рэм...

– Не называй меня Рэм.

– Ромиль, походи к себе. Умойся. Прими душ, долгий и холодный. Переоденься. Поешь обычной еды. И приходи. Поговорим.

– И я застаю тебя здесь?

– Мира ещё спит и будет спать некоторое время. Я никуда не денусь.

– Ты...

– Обещаю, – он не дал ей отпустить очередную колкость. – Ты заснула у меня в комнате. Я смирился, что от тебя не отделаться.

Роми фыркнула, залпом допила «кофе», шумно поставила стакан на стол, на какой-то листок. Кажется, пустой, судя по тому, что Ллэр никак не реагировал. За порчу его записей можно было вылететь из комнаты спиной в дверь. Но его неожиданное утреннее самообладание только сильнее раздражало.

– Зачем тебе нужна эта девчонка?

Ллэр не ответил.

– Всё не обязательно должно быть... так.

– Согласен, – он кивнул. – Не обязательно. Но ты знаешь, что будет. Потому что это ты и я. Мы по-другому не умеем.

– Ты собрался меня воспитывать?

Он хмыкнул:

– Ещё скажи – дрессировать.

Роми вспыхнула. Заехать бы ему сейчас! Но мешал стол. Она сжала руки в кулаки. Мысленно выдохнула и вдохнула несколько раз как можно глубже.

– Я – часть всего этого, Эль. Дай мне хоть что-нибудь! И я отправлюсь, как ты предложил, в душ.

– Ты не часть меня и не часть Алэя. Хочешь что-нибудь? Вот тебе что-нибудь: ты никогда не должна была приходить за ним. Отведённое Алэю время измерялось десятилетиями. Он знал едва ли не с рождения, что умрёт молодым. И потому был ярким. Неординарным. А потом появилась ты, и всё стало... иначе.

Такого Роми не ожидала. Ллэр никогда не пытался читать её мысли, это было табу, единственное, в чём он оставался верен себе всегда. А потому не мог знать, о чём она вчера думала. Угадал? Или сам думал о том же?

– Я стала его шансом.

– Ты стала его иллюзией. Ты дала ему пустоту. Он – не я. Он не умеет придумывать цель. Не умеет обманывать себя и идти вперёд только потому, что есть дорога, а значит, надо двигаться. Не умеет жить без смысла. Не умеет просто су-

ществовать, – Ллэр вдруг встал. Роми от неожиданности отпрянула, но он, кажется, не заметил. – А ты никогда не умела разбираться в людях. Алэй устал от вечной молодости уже за тридцать лет, и тогда тебя посетила другая гениальная идея.

– Я пыталась помочь! Не могла же я! Он!.. – Роми сорвалась на крик, осеклась. Заговорила почти шёпотом: – Ты вынуждаешь меня оправдываться. Опять. Как всегда. Чёрт бы тебя побрал, Эль. Не говори мне, что всё это из-за Алэя.

– Всё это из-за бессмысленности вечности, Ромиль. Из-за всех нас, уставших, скучных и скучающих, равнодушных ко всему атради. Это так... противоестественно, – он зажмурился, потрянул головой. – Всё наше существование – ошибка. Бессмертие нам чуждо. Я не могу так больше. Простые слова – «надоело, устал» – и на десятую долю не описывают, что я чувствую на самом деле. Но я – не Алэй, я не сделаю того, что сделал он. Я слишком себя люблю, – Ллэр криво усмехнулся. – Но и так продолжаться не может. Не может! Хочешь быть частью всего этого? Хочешь по-настоящему помочь? Отлично. Будь. И помоги мне всё исправить.

– Исправить что? – она поискала глазами, куда бы сесть, не нашла, поэтому так и осталась стоять.

Когда-то Ллэр хотел вернуть атради всю их силу. Был уверен, что зависимость от солнца – болезнь, от которой можно вылечиться. Избавиться. Найти другие источники питательной энергии, найти способы остаться в Песочнице навсегда, обрести полный контроль над всем своим потенциалом. У

него было столько теорий... давно, ещё в самом начале. Точнее, после первой сотни лет, когда одной вечной молодости и практически неуязвимости ему больше не хватало. Он наслаждался тем, кем стал, не понимал депрессию Алэя и, позже, её обиду и злость. Теперь он говорит – исправить.

– Ты же знаешь, это нельзя исправить, Эль. Нельзя, потому что ничего не сломано. Мы – особая ветка эволюции. Нестандартный способ поддержать популяцию. Наши дети... дети атради – такие, как вы с Алэем, люди с особыми генами из других миров. Те, кто в определённый момент выходит на новый уровень. Как Адан...

Роми замолчала. Как Адан? Действительно? Он был уверен в том, что кто-то с ним это сделал. Как-то подтолкнул. Может быть, ускорил развитие. Или даже искусственно вызвал. Роми тогда подумала, что если кто-то и мог сотворить подобное, то только Ллэр.

Плюс Мира. Странная Мира, которая ни то, ни другое. Но что-то среднее, или наоборот – большее. И которая каким-то образом связана с Аданом.

Вчера его будто осенило, когда они сидели на скале под солнцем Бэара. Он что-то вспомнил, бросился в Тмиор только затем, чтобы тут же помчаться дальше. Нашёл связь? Скорее всего.

– Ты заблуждаешься. Атради – не эволюция, а старый эксперимент, – нарушил молчание Ллэр.

Роми моргнула. Надо же как задумалась, почти забыла,

где и с кем находится.

– Эксперимент?..

– Именно, – Ллэр кивнул. – Неудавшийся.

– Допустим. Тогда кто такие доа?

– Инициаторы.

– Инициаторы? – она задумалась. – Хочешь сказать... они наши предки? Истинные основатели?

– «Истинные основатели»! – передразнил Ллэр. – Какое громкое название. Истинные... Не было никаких Основателей, Ромиль. Чёрт вас разберёт, зачем вы себя так обозвали. Название «Песочница» возникло не потому, что там резвятся ваши дети, а потому что там резвились вы сами. Выросли, возмужали, и вам надоело. Вы захотели больше. Но вы ничего никогда не основывали. Никакими первоисточками не ворочали. Да, могли летать, лечить и молнии глазами пускать. Да, черпали энергию у небесных светил. Но это всё! А доа – самая древняя раса из известных, из живущих по ту сторону. Их почти не осталось, а те, что остались – уже не ровня своим предкам. Но среди них встречаются... интересные личности. Такие, как Адан. Вы... мы... атради – следующая ступень. Но ступень другого уровня, шаг – который был вызван искусственно, и поэтому нам нет открытого хода туда. В Песочницу.

– Ты... откуда ты всего...

– Нахватался? С людьми разговаривал. Книжки умные читал. Ты знаешь, это всё есть в нашей библиотеке. В Замке.

Ну, не всё, конечно. Но многое. Я начал проверять, сверять данные. У меня было достаточно времени. Вы верите, что раньше солнце было бледнее, ваша связь – тоньше, а Приливы Моря Истока позволяли создать связь между атради и звёздами Песочницы. Кто-то считает миры той стороны вашими детьми, которых вы должны были оберегать, но кто-то вас наказал. Но у вас даже нет ни одного свидетельства, что это действительно было так. Вы всё забыли, вам больше нет дела. Вы привыкли и смирились с тем, что есть теперь. Самый древний атради и тот не помнит, чтобы когда-то было иначе. И не факт, что он самый древний.

– Ты нашёл Самара?

– Ага. Поразительно, чего можно достичь, имея вечность и упрямство.

Роми задумалась. Вечная жизнь отнимает способность удивляться. Привыкаешь, что рано или поздно произойдёт всё, что угодно. Потому что времени не просто много – оно бесконечно, и то, что кажется невозможным сейчас, будет доступно через тысячу лет. А потом начинаешь думать, что всё уже было, всё уже видели, всё пережили. И новые чувства на самом деле просто хорошо забытые старые, и тоже будут вскоре забыты. Проходит время, и так и случается. Как там говорят? Всё проходит – пройдёт и это.

Так зачем чувствовать? Зачем удивляться, зачем переживать? Зачем что-то создавать? Пусть этим занимаются другие. Те, чья жизнь быстротечна.

Такие неправильные чувства и мысли – такие привычные для атради. И всё же далеко не всех они затронули. Многие сородичи продолжают жить, делая вид, что им столько лет, на сколько они выглядят. Год за годом, век за веком обманывают себя и окружающих, путешествуют по Зрелым мирам, высовывают нос в Песочницу, чтобы быстро оттуда сбежать. Верят, что раньше были способны на большее. Но не в то, что их создали другие, такие же, как когда-то они сами, смертные.

– Не верю.

– Твоё право, Ромиль.

– Неужели кто-то так хотел бессмертия, что согласился на мир-клетку?

– Подозреваю, клетка – случайность. Побочный эффект.

– Как это?

– Тебе никогда не приходило в голову, почему Тмиор – такой? Почему в этом мире больше нет ни одной живой планеты, кроме него?

– Сейчас ты скажешь, что это искусственно созданная вселенная.

– Вряд ли созданная. Скорее, изменённая.

– Целиком, Ллэр?

– Да.

– У тебя есть хоть какие-то доказательства твоей теории? – Роми недоверчиво покачала головой. – Если кто-то был способен на такое... Бессмертие для них должно быть

пройденным этапом. А оно максимум, что этот кто-то мог получить. Больше в нашем существовании нет ничего ценного.

– Доброе утро! – за спиной послышался голос Адана. Роми обернулась. Он стоял в метре от них, уже в другой одежде – в светлых джинсах и голубой рубашке с небрежно закатанными чуть выше локтя рукавами. На мгновение задержался на Роми взглядом, ухмыльнулся, скользнув глазами по её фигуре всё в том же халатике нараспашку, потом обратился к Ллэру. – Надеюсь, не помешал, и нам всё ещё по пути, потому что надо поговорить. Серьёзно поговорить.

Глава 12. Вирус

Уже много лет она не просыпалась просто потому, что выспалась, когда никуда не надо спешить. Когда можно лежать, вытянувшись на приятно пахнущих цветами простынях в мягкой удобной кровати, забыть о времени, как будто впереди вечность. Думать лишь о том, что доставляет удовольствие. Например, что вчера здесь сидел Ллэр. И если дотянуться до подушки, можно снова почувствовать его запах. А потом представить глаза – серые, удивительные, безумные. Потрясающие. Как Ллэр смотрит в упор, как ухмыляется.

Мира окончательно проснулась и прислушалась. В смежной комнате кто-то разговаривал. Один из голосов без сомнения принадлежал Ллэру, второй – его рыжей подружке. Значит, Роми вернулась. А может, и не уходила вовсе. Почему бы и нет? От них вчера разве что искры не сыпались.

Приятная истома сменилась злостью. Мира порывисто села и только тогда заметила, что на коже вновь проступили искрящиеся вены. Страх, как вчера, не было. Гнев, обида, ненависть, раздражение – всё, что угодно, но не страх. Ллэр говорил, что она должна оставаться спокойной несмотря ни на что. Что ж, можно попытаться.

Мира откинулась обратно на подушку, зажмурилась. С шумом втянула воздух, задержала дыхание, медленно выдохнула. Успокоиться не получалось. Перед глазами маячи-

ла ухмыляющаяся физиономия Роми, насмехалась и корчила рожи. И сразу захотелось вцепиться ей в горло, пусть это будет последнее, что она сделает в своей никчёмной жизни.

И Мира отчетливо поняла: вчерашнее внимание, терпение, обходительность Ллэра – не больше, чем простая предосторожность. Чтобы с ней не происходило вот такое, как сейчас. По крайней мере пока он не поймёт, что это, и не найдёт способ подчинить и контролировать. Она – всего лишь очередное исследование, чей-то неудавшийся опыт или наоборот удавшийся, от которого хотели избавиться, а Ллэр забрал себе, вытащив из таксилёта. На это намекала Роми. Для атради обычная актарионка и правда не важнее морской свинки. Нужна живой не потому что действительно нужна, а потому что Ллэр ещё не наигрался. А потом... Как он вчера сказал? Если она хорошо попросит, ей позволят умереть.

Несколько секунд ушли на бесполезную борьбу. Разум умолял не делать глупостей, что-то внутри сопротивлялось, в висках стучало. Стиснув зубы, Мира заставила себя встать с кровати и дойти до ванной. Открыла кран с холодной водой, плеснула в лицо. Затем выпрямилась, встречаясь взглядом с собственным отражением, и отшатнулась. Кожа уже не светилась, но глаза изменили цвет и были теперь ярко-фиолетовыми.

И опять, как вчера, на смену гневу пришло бессилие.

Она безвольно повисла на раковине, не удержалась, соскользнула на пол. Ванная покачнулась, желудок свело судоро-

рогой. Кое-как Мира доползла до унитаза и позволила наконец не сдерживать больше душивший рвотный спазм.

Постепенно в голове прояснялось. Получилось встать, умыться, почистить зубы нашедшимися на полочке новенькой щеткой и пастой, даже принять душ. Практически силой заставить себя снова посмотреть в зеркало. Глаза уже не блестели, зрачки сузились, но радужка осталась тёмно-фиолетовой.

Мира, шатаясь, подошла к тумбе, на которой стопкой лежала новая одежда. Не глядя, нацепила бельё, первые попавшиеся джинсы и футболку, влезла в валявшиеся на полу бо-соножки, вернулась в комнату, прислонилась к стене.

Адан утверждал, что плешь что-то с ним сделала, что после неё он обрёл силу и способности. Может, и Мира тоже? Что, если она способна на большее, чем просто светиться, как гирлянда? Просто ещё не знает, как. Не умеет. Но ведь может научиться. Ведь может же? Адан, наверное, сумеет ей объяснить.

Мира замерла, осознавая, что он гораздо ближе, чем она могла пожелать – в соседней комнате. Мира ощущала его присутствие, будто сама стоит там же. Не видит, но всё чувствует. И даже голоса за дверью звучали теперь отчетливо.

Первой мыслью было броситься туда, к нему. Мира шагнула, почти касаясь дверной ручки, но остановилась. Что, если ошибается? Что, если Адан – тоже враг?

– Я знаю, как мы с Мирой попали в плешь. Уверен, ты

тоже. Я прав?

– Думаю, она вас втащила, – это уже был голос Ллэра. – Страх за свою жизнь спровоцировал её переход. Ты шёл комплектом. Я совсем немножко не успел.

Послышался смешок Роми:

– То есть всё-таки твой эксперимент?

– Не мой.

– Не его, Роми. Но он в курсе, как мы связаны с Мирой и кто стоит за всем этим. Не так ли?

Наверное, Ллэр кивнул в ответ, потому что Роми буркнула:

– Кто бы сомневался.

– Ты сомневалась, – в тоне Адана отчётливо звучал упрек. – Убеждала нас, что с ним говорить не стоит. Лучше бы сразу спокойно всё обсудили, чем...

Послышался чей-то вздох.

– Что ты знаешь про вирус, Ллэр? – спросил Адан.

– Немного. Редкое инфекционное заболевание. Она потеряла сознание прямо на улице, после чего её отвезли в больницу, а уже там проводили исследования. В том числе неофициальные.

Мира нахмурилась. Может, выйти к ним и заявить о своём присутствии, раз они так дружно обсуждают её персону? Она почти успела прикоснуться к ручке, когда снова заговорил Адан:

– Мы можем поговорить наедине?

– Не можете! – недовольно отозвалась Роми.

– Теперь от неё не избавиться, – сказал Ллэр и абсолютно точно ухмыльнулся.

– Роми, ты же её терпеть не можешь, а речь пойдёт именно о ней.

Мира довольно улыбнулась. Наконец кто-то признал очевидное. Значит, Адан на её стороне. Не то что Ллэр, которому то ли плевать, то ли его забавляют словесные перепалки. И ещё вопрос, что бы он сделал, если бы явился вчера на пляж чуть раньше. Не факт, что, встань Ллэр перед выбором, он выбрал бы её, Миру.

– Она, кстати, тоже не пылает ко мне страстной любовью, – заявила Роми.

– Прости, но вчера ты пыталась её убить. И меня заодно с ней, кстати. И вообще всё выглядит так...

– Адан, я не пыталась убить. Я же уже объясняла. Мира умничала, а я хотела поделиться с ней тем, что чувствую в тот момент. Чтобы она прозрела и поняла, что пора заткнуться. Когда не верят словам, мы используем другие методы. Возможно, море что-то сделало и с этими способностями.

– Море? – спросил Ллэр.

– Да. Море. Я пыталась вчера сказать, но тебе не до этого было, – Роми злилась, как всегда. – Оно устроило мне внеплановый прилив с усилением части, в которой хочется вспороть себе живот и простирнуть кишки в воде, только бы из-

бавиться от боли. Есть этому объяснения?

– Смесь биополей, – пробормотал Ллэр. – То, что тебя опустошил доа. Близость доа. Что угодно. Можем вернуться и поэкспериментировать. Потом.

– Роми, – начал Адан, – я не обвиняю, пойми! Я сам... Не важно. Просто к морю привела нас ты. И кто может поручиться, что через секунду близость доа не вызовет у тебя очередное аномальное желание?

– Никто. Согласна. Но я не приводила нас в море. По крайней мере, сознательно. Я не хотела, чтобы ты шёл в замок. Я пыталась тебя остановить, а вышло иначе, и так тоже не бывает. Не списывай всё на меня. Мира, между прочим, не очень-то проста и безобидна, как выяснилось.

Мира зло усмехнулась. Сильнее захотелось, чтобы странное свечение оказалось малой толикой того, на что она способна теперь. Ну хотя бы капельку умений Адана. И вот тогда...

Она не успела развить мысль, потому что Адан снова заговорил:

– Мира не проста. И боюсь, вы даже не представляете, насколько. Никто не представляет. Но дело не в этом. Это не самое плохое. То есть даже не плохое. Есть вещи похуже.

– Насколько хуже? – нарушил молчание Ллэр.

Мира прижалась к двери лбом, затаив дыхание.

– Давайте по порядку. Мне так будет проще. Я могу сесть... там? – спросил Адан. Видимо, Ллэр выразил молча-

ливое согласие, потому что почти сразу послышались шаги, какая-то возня, звук отодвигаемого стула или ещё чего-то, потом снова голос Адана: – Не совсем понимаю, с чего начинать. Наверное, лучше с Таль. Она... В общем, мы познакомились в Бэаре. Несколько месяцев встречались. Так... ничего серьёзного, – из-за двери донёсся нервный смешок. – С ней было удобно и приятно... какое-то время. Потом мы расстались. Естественно, мне и в голову не приходило, что она из другого мира. Но, как выяснилось сегодня, я сильно заблуждался. Таль не просто из Актариона, она руководит целым проектом по изучению паранормальных способностей. Именно это исследование привело её в Бэар. Там она искала кровь для своих опытов. Особую кровь, которая поможет привить обычным людям всякие ваши... наши штучки. Наделять способностями. Или лишать их. В общем, добиться конвейерного производства Способных в рамках отдельно взятого Актариона. Пока в рамках. Не думаю, что это их конечная цель.

Мира готова была поклясться, что в этот момент Адан ухмыльнулся. Не так, как это делает Ллэр. По-другому. И в его глазах не было насмешки, вызывающей желание ляпнуть какую-нибудь обидную колкость в ответ.

Ну вот, опять. Почему не получается не думать о Ллэре? Даже сейчас, когда обсуждают её жизнь, может быть, её будущее. Прошрое уж точно. А она, как дура, представляет его. Как он сидит, как смотрит, как ухмыляется.

Интересно, а он может об этом знать? Вдруг чувствует? Ведь он может читать её мысли и... Например, вчера, когда...

Мира поняла, что краснеет. Какого чёрта?! Выкинуть его из головы. Выкинуть! Сейчас же и навсегда. Не думать, не чувствовать, да так, чтобы ему нечего было прочесть, когда влезет в голову в очередной раз. Чтобы только сунулся, а там красивым искрящимся почерком надпись: «Вали отсюда нафиг!»

– Моя кровь приглянулась, – продолжал рассказывать Адан. – Якобы доа – что-то такое этакое. Нечто особенное. Честно говоря, с трудом верится, потому что пока ощутимой пользы не быть человеком я не получил. Даже в собственном доме пришлось сидеть без электричества, да и... Ладно, как-нибудь разберусь, – тон снова стал серьёзным. – Ты была права, Роми. Способности у меня с рождения. Таль утверждает, что почувствовала, потом анализ подтвердил её теорию, и что она всего лишь хотела узнать, как их расшевелить. Я склонен ей не верить. Знаете, как-то слишком невинно для дряни, спавшей со мной только для того, чтобы воровать кровь для усиления собственных возможностей, – опять послышался смешок. – Хотя она утверждает, что не могла рассказать. Мол, я бы не поверил. Может, и не поверил, но уж точно не позволил проделать такое со мной. И точно не с Мирой. Она – случайная жертва, подвернувшаяся Таль под руку. У нас какая-то там генетическая совместимость. Была.

Вернее, есть. А теперь, благодаря Таль, ещё и общее биополе.

– Ты хочешь сказать, в Акатарионе нашли ген, отвечающий за способности, и научились прививать обычным людям? – спросила Роми.

– Именно.

– Как ты умудрился не понять, что из тебя в буквальном смысле кровь сосут?

– Ты бы, конечно, сразу обо всём догадалась, да? Не сомневаюсь. Ни секунды. А я вот не умудрился. Представь себе, мне даже нравилось, как сосут, – хмыкнул Адан. И Мира снова почувствовала, как он усмехается при этом. Ещё бы... Таль такая... такая... Рядом с ней рыжая атради в своём коротком платьице из бара – никакущая уродина. Но обе одинаково бесючие, это факт. – Она, знаешь ли, способна не только к перемещениям и гипнозу.

– Я не говорю, что догадалась бы, но...

– Давайте не будем отдаляться от конструктивной стороны вопроса, – перебил Ллэр. – Что Таль известно о доа?

– Видимо, достаточно, чтобы захотеть получить одного такого в собственное распоряжение, – зло буркнул Адан. – По её словам, кровь доа похожа на вашу. И те возможности, которыми наделяет, сравнимы только с атради. В чём-то даже превосходят, хотя и не дают вечной жизни, как у вас.

Вечной жизни? Мира изумлённо моргнула. Вечным может быть только беспорядок в её комнате, а не люди. Ладно, пусть атради не совсем люди, но внешне же похожи. Две ру-

ки, две ноги, голова и всё остальное на своих местах.

– Получается, что результаты Таль подтверждают твою теорию, – в тоне Роми звучало искреннее недоумение.

– Какую теорию? – уточнил Адан.

– Ллэр говорит, что атради когда-то были доа, а потом устроили на себе мегаэксперимент. – Кажется, Роми не хотелось признавать, что она только что сказала.

– Результаты ничего не подтверждают! – воскликнул Адан. – У Таль не получилось. Она даже не знает, что Мира до сих пор жива. Опыты не дали никаких преимуществ. По крайней мере тех, ради чего всё затевалось. Никакой ощутимой пользы. Поэтому она и уничтожила Миру. То есть, пыталась. Усадила в таксилёт, внушила водителю взорвать его, а потом и квартира Миры взлетела на воздух. По-твоему, так поступают с удачным экспериментом? По-моему, нет.

Теперь всё встало на свои места. Её выписали, Таль проводила до стоянки, улыбалась. Уверяла, что больше не о чем беспокоиться, от страшного вируса не осталось и следа. Лечение было успешным. Да уж успешней просто некуда. Накачала какой-то дрянью, а потом... Мира похолодела.

– Возможно, нам всем повезло, что Таль пришла в голову идиотская идея убить Миру таким бестолковым способом. У меня появился шанс, – произнёс Ллэр.

– Таль заметала следы и очень торопилась, словно чего-то боялась. Официально Мира считается погибшей. И кажется, Таль не очень-то заботит, как ей удалось выжить, – продол-

жал Адан. – Но что-то у неё всё же получилось, потому что Мира не только себя, но и меня заставила оказаться в плещи.

– Ты знаешь, что конкретно Таль сделала с Мирой? – спросил Ллэр.

– Без понятия, – вздохнул Адан. – Если бы я хоть что-то в этом понимал. А она не очень-то объясняла. У неё теперь в связи с моим успешным превращением в доа появилась новая теория. И куча планов. Но это не проблема. С Таль я как-нибудь разберусь. Пока что не испытываю ни малейшего желания становиться донором для её новой особой расы. Так что, надеюсь, нам будет везти ещё долго. Но меня беспокоит Мира, потому что дело не совсем в том, что с ней сотворила Таль. Что она могла сделать? Видимо, вкачала в неё мою кровь, может быть, ещё чего-то намешала. От каких-то других рас, с определёнными способностями. Меня волнует, как на Миру повлияла плещь. Ведь если у неё моя кровь, Мира могла превратиться в доа?

– Могла, наверное. Особая кровь со спящими генами доа в сочетании с фиг его знает чем, некой инфекцией, вирусом, или что там было, – Ллэр, вероятно, на миг задумался. – Я не силён в биохимии, но если Таль – гений, и она каким-то образом повторила древний эксперимент самих доа, то получить она могла в итоге какой угодно незапланированный результат. Как и доа когда-то. Атради вышли не совсем такими, какими их задумывали.

– И что это теперь за собой повлечёт? Какие метаморфо-

зы, если вообще, потому что, – Адан осёкся, и Мира почти физически почувствовала его волнение.

А может, это её собственное ощущение? Не каждый же день узнаешь такое о себе. Как-то слишком много для двух дней. Никак не сообразить, радоваться теперь или огорчаться? Или же начинать усиленно бояться чего-то... Или ко-го-то... Таль, Ллэра, Роми. Саму себя?

– Тот вирус, который у неё обнаружили, не вымысел. Его не смогли вылечить. Или не лечили вовсе. Мира смертельно больна. Поэтому Таль с ней не церемонилась, если, конечно, не врёт. Но не думаю, что врёт. Не вижу смысла.

Мира остолбенела. Перехватило дыхание, новость сбила с ног, буквально. Смертельно больна?! Она?! С какой стати?.. Мира схватилась за косяк, не удержалась, навалилась всем телом на дверь и поняла, что проваливается сквозь неё, как будто дерево стало похожим на густой воздух.

Внезапно «дверь» закончилась, пространство пришло в норму, и Миру подхватили на руки едва ли не над самым полом.

– Подслушивала? – шепнул в ухо Ллэр.

– Отшлёпаешь? – машинально огрызнулась Мира.

– Ещё немного и – возможно.

– Поставь меня на место, – она кивнула на застывших, словно статуи, Адана и Роми. – Вертикально. Пожалуйста.

– Ты говоришь на карни? – удивлённо воскликнул Адан.

– Как видишь, метаморфоз более чем достаточно, – Ллэр

помог ей встать на ноги.

– Она говорит на карни, – подтвердила Роми. – Ещё светится фиолетовым, подражает голосам, способна сознательно рассинхронизировать себя с окружающим миром, став фактически призраком. Фиг его знает, что ещё может. Твоя Таль постаралась на славу.

Три пары глаз смотрели сейчас на Миру. Внимательно, изучающе, оценивающе. Словно опасаясь, что, с одной стороны, она сможет что-то такое выкинуть, с чем им не справиться, а с другой, будто желали убедиться в происходящих изменениях воочию и чего-то подобного ожидали.

Она смутилась, неловко переступила с ноги на ногу. «Показывать фокусы» не умела и не собиралась. Возвращаться в спальню – глупо, оставаться – чревато. Стоять вот так – верх идиотизма. Недолго думая, Мира уселась на пол рядом с дверью. Поджала к груди колени, обхватила руками, исподлобья посмотрела на Ллэра, потом на Роми и Адана.

– Что теперь со мной будет? – Всё-таки лучше знать, чего ожидать, хотя бы примерно. Даже если не ответят, это ведь тоже ответ. Своеобразный.

– А что ты хочешь, чтобы с тобой было? – спросил Ллэр.

– Ты волшебник, исполняющий желания, да? – съязвила Мира.

Не думать о нём она ещё могла попытаться, пусть и не очень-то верилось в успех, но перестать дерзить никак не получалось. Хотя, возможно, Ллэр ничего обидного не имел

в виду. Только слова всё равно срывались с губ мгновенно, Мира даже не утруждала себя попытками разобраться, потому что во всём его поведении, в тоне, взгляде, ухмылке мерещилась пусть маленькая, совсем малюсенькая, но издёвка. Ллэр не насмехался, не умничал, не говорил свысока, как Роми, но постоянно подтрунивал, как взрослые над несмышлёными детьми, уверенные, что могут и знают больше. Или бросал вызов, специально задевая превосходством, чтобы она ответила очередной колкостью. Как дурацкая игра, в которую не перестать играть. А надо бы.

– Отлично, – Ллэр широко улыбнулся. – Просто проверяю, насколько ты в шоке от услышанного.

Ну вот, опять. Очередная издёвка. Мира насупилась, но выдать гадость не успела.

– Не хочу тебя обманывать, – Адан в отличие от Ллэра выглядел серьёзным, даже чуточку грустным. Вот он-то точно не играл ни в какие игры. – Не знаю, насколько всё плохо. Но попробую выяснить и помочь. Таль... Надеюсь, я не преувеличиваю своё влияние на неё. Могу только пообещать, что сделаю, что смогу. А пока, если хочешь, можешь пожить у меня. В Бэаре. Насколько я понял, Таль туда не попасть. Если ты, – он взглянул на Ллэра, – не возражаешь.

Тот задумчиво покусал губу.

– Таль – молодец, этот её эксперимент – он важен. Хорошо бы она никогда не поняла, почему, – он нахмурился, повернулся к Мире. – Я бы предпочёл, чтобы ты не покидала

Тмиор. Сюда Таль точно ходу нет.

– Она может остаться у меня, – предложила Роми.

Пожить у неё? Ага, сейчас, разбежалась. Мира скривилась, чудом заставив себя промолчать.

– Э-э-э... что? – удивлённо переспросил Ллэр.

– Что слышал. Вы не тратите время и отправляетесь выяснять детали, а ты можешь пожить у меня, – Роми посмотрела на Миру. – Я понимаю, странное предложение, – она улыбнулась, и вроде бы даже вышло вполне миролюбиво. – Ты меньше всего испытываешь тёплые чувства именно ко мне, да и я... Но это, наверное, надо исправить. Попытаться хотя бы, раз мы все никуда не собираемся деваться.

– Может, я, конечно, умираю и всё такое, но точно не самоубийца, – буркнула Мира. Повернулась к Ллэру. – Я хочу остаться с тобо... То есть... где-нибудь... рядом.

– Рядом, значит, рядом, – как-то слишком равнодушно ответил он.

Что-то стеклянное со звоном встретилось с паркетом. Мира вздрогнула, оглянулась. Диван в эркере, где секунду назад сидела Роми, был пуст.

– Я... – она осеклась. Если бы Ллэр хотел, чтобы осталась у него, предложил бы сам. – Лучше к Адану... наверное.

– Нет уж, раз выбрала, останешься с ним. Здесь тебе будет безопасней всего, – Адан перевёл взгляд на Ллэра. Кивнул, видимо, на прощанье: – Ты знаешь, где меня найти, – и исчез.

Ллэр неторопливо присел, собирая осколки. Выбросил их

в корзину, полную смятых бумажек, возле стола. Потом посмотрел на Миру.

– Расстроилась, наверное, что я не пошла к ней в гости, – хмыкнула она.

– Ты ведь понимаешь, что вам рано или поздно придётся уживаться друг с другом?

– Предпочитаю игнорировать, – фыркнула Мира. – Но здороваться буду. Вежливо.

– Главное, сделать первый шаг, – Ллэр улыбнулся.

О Роми говорить не хотелось, совершенно. Как и скрывать радость от её исчезновения. Пусть бы всё тут перебила, лишь бы не возвращалась. Но в последнее верилось с трудом. Вернётся, и в чем-то Ллэр прав. Уживаться придётся.

– Если ты ищешь тему для разговора, можем поговорить и о моём бывшем. С ним тебе даже здороваться не придётся, – Мира встала.

– А ты хочешь... поговорить о своём бывшем? – кажется, он воспринял сказанное всерьёз и удивился. Или искусно притворился.

– Я хочу... – она всё-таки успела заткнуться раньше, чем признание слетело с губ. Ну ладно, не совсем признание, но почти. Не дождётся. – Я много чего хочу. И это мои проблемы.

– Можешь сделать их не только своими. Надо всего лишь перестать быть такой колючей.

– Из тебя хреновый психоаналитик, Ллэр.

– Знаю.

Они снова стояли близко. Это плохо. Потому что рядом с ним Мира теряла контроль. Каждый раз чуть больше, чем в предыдущий. И ведь понимала, что приближается к опасной черте, которую переступать нельзя, потому что потом будет ещё хуже. Вспоминать о том, что было и уже не случится, совсем не так приятно, как мечтать о том, чего не было, но может произойти.

– Не вынуждай сделать что-то такое, о чём мы оба пожелаем, – прошептала она.

– Уверена? – так же шёпотом спросил Ллэр.

– Это вопрос-ловушка?

– Как почти все мои вопросы, – отходить он не спешил, улыбался краешком губ. И смотрел ей в глаза. Как всегда провоцировал.

Больше сопротивляться желаниям Мира не собиралась. Шагнула к нему.

– Что будет, если я сейчас врежу по твоей наглой ухмыляющейся физиономии?

– А что будет, если не успеешь...

Мира замахнулась, не дожидаясь очередной умной колкости, но Ллэр успел перехватить за запястье едва ли не в последний момент, когда до его лица оставалось не больше сантиметра. Прижал к щеке её ладонь, накрывая своей. Шепнул опешившей Мире, не позволяя вырваться и замахнуться снова:

– ...ударить?

А потом поцеловал – не выпуская одну руку, второй обхватил затылок Миры, притянул к себе и поцеловал.

Глава 13. Луна доа

Бэар встретил дождливым вечером.

В квартире по-прежнему не было электричества. Может, даже к лучшему. Темнота не мешала. Магнитные поля электроприборов – вот что по-настоящему сводило с ума, а пока они молчат – жить можно.

Всё-таки хорошо, что Мира предпочла Тмиор. Вряд ли сейчас он смог бы обеспечить ей хотя бы подобие нормальной жизни. Для начала неплохо самому научиться существовать в Бэаре. Например, как-то выйти завтра на работу.

Если добраться до офиса без машины не проблема, то все остальное представлялось с трудом. Слушания, клиенты, присяжные... Он ведь теперь сам определит точнее любого навороченного детектора, кто врёт, а кто невиновен. И вне связи с результатом легко может заставить принять именно свою версию. Так что работать будет, как минимум, увлекательно. И, скорее всего, очень выгодно. Он ведь собирался стать хорошим... Нет, хорошим уже был. Собирался стать одним из лучших. С разбуженными плешью умениями превратиться в самого лучшего – не проблема.

И всё же предстоящая новая жизнь пугала больше, чем радовала. Несмотря на обретенную силу, несмотря на все преимущества и выгоду, которые легко можно получить. Конечно, в своём обычном прошлом ему частенько хотелось сде-

лать что-то, чтобы раз и... Одним щелчком пальцев. Захотеть и вот оно, перед тобой. Или ты перед ним. Да и чего скрывать, желание влезть в головы остальных и прочитать их мысли, узнать о самом сокровенном посещало тоже довольно часто и казалось удобным решением для многих повседневных проблем.

Адан Свир никогда не был идеальным, никогда не пытался им быть. Жил, как умел. Стремился жить так, как хотел. Независимо, обеспеченно. По возможности долго и счастливо. В общем, так, как у большинства подразумевается под словом «хорошо».

И ведь почти получалось. Пусть и был не совсем обычным, со спящими генами чёрт его разберёт какой древней и могущественной расы, но в остальном – простой, заурядный. На «ты» с Бэаром. Говорят, в незнании счастье. И то желанное и неожиданно обретённое, ставшее вдруг доступным, никак не вписывалось в его мир. Вместо ожидаемой лёгкости бытия всё только усложнилось. И сильно. Даже последние слова Таль перед тем, как он исчез из Актариона, уже не казались пафосной угрозой, а вполне возможным сценарием его будущего.

Стоя у окна и глядя на бесконечный поток машин, Адан вдруг с удивлением осознал, что несколько часов не курил и даже не вспомнил о сигаретах. Да и ел он в последний раз... вчера днем. В офисе, точно. А пил... ещё раньше. И между тем не чувствовал ни голода, ни жажды. Это, ещё одно сви-

детельство новой жизни, тоже наводило на разные мысли. Но думать не хотелось. Ни о чём. Ни размышлять, ни анализировать. Хотя бы какое-то время. Хотя бы в этот вечер.

Адан знал только один способ, чтобы этого добиться.

Нащупав в темноте первую попавшуюся бутылку, он подошёл к дивану, потом вернулся обратно к бару за стаканом. На ощупь откупорил пробку, налил и выпил залпом. По вкусу – ром. Отлично, значит, вот что станет сегодняшним антидепрессантом.

Темнота помогала не думать о времени. Выпитый алкоголь – обо всём остальном. Хотя получилось далеко не сразу, как будто пил не чистый ром, мягкий и жгучий, а хлебал из стакана обычную воду. Даже после половины бутылки эффект опьянения никак не ощущался. Потом, видимо, то ли сумел расслабиться, то ли алкоголь наконец-то проявил свои лучшие качества. И на мир стало смотреть проще.

Неожиданная гостья в его квартире ступала почти бесшумно, но Адан всё равно слышал. Или почувствовал, потому что, не глядя и не видя, знал, кто это.

Роми неторопливо опустилась на ковёр у кресла напротив Адана.

– Поделишься? – протянула едва различимый в темноте стакан.

– С радостью. Не придётся пить одному, – рассмеялся Адан. Налил ей остатки рома, попытался вернуть пустую бутылку на стол, но, видимо, промахнулся, потому что та с гро-

хотом упала на пол, чудом не разбившись. Отлично, значит, он уже пьян. – Ой, тут совсем чуть... Но бар там, – он указал в противоположный конец комнаты. – Весь в твоём распоряжении. Как и я. Надеюсь, ты не в халатике.

– Нет, я не в халатике, – он услышал улыбку в её голосе. Темнота не мешала, но превращала атради в тень. Звякнул о стол стакан. Стукнулись друг о друга бутылки, и в обеих руках Роми что-то появилось. – Я рада, что мой приход тебе по душе, – она протянула одну из бутылок ему. – Или ты хотел коктейль?

– Без разницы, – Адан забрал предложенную выпивку. – Главное, чтобы в итоге помогало избавляться от привычки просчитывать возможные ситуации на десять ходов вперёд. Потому что, как выясняется, вариантов слишком много. Я запутался, – он усмехнулся, посмотрел на неё: – А ты по делу или так... просто?

– Я... – Роми сделала пробный глоток того, что выбрала в качестве отравы для себя. – Я не знаю, если честно. Смотря, что считать делом.

– Вкусно?

– Сейчас главное, не чтобы вкусно, а эффективно. Верно? Но вообще – да. Вкусно.

Адан отпил из горла, причмокнул, облизывая губы. Ему досталась ягодная настойка, ароматная и хмельная.

– Хороший выбор. Рука и правда лёгкая, не обманула, – он откинулся назад, упёрся спиной в диван. – Значит, тебе

тоже хочется разучиться на время думать?

– Мне тоже хочется... Знаешь, – Роми усмехнулась. – У нас постоянно тишь да гладь. Можно не думать. Многие и не думают. А когда надо... тогда тяжело. Мозг, наверное, атрофируется. Вместе с чувствами.

– Ты не похожа на атрофированную, – он хмыкнул. – Я бы даже сказал, что с мозгами у тебя всё в полном порядке. И с чувствами тоже, даже слишком! А вообще... – Адан заговорщицки понизил голос. – На твоём бы месте я не переживал. У них вряд ли серьёзно.

– У них?..

– Молодец, я почти поверил, – хихикнул Адан, делая ещё пару глотков.

– Ты думаешь, я... тут... – она отхлебнула из своей бутылки. – Нет. Я не потому... – кажется, Роми махнула рукой. – К чертям.

Он пошевелился, удобнее устраиваясь на полу. Взмахнул в воздухе бутылкой:

– Поддерживаю! К чертям!

– Дзынь, – Роми негромко рассмеялась. Снова звякнули бокалы, будто в глубине дома кто-то соединил их в тосте.

Некоторое время они пили молча. Потом она спросила:

– Ты живёшь один?

– Да. Родители умерли, когда я был совсем крохой. Братьев и сестер нет, а девушки... Они были приходящими, Таль тоже. Так проще, – он ухмыльнулся, вспомнив, как эта

девица сбросила халатик в беседке в качестве наглядной иллюстрации сделанному предложению. Да уж, проще. С Тальничего не просто, не было и не будет. Только сейчас он о ней думать не станет. Сейчас у него в гостях симпатичная и бессмертная Ромиль. – Слушай, а можно вопрос? Личный. И странный.

– Конечно.

– Обещаешь не наброситься на меня? – пошутил Адан. Ответа дожидаться не стал. Если набросится, предупредить заранее не будет, и справиться с ней он сумеет. – Ты хотя бы приблизительно помнишь, сколько у тебя было любовников?

– Э-э-э... Неожиданно, – Роми опять засмеялась. – Нет, не помню. Это, по-твоему, плохо?

– Это нормально, раз уж судьба запихнула тебя в чертовски привлекательное тело на века вечные. И, кстати, характеризует тебя, как вполне нормальную. Не атрофированную ни разу. Потому что, если бы к такому телу прилагался один Ллэр, я был бы как минимум разочарован... – он резко замолчал, рассмеялся. – Чёрт, опять анализирую. Знаешь способ, как с этим бороться?

Она встала, перебралась от кресла к дивану и села рядом с Аданом. Протянула ему бутылку, предлагая единственный сейчас способ перестать анализировать: пить дальше.

– Ллэр намного младше меня. Он знает своих родителей. У него были детство и юность. У меня – нет. Или я не помню. Это странно, знаешь ли. Но уже давно меня не тревожит.

– Всё странное рано или поздно становится нормальным. Как мы с тобой, мы ведь тоже странные, – перехватив ее удивлённый взгляд, Адан улыбнулся. – Помнишь, вчера, почти в это же время, ты предлагала мне коктейли в плещи, а я отказывался и хотел уйти? А сейчас ты пришла ко мне домой, я уже не отказываюсь, потому что мы решили вместе выпить. А если вспомнить, что пару раз за последние сутки мы чуть друг друга не убили, то... это ведь странно, что мы сидим тут вдвоём в крошечной тьме и пьём? – он подмигнул. – Но это нормально. Даже отлично.

– Чертовски замечательно! – она хмыкнула. – Плещь... Это было только вчера. Примерно сутки по времени большинства миров. Мне нравится такой ритм. Нравится смена декораций, даже угроза. Нет, угроза, конечно, не так нравится, но после стольких лет очень тяжело поверить в её реальность. – Она помолчала. – Я могла погибнуть. Надо же.

Получается, до неё дошло только сейчас.

Алкоголь приятно обволакивал вены, расслаблял, хотя Адана не покидало ощущение, что он по-прежнему трезвый. Будто стоит приложить усилие, и хмельная пелена спадёт. Зато потянуло философствовать:

– В вечности есть нечто парадоксальное. Она и манит, и отталкивает. Представляю, как печально наблюдать, когда всё и вся умирает, рождается и снова умирает, а ты продолжаешь жить. Раз за разом.

– А потом и к этому привыкаешь.

Адан сделал несколько глотков, посмотрел на Роми.

– Но раз ты вчера чуть не погибла, значит, не очень-то вечная. В смысле, это твой выбор – жить или умереть.

– Я иначе воспринимаю слово «жить». Мы просто есть. У нас нет целей, нет смысла продолжать. Его необязательно искать. Точнее, цели появляются, достигаются, забываются. Или не появляются вообще. Большинство из атради даже не заметит разницы, потому что для нас это вопрос мгновений. Можно веселиться, пьянствовать до потери пульса изо дня в день, притворяться, играть в богов и королей, менять себя, устраивать революции, разрушать, созидать, изобретать, воровать, летать к звёздам и охотиться на доисторических животных. Что угодно, но в конечном счёте это лишь миг, и он бесконечен. Понимаешь?

Адан мотнул головой. Представить такое не получалось.

– То, что произошло вчера ночью... то, как ты опустошил меня... почти убил. Я никогда о подобном не слышала. Не думала, что такое бывает.

– Прости.

– Я на тебя не в обиде. О, ни капельки не в обиде! – Роми улыбнулась. – Понять, что ты уязвим. Это... Да, теоретически я могу прекратить своё существование, но это потребует небывалого мужества, терпения и ещё большей уверенности в собственном решении. Потому что придётся полностью истощить себя энергетически, а наше мировосприятие... оно просто не допустит такого. Ллэр говорит, мы скучные, ску-

чающие и равнодушные, но мы всё равно не думаем о том, как прекратить существование. Когда столько живёшь, само понятие времени теряет смысл. Нет «столько живёшь», нет начала и конца, нет ничего, то есть действительно ничего. И в то же время – есть всё. Бесконечная череда из сегодня. Есть легенды, что когда-то атради были смертны. Есть много теорий, вопросов. И сам факт их наличия, сам факт размышлений на этот счёт подтверждает, что когда-то было другому. Иначе бы мы были меньше людьми. Согласен?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Может, вопросы возникают, потому что вы невольно сравниваете себя с людьми? Или потому что часть вас когда-то ими была. Например, я. Я ведь тоже не человек, как оказалось. Но я родился, вырос, живу в Бэаре. Я привык к этой жизни, не хочу её менять. Хочу оставаться человеком, чья бы кровь ни текла в моих жилах. И знаешь, та теория Ллэра, что когда-то доа провели мегаэксперимент, чтобы получить бессмертие. Мне странно думать, что кто-то сознательно хотел такого. Тем более мои древние предки. Какой-нибудь мой пра-пра-пра-доа родственник, – Адан рассмеялся.

– Мы ничего не знаем о том, кто мы и откуда. Но не могли же атради вот так вот просто всегда существовать? В нас заложен этот вопрос. Только нам стало всё равно. Многим всегда и будет. Но есть такие, как Ллэр. Ему очень быстро надоело просто быть и быть всегда. А теперь он точно не успокоится, раз уж нашёл Таль. Никто нигде никогда не встречал

людей, которые раскрыли бы секрет, как сделать из простого человека атради или доа. Или просто одарённого чем-то необычным.

– А что он ищет? Ответы на вопросы? Лекарство от вечности?

– Всё сразу! Говорит, что бессмертие – противоестественно, что нас таких, какие мы получились, не должно было быть. И раз это эксперимент, то его можно обратить.

– А ты ему помогаешь, потому что когда-то превратила в такого? Или, наоборот, пытаешься остановить?

– Я... – Роми сделала несколько глотков, словно это могло помочь найти ответ. Кажется, она сама не уверена, зачем вмешалась. – Останавливать точно не собираюсь. Ну, найдёт он своё лекарство. Он же не станет всех атради насильно им пичкать. Я даже не уверена, что, найдя, он на себе его опробует. Потому что ему важен сам факт возможности выбора. Но... за мной долг другому человеку, который уже выбрал. Я дважды пыталась исправить его жизнь, и в итоге... ничего хорошего из этого не вышло.

– Расскажешь? Если хочешь, конечно. Мне кажется, я мог бы помочь. По крайней мере, если сейчас кто-то и может что-то выбить из Таль, это я.

– Ты мог бы помочь, наверное. Но я так мало понимаю, что именно нужно выбить из Таль, что без Ллэра и его правильных вопросов всё будет без толку. Не я копала годами, не я пыталась понять, как это работает, – Роми помолчала. –

Знаешь, я всегда надеялась, что у него это пройдет. А Алэй... Он бы умер, не дожив до тридцати, если бы не был особым. Как Мира. Ну, не совсем как Мира, потому что он атради, но у них много общего. Ему и было почти тридцать, когда он оказался в плещи. Для него она, конечно, предстала не баром. Тёмный, мрачный огромный зал, как в древнем замке, с высокими потолками, тяжёлыми люстрами, с которых свисала жуткого вида паутина, рваными гобеленами, – она усмехнулась, – и одним единственным окном, на потолке. Прямо над покрытым пылью тронem. Он решил, что умер, и это – загробное царство. А я – встречающий. Некий ангел смерти. И знаешь, он не боялся. Не сожалел, даже обрадовался, что за гранью – не пустота.

Она говорила, а воображение Адана, сдобренное хорошей порцией алкоголя, живо рисовало картины. Правда, настоящих замков до Тмиора ему видеть не приходилось, зато теперь легко представлялось место, в котором оказался этот самый Алэй. И, судя по тону Роми, Алэй был одним из тех, кого она отлично помнила.

– А как ты узнаёшь, что кто-то очутился в плещи?

– Мы... это... – Роми вдруг рассмеялась. – Чёрт, на пьяную голову прозвучит совершенно по-идиотски. Мы по очереди присматриваем за ней. Три полных дня я, три – кто-то ещё. Из истинных атради. То есть из тех, кто был всегда, а не как Ллэр или Алэй. Есть приспособления. Кристаллы. Они улавливают колебания и сообщают, что кто-то нарушил

границу и застрял в плещи. Я свои переделала в серёжки.

– Непрактично! Что будет, если потеряешь? Представляешь, – он захохотал, – по твоей вине кто-нибудь останется бродить и будет три дня искать несуществующую дверь, как я!

– Следующая смена найдёт, или не следующая... Но какая-нибудь всё-таки найдёт, наверное, – она хихикнула, отхлебнула из бутылки. – Знаешь, а это на самом деле не смешно!

И снова засмеялась.

Адан с улыбкой смотрел на неё. Не верилось, что перед ним та же девушка, которая с перекошенным от злости лицом металась по песку.

– Между прочим, у меня закончилось, – он помахал в воздухе пустой бутылкой. – Удиви меня.

Роми забрала её, отставила в сторону, и свою тоже. Потом потянулась к нему, мягко поцеловала и тут же отстранилась.

– С тобой легко, – она как ни в чём ни бывало протянула ему бутылку. – Надеюсь, запасы у тебя хорошие. А то такими темпами придётся таскать выпивку из магазина.

– Можем вернуться в мою плешь, с баром, – расхохотался Адан. Такая Ромиль нравилась ему ещё больше.

– Потом. Возможно. Если здесь совсем туго будет, – Роми тряхнула головой. Кажется, хмель изрядно добрался и до неё. – Я не люблю плешь. Вы делаете из неё картинку, мы же видели её такой, какая она есть на самом деле. Вязкий туман.

Ни верха, ни низа, ни неба, ни земли. Не тепло, не холодно. Такое полное отсутствие.

– Не жалуйся! Туман не туман, но твоя смена раз в... год? Сколько вас там... – Адан попытался вспомнить количество атради, вычесть из него тех, кто мог быть превращен в вечных, но упёрся в летоисчисление Тмиора. Вряд ли там, как в Бэаре, дни складывались в недели, месяцы, года. – Не важно, – он снова засмеялся. – Вот походила бы, как я, каждый день на работу. Уж лучше в туман!

– На работу я тоже ходила, когда... – она нахмурилась. – Когда-то. И это не сравнить, согласна. Потому как ходила просто так... играла в другую жизнь, но это ещё скучнее.

– Ты... на работу?! И кем же? – Адан сделал глоток из новой бутылки. Содержимое оказалось шипучим вином, купленное перед очередным свиданием с Таль. Символично. И странно. Ведь вроде бы недавно всё было, но что помешало тогда опустошить бутылку – уже не помнит. Зато сейчас с радостью готов с ней разделаться. Чего добру зря пропадать.

– Да кем только не. В магазине помню, в конторе какой-то. Стол, стул, телефон. Пробовала, короче, на вкус, развлекалась. Там мир такой был, до Бэара с Актарионом – ещё развиваться и развиваться. Несколько лет пожила. Потом на меня коситься стали. Самостоятельная девушка, спутника жизни нет, семьи нет. Тогда я вышла замуж, – её бутылки пустели не так быстро, но всё-таки она догоняла Адана. – Но из этого тоже ничего не вышло.

– Неужели за местного?

– Ага.

– Надеюсь, он хотя бы не узнал, какая ты древняя старушка?

– Я – псих, но не настолько, – Роми снова приложила к бутылке. – Конечно, он ничего не знал. И способностей у него не было. В том мире вообще с этим делом туго. Но что мы все про меня да про меня. Твоя очередь.

– Спрашивай.

Она прищурилась, несколько секунд помолчала, спросила серьёзно:

– Почему так проще? Одному, когда приходящие... Твоя жизнь не должна была растянуться на века, когда успеешь попробовать всё...

– Я... – Адан замолчал. Собрался расписать все прелести будней карьериста и бабника, может, даже рассказать про Бэар, в котором уже давно никто повально не женился и не выходил замуж, а поэтому выбранный им путь мало чем отличался от образа жизни остальных бэарцев, но передумал. – Я не хочу пробовать всё, – ответил он. – Мне вполне хватает того, что предлагает судьба. И знаешь, – Адан многозначительно ухмыльнулся, встречаясь взглядом с Роми, – мне грех жаловаться.

Наверное, целую минуту Роми пристально смотрела на него, улыбаясь одними глазами. Потом она повозилась, устраиваясь поудобнее, уставилась на окно.

– Тогда... – бутылка в руке Роми изменилась: пустая отправилась под стол, из новой, полной с хлопком вылетела пробка, но вино брызгать во все стороны не спешило. – Тогда Расскажи мне о Таль, – Роми бросила быстрый взгляд на Адана. – Но не о том, что она делала с Мирой.

– Неужели о том, что она делала со мной? – захохотал он.

– Некоторые подробности можно опустить, – она тоже рассмеялась.

– Ладно, – Адан задумался, пытаюсь сообразить, что можно говорить одной девушке, рассказывая о другой, а какие подробности упоминать не стоит. Задача не из лёгких, потому что ни Роми, ни Таль не вписывались в определение заурядных. Потом он махнул рукой, всё равно в его состоянии думать стало уже слишком сложно. – Таль чертовски умна, красива, сексуальна и упряма. В начале нашего знакомства она восхищала меня. Я не влюбился, нет, но сильно увлёкся, потерял голову. – Адан сделал глоток вина, улыбнулся. – С ней было приятно и удобно, если ты понимаешь, о чём я. Ну, ещё бы не было, – хмыкнул он, покрутил в руках бутылку. – Легко угодить, когда заранее чувствуешь все желания. Только я теперь это знаю, а тогда это поражало.

– Она копалась в твоей голове?

– Могу поклясться, Таль оттуда не вылезала, – Адан взглянул на Роми. – И это первое, что она попробовала сделать сегодня, когда мы встретились. Сразу же. Впрочем, я тоже.

– Получилось?

– У неё, кажется, нет, а у меня... Наверное, могло бы, но я не стал давить. Таль права, я не знаю своей силы. И меры. – Он вздохнул, некоторое время молчал, глядя на горлышко бутылки, потом снова улыбнулся: – Она это поняла, поэтому отвечала охотно и подробно. Раскаяться там, конечно, не пахнет. Но вообще, знаешь... Я думал, Таль испугается, когда меня увидит. Когда поймёт, что натворила, а она обрадовалась, представляешь? Может, и не врёт. Может, правда любит.

– Хочешь сказать, она объяснила всё тем, что любит тебя? Адан со смехом покачал головой.

– Таль? Нет, ты что. Она никогда, ни разу за наше знакомство не говорила, что меня любит. Даже в шутку, – он отпил ещё вина. – У вас с ней много общего.

Роми удивлённо вскинула брови.

– Ты сравнивал меня с Таль?

– Вот-вот. Об этом я и говорю, – он покачал головой, усмехаясь. Добродушно передразнил, подражая её голосу: – «Ты сравнивал меня с Таль!»

Несколько секунд Роми смотрела на него и хмурилась – алкоголь определённо мешал мыслительным процессам. Потом пожала плечами, видимо, в ответ на свои выводы, хмыкнула.

– Не делай так. Хотя бы сейчас.

– Прости.

– Может, сейчас вино виновато, но когда Мира в первый

раз заговорила так... Не то чтобы я испугалась. Просто с вами, доа, ни фига не понятно, и это очень непривычно.

– Про непривычно в точку.

Она засмеялась.

– А у тебя хорошо тут пьётся, знаешь? Душевно.

– Ну хоть что-то. – Как бы пьян Адан ни был, стоило Роми упомянуть Миру, и хмельная эйфория померкла. Снова появилась уверенность, что на самом деле он вовсе не пьян. Просто удаётся удачно притворяться, обманывая даже себя.

– Я сказала что-то не то?

– Да нет. Просто напомнила о том, что я пытался забыть хотя бы на время. И, наверное, зря пытался, – Адан усмехнулся, встречаясь взглядом с Роми. – Доа и всё остальное. Если тебе непривычно и непонятно, ты представь, каково мне... нам. Мире наверняка и страшно вдобавок. И всё это непросто, – он тряхнул головой. Помолчал, потом залпом допил остатки вина и поднялся. Протянул Роми руку: – Пошли.

Она вложила ладонь в его, встала. Почему-то шёпотом спросила, чуть встряхнув бутылкой:

– Берём?

– Берём, – улыбнулся Адан. – И это тоже. На всякий случай.

В правой руке появилась ещё одна бутылка, судя по форме и цвету – водка. Лево́й он притянул Роми к себе, осторожно обнял и меньше чем через секунду отпустил уже на скале.

– Знакомься, – Адан кивнул на огромный сиреневый диск

на небе. – Луна доа. Одна, зато какая! – восхищённо добавил он, чувствуя, как в жилах быстрее потекла кровь. Или это ему просто почудилось, что немудрено после выпитого алкоголя в таком-то количестве. Ещё вчера от одной бутылки рома его бы развезло, надолго лишив способности сообщать и просто двигаться.

Сегодня... Сегодня плоскую вершину скалы заливал мягкий фиолетовый свет. Яркая, сверкающая не слабее солнца гигантская луна уже не просто казалась особенной. Она действительно такой была. Особенной. Манящей, нереальной. Или он теперь иначе смотрел, иначе чувствовал. Словно до неё можно достать рукой, будто небо, всегда выглядевшее мрачным, сегодня – купол из искрящихся звёзд.

Его кожа словно отражала лунное сияние, светилась, переливаясь серебряным и фиолетовым. Роми наоборот будто поглощала весь свет, её кожа оставалась матовой и была темнее, чем раньше. Даже волосы из рыжих превратились в тёмно-вишневые и словно стали длиннее.

Оказалось, на ней чёрное короткое платье. Оказалось, она босиком.

Роми шумно вдохнула, выдохнула. Поставила бутылку на скалу, раскинула руки в стороны, покружилась как ребёнок на месте. Счастливо рассмеялась.

– Ещё волшебнее вашего солнца.

– Что я тебе говорил?! – радостно воскликнул Адан. – Вчера, когда пришёл в себя здесь, это было невероятно! Но

я ничего не понял. А сейчас это... это... по-другому, – он ошеломлённо замолчал, поставил бутылку на камень и тоже раскинул руки в стороны. Зажмурился.

Не хватало слов, чтобы даже приблизительно передать охвативший восторг. Так бывало только в детстве, очень давно. А сейчас забытое чувство вернулось, или это он вернулся туда, в прошлое, или ещё дальше. В прошлое предков, напоминание о которых бежало, искрясь и наполняя силой, по его венам.

Перерождение, чтобы снова быть настоящим и свободным.

А ещё понимание – вся его прежняя жизнь была однообразна и бессмысленна. Сколько бы он ни старался что-то в ней изменить, к чему бы ни стремился, какие бы цели ни придумывал и ни достигал, суть не менялась. Каждый прожитый день не приносил ничего, кроме суеты.

Фальшивое счастье, обманчивые надежды, иллюзия существования. Он двигался по инерции вперёд. Искал, находил, терял и снова искал смысл бытия. Почти поверил, что просто жить, день за днём – это и есть главное предназначение. И даже по-своему стал счастливым, хотя иногда накачивала непонятная тоска, и казалось, будто всё вокруг – пустота, самообман.

Адан открыл глаза, шумно вдохнул. Горьковатый, необыкновенно свежий воздух, шелест моря внизу, потрясающе красивая Роми в свете Луны – всё вместе наполняло

непередаваемой лёгкостью. Словно нет ничего, чего бы захотел и не смог получить. Словно всё, что было до, вся его жизнь, мечты, проблемы – уже не важны. Миг, песчинка времени, а впереди – пьянящая свобода.

Роми что-то выкрикнула. Небу и звёздам, Вселенной или никому. Самой себе. Он не разобрал, что. А может, у возгласа не было смысла. Просто эмоции зашкаливали, и хотелось кричать, и смеяться, и кружиться, и сделать ещё какую-нибудь глупость.

– Как думаешь, ваше море или что оно там – оно какое?

Адан прищурился, улыбнулся. Мгновение, и он уже стоял рядом с ней, ещё одно – руки крепко сжимали сильное тело атради. А дальше – мимолётное падение, чтобы зависнуть вместе над водой.

– Проверь, – предложил Адан, позволяя ей высвободить руку и протянуть к почти зеркальной глади. Вода не шелохнулась.

– Плавать умеешь?

– Надеюсь, – рассмеялся он. Хотел отпустить Роми и упасть в воду следом, но передумал. Вернул обоих обратно на скалу. – Раздевайся, – Адан расстегнул рубашку. – Или придётся тебя раздеть, но тогда я уже ни за что не ручаюсь.

Роми неторопливо стянула платье через голову, осталась в чёрном кружевном белье. Стала соблазнительней, желанней.

– Ты же понимаешь, что это непросто... заставить себя не хотеть тебя, – он шагнул к ней. – И глупо. И невозможно. –

Его ладони скользнули вниз по её рукам, сжали пальцы и почувствовали ответное пожатие.

Роми подалась вперёд, почти прикоснулась к его губам, шепнула:

– И совершенно необязательно.

– Я не хочу, чтобы ты меня забыла, – пробормотал Адан. – Потому что я тебя уже вряд ли забуду. И это будет, как минимум, нечестно, – он крепче обнял Роми, а затем прыгнул вместе с ней в воду, продолжая сжимать в объятиях.

Снова короткий миг, сумасшедшая свобода, как тогда, выпрыгнув с потерявшего управление кабриолета. Только вместо страха – счастье. Вместо готовности умереть – нестерпимое желание жить. Вместо вонючей грязи – ласковая колыбель настоящего моря.

Какие-то секунды они продолжали опускаться вниз уже в воде. Ещё столько же понадобилось, чтобы вынырнуть и отдышаться. Адан снова привлёк Роми к себе, прошептал, целуя солёные губы:

– Я хочу тебя. Хочу запомнить.

– Поверь, я не забуду, – глядя ему в глаза, отозвалась она, вернула поцелуй. Требуя большего, обвила его шею руками.

Море Бэара готово было сыграть свою роль. Точно так же, как мгновение назад воздух, сейчас вода держала их, не давая погрузиться глубже, чем нужно. Чем того хотелось. Он слышал, как стучит её сердце. Быстро, бешено, сбивчиво. Чувствовал, как кожа Роми раскаляется под его прикоснове-

ниями, понимал, что у неё кружится голова, потому что ей вдруг, неожиданно, начинает не хватать воздуха, как и ему.

А потом...

Роми чуть отстранилась. Голубые глаза казались сейчас бездонными. Невероятными. Она смотрела на него чуть изумлённо и в то же время... Не возбуждение и не желание не давало теперь спокойно вдохнуть. В её глазах вспыхнул страх. Вспыхнул и передался ему.

Вода вокруг стремительно становилась холоднее.

Он понял. Сразу. Но всё равно слишком поздно. Сил хватило только вернуться на скалу, бережно опустить задышавшуюся Роми на камень. Подняться на ноги он уже не смог. Мысли путались. В горло мёртвой хваткой вцепились чьи-то невидимые холодные пальцы.

Тёплый ласкающий воздух стал ледяным. Шум моря стих. Вокруг застыла тишина. Абсолютная.

А потом появились они – Тени. Мрачные, безразличные, беспощадные, неизбежные.

Адан в ужасе смотрел на них и не мог пошевелиться. Виски сдавило, воздух кончился. Он осознал, что задыхается. Умирает. Чувствовал, что рядом умирает Роми.

А Тени продолжали приближаться со всех сторон. Они окружали, надвигались и так же, как вчера, на глазах обретали плотность. Адан вдруг понял – то, что произошло на поле, было только началом. Обретённые способности, миг свободы, забытые ощущения – у всего есть цена. Тени вернулись,

чтобы напомнить о ней, чтобы заставить их заплатить.

Глава 14. Тени

Поцелуй, долгий и неожиданный, несмотря на то, что ждала и желала его всем существом, напрочь лишил возможности соображать. Прижимаясь к телу Ллэра, Мира словно растворялась в нём. И горячая, обжигающая волна от прикосновений накрыла с головой.

Его губы тоже оказались неожиданными. И руки. Властные, сильные и необыкновенно нежные. Казалось, если он перестанет целовать, отпустит, она задохнётся, не сможет самостоятельно дышать и умрёт. Сразу. Поэтому, когда он всё-таки это сделал, Мира прижалась крепче, отчаянно цепляясь за его плечи.

– Ещё... – прошептала она, умоляя. Требуя.

Повторять не пришлось. Ллэр лишь на миг отстранился. На миг и на каких-то несколько сантиметров, чтобы заглянуть Мира в глаза, и взгляд был непривычно серьёзным. А потом он снова вдохнул за неё, и второй поцелуй был совсем не таким, как первый.

Если в глубине души трепыхались сомнения, теперь от них ничего не осталось.

Что-то где-то с грохотом упало. Что-то даже звякнуло, возможно, разбилось. Что-то зашелестело – вероятно, многочисленные бумаги освобождали письменный стол. И он сам был намного ближе, чем секунду назад. Мира почув-

ствовала лопатками прохладную гладкую поверхность и отрёшённо отметила, что Ллэр уже, оказывается, успел стащить с неё футболку.

Она потянулась к его рубашке, попыталась расстегнуть пуговицы. Слишком долго! Невозможно, мучительно долго, когда руки так сильно хотят прикоснуться к коже, почувствовать близость его тела. Мира приподнялась, яростно дёрнула в разные стороны, и мягкая ткань сдалась, обнажая грудь Ллэра.

Рубашка отправилась туда же, куда раньше футболка. Куда-то. Прочь. В другую реальность.

– Хочу тебя... – слабым стоном сорвалось с губ Мира.

Ллэр обхватил ладонями её лицо так, чтобы иметь возможность несколько секунд смотреть на неё сверху вниз. Всмотриваться. Потом правая рука скользнула к её волосам, левая, лаская – вниз, по шее, к груди. И Ллэр снова поцеловал, в этот раз отрывисто. А его ладони, от которых становилось невыносимо горячо, легкими касаниями отправились в неторопливое, сводящее с ума путешествие по её телу.

Голова кружилась, пульс стучал в висках, сердце то замирало, то колотилось с новой силой. Кожа опять светилась ультрафиолетом, но задуматься о том, что происходит, у Мира не получалось. Хотелось одного – чтобы Ллэр не останавливался, и он, будто зная это, продолжал сводить её с ума.

Казалось, Мира теряет сознание. Всего лишь на миг проваливается в сладкое небытие, чтобы сразу же вернуться,

чтобы снова почувствовать жаркое, обжигающее дыхание Ллэра, его горячие губы, нежные, но настойчивые ласки. И громко застонать от лишавшего рассудка удовольствия – на слова не хватало сил.

Она не заметила, как осталась без одежды. Не поняла, когда Ллэр успел раздеться сам. И вдруг, когда до желанной близости оставались какие-то секунды, когда его тело накрыло её, когда пальцы Ллэра с силой сжали её плечи, неистовое возбуждение сменилось страхом, приятная истома – нестерпимой болью, словно ещё чуть-чуть, и кровь в венах закипит, а сердце, не выдержав, навсегда остановится.

Мира замерла, встречаясь с Ллэром взглядом. Он едва заметно, одними глазами, улыбнулся. Словно понял, что не просто страх остановил её. Словно хотел что-то сказать, но вместо этого его рука поднялась к её лицу. Пальцы легли на висок Мира, на бровь. Горячая ладонь в миг стала ледяной. И вдруг дохнуло прохладой.

Нет, жар в теле никуда не делся, и желание вспыхнуло с новой силой, но страх ушёл и забрал с собой зарождающуюся боль, что вот-вот в буквальном смысле готова была взорвать вены. Странные, пугающие эмоции исчезли. Мира расслабилась, позволяя незнакомому чувству захватить и унести с собой в неизвестность. Шепнула, разрешая Ллэру продолжить:
– Ещё.

Теперь она растворялась в нём. И оказалось, что подчиняться совсем не страшно. Что всё, что было до, лишь сла-

бая прелюдия. Что потом, когда всё закончилось, так приятно лежать вместе, обнявшись. Не говоря ни слова, но ощущая Ллэра, его силу и слабость каждой клеточкой, как будто часть него осталась в ней навсегда.

Наконец Ллэр сел. Потом, передумав, снова лёг. На бок, подперев голову рукой, свободной – убрал с лица Миры растрепавшиеся волосы. Усмехнулся.

– Ты всё-таки та ещё штучка.

Мира только сейчас поняла, что они лежат уже не на столе, а на кровати в эркере. Но не удивилась. После всего... Это уже казалось незначительной мелочью или чем-то само собой разумеющимся. Она улыбнулась, глядя в довольные глаза.

– Спасибо.

Он негромко рассмеялся, откинулся на спину.

Мира села, огляделась. Идти в душ не хотелось. И вообще отдаляться от Ллэра больше, чем на сантиметр. Но она всё-таки заставила себя встать.

– Ты случайно не помнишь, куда подевалась моя одежда? Потому что я не помню.

Он приподнялся на локтях.

– Вопрос с подвохом, да?

– Нет, – Мира оглядела его, выразительно вскинула брови и снова улыбнулась. – Я даже не буду пытаться делать вид, что мне не понравилось, или что я не умираю от желания продолжить... это с тобой... Но мне всё же стоит одеться. И

тебе, кстати, тоже. Потому что твои гости обычно являются сразу сюда, без стука. А я не хочу...

Он исчез, но в этот раз Мире заметила, как это происходит. Будто смотрела двумя парами глаз. Одна видела, как Ллэр в мгновение ока пропал, другая уловила, как он постепенно таял в воздухе, чтобы появиться за спиной, шепнуть, набрасывая ей на плечи тонкий халат:

– Убедила.

Ллэр едва коснулся губами её шеи и тут же снова пропал, раньше, чем Мира успела обернуться.

– Нет уж, всё, что угодно, только не халатик, – хмыкнула она.

Одежда нашлась на полу среди бумаг и остального барахла. Впрочем, классический бардак, царивший в комнате, это ни капли не нарушало. Разве что девственно чистый стол выглядел как-то совсем уж нелепо. А ещё напоминал о том, что при одной только мысли снова будоражило кровь. И почему говорят, что после секса хочется спать? Её, наоборот, переполняла энергия, а бесконтрольное желание лишь немного ослабло.

Мира закусил губу, отвернулась. Слишком уж велико было искушение дождаться Ллэра и повторить. Она торопливо оделась, повесила халат на спинку стула. Затем попыталась вернуть упавшие предметы обратно на стол. Сначала аккуратно раскладывая и пытаясь сохранить подобие порядка, но это быстро надоело. И груда бумаг хаотично перекочевала с

пола на столешницу.

За спиной послышался шорох. И Мире снова показалось, что она почувствовала присутствие Ллэра раньше, чем раздался его голос:

– Следы заметаешь?

Мира обернулась. Ллэр стоял у двери в спальню. Он тоже успел одеться – опять в чёрные джинсы и тёмно-серую футболку, как те, в которых он явился вчера.

Неужели это было только вчера?! Не верилось.

– Да, – на полном серьёзе ответила Мира. – Не хочу, чтобы кто-то узнал... догадался о том, что было...

– Для этого потребуются нечто большее, чем навести порядок.

– И что же?

– Время. Которого у нас, скорее всего, не будет, – Ллэр помолчал. – В тебе энергия солнца Тмиора и моя энергия атради. Она была и раньше, после того, как я привёл тебя в чувство у Адана. Но сейчас она другая. Или её больше. Будь ты такой же, как мы, или хотя бы обычным человеком, я бы смог что-то... – он повёл плечом. – Но ты особая. И то, что между нами... будет заметно.

– Боже, как всё сложно, – закатила глаза Мира. – Ладно, фиг с ним, – она отмахнулась. – Не важно. Что дальше?

– Дальше?

– Угу. Я не о нас. Я вообще. Ты же не просто так меня спасал. Расскажешь, зачем?

– Не веришь, что мне может не нравиться, когда так или иначе связанные со мной люди погибают?

– Почему не верю? Верю. Теперь верю, но... – она чуть склонила голову набок. Покосилась на стол, потом снова посмотрела Ллэру в глаза, улыбнулась: – Не понимаю, как мы связаны. Мы же только вчера встретились.

– Встретились вчера, – он прошёлся по комнате, аккуратно обминая груды бумаг. Остановился у эркера, уставился в окно. – Ты и я... мы... В мои планы не входило сколько-нибудь близкое знакомство с тобой. А потом тебя решили убить, ты же слышала. И... Я действительно не разбираюсь в биохимической чертовщине, но если бы Таль удалось то, что она задумала, я бы нашёл человека, способного расшифровать её учёные каракули и формулы. И попытался бы сделать то, что нужно мне.

– Тогда возвращаемся к моему вопросу. Что дальше? – Мира подошла к Ллэру. – Ведь у Таль не получилось, а я... здесь.

– Всё по-прежнему. Даже лучше. Ты – не Способная актарионка. Не атради. Если Адан прав, и ты стала доа хотя бы наполовину, тогда, возможно, Таль всё-таки дала мне то, что я почти отчаялся найти. Узнаю, как она этого добилась. Шаг за шагом. Каждый этап эксперимента. И найду, как использовать, – он обернулся, встретился с Мирой взглядом. – А ещё сделаю всё, чтобы не дать тебе умереть.

– Зачем? Когда-нибудь я умру, – Мира ласково коснулась

ладонью его щеки. – Нельзя жить вечно.

Он накрыл её ладонь своей.

– Нельзя.

Несколько секунд она молча вглядывалась в его лицо, стараясь уловить в пристальном взгляде, в серых, как пепел, глазах что-то, что поможет понять, как ей быть. Что чувствовать, как относиться к нему, как вести себя. Уйти или остаться? Сделать вид, что между ними ничего не было? Попытаться забыть?

Разум кричал, что они чужие. Разные. Из разных миров. Несовместимые. А то, что произошло только что на столе – всего лишь банальная физиология. Не больше. И ничего в их отношениях не меняет. У Ллэра своя жизнь, планы, цели. Роми, наконец. А она, Мира, случайность. Пешка. Морская свинка. Способ получить то, что искал.

Сердце настаивало, что теперь Ллэр не может быть чужим. И забыть у неё не получится. Ни его, ни то, что случилось, ни как. И бесполезно делать вид, что ей всё равно, потому что ей нет. Именно так, большими заглавными буквами в мыслях, которые Ллэр с лёгкостью прочитает.

– Я не хочу тебе мешать. Тем более навязываться. Умираю или нет, не хочу, чтобы ты возился со мной из жалости. Я лучше сразу умру, – тихо сказала она, отступая назад.

– Что? – Ллэр нахмурился. – Мешать? Навязываться? Каким образом? Что ты... Я за годы разучился понимать людей. Что ещё за глупость пришла тебе в голову?

– Не глупость. Ты сам сказал, что даже не планировал со мной знакомиться. Но так вышло, и теперь я торчу здесь со всеми своими непонятными метаморфозами. Ты... – она осеклась, вспоминая вчерашний разговор. – Ты сказал, что мне придётся тебя попросить, если захочу умереть. Почему?

– Я имел в виду немного другое, – он ухмыльнулся. – Если ты захочешь умереть, то сможешь меня попросить, и я удавлю тебя собственноручно. Потом. Когда всё закончится. Если не будет поздно, и у тебя не отнимут такую привилегию, как смерть.

– С каких пор смерть... – Мира замолчала, только сейчас осознав, что имел в виду Адан, когда говорил о вечности. Вспомнила, как Ллэр сказал, что давно лишил себя возможности умереть. И догадалась, что он ищет. – Если атради бессмертны, то как же тогда Роми? Она чуть не погибла, если бы не ты.

– Атради бессмертны, но уязвимы. Теоретически мы можем покончить с собой. Но я не слышал ни об одном успешном случае. Да и о не успешном – только об одном. Теоретически нас могут убить, опустошив. Как Адан чуть не убил Роми, – к удивлению Миры его улыбка вдруг изменилась, словно он радовался, что Роми столкнулась с чем-то, чего не ожидала. Пусть даже это чуть её не убило. Пусть он ни за что не дал бы ей погибнуть. – Но шанс на успех ещё меньше, чем у самоубийства. Роми не знает, сколько ей лет. Она не помнит, когда была ребенком и была ли, не знает о временах,

когда её не существовало. И её не тяготит, что не наступит день, когда её не станет, потому что уверена – он никогда не наступит.

– А ты? Тебя тяготит?

– Скорее, сводит с ума, – ответил он непривычно серьёзно. Даже из глаз ушло веселье. – Представь – всё можно осуществить, всё пережить, испытать. Любое чувство, любое стремление и даже полное их отсутствие. Я могу веками пить и куролесить, могу до бесконечности заниматься самообразованием, играть в игры с мирами и народами, впасть в депрессию и потратить тысячу лет на жалость к себе, десять тысяч лет! Потом я устану и от этого. Всё теряет смысл. Вечность – противоестественна. Мы не готовы к ней. Как минимум, такие, как я. Те, кто помнит своё детство, семью. Кто когда-то страдал, что жизнь коротка и рано или поздно придётся умереть, а потом получил то, на что и не смел надеяться. Время. Безграничное. Но наше сознание должно измениться прежде, чем мы примем такой то ли дар, то ли проклятие. Мы слишком люди.

– Значит, атради можно стать? Обрести бессмертие? Как?

Ллэр ответил не сразу. Сначала отвернулся. Потом отошёл, нарочно зацепив на ходу ногой стопку бумаг. Мира только теперь обратила внимание, что хоть он и оделся, но остался босиком.

– Атради можно стать. Не каждому, конечно. Ты вот не смогла бы, если бы не Таль. Это как... Ну представь, что ты –

цветок. Будущий цветок, точнее. Сейчас тебя нет и в помине, или ты сидишь где-то глубоко, под землей, в луковице. Придёт время, и что-то внутри подтолкнет, разбудит, рано или поздно ты появишься. Сначала стебель, потом – больше, и в какой-то момент стоит выбор – распускаться или зачахнуть. Так и этот дар. Сидит в тебе и ждёт своего часа. Потом начинает расти, потом его можно раскрыть или лишиться навсегда. И на всё это уходит много времени. Достаточно, чтобы передумать, – Ллэр хмыкнул. – Как, однако, я зарассуждал. – Он поднял с пола что-то прямоугольное и на вид пластиковое, сдул с предмета несуществующую пыль, протёр тыльной стороной ладони. Положил на один край стола, расчистил противоположный, уселся. – Хотел бы я, чтобы с тобой об этом говорил не я. Алэй бы рассказал лучше. Я ведь был вторым, и я не умею так, как он. Да и она пришла ко мне задолго до того, как я попал в Плешь. В обход всех правил, – Ллэр сцепил пальцы в замок, уставился на свои руки. – Не совсем понимаю, что ты хочешь услышать. Рецепт? Весь путь? Почему не отказался, когда явилась? А кто откажется, когда предлагают такое? У неё было, чем меня купить. Никто не давил на меня, не заставлял принять решение тут же. Но я принял. Сразу. И потом не сомневался. Долго ещё не сомневался. Это было... интересно. Захватывающе. Сбылась мечта идиота.

– Она – это Роми?

– Роми... Ромиль Эннавара. Рэм, – он усмехнулся. –

Упрямая рыжая дрянь с благими намерениями. Она хотела вытащить Алэя из депрессии и знала, кто может это сделать. Она торопилась. Я бы и сам, наверное, раскрылся в скором времени. По крайней мере, по её словам, мой потенциал зашкаливал настолько, что удивительно, почему я так долго уворачивался от дыр в плешь. Как вообще дожил до двадцати девяти лет и ни разу ни в чём себя не проявил. Разве что в разгильдяйстве и пофигизме. Возможно, мир атради не хотел принимать ещё одного Майоти, – он с кривой улыбкой осёкся. – Впрочем, ты спрашивала – как. Она пришла. Рассказала. Показала. Я поверил. В чудесный многомерный мир, в свою уникальность, в возможности, в ответы, которых мне никогда не найти на Нэште, даже если мой народ выйдет в космос. Что вещи не всегда то, чем мы их видим. Много во что. Мне кажется, сначала она хотела устроить из этого всего шоу. Знаешь, такое, с торжественной частью в стиле скажи «да» и твоя жизнь изменится. Но не устроила. А потом были самые долгие три года моей жизни. Роми мне соврала, не во всём, конечно, но во многом. Она соврала и Алэю. Не сказала ему вообще ничего. Может, при всех её разговорах о моей силе, она боялась, что это не сработает. Что Плешь меня не пропустит. Что мой великий потенциал не больше, чем потенциал местечкового колдуна. Огромен для Нэшты, ничтожен для Тмиора. Атради считают, что подтолкнуть – невозможно. Что Плешь либо пустит, либо нет, вне зависимости от желаний зрителей. Как бы там ни было, – он

поднял взгляд на Миру, – через год она всё так же оставалась для меня недоступной. И тогда Роми нацепила на меня наручник тайко, чтобы я мог находиться здесь как можно дольше. Следующие два года солнце Тмиора выжигало мою кровь. Меняло меня. Понемногу. Это больно. Очень больно. Но это был мой выбор. Каждый день – маленькая смерть. Я не мог представить, как это будет, но не отступил.

– И после этого ты, как сумасшедший, бросаешься её спасать?!носишься с ней, как... как... – Мира запнулась. Не стала озвучивать крутившееся на языке сравнение, боясь обидеть.

Удивительным образом за прошедшие сутки Ллэр стал очень важным в её новой жизни, пусть даже она оборвётся завтра. И вряд ли причина крылась в сексе. Близость разве что свела на нет желание дерзить и нарываться, но оно возникло гораздо раньше – сразу, как она увидела Ллэра. Совсем не такое, как к другим Способным. И теперь, несмотря на превосходство в способностях, силу, знания, опыт, несмотря на то, что он – почти неуязвимый, бессмертный атради, а она – всего лишь результат генных извращений, обречённый на смерть, именно Ллэр из них двоих вызывал жалость и сострадание. Её хотя бы просто использовали, ничего не предлагая и не обещая. И если бы не вмешательство Ллэра, она бы никогда об этом не узнала. Разлетелась бы в клочья в оранжевом небе Миера, и конец истории. А Ллэр вынужден бесконечно расплачиваться за сделанный выбор.

Собственный, добровольный выбор.

Захотелось подойти, обнять, сказать, что понимает его, сочувствует и готова помочь. Мира сделала шаг, но остановилась, отвернулась, уставилась в окно. Ллэру не нужна её жалость. И нежность вряд ли нужна, и сочувствие ни к чему. И вообще он, как всегда, уверен, что она ничего не знает и не понимает. Причём на этот раз, скорее всего, прав.

– Обещай мне, что если когда-нибудь... Если ты ещё будешь, – попросила она, не оборачиваясь, – поблизости, и я попрошу тебя сделать меня бессмертной. Обещай, что откажешься. Даже если я буду умирать и умолять. Поклянись, что никому не позволишь превратить меня в неуязвимую.

Он не успел ответить, или Мира не расслышала, потому что неожиданно пошатнулась, потеряв равновесие. Уцепилась за раму, почувствовала, что задыхается. По-настоящему. И следом то же необъяснимое притяжение, как накануне в ванной, вынудило переместиться в пространстве. Из солнечной комнаты куда-то в полумрак, где на фиолетовом небе светила огромная сиреневая луна, а под ногами вместо привычного пола – холодный шершавый камень.

Другой, незнакомый мир. Не Тмиор и не Актарион. Ночь, похожая на день.

Дышать стало сложнее. Почти невозможно.

Мира беспомощно открыла рот, но не смогла вздохнуть, как будто здесь совсем не было воздуха. И в ту же секунду увидела перед собой чёрные тени, напоминавшие челове-

ческий силуэт, только гораздо выше и тоньше. Невесомые, бестелесные и вместе с тем плотные. Они угрожающе надвигались, закрывая обзор. Мешали понять, где она очутилась. Почему-то не покидала уверенность, что именно они не позволяют пошевелиться, сдвинуться с места, не дают дышать или закричать.

Расстояние между ними и Мирой стремительно сокращалось. Ледяной воздух застрял в груди, глаза слезились от удушья. И вдруг, когда она ослабела настолько, что не могла больше держаться на ногах, неожиданно запульсировала в венах кровь. Тело вздрогнуло, напряглось. Кожа засветилась. Откуда-то появились силы выпрямиться, жадно вдохнуть необходимый воздух.

И даже оглянуться.

Оглянуться, чтобы снова испугаться и замереть от увиденного.

Буквально в паре метров от Миры прямо на камне неподвижно лежала Роми. Глаза были закрыты, руки безвольно раскиданы в стороны, кожа бледная, почти белая, на которой кружевным лоскутком чернело нижнее белье. Даже яркие рыжие волосы потускнели. Рядом с ней сидел смертельно бледный Адан. Ссутулившись, обмякнув. Лицо будто свела судорога, рот открыт, в глазах ужас, мольба, боль.

Ллэр тоже был там, совсем рядом, метнулся к Роми, но не смог переместиться. Неестественно завис в воздухе, рухнул на колени. Вскинул руку и почти сразу схватился за горло,

задыхаясь.

А тени продолжали надвигаться, плотным кольцом обступая их со всех сторон.

Мира повернула голову. Чёрный, безликий силуэт находился уже в каких-то считанных сантиметрах от неё. От него словно веяло холодной, безразличной ко всему живому пустотой. И показалось, что внутри эта пустота бесконечна. Как дыра без дна. Ничто, которое забирает с собой всё живое, всю энергию, все силы.

Мира зажмурилась. Мысленно приготовилась умереть. Даже успела представить, каково это – перешагнуть роковую черту. Не существовать, не чувствовать.

Время остановилось. Ледяной холод прошел сквозь и отпустил.

Мира открыла глаза и будто со стороны, отрешённо и безразлично осознала, что тени пропали. Впереди было только фиолетовое небо и огромный светящийся диск. И если протянуть руку, к нему можно прикоснуться, словно он находится совсем-совсем рядом. Манит, ласкает нежным призрачным, сиреневым сиянием – точно таким же, как сейчас её кожа.

Мира расставила руки в стороны, с шумом втянула горьковатый воздух. Выдохнула. Задержалась взглядом на луне ещё на секунду, обернулась.

Тени никуда не исчезли. Они прошли сквозь неё и не тронули. А может, не смогли. Или не стали, сосредоточившись

на остальных: Ллэре и Адане. Тех, кто им, наверное, был нужен. Тех, без кого Мира больше не представляла своей жизни. Тех, ради кого готова умереть. Или убить, не раздумывая.

И тогда она почувствовала ярость. Нарастающую, неуправляемую, превращающуюся в жгучую ненависть. Что-то изменилось. Тени остановились. Плотное кольцо больше не двигалось. Чёрные уродливые силуэты замерли в воздухе. А потом один за другими начали исчезать, растворяясь в ней. С каждым новым становилось проще вобрать в себя следующий, как будто тени сами давали ей необходимую силу расправиться с остальными. Обречённо, не шелохнувшись, ожидали своей очереди, пока не осталось ни одной.

Мира выдохнула, уверенно шагнула вперёд.

Адан пошевелился. Громко закашлялся, медленно сел. Кожа заискрилась, глаза сверкнули зелёными огоньками. Ллэр, всё ещё на коленях, жадно хватал ртом воздух, будто не мог надышаться.

Мира перевела взгляд на Роми. Она была жива, но уже на грани. Оставшейся жизненной энергии не хватило бы даже, чтобы перенести её в Тмиор под солнце. Да и переносить некому: Мира не умела, а Ллэр с Аданом не пришли в себя. Роми обречена – никто из них не успеет помочь.

Мира вздохнула. На миг обрадовалась, что самонадеянная атради больше не будет путаться под ногами. А затем ощутила, как раздваивается сознание, словно внутри неё

существовала уже не одна Мира, а сразу две. И вторая – незнакомая, видящая и чувствующая по-другому, – оказалась сильнее.

Подчиняясь непонятному порыву, ведомая каким-то древним, давным-давно позабытым инстинктом, Мира метнулась к Роми. Присела на корточки, коснулась пальцами холодного лба. Вытянула правую руку к луне, сосредоточилась – на раскрытой ладони заплясало фиолетовое пламя. Уже знакомый пульсирующий поток ринулся по венам. И маленький сгусток энергии загорелся ярче.

Тепло от правой ладони прошло сквозь неё, достигло кончиков пальцев на левой руке и передалось Роми. Мира закрыла глаза, задерживая дыхание. Не двигалась, не думала до тех пор, пока не поняла – больше не требуется. Тогда она опустила правую руку, и язычки пламени потухли.

Мира посмотрела на Роми. Смертельная бледность исчезла, кожа потемнела, и волосы снова стали огненно-рыжими. Веки дрогнули. И ещё раз. Медленно открылись и снова захлопнулись. Роми резко выгнулась дугой, сипло хватая ртом воздух, кашляя и снова вдыхая.

Через несколько секунд рядом, на корточках, появился Ллэр. Приложил ладонь к щеке Роми. Убрал. Восхищённо посмотрел на Миру.

– Сильно! Я так не умею. Научишь?

Кажется, ему досталось меньше всех, и выглядел он хоть и ненормально бледным в сиреневом свете луны, но раз оста-

вались силы шутить, то жить точно будет.

– Ты как?

– Куда ж я денусь. И Роми твоими стараниями тоже.

Мира ухмыльнулась. Ну прямо наглядная иллюстрация, почему не стоит доверять сердцу, а всегда слушать разум. Если она хотела доказательств, что ничего ровным счётом не изменилось, то вот – пожалуйста. Получила. Всё осталось по-прежнему. Всё, кроме неё самой. И вторая Мира, притихшая в её собственной голове, но вполне ощутимая – яркое тому подтверждение.

– За это ты мне особенно благодарен, да? – почувствовав укол ревности, ухмыльнулась она.

– За это тебе благодарен я, – хрипло произнёс Адан. – За себя тоже. Не понимаю только, как тебе удалось. Нет, хорошо, что удалось, конечно. Иначе... Что это вообще такое было?! Как вчера на поле, только там их вроде двое... – он не договорил, снова закашлялся.

Мира обернулась к нему.

– Мне бы тоже хотелось знать, какую хрень ты заставил меня проглотить, вытащив сюда с Тмиора. Я, конечно, понимаю, что вроде вашей подопытной крысы, но знаешь ли... Предупреждать надо.

– Я не тащил. Ты сама.

– Сама? Хочешь сказать, я теперь и перемещаться, как вы, могу? – Мира поднялась и выразительно посмотрела на Адана. – Тогда почему обратно не могу? Или для «обратно» на-

до нажимать на другую кнопку?

– Я не знаю. Правда, – развёл руками Адан.

– Где мы?

– В Бэаре, – вместо него ответил Ллэр, не поднимаясь, а наоборот поудобнее устраиваясь на скале рядом с Роми. Та уже не кашляла и не выгибалась, а глубоко и медленно дышала. – Вернее, не в самом мегаполисе, а снаружи. Это Эннера, мир доа.

– И что вы тут делали?

– Дышали свежим воздухом, – Адан бросил на неё многозначительный взгляд, – пока он не закончился.

Мира заметила две бутылки. Усмехнулась. Рыжая стерва всё-таки добилась своего.

– Вы...

– Нет, – Адан дотянулся до рубашки, потом, видимо, передумал, и не стал одеваться. Кивнул на светящийся на небе диск. – Мы говорили о тебе, и я хотел показать Роми нашу луну.

– Ну конечно. Обо мне. По вам заметно, о чём вы говорили, – хмыкнула Мира.

– Одно из преимуществ псевдоэнергетического существования – возможность в любой момент избавиться от опьянения или наоборот – усугубить. Главное, чтобы нужный элемент был в крови, – задумчиво проговорил Ллэр, ни к кому конкретно не обращаясь. – С другой стороны, оправдание «я был пьян» не прокатит, – он внимательно посмотрел на Ада-

на. – Точно так же, как на поле, говоришь?

– Решили устроить мне перекрёстный допрос? – тот нахмурился. – Оправдываться не собираюсь. В том, что случилось, понимаю меньше, чем вы. Чем ты, уж точно, – он обращался к Ллэру. – Да, я привёл Роми сюда. Что это и откуда взялось, без понятия. Не заметил. Было не до этого, уж простите. А когда Тени появились, стало уже слишком поздно. На поле я не задыхался. Это я точно помню. Я и не понял ничего тогда. Сейчас было иначе. Роми первая почувствовала. Ещё в воде.

– В воде? – удивилась Мира.

– Да, в воде. Я смог вытащить нас наверх и всё. Тоже начал задыхаться. Потом появилась ты и спасла нам всем жизнь. Но я не притягивал тебя сюда. Я даже не представлял, что ты можешь... такое...

– Да ерунда, делов-то. С моими новыми умениями – раз плюнуть! – театрально взмахнула руками Мира. – Каждый раз, когда вам захочется экстрима, я с радостью. Люблю новое и неизведанное. Главное, чтобы смертельно опасно. Без этого никак.

– Может, доа и атради вместе вызывают такой эффект? – Адан посмотрел на Ллэра.

– Что ты вкладываешь в понятие «вместе»?

– То самое «вместе», Ллэр, как мы с тобой, – не сдержалась Мира. Перехватила внимательный взгляд Адана. – Никаких Теней не появилось. Никто не умер. Так что или я не

доа, или всё дело в Эннере. В том, как эта луна влияет на нас с тобой. Может, если бы это случилось здесь, Тени тоже пришли бы. Хотя это не объясняет вчерашнее поле. Почему там ты смог от них избавиться, а здесь – нет.

Она вытянула руку, на ладошке сразу же образовался искрящийся фиолетовый шарик. Подбросив, Мира направила его в Адана. Тот вздрогнул, но успел поймать, и огонёк потух в кулаке.

Ллэр поднял глаза на Луну.

– На поле на вас были наручники тайко, замыкающие биополя в единую цепь, – проговорил он задумчиво и обернулся к Мире. – Я не так уж много успел увидеть сейчас, прежде чем меня скосило. Луна на тебя влияла. На вас обоих, значит. Но не на меня и не на Роми. Что ж, логично, если ты пусть и искусственно созданная, но всё равно доа. Это ваш мир. Если нет... Кем бы ни были эти твари – и твари ли они – настроены они серьёзно. И на всех, кроме тебя, у них нашлась управа. Может, они, конечно, смотрели в упор и не видели. Если у них были глаза. Не то чтобы задыхаясь, меня заботили такие детали. Я не встречал ничего подобного раньше. Не слышал, нигде не читал... – Ллэр запнулся, словно засомневался в последнем, и тут же качнул головой, отменяя сомнения. – Я был тут. В Эннере, в смысле. Неоднократно. И внутри сферы и за. Никому не было дела. Никто не пытался исполнить мою мечту.

Он замолчал, потому что Роми чуть слышно застонала,

сжала пальцы, как будто пыталась набрать в ладонь земли, только лежала она на голой, лысой скале и лишь скребнула ногтями по камню. Моргнула, раскрыла глаза.

– С возвращением, – усмехнулся Ллэр.

– Я не сдохла? – Роми попыталась сесть. Со второй попытки и с небольшой помощью Адана ей удалось.

– Предлагаю объявить перемирие, – Мира неожиданно для себя опустилась на колени и протянула руку.

Роми замаялась лишь на секунду, потом медленно ответила рукопожатием.

– Что с нами?.. – она растерянно оглянулась на Адана.

Говорить ей явно было сложно.

– Мы живы. Не спрашивай, как. Но живы, – улыбнулся он. – И пока ты приходила в себя, мы пытались понять, откуда взялись Тени и что им от нас нужно.

– Что нужно? – Роми засмеялась, точнее – попыталась: каркающий смех превратился в кашель. – По-моему, как раз понятно. Смерти. Почему?

Она посмотрела на Ллэра.

– Ты переоцениваешь мою осведомлённость. Опять.

– Нет. Из всех... ты... больше времени. Мы можем отсюда убраться?

Мира встала с колен, огляделась. Уходить не хотелось. Почему-то на этой скале, где чуть не погибли единственные дорогие ей люди, было уютно. Но её ведь не спросят. Опять, как куклу, потащат куда-то.

Адан потянулся к рубашке, подал Роми платье.

Не говоря ни слова, Мира метнулась к краю скалы, замерла, бесстрашно заглядывая вниз. Броситься бы сейчас в малящую темноту, избавиться от внутреннего противоречия, стать свободной. С собой. Или хотя бы понять, кто она теперь, Мира Ошер, и как с этим жить дальше.

– Ты была в отключке, когда я сказал, что ни с чем подобным не сталкивался, – заговорил Ллэр.

– А я уже дважды, – отозвалась Роми. – Думаешь, на меня ползут?

– Скорее, на меня, – вмешался Адан. – Вы оказались рядом, и, видимо, нас всех за компанию. Девчонка ведь тоже задыхалась, а потом как-то смогла сделать то, что никто из нас троих не смог, – он понизил голос, но Мира всё равно расслышала: – По-моему, чем раньше мы поймём, почему у неё получилось, а у нас – нет, тем всем будет спокойней.

– В первый раз у тебя тоже получилось, – пожалала плечами Роми. – Второй раз – нет. Как бы не оказалось, что они прекрасно учатся на своих ошибках, и в следующий раз нам понадобится новая управа.

– Приведём Таль, – хмыкнул Ллэр. – Она наверняка знает больше всех нас.

– Хорошо, если просто знает. Не удивлюсь, если в своих опытах она пошла гораздо дальше.

– Создать таких существ? – тон Ллэра был полон сомнения. – Мне всё сильнее хочется с ней побеседовать.

Мире надоело прислушиваться. Она осторожно переместилась на самый край скалы. Зажмурилась. Внутренний голос твердил, что можно. Даже нужно.

И тогда Мира прыгнула. Прижала руки к телу, задержала дыхание, представила, как через мгновение с размаху провалится в холодную воду, но только этого не случилось. Она открыла глаза, с восторгом обнаруживая, что парит в воздухе.

– Слушайте, если Таль создала такое, то... По-моему, возможно всё, – громко произнёс Адан.

Мира обернулась – они втроём изумлённо глазели на неё. И она опять не удержалась, подчиняясь внутреннему «я». Что-то снова случилось. Мира даже не поняла, как, но по обе стороны теперь колыхалось с дюжину собственных светящихся клонов.

– Эффектно, – сказала Роми. – Нет, правда. И если каждая из этих очаровательных Мир сможет замочить пару-тройку Теней, мы можем никуда не спешить.

Глава 15. Рецепт

Мысль нанести очередной визит в Актарион пришла сразу же, когда добрая дюжина искрящихся на фиолетовом небе Мир перестала плавно раскачиваться перед глазами и видоизменилась в одну единственную. Стоило Адану убедиться, что он даже приблизительно не представляет, как сделать то, что с лёгкостью вытворяла девчонка, и следующий шаг был ясен.

Ллэр согласился отправиться в Миер вместе, а у Роми хватило сил, чтобы вернуться в Тмиор самостоятельно, прихватив с собой «светящуюся шалуню». Это радовало, потому что в противном случае встреча с Таль могла стать последней. Казалось, гнев так силён, что Адан, не задумываясь, размажет её по стенке, как только увидит. Пусть и понимает: уничтожить Таль – не выход. Им всем нужны ответы. Ответы, которые знала лишь эта сексапильная дрянь.

Обнаружить Таль не составило никакого труда. Она была в уже знакомом доме, куда он нанёс визит рано утром, за овальным столом в своём рабочем кабинете. Внимательно изучала что-то в голографическом ноутбуке, меняя местами неоновые изображения. Как всегда, уверенная в себе, собранная. Чертовски красивая.

И даже одетая. Почти.

– Здравствуй, Ади. Так быстро передоу... – спиной к ним

произнесла Таль, осеклась, обернулась. На мгновение задержала пристальный взгляд на Ллэре. В синих, густо и ярко подведённых глазах промелькнуло едва заметное отвращение. Промелькнуло и исчезло. На губах заиграла улыбка – любезная, холодная, осторожная. – Добрый день. Ты, наверное, Ллэр? – она поправила рукой пышные каштановые кудряшки, откинулась на спинку высокого чёрного кресла. Посмотрела на Адана, вопросительно вскинула тонкие брови. – Объяснишь, что происходит?

– Не поверишь, куколка, у нас к тебе точно такая же просьба.

– И всё же ты первый, милый.

Кто бы сомневался, что Таль не станет сыпать откровениями с порога.

Они обошли стол, Адан без разрешения плюхнулся на диван у противоположной стены. Обратился к Ллэру, оставшемуся стоять:

– Ты вроде умеешь задавать правильные вопросы, но всё же начну я. Не против?

Тот, театрально прищурившись, сделал широкий приглашающий жест.

– Вот и отлично. Речь пойдёт о Мире Ошер. Вернее, о том, что ты из неё сотворила. И почему хотела убить.

– Опять? – Таль скрестила на груди изящные, холёные ручки с накрашенными ноготками. – Не вижу смысла обсуждать это ещё раз с вами.

Адан небрежно вытянул босые ноги, поёрзал, устраиваясь на диванчике поудобнее. Машинально отметил, что еле сдерживается, чтобы не схватить Таль за горло и не выжать из неё правду в буквальном смысле слова: какого чёрта творится, зачем их преследуют бестелесные уроды, кто за всем стоит и почему. Не факт, что получится. Значит, придётся заинтересовать и вынудить поделиться информацией в обмен на то, что нужно ей.

– Даже, если скажу, что Мира выжила?

– Исключено, Ади. – Она покачала головой и насмешливо улыбнулась, как будто слышала несусветную глупость. – Эта девушка умерла. Смирись и забудь. У нас с тобой есть другие, более важные темы для разговора.

– И всё же. Что, если Мире удалось остаться в живых после взрыва, который ты устроила?

Ни один мускул не дрогнул на её лице. Она посмотрела на молчащего Ллэра, потом снова на него. Спокойно ответила, кажется, ни секунды не сомневаясь в собственной правоте:

– Даже если ей удалось... Допустим, каким-то чудом. Например, кто-то не вовремя её спас из квартиры. В любом случае он сделал только хуже. Мира больна и обречена на долгое, мучительное умирание. Хоть ты мне и не веришь, я всего лишь пыталась облегчить её участь.

– После того, как сначала использовала для опытов. Весьма милосердно.

– Наука требует жертв, – пожала плечами Таль. – Болезнь

Миры создала не я.

– Хорошо. А что ты скажешь, если Мира не только выжила, но и превратилась в доа? – Адан подался вперёд. – Это, как минимум.

Таль скептически усмехнулась.

– Скажу, что это было бы великолепно, потому что означало бы успех проведённого нами эксперимента. И огромные перспективы в будущем. Для меня, не для Миры, конечно же.

– Тогда тебе будет полезно услышать, что она на самом деле жива и теперь способна... на многое. Всё ещё настаиваешь, что нам незачем говорить о ней?

– Настаиваю. К сожалению, как бы мне не хотелось признавать, эксперимент провалился, – она перевела взгляд на Ллэра, чуть склонила голову набок. – Теряюсь в догадках, чем моя скромная персона могла заинтересовать атради.

– С такими амбициями претендовать на скромность? – Ллэр широко улыбнулся.

– С такими это какими?

– Твоя контора пытается изменить ход эволюции, исправить путь развития, который выбрала природа. Или хотя бы найти рецепт.

– Ускорить ход эволюции. Направить в нужное нам русло. Улучшить путь развития. Или хотя бы найти рецепт, – Таль тоже улыбнулась. Той самой улыбкой, которую Адан любил и ненавидел – самоуверенной бесстрашной гордячки. И ведь

наверняка понимает, что ходит по острию ножа. Что они с Ллэром, вместе и по отдельности, превосходят её по силе и способностям. А всё равно не боится. Бросает им вызов. – Это каким-то образом мешает Тмиору? Беспокоит? Раздражает?

– Что ты! Если бы мешало, твои исследования давно бы прекратили. Но как тебе нет дела до атради, точно так же Тмиору плевать, чего вы добьётесь своими экспериментами. Хотите себя улучшить? Удачи. Правда, совершенно искренне – удачи! Миров много, хватит места для всех бессмертных и одарённых. Мы здесь не за тем, чтобы обсуждать глобальные перспективы твоего проекта.

Таль слегка повела рукой в воздухе, видимо, предлагая пояснить.

– Мира, – коротко ответил Ллэр, и прежде, чем она успела сказать хоть слово, продолжил: – Мы здесь из-за неё. Завязывай с категоричностью. Мира жива и совершенно не похожа на смертельно больную. Что заставило тебя думать, что эксперимент с ней провалился?

Таль неторопливо поднялась с кресла. Оказалось, что просвечивающий рыжеватый топик – часть такого же облегчающего брючного костюма. Адан не смог сдержать усмешки. Вот и нашлось ещё одно общее качество с Роми – выставлять себя напоказ, только откровенные наряды Таль вряд ли оправданы питательным солнцем Актариона. Хотя, кто знает.

Она обошла стол, присела на край с другой стороны, прямо перед ними. Грациозно, не спеша, но всё же немного не так, как обычно. Адан чувствовал её волнение, хотя внешне Таль ничем его не показывала. Спокойные, плавные жесты, невозмутимое выражение лица, полуулыбка.

– Что конкретно тебе известно о моём эксперименте?

– Скажем так, я держался неподалёку последние несколько лет. Имею представление, чего ты и твои помощники добивались, в какие стены упирались, сколько свинок уморили и что хотели от Миры и тех, кто был до неё.

– Если Мира жива...

– Мира жива. Без «если». Это факт.

– Более того, – вмешался Адан. – Мира полна непонятных, удивительных способностей, которыми ты её наделила, а некоторых из них, – он кивнул на Ллэра, снова посмотрел на Таль, – нет ни у одного из нас. Странно, не правда ли? Ведь согласно твоей утренней теории ты создавала из Миры некое подобие меня. И я тебе гарантирую, что у тебя не просто получилось. Ты превзошла саму себя. Так что говорить о неудачном эксперименте с моей точки зрения даже не приходится. Скорее, я поверю, что ты создала нечто, чего не ожидала, что вышло из-под контроля, и потому предпочла ликвидировать.

– Тебе бы очень хотелось, чтобы я это подтвердила, да? А ещё взяла на себя вину за все твои неприятности, правда? Лучше заочно – на годы вперёд, – Таль продолжала улы-

баться как ни в чём ни бывало. Словно улыбка прилипла к губам, и это злило больше, чем её слова. – Вынуждена разочаровать, Ади, – она поочередно оглядела их. – Признаюсь, мне очень трудно поверить в живую Миру. Но раз вы настаиваете, я попробую. Почему решила, что не получилось? – теперь Таль обращалась к Ллэру. – Всё просто. Мне удалось привить ей ген способных. Не сразу, но удалось. Организм девчонки оказался таким же несносным, как её характер.

– Кто бы говорил, – Адан закатил глаза.

Таль не удостоила его даже взгляда. Продолжила, обращаясь к Ллэру:

– Постепенно получилось создать в ней то, ради чего ставился эксперимент – ПНК. Третий тип нуклеиновых кислот, который бы отвечал за передачу всей паранормальной информации из поколения в поколение, вступал бы во взаимодействие с ДНК и РНК. Но при этом способности у Миры не проявлялись. Вообще. Никак, ни в чём. Как будто в её жилах текла самая обыкновенная кровь. Никакие тесты, раздражители, энергетические добавки не действовали. По шкале паранормальных возможностей Мира не тянула даже на слабую способную-актарионку.

– Может, стоило подождать прежде, чем принимать кардинальные меры, – усмехнулся Адан.

– Чего именно ждать? Пока она не умрёт? – в глазах Таль на миг промелькнула грусть, или ему просто хотелось так думать. – Как бы ужасно это ни звучало, Ади, но с нашей точки

зрения оставить Миру в живых не представлялось возможным.

– Допустим, – не сдавался он. – Но ты бы могла обойтись более гуманным способом. Усыпить или... не знаю... В конце концов, Мира не какая-то зверюшка.

– Не зверюшка. Поэтому сначала в таксилёте сработало устройство с усыпляющим газом, и только потом машина взорвалась. Я не виновата, что кому-то взбрело в голову вытащить её оттуда раньше, чем всё случилось.

– Но ты и это предусмотрела, – улынулся Ллэр.

– Да. В её квартире тоже был газ. Мира ничего не почувствовала... бы.

– Милосердие из тебя так и прёт! – У Адана никак не получилось взять себя в руки.

– Ади, да пойми же ты наконец! Мира смертельно больна. Вдобавок – с ПНК и аморфными способностями. Ей бы стало хуже, она снова попала бы в больницу, и что потом? Вылечить её не смог бы никто. А вот результаты крови вызвали бы нежелательные последствия, история получила бы огласку. Как ты наверняка догадываешься, мне лично такая слава ни к чему.

Он громко хмыкнул. Мелькнула мысль, что Ллэр мог ошибиться. Что в планы Таль вовсе не входило избавляться от Миры. Она могла что-то заподозрить и использовать атради в своих целях. Вынудить их вмешаться, чтобы каким-то образом спровоцировать попадание Миры в плешь. Пусть и

утверждает, что не имеет о ней представления.

– Хорошо, – Таль повела плечом. – Я готова признать, что, возможно, ты прав. Мне не стоило торопиться. Надо было рискнуть и подождать ещё.

– Неужели?

– С тобой происходило почти то же самое, – не обращая внимания на его сарказм, продолжала она: – Спящий особый дар. Потрясающая, удивительная, многообещающая кровь. Столько потенциала. А на деле – ничего.

– Полагаю, мне крупно повезло, что в нашу последнюю встречу ты не успела напичкать мою квартиру каким-нибудь ифзанитом? – Он замолчал, нахмурился, вспомнив об отказавшем прямо в воздухе кабриолёте. Могла ли Таль решиться на такое? Теперь Адан даже не сомневался – легко.

– Тебе повезло, что я тебя нашла, – судя по тону, она подразумевала именно то, что сказала. Вот так – буквально, без не то что ложной, а вообще без скромности. – Говорила и не устану повторять. Ты – особенный, как бы ни называлась твоя раса. И единственный. Других таких в Бэаре я не встречала.

– Радует, что всё же искала.

– Естественно, – то ли не замечая, то ли делая вид, что не замечает его иронию, Таль задумчиво перевела взгляд на Ллэра. – Когда ты спас Миру? В таксилёте или в квартире?

– Это имеет значение?

– Огромное. Если не в таксилёте, значит, Мира смогла вы-

жить, только если её способности себя проявили. Это, в свою очередь, означает, что я не учла какой-то фактор. Пытаюсь понять, какой. Допустим, всё, что Адан рассказал мне про Плешь, правда, и если речь идёт о той же Мире... Ты ведь не мог ошибиться?

– Я не мог ошибиться. И я не ошибся. Хочешь её увидеть? Чтобы раз и навсегда покончить со всеми «если».

– Не хочу. Но мне нужно больше информации. Конкретной. Как спаслась, какое отношение имеет к вам и что именно вы хотите от меня.

– Договорились, – ухмыльнулся Ллэр. – Как спаслась? Ты права. Я поспособствовал. Такой ценный материал не должен был пропасть даром. Едва успел, между прочим. Вытащил её тело из таксилёта, пока сознание Миры отправилось в Плешь. Именно этот переход и позволил мне оказаться там вовремя. Насколько могу судить, роль катализатора, который ты так долго искала, сыграла как раз попытка её убить. Вероятно, твои предыдущие раздражители были недостаточно раздражающими. А вот умирать Мира не захотела, поэтому разумом шагнула дальше, чем могло тело. Не знаю, что успел рассказать тебе про это Адан.

– Считай, что ничего. Ади – хороший адвокат, но в том, о чём мы сейчас говорим, разбирается... на недостаточном уровне, – произнесла Таль таким тоном, что он мгновенно пожалел о ненавистной ещё в школе биохимии. – Расскажи мне про Плешь. Я с трудом представляю себе, что это. Но,

кажется, как раз там следует искать ключ к разгадке активировавшихся способностей.

– Ладно, – чуть качнул головой Ллэр. – Плешь – не просто фильтр между мирами, но и самая мощная энергетическая добавка во всех Вселенных. Мира окунула себя в неё с головой. В результате её сознание получило недостающую дозу облучения и спровоцировала метаморфозы на физическом уровне, запустив основные процессы финального изменения в крови. Причём энергетический всплеск оказался такой мощности, что благодаря общей крови втянул вместе с Мирой Адана, вынудив его раскрыть психокинетический потенциал. А дальше...

– Дальше мой потенциал выкачал всю энергию из атради, разнёс неизвестно что, пытавшееся меня убить, и вышвырнул за Сферу под Луну, – раздражённо перебил Адан. – И это только начало. Потом стало ещё «веселее», особенно, полчасика назад, когда Мира начала демонстрировать свой. И сдаётся мне, это ещё не конец.

Ллэр рассмеялся.

– Где она сейчас? – спросила у него Таль.

– Всё-таки хочешь её увидеть?

– Нет. Мира мне не нужна. Если ты в курсе моего эксперимента, как утверждаешь, то знаешь, почему. Мне нужен он, – она кивнула на Адана. – Но вы сказали, что пришли из-за Миры. Даже представить не могу, чем обычная актарионка могла заинтересовать атради, – Таль скрестила на груди

руки, улыбнулась Ллэру. – Расскажешь?

– Благодаря тебе, Мира больше не обычная актарионка. Возможно – доа, но... не такая, как Адан. И если кратко – мне нужен твой рецепт.

– Рецепт? – кажется, она удивилась. Адан готов был поклясться, что с момента их появления, это её первая искренняя эмоция.

– Ага. Можно ли повторить то, что ты создала из Миры, в обратном порядке. И что в результате получится.

– В каком смысле в обратном порядке? Сделать из Миры обычного человека?

– Можем начать с этого, – Ллэр медленно кивнул. – Я понимаю, что процесс намного сложнее, чем покрутить колесо в другую сторону.

– Сложность – не проблема. Не главная. Лишить возможностей даже проще, чем ими наделить. Так что теоретически вполне осуществимо. А что будет в итоге, – Таль задумалась, помолчала, несколько секунд изучая оранжево-розовый пейзаж за матовым стеклом. Потом обернулась к Ллэру: – Мира умрёт почти мгновенно. Её обычная кровь уже не справится с вирусом, который наверняка мутировал под воздействием плеша.

Ллэр несколько секунд пристально смотрел ей в глаза, потом попросил:

– Расскажи мне про вирус.

– Что конкретно? Ты же не хочешь, чтобы я начала сыпать

формулами и определениями. Ади и так уже заскучал.

– С тобой заскучаешь, как же, – ухмыльнулся Адан. – Каким бы тупым я ни был, меня тоже волнует этот вирус. Хочешь конкретно? Пожалуйста. Можно его вылечить?

– Нет.

– Не врешь?

– А как ты думаешь? – Таль бросила на него выразительный взгляд. – Мира идеально подходила для эксперимента во всём, начиная с состава крови и заканчивая биографией. Единственный минус – неизлечимый врождённый вирус, вынуждавший нас спешить. Если бы я могла его вылечить, я бы это сделала. В первую очередь. Не ради неё. Ради себя.

– Не верю, – потрянул головой Адан. – Затеять такое исследование и не уметь справиться с каким-то вирусом? Так не бывает. Ты просто не захотела. Почему-то.

– Тебя-то почему она волнует?

– Представь себе, волнует. Может, мне нравится Мира. Я не хочу, чтобы она умирала. Раз уж выясняется, что я – единственный доа на свете, а у тебя получилось создать ещё одного... одну... Это же естественно, что мы захотим быть вместе и всё такое. Будем повышать популяцию доа, не покладая рук.

– Вы не...

– Вирус, Таль. Пожалуйста, – вмешался Ллэр. – С кем Адан заведёт потомство на данном этапе несущественно.

– Для тебя, – парировала она. – Для меня как раз очень

существенно. Поэтому... – Таль нахмурилась, сосредоточенно вглядываясь в лицо Ллэра. – Я готова предоставить тебе необходимую информацию. Рецепт, который ты ищешь. При одном условии.

– Каком?

– Ади должен остаться здесь.

– Как ты себе это представляешь? – Адан в изумлении вскинул брови. – Думаешь, Ллэр сможет меня уговорить? Или заставить?

Таль даже не посмотрела в его сторону.

– Помоги мне, и я найду способ повернуть вспять то, что тебе действительно нужно.

– Зачем тебе Адан?

– Ты же в курсе эксперимента. Адан – будущее. Такое, каким я хочу его видеть. Считаю, он мне жизненно необходим. Как тебе – солнце Тмиора.

Ллэр усмехнулся.

– Не собираешься же ты сцедить у него всю кровь.

– Это уже мои проблемы. Наши. Но мы их решим, – Таль с улыбкой обернулась к Адану и снова посмотрела на Ллэра. – Я же не спрашиваю, зачем тебе понадобился рецепт.

Он вскинул одну бровь, прищурился.

– Сначала о вирусе, Таль. Потом – о том, что ты знаешь о доа. Я покупаю не информацию о предусловиях, я покупаю обратный билет. И хочу убедиться, что не ошибаюсь, предполагая ценность лекарства от способностей. Взамен, бону-

сом, готов поделиться информацией с тобой, если тебе есть,
о чём меня спрашивать.

Глава 16. В замке

Накрыло уже потом. Дома. Станным колпаком, сделавшим звуки – приглушёнными, ноги – ватными, руки – ледяными. Внешний мир отдалялся, потом наваливался лавиной из ощущений и снова скрывался за пеленой.

Страх – слишком прозаичное слово, чтобы охарактеризовать её состояние. Каждая косточка, каждая мышца, каждый миллиметр кожи, каждая капля крови горели огнём. Боль не заглушали таблетки – Роми сожрала уже целую пригоршню, потом воспользовалась тем единственным кругляшом, что забрала у Алэя на всякий случай, впрок. Не веря, что пригодится, а поди ж ты!

Мощнейшее обезболивающее не спасло.

Боль не снимало и солнце. Впрочем, под ним Роми проторчала недолго – яркий свет раздражал глаза и давил на виски. К тому же она не чувствовала себя пустой, наоборот, тело переполняла энергия, – и всё равно оно корчилось в муках.

Столько эмоций за неполных два дня! От пустоты до безудержного восторга, от невероятной ясности и понимания вещей, которые казались недостижимыми, до полной растерянности.

Роми держалась, улыбалась и надеялась, что Мира не заметит и не станет задавать вопросы. Пока скрывать, кажется, удавалось. Либо девчонке было плевать, что устраивало ещё

больше.

В какой-то момент Роми вдруг поняла, что у всеобъемлющей боли нет физического основания, что всё это – в её голове. Что это разум заставляет ощущать тело оголённым нервом, потому что такого с ней никогда не было: она едва не умерла дважды за пару суток.

Первый раз всё казалось понарошку – внезапно, быстро. Мгновение острой опасности, мгновение беспомощности, мгновение темноты. А затем свет, тепло, Алэй... И как будто ничего не случилось.

Во второй раз, на скале с Аданом, когда она перестала чувствовать его руки в воде, когда, глядя ему в глаза, увидела лишь дымку, Роми на миг стало страшно. Возбуждение и восторг свернулись тугим комком в ноющую тяжесть в животе, воздух обернулся кислым удушающим туманом, но она по-прежнему не верила в собственную смерть. Атради ведь бессмертны. Почти боги. Они были всегда. Они всегда будут.

И даже в последнюю секунду, когда удушье сменилось сладким запахом цветов, когда сиреневый мир побелел, когда Роми смирилась и поверила, что конец действительно существует – ей всё так же не было страшно. Последняя мысль – чёткая, яркая – вонзилась в сознание, как игла: неужели действительно можно умереть? Что-то не успеть, никогда не узнать, не почувствовать? Совсем новое, неизвестное Роми сожаление.

А потом всё вернулось. Рядом был Ллэр. И Мира с Ада-

НОМ.

Роми быстро пришла в себя, ещё быстрее привела мысли в порядок, выкинула из головы непонятные ощущения, которым нет названий. Ничего ведь не произошло. И смерти как не было, так и нет. И конца нет.

И вот теперь она сидела на длинном обеденном столе, скрестив ноги под собой, смотрела на гостью, уплетающую вторую порцию мяса с овощами, и думала вовсе не о том, что с ними произошло. Не о пугающих существах-Тенях, способных на невозможное, не о Мире, переплюнувшей по способностям всю их троицу вместе взятую. Не о Ллэре и его поисках, происках и планах, которые привели её на скалу, не о Таль, к которой Адан и Ллэр отправились за ответами. Не об удивительной фиолетовой Луне. Уж тем более не о том, чему им с Аданом так немилосердно помешали...

Она пыталась вспомнить, что ещё было за миг до мнимой гибели. За полмига. В момент, когда поверила, что умирает. Пыталась понять Ллэра и Алэя так, как никогда не понимала раньше, хотя думала, что знает всё. И чувствовала себя сейчас, как, должно быть, чувствуют ничего не смыслящие младенцы. Нет, хуже – самоуверенные идиоты.

– Тебе необязательно со мной торчать, – нарушила молчание Мира, отодвигая пустую тарелку. Голос был непривычно тихий, без язвительных ноток. – Я могу сама... дальше...

– Я... Мне не сложно, – с запинкой пробормотала Роми. Не получилось признаться, что одной оставаться не хочется.

– Ладно, – Мира смущённо улыбнулась, потом нахмурилась. – Я понимаю, что неподходящая компания, – и снова улыбка. – Но лучше, чем ничего. Спасибо, – она опять нахмурилась, напряглась. Стала похожа на ту бесючую девчонку, которую Роми встретила в Плещи – напуганную, но готовую за себя постоять. – Если хочешь, могу уйти.

– Куда?.. За... чем? – Роми удивлённо моргнула. – Ты... нормальная компания, – она покачала головой и тоже попыталась улыбнуться. Вероятно, в этот момент и сама была чем-то похожа на Миру. – Не надо никуда уходить.

– Тогда рассказывай что-нибудь. Говори. Всё равно о чём, только не молчи, – попросила Мира. Посмотрела по сторонам, будто что-то искала, встретилась с Роми взглядом. – У тебя есть что-нибудь выпить? Кроме воды? Мне бы, кажется, не помешало.

– Чай, кофе, сок, энергетики, вино, крепче вина, – перечислила Роми и огляделась.

Если они начнут пить, отсюда лучше убраться. Самая маленькая, самая уютная из всех, куда они могли попасть в Замке в поисках еды, эта столовая спокойно вмещала человек сто за обеденным столом, а потому не располагала для расслабленных посиделок.

– Ещё коктейли из опиатов... Ну или всё вместе, – Роми заметила, как округлились глаза Миры, и улыбнулась уже естественнее. – Здоровью атради нельзя нанести вред, поэтому мы не ограничиваем себя в низменных экспериментах.

– Из опиатов не надо. Я и без них заглоченая. Чего-нибудь попроще. Чтобы расслабиться и не думать, куда меня швырнёт и какая фигня случится.

– Лучше бы не швыряло, – она спрыгнула со стола. – Я тот ещё спасатель.

За спиртным, к удивлению, далеко идти не пришлось. Роми уже настроилась петлять непослушными коридорами, но вход в винный погреб обнаружился тут же, напротив столовой. Замок то ли был благодушно настроен на гостью, то ли им сегодня везло.

– Прошу. – Зажёгся неяркий свет, выхватывая ряды, уставленные бутылками. – Градус по возрастающей. Здесь есть ещё погреба побольше, но путешествие по Замку – сомнительное удовольствие.

Перемещаться она почему-то боялась и не сразу себе призналась. Хотелось свести использование способностей к минимуму.

Мира вскинула руку, и неожиданно бутылка с верхней полки оказалась в воздухе, медленно поплыла к протянутой ладони, но, не долетев, рухнула на каменный пол и со звоном превратилась в осколки.

– Ой! Давай лучше ты, а то я вам тут всё разнесу, – Мира виновато покосилась на бурую лужицу. – Что-нибудь не очень крепкое.

Роми изумлённо уставилась на стёкла, потом тоже вскинула руку. Бутылки и не подумали прыгать к ней навстречу,

что не удивительно – телекинез в стенах Замка, да и вообще в Тмиоре, не работал. Похоже, на Миру этот закон не действовал.

– Наверное, это была плохая идея, – прислонившись к косяку, пробормотала та. Вдохнула, сунула руки в карманы джинсов. – Или надо сразу опиаты, чтобы вырубил надолго.

Пришлось взять совок, веник, осторожно смести битое стекло.

– Это абсолютно нормальная идея. Проблему не решит, но полегчает. А вот опиаты... Вероятно, действительно не стоит. По крайней мере, без дополнительных наблюдающих.

Роми избавилась от стекла, вернулась.

– Кстати, если хочешь поэкспериментировать. Мы, конечно, можем... Тут есть несколько тренировочных залов. Я попро... – осеклась, сообразив, что вряд ли Ллэр обрадуется, если она введёт в курс дела ещё с десяток «родственников» даже в качестве подстраховки. Не то чтобы те проявят несвойственное атради любопытство и потребуют участия в дальнейшем, но зачем создавать провокационные ситуации?

– Не...е надо, – запинаясь, проговорила Мира. – Я боюсь. Лучше вино или что-нибудь попроще. Хотя бы пока Ллэр с Аданом не вернутся.

Роми поймала себя на мысли, что их отсутствие вызывает у неё смутную тревогу. Казалось бы, что может противопоставить Таль таким, как они? Даже учитывая, на что она способна и что сотворила с Мирой, всё равно – ничего. И

всё-таки:

– Надеюсь, они там без приключений. – Роми взяла с полки пару бутылок. – Идём?

Синий коридор первого этажа, куда выходили столовая и кладовая, закончился быстрее обычного, но не привычной лестницей, а узким проходом в бежевый коридор. Жилой. Старшего крыла.

Роми изумлённо замерла, уставившись на невысокий порожек. Будто здесь должна была быть дверь, но её сняли с петель, и петли сняли, и косяки дверные вырвали, и стены отшлифовали, но неправильное ощущение невидимой двери осталось.

Что-то происходило. Сначала они с лёгкостью вышли на столовую, потом мгновенно отыскивали кладовую. Если теперь так же быстро доберутся в комнату...

Роми вздохнула, пропустила Миру вперёд, поспешно шагнула следом. Оглянулась. Проход за спиной исчез, будто никогда не существовал. А нужная дверь оказалась первой по коридору. В этот момент Роми чётко поняла, что её беспокойство перерастает в то, что обычные люди назвали бы паранойей. Замок никогда не был настолько благосклонен к чужакам. Или Мира перестала быть для него таковой?

Кажется, им стоило не только воздержаться от использования способностей, но и вообще в Замок не возвращаться. Вдруг многомерное чудовище взбеленится, как Море Источка? Пока всё обходилось.

Роми посторонилась, приглашая войти.

– Чувствуй себя как дома.

– Ты одна живёшь?

– Да. Мы очень редко живём с кем-то.

Атради считали себя одной большой семьёй. Роми всегда казалось, что при этом все они – одиночки, хоть и не одиноки. Во всяком случае её чувство одиночества никогда не посещало. То самое тоскливое одиночество, которое граничит со страхом и болью и которого так боятся люди. Быть одному, самому по себе для атради так же естественно, как не задумываться о том, что такое конец жизни.

– Пары, конечно, возникают. Взять, к примеру, того же Маррена. Я ведь говорила тогда, в Плеши, что с вечеринки? Ты садись, что ли... Или сейчас... погоди.

Роми прошлась по комнате, поставила бутылки на низкий круглый столик. Хотела пойти сразу за бокалами, но остановилась на полушаге. К дивану прилагались еще четыре невысоких квадратных пуфа. Как раз таких, чтоб можно было с удобством устроиться, полулежа, вокруг столика. Вот их она и выволокла из шкафа в спальне.

– Прикольно, – Мира подвинула один себе, оглядела. Потом с размаху плюхнулась на него. Сменила позу, устраиваясь поудобнее. – Класс! В нём же даже спать можно. А там что? – она кивнула на дверь с левой от дивана стороны, настороженно посмотрела на Роми. – Если что-то не трогать, куда-то не ходить, лучше сразу говори.

– Там комната. Есть кровать, – Роми уставилась на дверь и вдруг поняла, что до сегодняшнего дня не задумывалась, зачем ей ещё одна спальня. Гостей, которые бы там останавливались, у неё никогда не бывало. Или она что-то забыла?.. – Туда тоже можно. Да везде можно. Камин лучше не зажигать. Не помню, когда последний раз им пользовалась, – она достала бокалы, откупорила бутылку, разлила вино, и только тогда устроилась на соседнем пуфе. Запрокинула на несколько секунд голову, блаженно закрыла глаза. – Спать на них неудобно, шея будет болеть. А вот так...

– У меня не будет. Видела бы ты, на чём мне приходилось спать, – хмыкнула Мира, снова огляделась. – А зачем вам такие хоромы, если вы по одному живёте?

– А почему нет? – Роми сделала глоток, вино приятно грело желудок. – Зачем ютиться в норках, если есть возможность занять целый дворец? Да и не все живут по одному. Тот же Маррен. Решил вот жениться. Серьёзно решил, девушку нашёл. Не атради, но из тех, кто знает о нас почти всё. Привёл знакомиться с роднёй, потом удерёт с ней в её мир. Здесь ей не жить – солнце не позволит. Переберётся, значит, проживут лет пять, как есть, потом усыновят ребёнка, или она забеременеет искусственно. Потом... Потом рано или поздно всё начнется сначала.

Они женились и расставались, не женились, жили вместе, жили порознь. В соседних комнатах гигантского замка, который, словно живое существо тоже начинал что-то пони-

мать и радушно выводил двери новоявленной пары в коридор рядом. Через сто, двести, триста лет сходились снова, будто в первый раз. Или убегали в какой-нибудь мир, чтобы раз в день-два, втайне от своей новой семьи или открыто – вместо работы – возвращаться в Тмиор набираться энергии. Это была повторяющаяся несущественная суэта. Совсем не то, что вкладывали в понятие семьи люди.

– Завтра или через сто лет – всё обязательно изменится, и это одинаково малый срок, – тихо проговорила Роми. – Ллэр бы сказал – всё потеряет смысл.

Мира залпом опустошила бокал. Поставила обратно на столик, откинулась на пуф.

– А кто здесь убирается? Ну, в самом Замке? Готовит? Продукты откуда? Вещи... Не само же.

– У нас есть работники. Мы хорошо платим. В коридорах и без уборки почему-то всегда чисто. Пыли нет, паутины нет, мусор в вечно закрытые окна не залетает. Готовит бригада поваров. Кухарки, горничные. Кто пожелаешь. Все из одного мира. Продукты завозить тоже наловчились.

Роми почувствовала, что исчезнувшее напряжение неожиданно вернулось, и теперь от неё зависело, отступит ли.

Глава 17. Уговор

– Придётся совершить небольшое путешествие. Там уютней. Вы же не против? – Таль протянула им руки, будто собиралась помочь подняться. – Ну же, смелее, – насмешливо добавила, когда ни один из них не пошевелился. – Неужели вы мне не доверяете?

– Странно, что тебя это удивляет, – буркнул Адан, следом за Ллэром нехотя коснулся ладони Таль, почувствовал, как её пальцы сплелись с его.

В следующую секунду зуд в венах исчез, а они втроём стояли в огромном зале с полным отсутствием электромагнитного сопротивления. Пол, стены, потолок – гладкие, белоснежные. Насколько хватало взгляда – нигде не было видно ни окон, ни дверей. Никаких кнопок, экранов, мебели, ламп, хотя вокруг было светло так, что резало глаза.

– Вы в моей лаборатории, – Таль отпустила их руки, отступила назад.

– Ты же говорила, что не умеешь никого телепортировать. Опять соврала? – ухмыльнулся Адан.

– Не умею из мира в мир. В пределах Актариона, там, где есть порталы – пожалуйста. Присаживайтесь.

– На пол?

Таль вместо ответа кивнула на что-то за их спинами. Адан обернулся, удивлённо хмыкнул, обнаружив позади два мяг-

ких кресла. Белые, по форме похожие на те, что уже видел в доме Таль – с высокими спинками и плавно изогнутыми подлокотниками.

Переглянувшись с Ллэром, он послушно сел. Тот опустился в соседнее кресло.

– Я постараюсь объяснить по возможности кратко и доступно, но если что-то непонятно – останавливайте, спрашивайте. Надеюсь, вы знаете или хотя бы слышали о нуклеиновых кислотах?

– Слышали, – нарушил молчание Ллэр, изучая пол. – Биополимеры.

Таль кивнула.

– Высокмолекулярные органические соединения, которые хранят и передают наследственную информацию. Из них состоит всё живое. По крайней мере, это так во всех известных мне мирах. У обычных людей, без паранормальных способностей, или у таких, как я, в организме можно обнаружить только два вида: ДНК и РНК. Информация или ген, отвечающий за паранормальные способности, у нас хранится там же. Но есть ещё один вид нуклеиновой кислоты. Так называемая ПНК. Её роль заключается в реализации наследственной информации, передаче из поколения в поколение, сохранении и трансформации энергии.

Ллэр обернулся к Адану.

– До твоего появления считалось, что она есть только у истинных атради, зрителей. Таких, как Роми. – Он под-

нял глаза на Таль. – Однако их ПНК аморфна и потому абсолютно бесполезна для твоих исследований.

– Почему? – Адан всё сильнее чувствовал, что теряет нить разговора.

– Атради лишены способности к репродукции естественным путём, – пояснила Таль.

– Поэтому среди нас есть такие, как я, – снова заговорил Ллэр. – Обращённые.

– У тебя тоже не... – Адан запнулся, не зная, как помягче сформулировать щекотливый вопрос. В конце концов это не его дело, может ли Ллэр иметь детей или нет.

– Полное снижение фертильности – одна из метаморфоз обращения, – улыбнулся он.

Таль брезгливо передёрнула плечами.

– Жуткий способ поддерживать популяцию вечных батареек, которых и без него не становится меньше. – Она помолчала, затем посмотрела на Адана. – Пока я не узнала о твоём существовании, была уверена, что ПНК существует только у атради. Естественно, мне это ничем не помогало в исследованиях. Ведь с нашей точки зрения кровь атради мёртвая. Вернее, это даже не кровь. Скорее, некая энергетическая субстанция, лишённая витаминов и минералов. Как топливо, но пригодное только для атради. И очень агрессивная. Теоретически может подойти обычным людям, но постепенно подчинит организм и превратит тело в аккумулятор. Смотри, – Таль плавно провела рукой, и сбоку от неё

прямо в воздухе образовалась красноватая капля, размером с кулак. Внутри плавали разноцветные шарики и спиральки. Таль что-то сделала, и в следующее мгновение в центре капли появилось ярко-зелёное маленькое пятнышко. Оно быстро увеличивалось, окрашивая всё в такой же цвет, пока не заполнило изнутри. – Наглядно, это то, что происходит с кровью обычного человека, если в неё поместить ПНК атради. В теории.

Ллэр едва заметно кивнул.

– На практике так и происходит. Но образование ПНК – это уже финальная стадия изменений. Чтобы они начались, необходимы солнце Тмиора и особый ген в ДНК человека. Иначе новый биополимер не превратит его в атради, а убьёт.

– Не завидую тем, кому пришлось через такое пройти, – Таль задумчиво взглянула на него. – Долго, мучительно больно и совершенно противоестественно.

– С твоими-то замашками не хотеть вечности, – хмыкнул Адан. – Скажешь, отказалась бы?

Таль рассмеялась.

– Поверь, если бы я захотела стать атради, это было бы гораздо проще осуществить, чем то, чего я на самом деле пытаюсь добиться.

– Позволь тебе не поверить, – ухмыльнулся Адан, жестом показывая, чтобы она продолжала рассказывать.

– В Актарионе с самого начала отказались использовать кровь атради. Вместо этого учёные пытались скопировать

структуру ПНК и создать некое подобие. На это ушло не одно десятилетие. Потерянные годы исследований, опытов. Мои родители, основавшие Институт крови в Миере, умерли, так ничего не добившись. Я не хотела повторить их судьбу и решила пойти другим путём. А именно – использовать генофонд остальных миров. На это тоже было потрачено много времени. И неизвестно, сколько ещё, если бы я не нашла Бэар, а в нём – тебя, уникальный Адан Свир, – Таль широко улыбнулась. – Это был огромный прорыв. Это... – она махнула рукой, покачала головой. – Вы вряд ли поймёте и разделите мою радость.

– Почему же? – улыбнулся Ллэр, взглянул на Таль с восхищением. – Я вполне понимаю и разделяю. Найти доа, найти тех, кто даст вам желанное, это как заново родиться.

– Да, именно так. Желанное, с большой буквы! Еще одна раса с ПНК. С живой, особой, одарённой, здоровой кровью, пригодной для Актариона, – Таль прошла взад-вперёд. – Сначала я думала, что таких, как Адан, много. Целый мир. К сожалению, совсем скоро стало ясно, что это не так. Несколько тысяч полукровок и один-единственный полноценный доа. Дальше – больше. Или хуже. – Она остановилась, помолчала. – Выяснилось, что способности Адана – инертны. Вот это на самом деле было ужасно. Представьте – можно чувствовать, видеть зашкаливающую психокинетическую энергию, но не знать способа, как её применить. Я надеялась, что со временем можно будет заставить Ада-

на раскрыться, проявить себя. Пыталась... Долго, настойчиво, – Таль с усмешкой посмотрела на него. – В итоге добилась только одного – надоела тебе. Но и это оказалось не самым плохим. По крайней мере, я могла хоть изредка, под любым предлогом, встречаться с тобой, чтобы... Не важно, – она отмахнулась. – А потом, вдруг, ни с того ни с сего портал в Бэар исчез. Сам собой. Словно и не было никогда. Всё, что у меня осталось от найденного чуда – несколько резервуаров крови. Что, по-твоему, я должна была делать? – Таль с вызовом посмотрела на Адана. – Отказаться от мечты? Забыть? Ни за что. Поэтому я продолжила опыты, провела десятки гемотрансфузий, и появилась Мира. Та, которую ты знаешь. Прости, но я не умею сдаваться. И не собираюсь. Ни тогда, ни тем более сейчас, когда столько уже сделано.

– Мне начинать бояться?

Одержимость Таль вызывала двоякие чувства, разобраться в которых не получалось. Она говорила, а Адан ловил себя на мысли, что восхищается и презирает её одновременно.

– Задумываться. Пытаться понять.

– Я пытаюсь. Но не могу отмахнуться от фактов. Ты использовала меня. Нет, – он тряхнул головой. – Ладно меня... Миру! Тебе её даже не жаль.

– Победители не сочувствуют проигравшим, – нахмурилась Таль. – Она бы всё равно умерла. Теперь, благодаря мне, у неё появился шанс пожить ещё. Даже насладиться способностями, – она обернулась к молчавшему Ллэру. – Если го-

ворить простым языком, в её организме повреждены шапероны. Это специальные белки, отвечающие за сворачивание пептидной цепочки. Другими словами, у Миры врождённое нарушение синтеза белков. Он возрастает только при стрессе. Страх, повышение температуры тела, сильные эмоции. Но этого недостаточно. За неимением других источников питания, вирус рано или поздно полностью разрушит клетки. Полагаю, именно он плюс мутация под воздействием ваших светил превратили Миру в несколько иного доа, не такого, как Адан. Ну и, конечно, разница по половым признакам.

– Женщин-доа что-то отличает от мужчин? – оживился Ллэр. – Я имею в виду их способности.

– Подозреваю, что да, но поскольку Адан – единственный представитель, которого я обнаружила, убедиться на практике у меня не было возможности. В теории речь идёт о древней, почти исчезнувшей расе, на которой эволюция за тысячелетия практически не сказалась. Многие способности идентичны, но есть и отличия, – Таль ещё раз прошлась перед ними. – Разделение функций по половым признакам очень сильное. Самцы должны охранять, самки – заботиться о потомстве. Поэтому последние, например, могут лечить, превращая энергию светил в тепловую. Опять же... Теоретически.

Ллэр бросил короткий взгляд на Адана, потом на Таль.
– Уже не теоретически.

– Что ты имеешь в виду? – она остановилась. С интересом посмотрела на него. – Мира кого-нибудь вылечила?

– Не просто вылечила, а фактически вернула к жизни. И не человека. Атради.

– Что ж... Вряд ли теперь она позволит себя изучить, – Таль усмехнулась. – Надо было убивать её «понарошку». Спровоцировать страх и...

Ллэр мотнул головой.

– Могло не сработать. Разум он... такой. Догадливый. Особенно, если его хорошо стимулировать длительное время.

– Сейчас уже не важно, – она посмотрела на Адана. – Мира – этап пройденный. Теперь у меня есть ты. Только зачем-то упрямо отказываешься.

– Как у тебя все просто, а? Поражаюсь! – воскликнул он. – Чуть не угробила девчонку. Меня чуть не убила, а теперь предлагаешь поселиться в Актарионе и стать быком—осеменителем. А вдруг ты ещё какой-нибудь фактор не учла? Потом окажется, что доа в неволе не размножаются. И что будем делать? Запишем меня в таксилёт с газом?

– Я не обещала, что будет просто, – сухо ответила Таль. – Но проще, чем оставаться в Бэаре. Там ты погибнешь.

– Вот, кстати, об этом, – Адан переглянулся с Ллэром. – Расскажешь о наших мрачных знакомых, которые пошли на обед Мире?

– Я начну, а ты дополнишь. Всё же мой опыт общения с

Мириным обедом меньше, чем твой, – Ллэр посмотрел на Таль, помолчал несколько секунд, видимо, собираясь с мыслями. – После того, как Адан побывал в Плеши, он уже дважды сталкивался с некими существами, недвусмысленно пытавшимися его убить. Или их. Оба раза с ним была женщина-атради, поэтому я не могу с уверенностью сказать, что приходили именно за Аданом. Во второй раз там была и Мира, а следом – я. Все мы, кроме неё, едва не погибли. Рассмотреть их я как следует не успел – внешне просто высокие тощие фигуры в балахонах с капюшоном. Ощущение вызывают странное помимо опасения за жизнь и желания уносить ноги подальше. Я бы сказал, будоражат кровь, будто пускают слабый электрический заряд. Никакие наши штучки не действуют, любую направленную на них энергию они поглощают на стадии формирования импульса, мгновенно. Досуха впитывают, а потом бьют чем-то своим и заставляют даже истинного atraди мигом вспомнить, каково это умирать.

Таль, только успевшая присесть в кресло, вскочила. Бросила на Адана обеспокоенный взгляд, обернулась к Ллэру.

– Понятия не имею, о чём ты говоришь. Но если они способны нейтрализовать... уничтожить atraди таким образом, – она говорила медленно, явно взвешивая слова, без притворства. – Это серьёзно. Очень.

– Расскажи нам об этом, – ухмыльнулся Адан. – А вот усовершенствованная тобой Мира в отличие от нас легко с ними расправилась, хотя в первые секунды задыхалась, как и мы.

Потом вдруг засветилась, выпрямилась, и... Неслабая такая компашка Теней поняла, что тоже уязвима. Самое странное, что со стороны это выглядело, будто они ей подчинились. Не исчезли, а терпеливо дожидались, когда она их прикончит. Одного за другим.

Таль взглянула на Ллэра.

– Думаешь, это как-то связано с моими опытами?

– Всё связано, так или иначе. Есть шанс, что они пришли не за Аданом, но я не особо в него верю. Эннера – особый мир. Тут ты права. Доа – особая раса. Уникальная. Для атради ещё больше, чем для тебя. Но сведений о них почти не сохранилось. То, что мне удалось найти – слишком абстрактно, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Никакого упоминания об опасности для атради, о стражах или аномалии, или ещё о чём-то. Эти твари ни разу не появлялись, когда я там был. Остаётся Адан. И ты сама сказала, что он погибнет в Бэаре. Почему?

– Я имела в виду другое. Бэар не приспособлен для таких, как Адан. Не зря же никого из них не осталось. Каким бы сильным Ади не был, какими бы способностями не обладал, в Бэаре ему придётся их скрывать. Доа, в отличие от вас, хоть и долгожители, но не вечны, уязвимы и вполне смертны. Почти, как мы... как я... – Таль задумчиво покусала губы. – Ты сказал, там... с ним дважды была атради... женщина. Кто она?

– Ромиль. Из истинных атради. Именно она следила за

Плешью в тот день, когда тебе вздумалось покончить с Миррой.

– Тени появились дважды, – нарушил молчание Адан. – Первый раз под Сферой, потом – снаружи. Во второй раз их было гораздо больше. Но когда я был там один накануне, они не появлялись. Может, дело всё-таки в Роми?

– Что она забыла в Бэаре? Только не говори, что предлагала тебе стать атради. – Таль вопросительно посмотрела на Ллэра. Нахмурилась. – Она что, не поняла, кто перед ней?

Он с улыбкой покачал головой.

– Атради в большинстве своём ничего не знают о доа. Ромиль видела ещё одного одарённого способного, который только что побывал в Плеша, потому что его потенциал раскрылся.

Таль недоверчиво сверлила его взглядом.

– А ты тогда откуда знаешь про доа?

– Я слишком любопытный. Хотел понять, откуда взялись атради. Как. Почему. Они ведь не могли появиться из ничего в том виде, в каком существуют сейчас. Да и Тмиор – такой же неестественный и парадоксальный, как сами атради. Я, кстати, не исключаю, что Тени могли прийти за Ромиль. Просто мне это кажется маловероятным. Она не столь уникальна, как Адан.

Судя по выражению её лица, Таль не спешила с ним соглашаться.

– Если они появились из-за доа... Например, чтобы уни-

чтожить их, Мира должна была погибнуть первой. Она – самая слабая. Боюсь, дело как раз в Ромиль. Не конкретно в ней, как атради, а в том, что она собиралась сделать с Аданом... Или сделала.

– Да ничего она с Аданом не сделала, – Ллэр хмыкнул. – Это он в первую встречу с Тенями чуть не прикончил и её заодно, вытянув всю жизненную энергию. Что тоже... весьма любопытно и делает доа в чём-то схожими с этими тварями в балахонах. Что, в свою очередь, позволяет мне предположить, что они – какие-то штучки древних доа, о которых мы не подозревали. И, кстати, именно Мира нашла на них управу, что тоже говорит в пользу моей теории.

– Доа способны убить атради? – изумилась Таль. С восхищением, как будто речь шла не о чьей-то смерти, а о редком, бесценном даре. – Это правда?

Адану вспомнилось не поле, а пляж Тмиора, где он с лёгкостью справился с беснующейся Роми. Сейчас казалось, что тогда он мог бы её убить. Если бы захотел или если бы понадобилось. Теперь сама мысль об этом причиняла боль. И не верилось, что столько всего случилось за какие-то сутки, может, чуть больше. Невероятно.

– Я не соображал, что делал. Всё произошло очень быстро. Авария, Роми, Тени, взрыв... Может, вовсе не я забрал энергию, – Адан повернулся к Ллэру. – Ты что-то знаешь или просто решил, что я? Ведь на скале произошло почти то же самое, что и на поле. С той лишь разницей, что во второй раз

я не смог ничего сделать. Что, если всё дело в биополе? И во мне убивали атради, а не доа?

– Каком ещё биополе? – вмешалась Таль.

– Ромиль надела на Адана одну штуку, которая соединила их биополя. Наручник тайко. В основном, он используется, чтобы новичка не убило солнце Тмиора раньше времени. Но в этом смысле он оказался совершенно необязательным с доа. Более того, Адан игрушку поломал. —Ллэр посмотрел на него. – Может быть, именно потому ты и не смог ничего повторить на скале. – Он снова взглянул на Таль, нахмурился. – Возможно, оба раза Тени уничтожила смешанная энергия доа и атради. На поле благодаря наручнику, а сегодня благодаря Мире.

Таль уселась в кресло, медленно провела пальцами по подлокотникам, видимо, размышляя.

– Понятия не имею, как атради влияют на доа и наоборот. Тем более, как может работать ваша энергия в смешанном виде. Даже в теории. Ваши расы похожи и непохожи одновременно. Можете описать, как именно Мира уничтожила Тени?

– Я плохо в тот момент соображал, – ответил Ллэр.

– Вряд ли я соображал лучше, – покачал головой Адан. – Но мне показалось, что Мира будто впитала их в себя, одну за другой. И они исчезли.

Все замолчали.

– Мне абсолютно не нравится, какой салат вы устроили,

и чем это чревато. Особенно, – заговорила Таль, взглянув на Адана, – что ты можешь погибнуть. Поэтому я готова помочь разобраться, – она обернулась и в упор посмотрела на Ллэра. – Без всяких условий. Но мне понадобится время.

Глава 18. Покажи

– Он всё-таки успел тебя достать?

Роми сама не знала, почему этот вопрос сорвался с языка, и что она вкладывала в него. Уж точно не желание уколоть. Ещё вчера... Да ладно! Ещё несколько часов назад, утром, Ллэр выводил её из себя. Главным образом поведением с Мирой и уж только потом интригами и затеями. Не только Ллэр. Адан тоже нянчился с Мирой. А теперь Роми чувствовала себя так, словно долгое время сдерживала дыхание и наконец позволила с шумом выпустить воздух. Все необоснованные негативные чувства куда-то подевались. Да и сама Мира вроде бы больше не настроена враждебно.

И вот дёрнул чёрт спросить!

В их жизнях не так много людей, которым было бы даже просто любопытно. Всей их «семье», всем атради не было ни до кого дела. Максимум, кто-то мог отметить галочкой для себя, чтобы тут же забыть об этом: вот, у нас пополнение, и пришёл он или она из такого-того мира. Кому какое дело, если прошлая жизнь становилась историей, каплей, песчинкой... Та жизнь, те люди, что были дороги тебе там, переставали иметь значение. Не сразу – кто-то продолжал навещать домой, поддерживать связь, потом – наблюдать со стороны. Потом... Ты – бессмертен, тебе нет места в сгорающих, быстротечных жизнях, в молниеносном потоке повсе-

дневности, и лучше отказаться от всего самому и сейчас, чем после, когда все они уйдут раньше тебя, смотреть им вслед.

– Он – это Ллэр? – Мира села, подтягивая колени к груди. Ловко обхватила их руками и мечтательно улыбнулась. – Он... нет. Он милый. Просто он не для меня, – улыбка трансформировалась в ухмылку. В фиолетовых глазах зажёгся и погас огонёк. – Или я не для него. Мы разные. Слишком. Я не хочу как... Маррен.

Она удивила. Не тем, что назвала Ллэра милым. Роми не сомневалась – и таким он тоже может быть, он может быть любим. Тем, что вообще поддержала тему.

– Если Ллэр получит то, что ищет, возможно, и не придётся, – Роми поняла, что всё ещё держит бутылку в руке, поставила её на стол. – Как Маррен не придётся.

– Никак не придётся, – пожалала плечами Мира. Приоткрыла рот, видимо, собираясь что-то сказать, но в последнюю секунду передумала. Молча потянулась к наполненному бокалу.

– Почему?

– Ты, наверное, считаешь, что я полная дура? – спросила Мира. Спокойно, без вызова, без ехидства – так, как будто такая мысль о самой себе посещала её не раз. – И, наверное, ты права. Но я всё-таки не настолько дура. Для Ллэра... да для вас всех... я просто обуза или средство достичь... Не важно, – она испуганно замолчала, словно поняла, что сболтнула лишнее – то, чего говорить не должна была. – Я теперь

чёрте кто и сбоку бантик. А если Таль права, и я умираю, то... – Мира бросила выразительный взгляд на Роми. – Это будет лучший выход для всех.

– Да с чего ты решила? Чем – лучший? Ллэр говорил, что ты – обуза? – Роми вскинула брови. – Откуда этот пессимизм, обречённость?.. Кто ты, в техническом смысле, на самом деле вряд ли имеет большое значение. Что бы там ни намешала Таль... Пусть мы пока не знаем, но узнаем. Они разберутся. Ллэр уж точно разберётся, поверь мне.

– Он говорил, что в его планы не входило близкое знакомство. Если бы Таль не... – Мира уставилась на бокал в руке, покрутила его, чуть не расплескав вино. Снова подняла взгляд на Роми. – Разберутся, и что дальше? Думаешь, я смогу вернуться в Актарион после всего? – она ухмыльнулась. – У меня и дома-то теперь нет.

– Ну! Не входило, – усмехнулась Роми. – Это не повод считать себя обузой. Так уж вышло. В мои планы тоже не входило дежурить в тот день, когда я встретила в Плещи Алэя. Случайность, как и в этот раз. Просто какой-то дикий набор случайностей. Будто что-то хочет, чтобы всё было именно так. Здесь. Тогда. Сейчас. А ты хочешь назад в Актарион? Чтобы всё было, как прежде?

– Как прежде? – Мира пожала плечами. – Так уже не будет, потому что... – она опять осеклась. Отвела взгляд. – Не в этом дело. Я ведь попала в Плещь случайно. К вам сюда тоже. Я не должна быть атради, у меня никакого дара и...

– она шумно вздохнула, словно решаясь сказать то, что давно хотела, но опасалась. – Это даже не так, как ты привела его к вам. Рано или поздно мне придётся уйти, где-то жить. Нужно будет работать и вообще. Да и сейчас никто из вас не должен обо мне заботиться. У каждого свои заморочки. Адан... Он ведь из-за меня такой теперь. И у него наверняка куча проблем. А Ллэр... Он... Я ему не нужна.

А ведь девчонка вляпалась сильнее, чем сама подозревает. Достал, зацепил. Сильнее, чем Мира признаётся себе.

– Я даже не понимаю, почему ты возишься со мной.

Все её доводы Роми могла отмести легко. Мира цеплялась за что-то, что было ей привычно. За прошлую жизнь, куда дороги нет, вне зависимости, чем закончится вся история. И уж точно независимо от того, что планировал Ллэр в самом начале. Его затея давно живёт своей жизнью.

– На всё можно взглянуть иначе, – Роми ободряюще улыбнулась. – Адан всё равно бы стал тем, кто он есть. Вряд ли способности такой силы спали бы вечно. Солнце тебе не вредит. Так что уходить отсюда нет никакой необходимости. «Как-то» ты можешь жить и здесь. И даже весьма неплохо. На любых условиях, которые будут тебе нужны. А Ллэр... – Роми с улыбкой покачала головой. – Знаешь, я первая ворчу и возмущаюсь, что он такой, он сякой... Эгоист, расчётливая сволочь и тому подобное. Но я необъективна и признаю это. – Впервые признаю, подумала Роми. А ведь всё потому, что она так и не смогла дать определение тому, что связыва-

ло её и Ллэра на протяжении всех этих лет. Кроме, конечно, Алэя и ещё – взаимных упреков, обид и обвинений. – Ллэр – не подлец. Поверь, если... что бы там ни было изначально в его планах, теперь ты уже не просто пешка в играх. Он, что, рассказывал тебе, почему я привела его к нам?

– Да, – Мира уныло кивнула. – И вряд ли ты должна была об этом узнать.

– Не думаю, что ему есть дело до того, что я знаю, – Роми пристально посмотрела на неё. Захотелось, чтобы Мира призналась, хотя она и так видела, как далеко за столь короткий срок успели зайти их отношения. – И как же он всё тебе обрисовал?

– Я не... это не важно. Вы... всё, что было... у вас. И как было. И почему вы... – она окончательно смутилась. Совсем тихо предложила: – Давай лучше сменим тему.

– Между нами ничего не было. Такого, о чём ты думаешь, – неожиданно для себя заявила Роми, залпом допила вино. Усмехнулась. Может быть, при других обстоятельствах, в другой реальности всё сложилось бы иначе. – Знаешь, Алэй и Ллэр... они особенные. Они есть друг у друга. Единственные атради, которые связаны кровными узами. Настоящая семья. Он же рассказал тебе про Алэя?

Мира продолжала тарашиться на бокал в руке. Мизинцем, едва касаясь, провела по его краю. Круг, ещё круг, ещё, чуть ускоряя движение, пока хрусталь не отозвался тоскливым, гипнотизирующим и необычайно громким в повисшей ти-

шине звуком. Потом перестала, подняла голову. Пару секунд изучала Роми, осторожно вернула бокал на столик. Мягко улыбнулась, но острые, враждебные льдинки из глаз не исчезли.

– Расскажи мне ты. Про Алэя.

Роми растерялась. Рассказать? О чём? Как?

И вдруг яркой вспышкой нахлынули образы. Она не просто вспомнила, а словно заново оказалась в прошлом и в то же время видела себя со стороны.

Себя. Алэя. Льющийся из потолка свет. Мрачный зал. Огромный, но не бесконечный. Колонны, пыль, паутина, затянутые потрёпанными гобеленами стены. Каменный прохладный пол. Полное отсутствие красок. Чёрно-белый мир и яркое пятно её волос. Огненно-рыжих.

Тогда Роми казалось, что она сияет так ярко – что слепит саму себя. Будто там, за чёрным высоким потолком действительно существует серебряное солнце, пробивается в единственное узкое окно, окунает её в мягкий, тёплый, осязаемый кокон света.

Сейчас она замечает, что её полупрозрачная одежда в этом свете кажется плотнее, скрывает больше, чем могла бы. Вспоминает – предупреждающие «колокольчики» звякнули, выдернув в Плешь почти из постели, причём не своей, а потому на ней прозрачный, невесомый, длинный – до пола – пеньюар.

Тогда Роми разозлилась, подумала – ну почему в Плешь

всегда затягивает из таких неподходящих условий? Но раздражение исчезло, не успев оформиться. С ней заговорили, и голос заставил вздрогнуть.

Сейчас Роми думает, что в тот момент была похожа на вставшего с трона монарха. Босого, простоволосого... Сейчас она снова дрожит, но не переживая то самое непонятное чувство, а вспоминая, что будет потом. Через много удивительно длинных, тягучих дней.

– Я всегда считал, что Встречающие – бесполое, бесформенные существа. Я рад, что ошибся.

Перепад светотени не мешает разглядеть ей того, кто заговорил. Он тоже босиком, чёрные брюки закатаны почти до колен, будто он ходил по воде, когда перенёсся сюда. Белая рубашка застёгнута всего на пару пуговиц, рукава – тоже закатаны. Щурится, в отличие от Роми ему свет мешает.

Он делает шаг навстречу. Вверх, пока только на одну ступеньку.

Она помнит – ему интересно. Он думает, что умер, но любопытство берёт верх над любой другой эмоцией, положенной в подобной ситуации.

Роми боковым зрением замечает тень позади себя.

– Покажи мне ещё, – просит Мира. Её голос звучит совсем рядом. Тихий, настойчивый, ему невозможно не подчиниться.

Мира здесь? Внутри её памяти? Обдумывать нет ни сил, ни желания. Противиться тоже не выходит, хотя вспоминать

не так легко.

– Он будет много расспрашивать, будет рассказывать сам, – бормочет Роми. – А потом скажет, что раз это не жизнь после смерти, то хотел бы вернуться домой и обо всём забыть. Я подумаю, что он так и не понял ничего из того, что я говорила. Или не поверил. Буду пробовать объяснить, что ничего не получится, что его сила будет вновь и вновь восстанавливать воспоминания, вновь и вновь выбрасывать его в Плешь. Сколько раз ни подправляй память. Но Алэй будет настаивать.

– Хорошо, – шепчет стоящая в центре зала Роми, сдаваясь. – Ты меня уговорил.

Алэй берёт её за руку. Потом – за вторую. Она не ждёт этого, как не ждёт и того, что он посмотрит ей в глаза, сожмёт ладони.

Роми помнит этот взгляд. Её будто обожгло. Алэй в тот момент был счастлив и смог поделиться чувством с ней. Она знала, что не имеет отношения к тому, что с ним творится. Но это потеряло значение. Ничего не умея, никогда не пользуясь данной ему силой – он окунул опешившую атради в тёплые волны чего-то невероятного.

– А потом? – спрашивает Мира. – Что было дальше?

– Дальше? Дальше я могу с уверенностью назвать миг, когда впервые задумалась о смерти. Когда испугалась её.

Роми послушно продолжает показывать.

Тёмный зал рассыпается звёздным небом.

Она наблюдает со стороны. Видит, как Алэй шагает в Плешь прямо с пляжа, что он упал в воду и мог бы захлебнуться, если бы отсутствие сознания заняло больше нескольких секунд реального времени. Роми хочет выйти к нему, помочь, – и плевать, что близость атради гарантированно разбудит приглушённые воспоминания. Гарантировано не позволит Алэю вернуться к оставленной жизни. Но он не один. К нему уже спешат.

Роми остаётся в Надпространстве, так её не заметят, а она не потревожит биополе Алэя. Так она может находиться рядом столько, сколько понадобится, чтобы убедиться – с ним всё будет в порядке.

– Алэй! Господи... ты!.. – Девушка, невысокая, хрупкая, похожая на подростка, выбегает на берег словно вихрь. Падает на колени в воду, пытаясь помочь встать. Роми не уверена, что она справится: Алэй намного крупнее, но вмешаться означает проявить себя. Это не то, чего бы он хотел. – Куда тебя понесло? Мы же договаривались! Ты же обещал!

– Илара? – голос Алэя звучит глухо, растеряно. Роми знает, что сейчас происходит в его голове – он ничего не помнит и не понимает. Пока. Ему кажется, что-то должно быть, что-то ускользает. Но ухватить мысль не получается и не получится. – Что я... Где?..

– Ты сказал, что тебе нужен свежий воздух. Это разве воздух? Зачем ты пошёл к воде?

Илара бормочет что-то ещё.

Роми помнит, она тогда перестала прислушиваться, вникать в слова. Решила, что подправленная память Алэя бунтует, рвётся наружу, и поэтому он растерян, поэтому ему так тяжело встать, что он, опираясь на плечо расстроенной Илары, сначала садится в воде. Шумно дышит, переводит дыхание и снова глубоко, медленно втягивает воздух. Будто пытается сдержать кашель.

Не сдерживает, и Роми видит кровь.

Песчаный берег исчез. Она снова в Тмиоре.

– Я сбежала. А потом долго не могла заснуть, – тихо поясняет Роми невидимой Мире.

– Покажи ещё, – требует та.

И память обрушивается на Роми с новой силой.

Ночь. Обе Луны прячутся за горизонтом. Так бывает крайне редко – ведь большая слишком огромна, чтобы полностью исчезнуть с небосвода, но сейчас, разве что долго присматриваясь, можно разглядеть куций бочок над самой листвой.

Темно.

Роми сидит, обхватив колени руками, на не таком уж и широком парапете, на самой верхней террасе. Стоит пошатнуться, и можно весело спикировать вниз, переломать руки-ноги и потом долго и скучно зализывать раны. Её трясет.

Атради нет необходимости понимать биологические процессы в организмах людей. Но для того, чтобы понять, насколько всё плохо, не нужно быть специалистом.

Роми пытается разобраться в собственных мыслях, навалившихся неожиданных эмоциях. Прячется за простой вопрос: как кто-то, кому отмерено так мало, может отказаться от того, чтобы обмануть смерть? Но единственный результат всех размышлений – иррациональный страх не за себя.

– Я объявила остальным Смотрителям, что какое-то время буду следить за Плешью сама, – рассказывает Роми невидимой Мире. – Возражающих не нашлось. Через три дня Алэй снова стоял передо мной. Он вспомнил всё и опять попросил вернуть его домой. Я опять попыталась его отговорить.

Они сидят на ступеньках, ведущих к пыльному трону. В центре всё того же гигантского зала – Плесь Алэя так и будет представлять в одном и том же виде, раз за разом.

– Ты была права.

– Я знала, что говорю. Ты силён.

– И от этого не избавиться?

– Предпочтёшь умереть?

Алэй долго смотрит на неё. Будто спрашивает – что ей известно. Роми молчит в ответ. Она так и не сказала ему, что пошла следом, потому что тогда пришлось бы признаться, что сбежала. Что испугалась. Что никогда ещё не верила в смерть так, как в тот день.

– Ты не понимаешь, Ромиль. Я в любом случае умру. Будь ты Ангелом, Встречающей, Смертью во плоти или бессмертной из другого мира – это всего лишь семантика. Суть не меняется. Ты – вестник, что меняет жизнь. Одна заканчива-

ется, другая начинается. Иная. Бесконечная. Что это как не смерть?

– Но ведь ты остаёшься самим собой!

– Нет. Новым. Другим. Моя у меня будет только память. И вернуться к тому, что оставлю, к своей семье, своей жизни, я не смогу.

– Сможешь.

– Не стану, – Алэй качает головой.

– Это другое дело.

– Но тем не менее – тоже смерть. И это больно. Больнее, чем по-настоящему. Для них.

Он не знает, что известно Роми, но, видимо, предполагает, что гораздо больше, чем она говорит. Роми же не спешит признаваться, что уже выяснила всё об Иларе, девушке, на которой он женился чуть ли не сразу после школы. О его книгах, о брошенных увлечениях. Нет, конечно, не всё, только факты, которые почему-то кажутся не главным – и подобные мысли тоже непривычны.

– Значит, лучше совсем ничего?

– Я этого не говорил. Ты дашь мне время?

– Ты не послушалась? Неужели украла его у Илары и приволокла в Тмиор? – Осуждающие нотки в голосе Миры мигом превратили образ Алэя в разноцветное конфетти. – А потом повторила то же самое с Ллэром?

– Я не крада... Я не... Что?

Мир, воссозданный из памяти, пропал. Роми снова сиде-

ла в комнате на пуфе рядом с Мирой. Но её частичка всё ещё была там, в воспоминаниях. На берегу и в Плеши. Всё ещё заново переживала то, что случилось века назад, всё ещё испытывала сбивающие с толку чувства, эмоции.

Она не крала его. Того, что случилось, она никогда не хотела, не просила, не могла представить, что так будет. Не смогла отказаться. Не понимала – почему должна?

Ровная, тягучая, бесконечная, во всём устраивавшая жизнь встала на дыбы водопадом чувств. Захватила, захлестнула, перевернула, заставила утонуть и выплыть иной. Почему-то захотелось рассказать Мире больше. Поделиться остальным. Показать, почему когда-то возможность привести Ллэра показалась ей единственным выходом.

Чтобы вернуться, не понадобилось особых усилий. Роми посмотрела на Миру, сама сделала шаг навстречу её разуму, не задумываясь, к чему это приведёт.

Глава 19. Исцеление и смерть

Поначалу Мира услышала только голоса. Остальное – лишь размытые силуэты в призрачной дымке, похожей на густой туман. Но сомнений не возникало – перед ней Роми и Алэй. В Плещи. В очередной раз.

– ... знаешь... Я был готов.

– Тебя не злило?

– Когда-то давно. Ещё в школе, когда поставили диагноз, когда прошёл отрицание и понял, что рано умру, то да. Злило. Ох, как злило... И подталкивало. Я мог... смог. Ты ведь сама знаешь!

– Знаю.

– А теперь я даже хотел бы.

– Как можно хотеть такое?

– Усталость и боль. Постоянная усталость и постоянная боль. Будто живёшь в коконе из иголок и надо ежесекундно напрягать мышцы, чтобы не уколоться и не уколоть тех, кто рядом. Их – сложнее...

Слишком мало. Мира жаждала видеть, а не просто слышать. И вдруг, как на скале, что-то внутри проснулось, лишило воли. Подчинило. Не объясняя зачем, научило как.

– Поделись, со мной, Роми. Откройся.

– Не могу.

– Можешь!

– Не хочу.

Первый шаг сделан. За вторым Мира почти перестала дышать, понимая – увидеть будет уже недостаточно. Картинки, слова не помогают разобраться, почувствовать. Необходимо стереть грань, суметь окунуться в чужие эмоции. И та, вторая, уже знакомая Мира внутри, знала, как это сделать.

Хрупкая преграда исчезла, позволяя снова проникнуть глубже в воспоминания. Слиться с ними, будто она сама сейчас – Роми.

Она протягивает Алёю руку. Его ладонь тёплая, сильная.

Алэй ловит её взгляд, улыбается. Она понимает, что он действительно не хочет. Мог бы или нет – не играет роли. Алэй не хочет, точнее – боится. Она самоуверенно начинает давить. Лишь на миг пробивается через барьер, прикасается к его ощущениям. Этого оказывается достаточно. На мгновение глохнет, слепнет...

– За... чем?.. Я... – Роми начинает задыхаться. Коктейль из колючей боли, страха и желания всё прекратить передаётся и Мире, но она не думает останавливаться. Даже когда Роми удаётся на миг захлопнуть дверцу в свою память, Мира давит сильнее.

– Не сопротивляйся, так нам обоим будет только больнее, – тихо просит она. – Покажи ещё. Ты же хотела мне показать.

– ...останусь.

Роми кивает, потому что на слова сил нет, потому что,

если бы Алэй ещё раз попросил вернуть его домой, вернуть его боли – она бы отказала.

– Я ничего с Алэем не сделала. Мы... – шепчет Роми. – Мы сде... ла... ли друг с дру... гом... – последнее почти по слогам. – Не... дам... Нет.

Мира чувствует, что Роми снова пытается вытолкнуть её из своего сознания. Отчаянно и безуспешно. Мира сильнее.

...тихий звон, мягкое прикосновение смеха... в самое ухо. Смех отражается от стен, чтобы заблудиться под потолком.

Горячие лапки бегущих по коже мурашек. Горячее дыхание.

– Ничего подобного, Рэм!

– Рэм?

– Да. Мне хочется так. Могу? Рэм... Если нет, скажи, и я больше не...

– Пусть! – Роми прижимает палец к его губам, заставив замолчать. – Пусть...

Оба молчат. Ей кажется – маленькую вечность. Смотрят друг другу в глаза. Потом Алэй мягко целует этот самый палец. Едва-едва касается.

Мира опускается на колени. Замирает, глядя в растерянные глаза Роми. И прежде чем та успевает пошевелиться, обхватывает её голову пальцами, сжимая виски. В подушечки впиваются сотни острых шипов. Соппротивление обжигает разум ледяным холодом, боль нарастает, пробегается волнами по всему телу, не давая дышать.

Мира уверена – Роми чувствует тоже самое. Кажется, ещё секунда, и они не смогут вытерпеть. Ещё миг, и обе истошно заорут, рухнут на пол, корчась в судорогах и жадно хватая ртом воздух. Но что-то внутри Миры сильнее невыносимой боли. Что-то заставляет её продолжать. Стиснуть зубы, проглотить рвущийся наружу крик. Выдержать, чтобы позволить почувствовать, увидеть, осознать. Чтобы Роми смогла поделиться, а она – принять. Потому что по-другому не рассказать.

Ещё мгновение, и лёд голубых глаз превращается в прозрачную прохладную воду, куда так легко окунуться. Мира сомневается лишь на мгновение, а потом решается. Двигается навстречу памяти, успевая заметить собственное отражение в чёрных зрачках, как будто смотрит в огромное зеркало.

Грунтовая дорога делает крутой поворот и плавно поднимается на невысокий лысый холм. Сразу за ним неожиданно заканчивается, и вместе с ней обрывается мир.

Трава, перетекающая в небо. Облака, похожие на вату. На такой высоте воздух должен быть тяжёлый, непригодный для лёгких, но нет – дышится легко, свободно. Везде бы так.

Чем-то похоже на дом, но совсем иначе. Здесь самое обычное солнце, самый обычный мир. И самый необычный – тоже.

Вдалеке, словно остров, сквозь бело-синее море, залитое красными пятнами садящегося солнца, виднеется такая же горбатая плоскость – может быть, там ещё один город, им

не довелось проверить. Мира ловит то, что знает Роми: аттради не могут просто взять и перенестись на другой край. Чтобы оказаться там, пришлось бы сначала долго спускаться в Низины, потом топать по неизведанной местности. Непонятно почему в этом мире их способности не работают. Только войти и выйти. И только через Плешь. Зато местные могут многое. И живут долго. Можно даже забыть, что у тебя впереди вечность.

Роми нашла это место. Она виновата в том, что скоро произойдёт. Скоро – по её, их меркам. На самом деле пройдёт несколько сотен лет. Но сейчас они впервые здесь. И никогда ещё понятие «край мира» не было столь буквальным.

Роми ложится на мягкую траву, смотрит в пропасть, водит рукой по гладкой, отвесной скале.

– Всё ускользает. – Алэй сидит на обрыве, окунув в облака, как в воду, ноги.

Она переворачивается на спину:

– Всё?

– Мир. Реальность. Память. Ощущения. Ускользают от меня, Рэм. Сквозь пальцы. Всё – как вот эти облака. Они же есть. И в то же время их нет. Они не в состоянии задержать, они не могут дать опору. Ты тоже облако.

– Я не смогла стать опорой?

– Ты замечала, что любишь переспрашивать? – он тихо смеётся. – Не надо, не отвечай. Ты стала большим. Шансом. Частью... нет. Всем – мной. Как бы банально и упрощённо

это ни звучало. Все эти тридцать два года я дышал, потому что дышала ты.

– Тридцать три. Почти.

– Три? Пусть три. Как же я давно не был дома. – Он опять смотрит на облака. – Если я умру, я окажусь там? Если прыгну сейчас вниз? Разобьюсь? Не говори... Ничего не говори. Я схожу с ума, Рэм. Безумных атради у вас ещё не было?

– Хватало. Это тоже проходит.

– Вот видишь. Даже это!

– Алэ, ты не безумен и никогда не был!

– Нет. Конечно, нет, – он снова смеётся. – Я всего лишь путаю вчера и завтра. Потому что завтра будет как вчера.

– Ты жалеешь?

Она садится.

– Жалею? – Алэй вмиг оказывается рядом, берет её руки в свои, сжимает, потом выпускает, чтобы тут же обхватить ладонями её лицо. Поцеловать. Провести по щекам, убрать падающие на лоб рыжие пряди. Зашептать: – Жалею? Нет! Никогда. Ни за что. Но ты тоже ускользаешь. Я так не хочу, так боюсь этого. Ты быстрая. Такая быстрая. А я нет. Я всё ещё тот человек, которого ты встретила в Плеши. Пытаюсь поймать луч солнца.

Роми тоже касается его лица, водит пальцами по щекам. Он грустно улыбается, прерывается, чтобы поймать губами её ладонь.

– Помнишь, тогда, в Море Истока? Помнишь – быстрее

ветра? Мне иногда кажется, что я всё ещё там. Всё ещё бегу за тобой. Или ты за мной?.. А это – иллюзия. Образ. Предположение. Возможное будущее. Мечта умирающего мозга. Что вот я тебя догоню, мы снова упадём в воду, море примет нас – и потом всё будет иначе. Всё пойдёт иначе. До поры до времени. А потом – я снова всё потеряю, и снова буду проживать по кругу тысячу жизней. И никогда не проснусь.

– А если я смогу изменить? – вырывается у Роми. Мира откуда-то знает, что она не собиралась этого говорить. Что ещё не время, слишком рано. Что сама не готова к разговору. Алэй отстраняется, щурится и в этот миг как никогда похож на Ллэра. Роми сбивается, теряясь под его взглядом: – А если завтра станет другим?.. Ты был... ты успел сделать кое-что, чего никогда до тебя... Ты не исчез. У тебя есть семья, понимаешь? Другая семья. Не мы. У тебя есть сын.

Мозаика складывается. Ллэру было двадцать девять, когда Роми явилась к нему. Три года ушло на то, чтоб превратиться в атради. Для тех двоих на обрыве прошло почти тридцать три года.

Картинка опрокидывается. Мира замирает. Каждая клеточка тела ноет, кровь в венах беснуется, готовая взорваться.

Именно в этот момент Плешь наконец пропускает Ллэра. Он выглядит моложе – лишь на несколько лет старше неё самой, хотя лицо – такое же. Наверное, это благодаря его глазам. Серым, ухмыляющимся, почти родным. В них ещё нет горечи вечной жизни.

– Чёрт. Это и есть Плешь? – Тёмный зал его не устраивает. – Как это изменить?

Ответа Ллэр не ждёт. Место начинает преобразоваться. Исчезает пыль, расползаются гобелены, покрывается трещинами потолок. Бьёт из всех щелей свет.

Алэй встаёт, молча протягивает Роми руку, помогая подняться и ей, прежде чем всё окончательно изменится. Прежде чем исчезнут привычные ступеньки, ведущие к трону, да и сам трон. Прежде чем станет светло, как днём. Отпускает. Делает несколько шагов вперёд. Внешнее сходство с Ллэром остаётся невероятным. Сейчас, когда они стоят друг напротив друга, кажется, что один – отражение другого. Только Алэй чуть выше, и волосы у него светлее.

Роми неподвижной статуей остаётся в стороне.

– Ты тоже атради.

– Сильные гены.

– Ты – атради, – повторяет Алэй.

Он растерян и, кажется, немного... испуган? Его чувства Мире недоступны.

– Это плохо? – Ллэр ухмыляется. Уже тогда почти так же, как сейчас.

– Плохо? Нет. Неожиданно. И очень странно. Действительно, завтра будет другим. Привет.

Колючий, отрезвляющий страх оказывается сильнее глупого любопытства. Мире удаётся заблокировать сознание, отстраниться от памяти Роми, и бьющий в глаза свет в Плехи

Ллэра сменяется темнотой. В тело снова впиваются острые невидимые иголки, снова трудно дышать. Нестерпимая боль накатывает волной. А потом что-то происходит – быстро, почти молниеносно.

Мира не успевает понять, что именно и как происходит. Только с опозданием осознаёт, что больше не держит руки на висках Роми, не стоит перед ней на коленях, а находится совсем в другом месте, и сжатые в кулаки пальцы упираются в жёсткие диванные подушки.

***

Вместо Роми перед ней сидел отец Ллэра.

Комната точно так же, как и в прошлый раз, тонула в полумраке. Единственный широкий луч пробивался из-под приподнятой шторы и падал на толстую книгу, что валялась возле подушки. Алэй, видимо, как раз перебирался в эркер, потому что одна рука всё ещё лежала на подлокотнике коляски, да так и замер, удивлённо уставившись на неё.

– Могу чем-то помочь?

– Не зна...ю... – Мира с шумом втянула воздух, выдохнула. Медленно выпрямилась, не сводя взгляда с Алэя. Дышать стало легче, но мыслить яснее не получалось. – Ты меня вытащил... сюда?..

– Я даже не знаю, кто ты, – он покачал головой. Ловко завершил перемещение, подтянув ноги руками. Устроился на подушках, книжку сунул в углубление-полку под подоконником. – Садись, что ли.

Мира осталась стоять. Кое-как удалось собрать мысли в кучу. Вспомнилось, как она впервые оказалась в Тмиоре. Интересно, почему Ллэр соврал, сообщив о давно умерших родителях. Наверное, не предполагал, что упомянутое в шутку знакомство состоится так быстро и при таких обстоятельствах. Или не считает Алэя отцом. А может, так было проще, и он не захотел пускаться в пространственные объяснения о своей жизни.

– В общем-то я тоже не совсем знаю, кто я, – усмехнулась она. – Но хотя бы знаю, кто ты. Мы ведь уже встречались. Здесь, в этой комнате. Не так дав... – Мира осеклась.

Пожалуй, самое удивительное заключалось в том, что в привычном понимании между их первой встречей и её неожиданным появлением прошло чуть больше суток, но разница между той Мирой и нынешней в собственных ощущениях была гигантской.

Ллэр был прав. Она на самом деле ничего не понимала и не знала тогда. Совсем ничего. Да и теперь вряд ли больше. Вот только после всего, что случилось за последние несколько часов, что выудила из памяти Роми, что увидела и почувствовала в её воспоминаниях, Алэй казался не просто хорошим знакомым, а кем-то гораздо ближе. Как будто их двоих объединяла общая тайна. А всё, что он, наверное, знает и помнит – грязная полуголая грубиянка, которую без разрешения привёл к нему в дом Ллэр, когда принёс Роми.

Алэй улыбнулся.

– Значит, одним вопросом меньше. Слушай, ты всё-таки присаживайся, а? Если мне придётся всё время запрокидывать голову, то заболит шея и испортится настроение. Если ты знаешь, кто я, то, наверное, знаешь, что со мной, как говорят, непросто.

– «Непросто» – это почти эпидемия, – с улыбкой проговорила она.

– Тебе так удобно?

Мира только сейчас поняла, что машинально присела и так и зависла в воздухе. Что ж, если не задумываться, как именно получалось всё это вытворять, а просто принять, как данность, можно не бояться ни себя, ни того, что случится дальше.

– Вполне.

Она вдруг чётко осознала, что границы необычного в её жизни сместились на несколько тысяч световых лет. И раз уж неожиданно пришлось нарушить покой Алэя, чей возраст измеряется отнюдь не десятилетиями, но при этом он выглядит даже моложе сына, то общаться следует именно так – повиснув в воздухе. Мира с ухмылкой тряхнула головой, опуская взгляд, но через секунду посмотрела ему в глаза.

– Мне начинать готовиться к худшему?

– К худшему вряд ли можно по-настоящему подготовиться, – Алэй всё так же улыбался. – Но я честно обещаю постараться хорошо себя вести.

– Ладно, но я за себя не ручаюсь. Хотя тоже очень поста-

раюсь.

– Как тебя зовут?

– Мира. Есть какие-нибудь предположения, почему я здесь и тебе мешаю?

– Хотела спросить что-то, о чём другие не расскажут. Или Ллэр спихнул на меня классические объяснения.

– В моём случае одних классических объяснений уже не хватит, а не классические как раз выясняют, – задумчиво пробормотала она.

– Тогда... – Алэй прищурился, пожал плечами, и Мира в который раз удивилась, насколько они с Ллэром похожи в один момент и насколько отличаются в другой. – Они все тебя достали, и ты решила, что здесь тебя не станут искать.

Мира рассмеялась.

– Вот последнее похоже на правду, но на самом деле всё несколько сложнее. Я попала к тебе от Роми.

– Тогда слушаю. И ты мне не мешаешь.

– Наверное, что-то в её памяти швырнуло меня сюда.

– Она впустила тебя в свою память? Зачем?

– Она...

Не говорить же, что только что научилась проникать в воспоминания атради. Вряд ли на такое заявление Алэй продолжит дружелюбно улыбаться. Пусть влезать в его голову и проверять на деле, чем может закончиться противостояние, она вовсе не собирается. Но... Лезть к Роми тоже не планировала. К тому же прекрасно помнила, что случилось в по-

следний раз, когда её вот так вот необъяснимо перекинуло с места на место. А следом вспомнила и Адана в его квартире, и что случилось потом.

Мира настороженно огляделась.

– Слушай, я правда опасная. И непредсказуемая. Могу нечаянно навредить.

– Каким образом? Прикончишь меня? Навяжешь свою волю? Поверь...

– Я не пугаю, – перебила она. – Просто сама не знаю, ни кто я теперь, ни на что способна, ни как это контролировать. Поэтому мне лучше убраться. Подальше отсюда. Пока ничего не случилось.

– Тебе лучше расслабиться, – Алэй хмыкнул, похлопал по одеялу. – Садись.

– Ладно, – Мира вздохнула. Моментально оказалась на кровати рядом с ним. Пытаться понять, как это произошло, даже не стала. Просто уселась с противоположного края, поджав под себя ноги. – Тогда давай попробуем сначала, – она приветливо улыбнулась. – Я – Мира, это ты уже знаешь. Я прекрасно... – не договорила. Ухмыльнулась, вспомнив про больницу и Таль. – Ну, не совсем прекрасно, но как-то себе жила в Актарионе. Ничего такого, как теперь, не умела. Хотя не отказалась бы уметь. И сейчас не отказываюсь, хотя уметь всё равно не должна. По идее. А потом Роми, с которой я познакомилась в Плеши, чуть не погибла. Косвенно тоже, наверное, из-за меня, потому что... Не знаю, почему. Мне

так кажется, – Мира пожала плечами. – В общем, случилось ещё много чего. Тебе это вряд ли интересно. Но дело даже не в этом. Не только в этом. Меня такой, какая есть, быть не может и не должно. И я бы умерла, если бы не вмешался Ллэр и не спас. Только это не совсем то, как ты стал атради, – уже тише добавила она, встречаясь с ним взглядом. – И не как твой сын.

Алэй нахмурился, сцепил тонкие пальцы в замок.

– Не называй его так, хорошо?

– Как его называть – не столь важно. Это всего лишь семантика, – Мира непроизвольно скопировала голос и интонацию Алэя из воспоминаний Роми.

Кажется, на миг его дружелюбие удалось пробить. Он удивлённо вскинул брови.

– Здорово. Ты действительно... что-то новое. Встряхиваешь наш застоявшийся мир?

– Пока что за всех атради отдуваются только Роми и Ллэр. Теперь ещё ты.

– Эль заварил эту кашу?

– Эль – это Ллэр? – догадалась Мира. – Не знаю. Но меня хотя бы успел снять с огня, пока не пригорела.

– Держу пари, – Алэй усмехнулся, – он мог снять тебя с огня намного раньше и исключить возможность пригорания.

– Мог, наверное. Но так ему было бы не интересно. И это был бы не Ллэр.

Влезать в их дела хотелось ещё меньше, чем к ним в голо-

вы. Увиденное и рассказанное и так складывалось в довольно «милую» картинку явно непростых отношений всей троицы, помноженных на века. Да так, что кто там кого любит, кому изменил, кого предал и как всё это происходило на самом деле, особой роли для неё не играло. Зато многое объясняло. Вывод напрашивался сам собой: ей во что бы то ни стало необходимо держаться подальше. В противном случае нечаянное вмешательство чревато последствиями для всех, и для неё самой в первую очередь. И понимая это, всё равно продолжала лезть:

– Знаешь, слушая вас, мне начинает казаться, что вообще во всем всегда виноват Ллэр. А лично я так не считаю.

– Ллэр много в чём виноват. И я тоже. И Роми.

– Вот она-то точно кое в чём виновата, – вырвалось у Миры.

Алэй некоторое время молчал, пристально смотрел на неё, может быть, пытался прочесть мысли. Если и так, она никакого вмешательства не чувствовала. Хотя почему-то казалось, что должна. Ведь её собственные манипуляции неизменно сопровождались болевыми эффектами.

– Я никак не пойму, что же тебе на самом деле известно, – пробормотал Алэй.

– Это разве имеет значение? – удивилась Мира.

– Наверное, да. Раз я об этом думаю.

– С самомнением у вас у всех полный порядок, – опять не удержалась она. – Вам бы вместо поваров и уборщиков

хорошего психоаналитика каждому. Пожизненно.

– Проще нас всех прихлопнуть. Сделаешь, опасная? – Алэй тихо рассмеялся. – Но если серьёзно, ты права. Особенно, если учесть, что повара – это так... дань отказывающейся сдохнуть привычке.

– Идея вас прихлопнуть лично мне нравится больше. Не всех, конечно. Но так гораздо быстрее и надёжней, чем возня с мозгоправом, – улыбнулась Мира. – А начинать надо с таких, как Роми, чтобы не смогли больше никого притащить с собой в Тмиор. Жаль, что они-то как раз умирать не захотят...

– Мало кто захочет. Ты знаешь, что им никто никогда не говорил «нет»?

– Догадываюсь, – кивнула она, сразу подумав об Ада-не. Интересно, согласился бы он, предложи ему Роми такое безумие, как вечность? Вполне возможно, что да.

Алэй усмехнулся.

– Ты никак не можешь решить, нужна ли вечность тебе?

– Не нужна, – уверенно ответила Мира. – Хотя мне её никто не предлагал, но если бы предложили, я бы всё равно отказалась. И не передумала бы потом, как ты. Но я не осуждаю, просто... – она только сейчас осознала, что безоговорочно встала на сторону Ллэра. Что бы он ни сделал в прошлом, как бы ни поступил в будущем.

Разум бесполезно надрывался, напоминая – ей не следует искать заочных оправданий любым его поступкам. Не пы-

таться принять, как есть. Уйти, не лезть, исчезнуть, забыть. Она всё равно не слушает.

– Твоё право выбрать то, что ты считал лучшим для себя. Влюбившись в Роми, ты никого не предавал, даже Илару. Только жаль, что, согласившись стать атради, ты всё усложнил. Так или иначе втянул ещё и его. Позволил Роми втянуть. Это исправить уже нельзя. Вы оба наказаны теперь вечностью, оба мучаетесь. А Роми... – зло бросила Мира. – Такие, как она живут дальше, находят новые игрушки в Плещи, с упоением калечат какого-нибудь одарённого смертного, превращая в вечного.

Алэй ответил не сразу.

– Ты очень злишься на неё. Очень. Не нужно. Роми... Илара и я... мы были знакомы с детства. Почти не знали жизни друг без друга. Это не значит, что не представляли. Я уверен, что в последние месяцы она, коря себя и мучаясь угрызениями совести, желала избавиться от персонального ада под названием брак. Потому что я... – он покачал головой. – «Передумал» звучит так, будто я сидел и взвешивал все «за» и «против». Всё было проще. Всё произошло мгновенно и внезапно. Я вдруг захотел жить. Захотел дышать, захотел свободы, захотел Роми. Быть с ней, узнать. Не знаю, сможешь ли ты это понять. Я не мог поступить иначе. Не смог бы вернуться домой и позволить болезни по-настоящему закончить своё дело. Тогда бы я предал себя. И за всё это время... никогда, ни разу я не чувствовал себя игруш-

кой. Всякое бывало, но не это. И никогда не сожалел. Моё последнее желание и попытка всё прекратить было взвешенное, спокойное. Я устал и... Это казалось удачной мыслью. Смерть представлялась долгожданным отдыхом после многих лет бессонницы, – Алэй усмехнулся. – Может быть, я снова сходил с ума. Так ведь уже было. В прошлый раз Роми нашла единственного во всех мирах человека, который сумел удержать меня на краю. Считаешь, я эгоистичным образом втянул собственного сына в то, к чему сам оказался не готов? Позволил сделать с ним то, чего ни в коем случае стоило допускать? Едва не разрушил его личность, лишил возможности иметь нормальную, человеческую жизнь, семью, детей? Не потрудился узнать его, понять, прежде чем давать ему ненужную вечность?

Он говорил так, будто неоднократно задавал себе эти вопросы. Прошёл через ответ «да», чтобы понять, что всё-таки правильное «нет».

– Я... ничего не считаю... про вас, – Мира замялась.

Рассуждать о Ллэре было трудно. Особенно, о прошлом. Как могло бы быть, как было бы лучше. Он сам сказал – выбор был добровольный, и долгое время Ллэр наслаждался новой вечной жизнью. А она... Кто она в этой бесконечной смене похожих дней атради? Песчинка, миг, пустота. Думать об этом – больно. Не говорить, не задумываться, не напоминать себе – проще. Тогда можно ухватиться за хрупкую иллюзию мимолётного настоящего.

– Вечность противоестественна, – Мира вскинула голову. – Её не должно существовать.

– Ты говоришь прямо, как он.

– Это плохо?

– Ни в коем случае. Почему это должно быть плохо?

– Потому что ты его не... – Мира замолчала. Обычное «не любишь» показалось неуместным. А нужное, правильное слово никак не находилось. – Вы не похожи на отца и сына. В моём представлении. Это не страшно, – поспешно добавила она. Улыбнулась, подтягивая согнутые в коленях ноги к груди. – Наверное, у вас, атради, не может быть по-другому. Нельзя вечно любить. Даже родного сына.

– Можно, – он сцепил руки в замок, закинул за голову, уставился в потолок. Помолчал, словно сомневаясь в своих словах или подбирая подходящие. – Можно. Несмотря ни на что. Только всё иначе. Вечность видоизменяет некоторые понятия. Грани стираются. Биологическая разница несущественна. Я не делал ничего из того, что положено отцу. Я никогда им не был. Зато мы натворили достаточно, чтобы угробить хорошее отношение друг к другу, и это уже вряд ли интересно тебе. Но всё-таки твоё первое недосказанное «не» – ошибочно.

– Пусть. Вы всё равно не похожи на семью. Вообще на людей. Наверное, ваши чувства, отношения, восприятие давно атрофировались. Вы не способны любить. А те, кто умел, разучился. Вы... Вы... – Мира почувствовала прилив нежиз-

данной ярости. Беспричинной, потому что Алэй ничего плохого ей не сделал. И уж точно не был виноват в том, что существуют атради. Что Ллэр её спас, что стал ближе, чем должен, но оказался вечным и недоступным. Что она для него была и будет морской свинкой. – Вы, как заевший диск – снова, снова, снова. Движетесь не вперёд, а по кругу. Бессмысленно. И других втягиваете. Таких, как мы. Используете, а потом бросаете умирать и забываете. Находите новых, всё повторяется. И будет повторяться всегда. Как этот ваш Маррен! Вы не осознаёте, как это ужасно. Вы... Вас... – Мира поняла, что злится на себя, потому что не готова смириться, потому что лезет туда, куда не стоит соваться. Зачем-то ищет оправдания, хотя знает, что никогда не согласится стать ничего не значащим мигом. – Вас всех нужно запереть в Тмиоре, как в клетке и... – Мира осеклась. Успела заменить едва не сорвавшееся с губ «уничтожить» на другое, – не выпускать отсюда никогда.

– Ты права, – тихо сказал Алэй. – Почти во всём – права. Мы, как заевший диск. Мы не похожи на семью. У нас нет и не может быть цели. Мы не способны идти вперёд, потому что впереди нет ничего, что не встречалось бы раньше. Мы связываем своё существование с другими, чья жизнь – песчинка. Уходим, оставляя их умирать. Или остаёмся до конца, чтобы уйти после. Но сути это не меняет. Мы – уходим. Их будут сотни, может быть, тысячи, больше. Просто знакомых, близких друзей, временных союзников, случайных встреч-

ных. Всех не запомнишь. Даже не так – почти всех рано или поздно забудешь. Нас надо запереть в герметической комнате и выкачать оттуда воздух. Впрочем, думаю, наши тела найдут выход. Адаптируются. Даже в самой безнадежной ситуации. Я пробовал. Я понимаю, – он замолчал. Пристально посмотрел Мире в глаза. – Всё. До конца. Понимаю. Это очень глубокий и очень чёрный колодец. Но на дне ждёт не смерть, а осознание другого – если бы всё случилось снова, даже зная финал – я всё равно поступил бы так же. И Ллэр тоже.

Да, Ллэр тоже. Мира не сомневалась.

Но выход есть. Их всех необходимо уничтожить – она сумела сказать это, пусть и не произнесла вслух. И понять – она не просто готова, она хочет это сделать. Может. Чтобы научить всех атради ценить каждый миг, каждую долю секунды. Чтобы заставить поверить – конец существует. И что бы сейчас ни говорил Алэй, он заслуживает конца. Настоящего. Как и его сын.

Мира вскочила, вскинула руки, направив заструившийся из раскрытых ладоней фиолетовый свет прямо на Алэя. Зажмурилась, не желая видеть и запоминать последний взгляд, когда он поймёт, что она задумала.

И в этот момент притихшая внутри «вторая Мира» снова проснулась, напомнила о себе раздирающим вены противоречием. Она явно не разделяла намерений убивать. Мира оцепенела, каждой клеточкой ощутив знакомое, покалываю-

щее в крови сопротивление. Казалось, целую вечность пыталась подчинить вторую себе, пока не сдалась – та, что внутри опять оказалась сильнее, опять знала, как. Только не учила, а делала вместо неё.

Мира открыла глаза. Плотная занавеска жалко висела на кончике, в разбитое окно проник солнечный свет. Лизнул горячим языком ладони, отразился, окутывая Алэя в оранжевый, блестящий кокон. Неподвижное тело медленно приподнялось над кроватью и так и застыло.

Она вдохнула, задерживая дыхание. Подчинилась, полностью отдаваясь во власть «второй». Поняла, что должна делать и когда остановиться. В полной тишине опустила руки, посмотрела на Алэя – он уже не парил в воздухе, а стоял на полу. Тело больше не светилось, огненные искрящиеся лучи исчезли.

– Как?.. – Голос принадлежал не ему и прозвучал подобно взрыву. – Что?..

Мира оглянулась. Роми была сама на себя не похожа и наконец-то смогла удивиться. Даже не сразу нашла способ выразить: в округлившись глазах плескалось изумление пополам со страхом.

Что-то с грохотом возвестило о падении, и Мира снова повернулась к Алэю. Он покачнулся. Вцепился рукой в спинку коляски, но устоял. Роми в миг оказалась рядом, подставила ему плечо.

– Ты... Алэ... Как... Что она?..

– Всё в порядке.

– Чёрта с два! – Роми не слушала. Переводила растерянный взгляд с Миры на Алэя. – Чёрта с два... Сядешь?..

– Рэм! – Алэй повысил голос, но не помогло.

– ...нет? Что с тобой?! – теперь Роми глядела вновь на неё.

Мира же не смогла удержаться на ослабевших вдруг ногах и почти рухнула на пол, нелепо цепляясь за покрывало.

– Успокойся, с ним всё будет в порядке, – выдохнула она.

– Я спокойна. Я...

– Ага, заметно, – хмыкнул Алэй, и Роми замолчала. – Нет, всё-таки сесть – хорошая мысль, помоги. – Уже на краю кровати он несколько раз осторожно распрямил и снова согнул ноги в коленях. – Отвык, больно. Только не надо и это лечить, – улыбаясь, Алэй посмотрел на Миру. – Похоже, ты тоже не очень-то веришь в смерть, как выход.

– Верю, но... сложно.

Он покачал головой.

– Когда веры достаточно – нет. Умереть на самом деле легко.

– И эгоистичнее, – буркнула Роми.

– Убить... сложнее, чем умереть... – с трудом, очень тихо, почти шёпотом, проговорила Мира. Закашлялась.

– Кто кого собрался убить? – Роми смотрела на неё сверху вниз.

– Я... его.

Кашель усилился – грудь будто сжали в тиски и проткну-

ли раскалённым железом. Мира сделала над собой усилие, сипло хватая ртом воздух. Опять закашлялась – на этот раз сильнее. Отняла от губ ладонь и ужаснулась – перед слезящимися глазами плясали алые пятна.

Ей показалось, что вновь повисла невероятная, тяжёлая тишина. Потом Алэй медленно, словно через силу, спросил:

– Ты что натворила?..

– Это вирус... Так... – она сглотнула. – Так уже было. Дома.

Так было – Мира помнила. Слабость, неожиданные головокружения, холодный пот крупными каплями на лбу. Потом кашель. И кровь.

В первый раз она испугалась. Потом сумела убедить себя, что всё ерунда. Обычная простуда, пройдёт. И действительно прошло – ненадолго. Кашель и слабость вернулись. В итоге она оказалась в больнице, где, очнувшись в белоснежной палате, увидела над собой синие счастливые глаза и довольную улыбку.

– Всё будет хорошо, – пообещала Таль.

Мира прикусила губу. «Всё будет хорошо» оказалось ложью. Адан прав – она смертельно больна. Она умрёт. Уже умирает – на глазах у опешивших вечных, которые продолжат жить и скоро забудут о ней. Может быть, расскажут Ллэру. А он вряд ли расстроится. И тоже обязательно забудет. Или нет, но его жалость – слишком мало. И слишком унижительно.

Мира попыталась встать – на удивление получилось. Цепляясь за кровать, удалось удержаться на ногах, медленно выпрямиться, посмотреть им в лицо.

– Прощайте.

Глава 20. Самый древний атради

Небольшая комната, где их с Ллэром оставили дожидаться новых данных, не понравилась с первого взгляда. Здесь, как и везде в Институте крови, использовался какой-то особый вид солярной энергии, от соприкосновения с которой вены не зудели так, как в доме у Таль и в собственной квартире. Только это не меняло общего впечатления – слишком много пластика и стекла вокруг, чересчур вычурно, броско. После огромного зала – ещё и тесно.

Прямо над ними нависал невысокий потолок ярко-красного цвета. На длинных чёрных шнурах болтались грязно-белые шары. Видимо, лампы, хотя совершенно не похожие на обычные светодиоды. Прямо на молочные стены чья-то неуёмная фантазия в виде украшения налепила рельефные спирали в той же цветовой гамме: пронзительно белые и невыносимо красные.

Под ногами – такой же ярко-красный пол. Гладкий, блестящий, почти зеркальный, вдобавок разрисованный белыми тонкими кольцами, глядя на которые начинала кружиться голова. В самом центре, на маленьком, не больше полутора метров в диаметре, островке ютились круглый столик из чёрного стекла и три несуразных кресла в тон свисающим шарам.

За гигантским, почти во всю стену – от пола до потоло-

ка, окном царило самое настоящее буйство красок. Рыжее небо, розовые кроны огромных деревьев, бурые низкие тучи – безумная, потрясающе разнообразная палитра заката в Актарионе. Со своего места Адан мог видеть даже уползающее за горизонт голубое солнце. Яркое, блестящее, оно совершенно не слепило глаза. Почему-то казалось холодным, хотя скудных познаний в физике хватало, чтобы понимать: температура на поверхности превышает в несколько тысяч раз раскалённое светило Эннеры и даже Тмиора.

В Миере начинался вечер, в Бэаре совсем скоро наступит утро. И следовало возвращаться домой, принять душ и переодеться, а затем отправляться в офис и пробовать наконец соединить в одно целое нового себя и привычный уклад. Но Адан не спешил. Никогда не отличавшийся терпением, сейчас выжидал.

Бросаться в Бэар, так и не поняв, в кого превратился, кем теперь считать Миру, а самое главное – кто и почему настойчиво желает прервать их существование, не собирался. А ещё боялся. Сильно. И даже не пытался это скрыть. На смену беспечности пришла осторожность. Страх, словно крошечный осколок, незаметно проник внутрь и острой ноющей болью отдавался в сердце, не позволяя окунуться в манящий омут новых возможностей. Напоминал, что теперь, как никогда, нужно опасаться собственных желаний, постоянно прислушиваться к себе, контролировать каждый шаг, каждое движение, каждую мысль.

Невероятные события последних двух суток навсегда изменили привычную жизнь и его самого, пусть он, как выяснилось, никогда не был обычным человеком. И если бы не Таль, ничего бы не случилось. Не было бы ни Миры, ни Плеши, ни Роми, ни аварии, ни скалы, ни настоящей Луны доа, ни Тмиора. Всем этим он обязан именно ей. Плохим, хорошим – уже не отличишь. Всё смешалось, закрутилось. Гнев, восхищение, влечение, недоверие и даже страх стали одним целым. А Таль не уставала удивлять. От её сумасшедшей одержимости не осталось и следа, перед ним предстала совсем другая женщина – серьёзная, целеустремленная. Ни намёка на навязчивую пустышку, от которой не знал, куда деваться.

Ллэр, сидевший напротив, внимательно изучал принесённые Таль бумаги. Адан покосился на приготовленную для него стопку, нахмурился. Первичный сравнительный анализ крови мало в чём помог разобраться и почти ничего не объяснил. По крайней мере, ему. Всё, что вынес из лекции бывшей подружки – теперь, побывав в Плеши и вобрав в себя энергию лун Тмиора и Эннеры, он завершил необходимые метаморфозы и стал полноценным представителем древней расы. Не такой, как атради – не вечный, уязвимый, хотя с особой кровью суждено прожить гораздо дольше, чем если бы остался с так и нераскрытым потенциалом. В остальном похож на обычного человека. «Необычность» придётся регулярно подпитывать ультрафиолетовым излучением лун.

Таль подозрительно долго не возвращалась. От этого ещё сильнее охватывало беспокойство. Никак не покидало ощущение, что за ними внимательно наблюдают несколько десятков глаз. Адан усмехнулся. Ну ещё бы. Лакомый кусочек для генных извращенцев Актариона – доа и атради, целые и невредимые. Пока невредимые.

– Думаешь, стоит доверять Таль? – громко спросил Адан. Пусть знают, что он сомневается и задумывается, а не слепо бредёт в расставленные сети. Даже, если в конечном итоге это ничего не изменит в его судьбе.

Ллэр оторвал взгляд от бумаг.

– Думаю, если бы она не была нам нужна, – он прищурился, ухмыльнулся, – ты бы не захотел узнать, что я думаю. А если серьёзно, Таль – гений, без преувеличения. Гениям не стоит доверять, они эгоисты до мозга костей.

– Так и вижу, как этот гений с группой единомышленников мешает сейчас нашу кровушку, а потом бестелесные ребята со скалы покажутся детской забавой.

– Будем надеяться, она не настолько гений.

Адан кивнул и снова уставился в окно.

Просто надеяться – слишком мало, но вступать в дискуссию о возможных вариантах развития событий при невидимых свидетелях не хотелось. И так понятно – Таль будет помогать ровно столько, сколько ей необходимо для собственных исследований. Пока она заинтересована в крови доа, можно пытаться манипулировать её действиями, хотя ника-

ких гарантий всё равно никто не даст. Даже на Ллэра и Роми рассчитывать не приходится. Каждый сам за себя.

Но оставалась Мира – на первый взгляд единственное связующее звено между ними. И очень непредсказуемое. Если, конечно, Таль не врёт, утверждая, что понятия не имеет, во что могла превратиться Мира.

Прежнее беспокойство за неё напомнило о себе. Может, для других она и правда всего лишь ценный генетический материал, но для него почти родная теперь. Как сестра, которой никогда не было. Всё-таки зря отпустил её с Роми. Кто знает, что творится сейчас в Тмиоре. Ни за одну из них Адан ручаться бы не стал, и неизвестно, какие метаморфозы могли произойти за то время, пока они с Ллэром торчат в Миере.

– Я, наверное, сметаюсь к вам. В Замок. Найду Миру. Хочу убедиться, что она в порядке. От меня здесь всё равно толку мало. Потом верну... – он не договорил. Сильный спазм сдавил горло.

Ллэр тут же отбросил листы на стол. Будто сам что-то почувствовал.

– Адан, что происходит?

– Без понятия. – Ничего похожего на то, что было на скале. Не задыхается, но будто в горло натолкали ваты – она мешала вздохнуть, противно свербила внутри, сползала шершавым комком дальше вниз. – Ды... дышать тяжё... ло... – Адан попробовал откашляться. Не помогло – вата никуда не исчезла. Зато появилось осторожное покалывание в висках.

Ллэр закрыл глаза и чуть приподнял ладони одна к другой, словно обхватил невидимый шар. Или голову. Затем опустил руки на стол, посмотрел на Адана:

– Твоя энергия отталкивает мою. С Мирой было... – он замолчал, нахмурился. – Иначе.

– Не надо со мной, как с Мирой. Это чревато, – отшутился Адан и опять закашлялся.

– Остроумно, – хмыкнул Ллэр. – У меня есть предположение. Наши девочки сейчас вцепились в волосы друг другу.

Адан машинально отметил, что уже не в состоянии разглядеть его лицо.

– Это не самое страшное из того, что рисует моё воображение. Хотя надо было всё-таки прихватить их с собою... – закончить фразу не получилось из-за очередного приступа кашля. Гораздо более ощутимого. – У... ме...ня навер...ное... эта... как её... Ал...лер...аллергия на Таль... Или дрянь уже ус... успела что-то сделать, – хрипло произнёс он, почувствовав кровь во рту. Испуганно лизнул тыльную сторону ладони, проверяя. Сглотнул. Солоноватый привкус усилился, но крови не было.

– Галлюцинации?

– Нет, решил помыться.

– Я серьёзно. У тебя галлюцинации?

Адан не ответил, сполз на пол, согнулся пополам, обхватив живот. Желудок свело судорогой. Следом замутило. Подумалось, что ничего не ел уже чёрт знает сколько. Может,

причина внезапного недомогания в этом? Потом горло сдавил ещё один удушающий спазм, белые кольца заплясали причудливыми зигзагами. Пришлось зажмуриться. «Вата» набилась уже и в уши, и сквозь неё с трудом слышался голос Ллэра.

– Адан, послушай... Адан... – звук переместился: Ллэр стоял рядом. – Это не твоё. Это Мира. С ней что-то происходит. Но я её не чувствую. Не понимаю, где она сейчас находится. Попробуй ты.

– Не получается. Не могу сосредот... – Адан с трудом открыл глаза, перехватил встревоженный взгляд Ллэра.

– Ты даже звучишь, как она.

– Как от этого избавиться?

– Постарайся отделить её ощущения от своих.

– Каким образом?

– Теоретически, – начал Ллэр, но Адан не расслышал.

Окружающий мир в одно мгновение замолчал. Или он сам внезапно оглох. Не моргая, смотрел в серые глаза, видел, как шевелятся губы, но не слышал ни звука. Понимал, что происходит, где находится, что следует делать, но не мог пошевелиться, как будто кто-то подчинил себе его тело. Потом по венам пустили электрический заряд, слабость отступила. Ей на смену пришло раздражение. Следом – злость. Мгновенно из маленькой кусачей точки в груди она превратилась в раскалённый огненный шар и продолжала расти. Ещё секунда, и небывалую ярость уже невозможно было удержать в себе.

Адан вскинул голову, плохо соображая, что делает. Выпрямился, прогнулся назад, одновременно выставив перед собой руки. По обнажённым предплечьям вниз к запястьям побежали искрящиеся сиреневые молнии, кончики пальцев окрасились в лиловый цвет, ладони зажгло. А дальше от них отделился сверкающий сгусток энергии.

Затем всё вокруг исчезло. И к абсолютной тишине добавилась темнота.

– Чертовы доа... – пробился в сознание едкий голос Ллэра.

Адан так и не понял, сколько времени прошло, когда звуки и запахи неожиданно вернулись. Несколько секунд? Минут? Часов? Он с трудом разлепил веки, но Ллэра увидел не сразу.

– Мне шибануть в ответ, или тебя попустило? – Тот стоял у противоположной стены, выглядел потрёпанно. Вокруг сжатых в кулаки пальцев вились ярко-красные огненные язычки, а стеклянные спирали за его спиной покрылись трещинами, как будто в них врезалось что-то большое и тяжёлое.

– Что я сделал?

– Как минимум, дал Таль повод изменить кошмарный интерьер... – Ллэр встряхнул руки, огненные язычки сверкнули и погасли. – А ещё попытался испепелить меня. Или не меня. Разошёлся яркими, сиреневыми волнами во все стороны. Больно, кстати, – он потёр пальцами грудь. – Как именно

ты это сделал, я затрудняюсь сказать. Но это не ты, повторяюсь. Это Мира. И нам надо её найти.

Адан медленно поднялся с колен. Он снова был собой.

– Не знаю, хорошо это или плохо, но Мира сейчас не с Роми, – Адан сосредоточился, заставляя две точки пространства соединиться, и уверенно шагнул вперёд. – Иди за мной.

Кроваво-белая комната сменилась поляной Тмиора. Первое, что бросилось в глаза, – неестественно зелёный густой лес в красных лучах заходящего солнца, которое едва проглядывалось сквозь высокие кроны деревьев. В следующее мгновение Адан заметил светло-коричневое пятно справа от себя. Оглянулся. С удивлением уставился на одноэтажное деревянное строение с соломенной крышей – никогда раньше он не видел ничего подобного.

Ллэр бросился к домику. Почти мгновенно вскочил на крыльцо, с ноги вышиб дверь, вломился внутрь. Похоже, он прекрасно знал, где они оказались, и что-то не на шутку его встревожило.

– Мира! Самар!

Адан отставал не больше, чем на шаг, но когда вошёл в дом, Ллэр уже скрылся в глубине комнат. Кто такой Самар, не было ни малейшего представления. Зато почти сразу стало ясно – Миру в этом домике им не найти. То ли опоздали, и она успела переместиться в другое место, то ли он ошибся, и её здесь вообще не было. В последнее не верилось – сильное присутствие ещё ощущалось в пространстве.

Сразу за дверью обнаружилась чистая, светлая квадратная прихожая с узкой лестницей без перил, упирающейся верхним концом в деревянную же крышку люка и широкой скамьёй под окном. Её всю уставляли вазоны с одинаковыми тощими, чахлыми растениями. В противоположной от входа стене имелась ещё одна, уже не запертая. Дерево почернело, будто кто-то пытался выжечь замок.

Дальше холл, квадратный. Три двери. Все открыты. Три небольшие, похожие, как отражения, комнаты хорошо просматривались с любой точки. Внутри все из дерева. Деревянный, отполированный пол, деревянные стены, светлая мебель, грубая, сделанная руками. Тканые дорожки на полу, плетёные скатерти.

В комнате был выход в четвёртую, а на пороге неё стоял Ллэр и отрешённо смотрел перед собой.

Адан поравнялся с ним и тоже застыл.

У противоположной стены на узкой кровати, закутавшись в белую простыню, лежал человек. Со спины невозможно было предположить возраст даже приблизительно. Может, мальчик, а может, древний старик. Одно было совершенно ясно – перед ними труп. В бездыханном теле не проглядывалось ни грамма жизненной энергии.

– Какого чёрта здесь забыла Мира?

– Самар мёртв, – произнёс Ллэр, как будто это было ответом на вопрос.

– Вижу. Но как?.. Он же атради. И мы в Тмиоре. Такое

возможно?

– Невозможно, – Ллэр по-прежнему смотрел в одну точку. – Не должно быть возможно. Но ты сам видишь.

– Может, Мира пыталась его спасти?

– От кого? – Он потёр ладонями щеки, будто пытался проснуться, и словно через силу перешагнул порожек. Остановился, обернулся. Адан видел, что Ллэр по-настоящему изумлён. – Самар считался самым древним из нас. Но поскольку никто из истинных атради не помнит времени без себя, сам понимаешь, их мнение может быть ошибочным, – Ллэр снова посмотрел на неподвижное тело. – А теперь он мёртв.

Адан остался стоять в проёме, прислонившись спиной к деревянному косяку. След Миры терялся здесь, и это пугало сильнее, чем необъяснимая смерть самого древнего атради.

– Ллэр, я её больше не чувствую.

– Хочешь сказать... – он не договорил. Помолчал секунду, потом воскликнул: – Но ты же жив! Ты бы знал, если бы испытал ощущения подобные к... – Ллэр снова замолчал, потёр указательным пальцем переносицу. – Идём. Спросим Роми.

И тут же исчез.

Расспросить Роми показалось превосходной идеей. Она должна была знать хоть что-то. Если, конечно, ещё в состоянии об этом рассказать. Что, если...

Адан поморщился, отгоняя неприятную мысль. Не раз-

думывая, последовал за Ллэром и с удивлением обнаружил, что оба находятся на той же самой поляне возле домика, куда он сам привёл их пару минут назад. Но уже не одни.

Ллэр грубо перехватил Роми. Рывком отбросил в сторону, прижал к стене. Рывкнул, не давая опомниться:

– Где Мира?!

– Эль?! – она удивилась. Попыталась его оттолкнуть. Конечно же, не вышло.

– Где?!

– Где... Что ты здесь делаешь?.. Вы... – Роми выглядела растерянной. Явно не сразу заметила Адана. Явно не сообщала, где находится. – Отпусти! Чего ты орёшь? Откуда я знаю.

– Не знаешь?! – Ллэр угрожающе навис над ней.

– Эй, постой. Не надо так, – вмешался Адан. – Мы без понятия, что случилось. Мира могла... – он замолчал, не найдя подходящего слова.

Ллэр в его сторону даже не глянул, но хватку, похоже, ослабил, хоть и не настолько, чтобы Роми смогла высвободиться.

– Я жду, Ромиль.

– Ты о ней так печёшься, что готов меня придушить?

– Рэм! – оборвал Ллэр.

– Прости. – Роми посмотрела на лес. – Несколько минут назад она была в Замке. Потом начала задыхаться. Заявила, что ей не нужна жалость и исчезла. – И совсем тихо добави-

ла, встречаясь взглядом с Ллэром: – Она вылечила Алэя.

– Что?.. – тот удивлённо замер, медленно разжал пальцы.

Адан нахмурился. Вряд ли в Тмиоре было два Алэя. Наверняка тот самый, о котором рассказывала Роми. Но откуда Мира его знает и почему решила вылечить? Просто так? Жест доброй воли?

– Если я копировал все ощущения Миры, дальше должен был быть взрыв. А теперь я её не чувствую. Значит... – Адан сжал кулаки.

– Нет, – Ллэр покачал головой. – Ничего не значит, не торопись, – он отвернулся. Постоял, глядя на лес вокруг домика. Спросил Роми: – Почему ты пришла сюда?

– Мира кашляла кровью, а потом сбежала. Я пошла за ней.

– Сразу?

– Не совсем. Я не могла бросить Алэя одного.

– Наверное, Мира умирала, а я не понял. Как последний кретин копировал её ощущения и... не понял! Не смог отделить от своих, не смог прийти на помощь, а теперь уже поздно! – Адан с досадой пнул камень. Тот с шумом ударился о стену и отлетел на несколько метров.

– Но ты не умер. Я видел, что с тобой происходило, и это не было похоже на агонию. Мира боролась, – Ллэр едва заметно улыбнулся. – А вот Самар – мёртв.

– Как это – Самар мёртв?! – Роми побледнела. Голубые глаза утратили цвет, даже волосы потускнели.

– Алэй тоже кашлял кровью, – задумчиво пробормотал

Ллэр, будто не слыша её, – когда ещё был человеком. И тоже задыхался. Таль говорила, если у Миры отнять способности, она умрёт, потому что вирус никуда не делся. Значит, рак Алэя тоже остался. Мира могла его забрать и как-то теперь переваривать.

Адан вскинул руки, призывая обоих замолчать.

– Кто-нибудь, объясните мне, о чём вы говорите.

– Сразу после того, как вы объясните, что значит «Самар мёртв».

– Что, по-твоему, это значит? – он перехватил Роми за предплечье и так же быстро перенёсся с ней внутрь дома. Чуть подтолкнул к кровати с телом. – Можешь попробовать нащупать пульс, если он у вас, вообще, есть. Но, как видишь, Самар мёртв.

– Н... не хо... чу... – Роми испуганно попятилась.

Адан торопливо вернул их на поляну к Ллэру, тот стоял к ним спиной и даже не оглянулся. Смотрел на лес, будто его ничего не касалось.

– Почему Мира убила Самара? – громко спросила Роми, приближаясь к нему.

– Мы не знаем, кто его убил, – вместо Ллэра ответил Адан. – И почему, не знаем. Куда подевалась Мира – тоже. Ты последняя, кто видел её живой. Ты ей что-то сделала?

– Ничего я не делала! Мы разговаривали, а она взяла и влезла ко мне в память. Практически силой и вполне умело. После почему-то перенеслась к Алэю. А когда я пришла к

нему, – Роми взмахнула руками, – он уже парил в воздухе в огненном коконе. Мира стояла рядом, начала кашлять и задыхаться.

– Ты сказала, она копалась в твоих мозгах, – уточнил Адан. – Она что-то узнала? Что-то, что могло вынудить её отправиться к Алэю... или сюда к этому вашему старцу?

– Только к Алэю. – Роми бросила на Ллэра виноватый взгляд. – Я хотела, чтобы она поняла – я ей не враг. Может, я психованная в последнее время и веду себя, как эгоистичная тварь, но только потому что мир переворачивается. Но я не враг и не...

– Алэй – мой биологический отец, – нарушил молчание Ллэр, и она осеклась.

– Мира об этом знает?

Роми коротко кивнула.

– Тогда хотя бы понятно, почему решила его вылечить, – Адан со вздохом перевёл взгляд на дом. – Что будем делать с Самаром? Полагаю, похороны в Тмиоре вряд ли практикуются.

– Кремируем, – Ллэр обернулся. Оказалось, в другой руке у него тлеющая сигарета. – Своими силами. Не думаю, что стоит посвящать ещё кого бы то ни было. – Он посмотрел на Роми. – Ты ведь была в Нэште, когда Алэй умирал. Похоже?

– Я же не рядом находилась. Я...

– Похоже, Рэм?!

– Не знаю, Эль. Честно.

Ллэр кивнул и взглянул на Адана:

– Не хватало, чтобы Мира вдобавок к своим набралась чужих болячек.

– Не хватало, чтобы Мира оказалась причастна к гибели Самара. Или вдобавок к этому обнаружили ещё трупы. Например, самой Миры, – в тон ему ответил Адан и шумно выдохнул. Снова попытался нащупать её след в Надпространстве. Бесплезно. Сотни искрящихся следов, но не тех. – Не понимаю. Куда она могла исчезнуть? Главное, как? – он взъерошил волосы. – Не прячется же от нас.

– Смысл? – пожал плечами Ллэр. – Силой её никто не заставит стать атради. Если это, вообще, возможно с доа.

– Вряд ли её сейчас дарованное бессмертие волнует, – ухмыльнулся Адан. – Скорее, Мира могла испугаться, когда увидела тело. Только какого чёрта ей здесь понадобилось? Чем этот Самар занимался?

– Он многое знал. Больше, чем другие. И сам верил в то, что древнее него атради нет. Но ничего не смыслил в вирусах и экспериментах, – Ллэр сделал последнюю затяжку и затушил сигарету ногой. Кивнул на горшки у двери. – Насколько я знаю, он здесь цветочки выращивал. Для красоты. Получалось хреново.

– Может, Алэй ей что-нибудь рассказал? Или показал. И Мира отправилась за ответами, а потом... Потом сюда пришли Тени... отомстить. Убить... Не знаю. Самар попал под раздачу, а Мира... – Адан замолчал. – Очень бредово, да?

– Лучше бы бредово, – встряла в разговор Роми. По её виду было и без слов ясно, что идея появления здесь Теней не просто не радует её, а по-настоящему пугает.

– Алэй ничего не знает о Самаре и вообще старается держаться подальше от моих изысканий. Любых изысканий, – Ллэр пристально посмотрел на Роми. – Верно?

– А что я могла ему рассказать? Я сама ничего не знаю о Самаре.

– Что-то её всё равно заставило прийти именно в этом месте, – заключил Адан. – Ты пришла следом за Мирой, – он перевёл взгляд с Роми на Ллэра. – Значит, и я не ошибся, когда привёл нас сюда. Будем надеяться, она жива. Но почему мы её не чувствуем? Разве возможно стать невидимкой?

– Вероятно, какой-то процесс полностью обновил её энергетический фон и смыл все метки от предыдущих контактов.

– Какие ещё метки? – удивился Адан.

– При достаточно близком контакте атради помечают собеседника. Это происходит произвольно, само собой. Если подойти близко и побыть рядом достаточно долго. На биополе остается метка от соприкосновения энергий. Со временем она тает. С очень большим временем. Но мы можем навязать постоянную, уже сознательно, которая не должна стираться и через сто лет, – пояснила Роми и взглянула на Ллэра.

Тот ухмыльнулся:

– Да, я повесил на неё такую, когда Мира находилась в

клинике Таль. – Он обернулся к Адану. – При переходе в Плешь метка сработала, как звоночек. Но теперь я её не чувствую.

– Это всё равно не объясняет, почему я не нахожу Миру.

– Объясняет, если это общая черта атради и доа, – сказал Ллэр. – Если ты её чувствовал потому же, почему и мы. Какие были ощущения?

– Не знаю, как их описать. Чувствовал и всё. Как вас сейчас, как Таль. Никаких меток, хотя... – Адан пожал плечами. – У вас для всего есть слова. А я... Мне трудно дать сходу определение. Может, метка. Может, что-то другое. Как след в пространстве. Особый. Индивидуальный.

– Ладно. Это неважно сейчас, связи всё равно нет, значит, остаётся думать...

– Может быть, мы потом подумаем? Давайте сначала...

– Роми запнулась, нервно кивнула на дверь. – Вдруг за это время Мира появится. Я опять веду себя эгоистично?

Адан не ответил, встретился взглядом с Ллэром.

– Есть способ узнать, как давно из Самара выкачали энергию?

– Будь он человеком. Но попробовать стоит. Можно считать остаточный фон Надпространства.

– Зачем? – перебила Роми. – Мы и так знаем, что Мира была тут.

– По-твоему, она его убила? Без вариантов? – мрачно осведомился Адан.

Роми с секунду пристально на него смотрела, потом развернулась и пошла в дом.

– Я тоже думаю, что это сделала Мира, – тихо проговорил Ллэр. – Очень надеюсь, не потому что хотела убить, к при-
меру, меня, а под руку попался Самар.

Адан невольно улыбнулся, вспомнив какими влюблёнными глазами Мира таращилась на Ллэра.

– Сдаётся мне, в её ближайшие планы твоя смерть не входит. Она бы начала с Таль, я уверен. Так что будем надеяться, что Мира не виновата. Может, случайно забрала у Самара всю энергию, как я на поляне. Или здесь появились Тени, и ей пришлось защищаться. Но если ошибаюсь, считай, что ты нашёл способ избавиться от бессмертия.

– Вообще-то, я не подохнуть хочу здесь и сейчас, а всего лишь придать жизни смысл.

– В этом Мира тоже преуспела, – Адан подмигнул и направился следом за Роми.

Она уже стояла перед кроватью Самара. В шаге от него, протянув руку и явно не решаясь приблизиться. Напуганная, растерянная она смахивала сейчас на потерявшегося ребёнка. Захотелось обнять, ласково провести по волосам, успокоить. В конце концов, Роми тоже досталось.

– Решила найти доказательства её вины? – пошутил Адан. Перевёл взгляд на кровать. Показалось, что тело Самара за это время стало ещё тоньше.

– Можешь сколько угодно на меня орать, обвинять в эго-

изме...

– Зачем? Поверь, я понимаю, каково тебе сейчас.

– Нет! Ты... Это!.. – она взмахнула рукой, покачала головой. – Я не знаю, как. Я... Я сама не... не понимаю. Так не бывает. Да, я тоже чуть не погибла, но это же... Я – жива! Меня откачали. Атради... – Роми говорила всё быстрее. – Алэй пытался покончить с собой, но у него не вышло, потому что мы не умираем. Не можем умереть. Не рождаемся, не умираем. Надо его...

Она подалась вперёд, словно всё это время набиралась смелости. Словно боялась прикоснуться к телу, потому что тогда придётся окончательно поверить в смертность атради. Адан не видел её лица, но чувствовал, как напряглась её спина, как дрожали руки и сбилось дыхание.

Роми всё-таки дотронулась до плеча Самара, и оно бесшумно рассыпалось, взметнув в воздух серые пылинки, похожие на пепел от костра. Они кружились, парили по комнате, не спеша оседать.

Роми закричала, отшатнулась, взмахнула руками, в ту же секунду останки Самара вздыбились и с оглушительным хлопком взорвались. Ударная волна толкнула Роми в грудь, отшвырнула на Адана, и уже обоих отбросила через дверной проём наружу.

Глава 21. Пещера

Грохот в ушах то приближался, то отдалялся. Затихал, превращался в звон, в писк, в жужжание и снова в грохот. Когда-то с ней такое уже случилось. Давно. Так ведь? Тогда Роми думала, что играет в нормальную жизнь, а на деле оказалась втянута в попытку переворота. В интриги, которые привели к чужой войне. Сначала было интересно, потом кто-то пытался её убить. Когда бомба разворотила задний двор, в ушах играл такой же оркестр. Находишься на её месте обычный человек – хоронить было бы нечего.

Во что она играет сейчас?

Мысли привычно разбегались. Вспомнить, что произошло мгновение назад, получилось далеко не сразу. Но как только всё вернулось, Роми села. Слишком резко. Застонала, схватилась за голову, зажмурилась. Сплюнула набившийся в рот песок.

– Что за хреновая тенденция, – слышался раздражённый голос Адана.

Роми попыталась найти его взглядом, зябко поёжилась. Надо же, никогда ещё в Тмиоре она не испытывала холода, даже не сразу узнала ощущение.

– Ты где?

– Здесь.

Наконец она увидела его – Адан стоял в нескольких шагах.

Изрядно потрёпанный, будто пролетел через кусты. Впрочем, так оно и случилось. Прямо за его спиной колыхались ветки грат-лари, колючего кустарника, которого пруд пруди в Тмиоре.

– Какого чёрта это было? – послышался издалека злой голос Ллэра.

– О, жив! – цинично воскликнул Адан. – Кто бы сомневался. Что вам сделается, бессмертные вы мои. А я, между прочим, очень даже смертный, – он протянул Роми руку, помогая подняться. – Не забывай об этом в следующий раз, когда решишь таким оригинальным способом избавляться от трупов.

– Я не избавлялась... – она всё ещё плохо соображала.

– Ага! – хмыкнул Ллэр. – Только разнесла в щепки последнее пристанище Самара с ним вместе.

Он тоже выглядел не лучшим образом. Что бы ни случилось, размах взрыва был неслабый.

Роми посмотрела на свои ладони, пошатнулась. Наверное, упала бы, если бы Адан не подхватил за плечи.

– Что с тобой?

– Не... не знаю, – она отозвалась почти шёпотом. – Не понимаю.

Её знобило, но Роми гнала это ощущение, потому что так тоже не могло быть. Не тогда, когда в затылок впивались колючие солнечные лучи.

– Что значит «я разнесла домик»? – она посмотрела на

Ллэра.

– То и значит. Пуф! Красиво, эффектно. Бестолково и самоубийственно.

– Это не я.

– Последнее прости-прощай от Миры, – угрюмо ответил Адан, изучая порезы на предплечье. – Зачем ты лапала труп?

Роми бросила на него выразительный взгляд. Едва сдержалась, чтобы не огрызнуться. Действительно зачем? Она же каждый день имеет дело со смертью атради, который должен был жить вечно, да ещё находился в самом безопасном во всех Вселенных месте!

– У меня проблемы с признанием. Думала, если прикоснусь, поверю.

– Значит, всё взлетело на воздух, когда ты дотронулась до Самара? – уточнил Ллэр.

– Именно, – подтвердил Адан. – И если это не Роми создала такой интересный эффект, нам стоит задуматься, кто и каким образом. Что вообще это было. Или ещё лучше – обратиться отсюда подальше. Но это не наш путь, так?

– Так, – ухмыльнулся Ллэр. – Здесь по-прежнему последнее место, где находилась Мира. И я по-прежнему хочу её найти. Пусть даже... – он мотнул головой. Сменил тему. – Снаружи это был такой чистый взрыв. Не знаю, как иначе описать. Никакого всплеска знакомой мне энергии. Просто пф-ф-ф во все стороны.

– Что же тогда запустило мной в колючки?

Ллэр развёл руками.

– Что-то, с чем мы не имели раньше дела. Вернёмся и осмотрим?

Адан обречённо вздохнул. Посмотрел на Роми, сухо, поделовому поинтересовался:

– Дойдёшь?

– Дойду, – хмуро отозвалась она. Ощущение холода никуда не делось, но Роми уже привыкла к нему. – Дойду, конечно.

Чтобы доказать это, первой направилась в ту сторону, откуда недавно явился Ллэр. Через несколько шагов он её обогнал. Адан шёл последним. Пролетели они не так уж мало. Как только он спину не повредил, ломая кусты? На свой счёт Роми не переживала. Резанула мысль: что, если они, атради, не бессмертные, а покойники, которые никак не рассыплются в пух и прах? Как Самар.

– Я схожу с ума, – прошептала она. Кажется, её никто не услышал.

Домик действительно разлетелся на щепки. Что бы ни вырщивал вокруг него самый древний атради, теперь землю укрывала деревянная труха. Зрелище было бы даже красивым, если бы не чёрные Тени, появившиеся там, где недавно находилась спальня Самара.

– Да какого же... – Ллэр замер впереди Роми.

– Вернулись, осмотрели, мы молодцы. Сейчас в нашу честь начнутся аплодисменты с летальным исходом, – мрач-

но констатировал сзади Адан. Остановился рядом с ней. – А знаешь, – наклонился, касаясь сухими губами её мочки, и шепнул: – Я жалею, что мы не успели тогда на скале...

Роми невольно улыбнулась. Не оборачиваясь, нашла его руку, сцепила пальцы. Перенестись не пыталась: знала – не получится. Даже выходы в Надпространство закрылись. Такого тоже никогда не случилось в Тмиоре.

Тени не двигались и выглядели плотнее, чем в Эннере – не прозрачными, а наоборот, литыми, как ониксовые статуи. – Мы не задыхаемся. Странно, правда? – проговорил Ллэр.

Адан крепче сжал ладонь Роми.

– Сделаем вид, что мы их не заметили, и уйдём, не прощаясь? Или всё-таки поздороваемся, как думаешь?

– Думаю, они и есть главная причина, почему Мира оказалась здесь, – процедил сквозь зубы Ллэр, опережая Роми. – Они могли прикончить Самара, как чуть не прикончили нас. И, возможно, его смерть им тяжело далась.

– Это как-то объясняет, почему мы продолжаем стоять и пялиться на них, как идиоты? – тихо спросил Адан.

Ллэр шевельнул головой, будто хотел обернуться, но передумал. Шагнул вперёд. Что он мог сделать? Кем или чем бы ни были существа на поляне – столкновений с ними хватило, чтобы уяснить – атради противопоставить им нечего. Но ведь в самый первый раз Роми удалось сместиться в Надпространство, удалось собрать столько энергии, сколько мог

дать окружающий мир. Она чувствовала тогда огромную силу, пусть даже следом пришло опустошение.

Может быть, дело в страхе? Что если он – помеха? А если поверить, пробьёшься.

Не получалось. Тени, даже неподвижные, действовали на неё гипнотически, лишая не только физических сил, но и душевных.

– Эль, может не на... – она не договорила, да и не знала, что собиралась сказать. Остановить его? Он бы не послушал.

Дохнуло холодом, гораздо ощутимее, чем до этого. Тени стали ближе. Будто чуть расступились. До Роми не сразу дошло, что те стояли, образуя круг.

Загудел лес. Вздогнула земля. От чёрных, вновь застывших Теней по траве побежал иней. Волнами. Среди бела дня в Тмиоре. Под палящим красным солнцем.

– Только пугают, – Ллэр замедлил шаг. У него под ногами закрипела самая настоящая крошка льда.

– Умело пугают. Я бы сказал, наглядно. Ощутимо, – Адан поравнялся с ним. – Что дальше? Спросим, куда они дели Миру, пока нас не заморозили?

Чувствуя себя какой-то совершенно бесполезной и неуместной, Роми пошла за ними.

– Спросим, – Ллэр сунул руку в карман, достал оттуда наручник тайко и протянул Адану. – Держи. Ты его закоротил. Может, получится починить.

Роми непроизвольно дотронулась до своего браслета, всё

ещё обхватывающего запястье. Обогнала Ллэра, заставила остановиться.

– Ты, что, моей...

– Нет, – он не дал договорить. – Твоей смерти я не хочу. Мы сейчас будем это выяснять?

Адан молча вклинился между ними, забирая браслет. Покрутил, словно сомневаясь. Затем всё-таки послушно нацепил на левую руку. Несколько секунд пристально смотрел на Тени, а те с пугающим равнодушием продолжали толпиться по кругу.

– Допустим, у нас получится их... с ними... Есть гарантии, что это поможет найти Миру? Что не сделаем хуже?

– Вот и узнаем, – ухмыльнулся Ллэр.

Адан нахмурился.

– Меня смущает, что они бездействуют. В прошлый раз были менее сговорчивыми. А теперь как будто им до нас никакого дела. Если у этих тварей вообще есть дела.

Словно в подтверждение его слов Тени зашевелились, мгновенно сменив позиции – теперь вместо мрачного хоровода они выстроились в какую-то замысловатую фигуру. – Похоже на знак. Или букву, – сказала Роми.

– Жаль, мы не умеем летать, как Мира, – хмыкнул Ллэр. – Взглянули бы сверху.

В этот момент самая дальняя от них Тень задрожала. В пугающей тишине, когда даже шелест листьев больше не слышался, она пошла переливами: чёрный сменялся тёмно-се-

рым, потом – светлым, потом ярким, почти электрическим, белым и снова в чёрный. А потом рассыпалась прямо в воздухе, превращаясь в оседающий пепел.

Роми вздрогнула, будто услышала хлопок, которого не было. Почувствовала жжение на запястье, скосила на него глаза – браслет раскалялся, на гладкой поверхности проступали красные символы. Так уже бывало – попадая в водоворот энергетической бури, артефакт предупреждал об опасном уровне. Второй браслет наливался зелёным. Как тогда, на поле.

– Адан, наручник, – шепнула ему Роми.

Он кивнул. Ещё одна Тень подёрнулась рябью. За ней – следующая.

В том, как зловещие фигуры превращались в ничто, виделась какая-то закономерность. Последовательность, что ли. С каждым следующим исчезновением браслеты разгорались ярче, воздух менял температуру – мгновенно и ощутимо. Каждый раз – на разное количество градусов. Если бы чередование тепла и холода было музыкой, звук получился бы очень мелодичным.

– Это мы делаем? – едва слышно спросил Адан, когда ещё несколько Теней, одна за другой, превратились в кучку золы.

– Ни хрена мы не делаем, – пробормотал Ллэр. – Вот теперь точно надо убираться. Вы чувствуете... – он не закончил, словно не знал, как правильно сформулировать вопрос.

– Температура воздуха? – спросила Роми.

– Нет. Не настолько просто. Ни фига вы не чувствуете. Ты же одна из истинных, – Ллэр бросил короткий взгляд на Ада-на. – А ты – доа. Надо валить, потому что... – он замолчал.

Две оставшиеся Тени замерцали одновременно, и тогда открылись выходы в Надпространство, окрасившись радугой. А там, где брешь реальности превращалась в портал, появился тонкий, прозрачный силуэт, искрящийся сиреневым светом.

– Мира! – Ллэр сорвался с места.

Роми бросилась за ним, как и Ада-на.

Тени дёрнулись в последний раз, замерли на мгновение мрачными лоскутами и рассыпались. А Мира бестелесным призраком плавно опустилась на покрытую льдом землю ровно в центре исчезнувшего хоровода.

Когда они подбежали, её хрупкая фигурка вновь обрела плотность, но выглядела трупом. Пусть и живым – с технической точки зрения жизненной энергии в Мире было предостаточно. Неестественная поза, бледность, синяки под глазами, стеклянный, невидящий взгляд, запёкшаяся на губах кровь только усугубляли впечатление.

Ллэр выругался, плюхнулся на траву рядом. Казалось, он напрочь забыл, что мгновение назад здесь происходило, или что ему плевать на осторожность: протянул руку, отдёрнул.

– Ах, ты ж... Вот какого?! Мира! – позвал он, вряд ли рассчитывая на ответ, и всё-таки прикоснулся к щеке. – Мира?..

Она пошевелилась, веки дёрнулись, бессмысленный

взгляд сфокусировался на склонившемся над ней Ллэре. Посиневшие губы тронула слабая улыбка:

– Прости, – едва слышно прошептала Мира. Потом, видимо, что-то вспомнила, испуганно вжалась в траву. В глазах мелькнул ужас. – Тени...

– Забудь. Их больше нет, – Ллэр двумя ладонями сжал её лицо. – Что же ты опять учудила?..

Роми почувствовала лёгкий укол в висок, машинально подключаясь к его попытке проникнуть в разум Миры и понять, что надо делать. Не вышло.

Тогда Адан тоже опустился на траву, дотронулся до лба Миры.

– Это Тени со скалы. Они не погибли. Мира их впитала, перенесла сюда. Они вынудили... Не знаю, как правильно. Спровоцировали переход к Самару. А потом вышли из неё здесь. Так? – он встретился глазами с Мирой. Она слабо кивнула. Попыталась приподняться, но закашлялась. Адан пересел, заботливо положил её голову на свои колени. Испуганно посмотрел на Ллэра. – Она умирает, я чувствую. Надо что-то...

Ллэр привстал. Никого ни о чём не спрашивая, ничего не объясняя, подхватил Миру на руки, выпрямился. Она тихо застонала.

– Держись, котёнок.

И в следующую секунду они исчезли.

– Надеюсь, он понимает, что делает, – Адан поднял-

ся. Несколько секунд сосредоточенно изучал поляну. Затем протянул руку Роми: – Ты как?

– В порядке, – она послушно вложила свою ладонь в его.

В ту же секунду поляна вздрогнула. Будто они находились на широком, круглом блюде, которое кто-то невидимый приподнял и беззаботно швырнул обратно.

Возможно, оба впитали чересчур много энергии за минуты светопреставления. Возможно, что-то с пространством сделали Тени, или продолжало делать то, что от них осталось. Возможно, если бы Адан протянул ей другую руку, ничего бы не произошло.

Миг, и пыль, опилки, иней, чёрное конфетти – всё подпрыгнуло, взвилось над землёй, слилось, смешалось, преображаясь.

Миг, и Адан с Роми оказались в самом центре мощного, гудящего непонятного водоворота, который лишь чудом не сбивал их с ног.

Миг, и браслеты, как магниты, потянуло друг к другу.

Роми не успела ничего сказать или крикнуть. Не успела перенестись, хотя чувствовала, что выходы по-прежнему открыты, Надпространство доступно, а Тмиор снова такой, как всегда.

Их запястья скрестились, зелёный свет смешался с красным, и вниз ударил фиолетовый луч. Водоворот усилился, и вокруг них теперь бурлила энергия. Неизвестная, колючая, видимая.

А потом – с почвой под ногами что-то произошло. Может быть, она просто исчезла, может, разверзлась. И они полетели вниз.

Дыхание перехватило от удара, перед глазами заплясали разноцветные звёздочки. Когда свистопляска утихомирилась, Роми смогла осознать, что на зубах не скрипит песок, кости целы, обе руки свободны – наручники расцепились, будто выполнив своё назначение.

Она приподнялась на локтях, рядом приходил в себя Адан. Вроде бы целый и невредимый, по крайней мере, крови видно не было.

Они лежали на гладком, как мрамор, полу. Чистом, отполированном, блестяще-белом, никакой грязи, пыли, опилок. Словно не сквозь дыру на поляне сюда попали, а через обычный портал. В огромном круглой и абсолютно пустой пещере было светло. Неуместно светло, учитывая предположительные метры почвы над головой. Густой, разноцветный, немного рассеянный свет падал с высокого потолка, рисуя причудливые узоры. Синий, желтый, оранжевый, красный, зелёный. Яркие краски переплетались в медленном танце, на миг замирая и снова начиная вращение. Сначала Роми даже подумала, что это кружится голова и падение не прошло даром. Потом поняла – что рисунок действительно движется, переходит с пола на стены, меняется и создает иллюзию ещё большего пространства, чем есть на самом деле.

– Завораживает, – проговорила она.

– Атракцион века. К чёрту всё!

Что-то негромко звякнуло. Роми обернулась – Адана в пещере не было. Дужка наручника одиноко валялась на полу, переливалась, как и всё вокруг, но символы, что сияли на нём раньше, исчезли. Он снова выглядел мёртвым.

– Адан?! – её голос эхом отразился от стен, оттолкнулся от потолка, заблудился, затих. Роми подхватила с пола наручник. Металл показался необычно холодным. Вскочила, встревожено pokrutila головой. – Адан!

Тишина. Она уже знала, что находится здесь одна, но всё равно позвала и в третий раз. А потом попробовала настроиться, готовая к тому, что ничего не выйдет, и с удивлением почувствовала сразу, где находится Адан: вернулся в Бээр.

– Это твой способ сказать, что с тебя хватит?.. – пробормотала Роми в пустоту. – Наверное, ты прав.

Она во многом могла его понять, и всё-таки стало грустно. Трудно было признавать, что немного завидует Адану. Ей тоже хотелось покончить со всем, но побег к привычной жизни в её случае ничего не решит, потому что ей некуда возвращаться. Потому что бессмертные умирают, и это и есть её новая жизнь. У Адана по-прежнему было, во что вписать обрётённые способности. А её мир встал с ног на голову, и она сама пока не знала, что с этим делать.

Уйти? Надпространство заманчиво раскрывало свои объёты. Пути были доступны. Тонкая грань, отделяющая любой мир от Плеши, легко нащупывалась. Роми находилась

по-прежнему в Тмиоре, в любой момент могла последовать примеру Адана. Но почему-то осталась. Поднялась на ноги и медленно двинулась по периметру зала.

Издали казалось, что в одном месте стена выпирает, и когда Роми добралась туда, увидела проход и за ним такой же матово-белый, сливающийся со всем вокруг, узкий туннель. Поколебавшись, переступила порог.

Коридор петлял. Не долго, но очень резко. Сворачивал под неожиданным углом, снова и снова, потом уходил вниз, резко поднимался вверх, снова выписывал замысловатые фигуры. Становился то уже, то шире. Как будто тот, кто его проложил, старался обойти стороной что-то в толще породы. Хорошо хоть не было развилок.

Наконец он привел к огромному арочному проходу, из которого бил желтый свет. Сердце забило сильнее, стало сложно дышать, но не потому что не хватало воздуха – от охватившего волнения. Роми не сразу решилась на последний шаг.

Обрыв. Неширокий выступ – она хоть и поместилась на нём свободно, но едва сдержалась, чтобы не нырнуть обратно в туннель. Вверх, вниз, в стороны тянулась отвесная стена, казалось, до бесконечности.

Гигантское пространство напоминало пещеру, однако ровные, гладкие стены не оставляли сомнений, что их создала отнюдь не природа. Как и сотни, если не тысячи, одинаковых светящихся шаров, которые заполняли её, от пола

до потолка. Некоторые неподвижно висели, группами или порознь, другие едва заметно перемещались, третьи двигались гораздо быстрее. Понаблюдав несколько мгновений, Роми убедилась, что столкнуться им не грозит.

У атради не было легенд, мифов, сказок, истории забытых времен. Она нигде и никогда не слышала о подобном месте, и всё равно её преследовало узнавание. Во всём виделась система. Принцип. Объяснение, почему одни шары находятся там, а другие где-то ещё. Почему одни кажутся застывшими, а другие – мерцают, то вспыхивая ярче, то наоборот, почти гаснут, и снова начинают сиять.

Роми вновь пожалела, что рядом нет Адана и что она – не Мира, умеющая летать. Тогда она могла бы плавно опуститься на дно пещеры, очутиться среди шаров, может быть, прикоснуться к ним: до самого ближнего не меньше нескольких метров над пропастью. Дотянуться с уступа не выйдет никак.

Она всё-таки вскинула руку, не надеясь, что получится. Один из шаров послушно поплыл к ней. Замер в миллиметре от ладони, изменил цвет, став похожим на язычок огня, заключенный в тонкое стекло. В последний момент Роми испугалась. По-настоящему, будто почувствовала угрозу. Но было поздно, пальцы уже легли на ледяное стекло.

В глаза ударил фиолетовый свет. Ослепил, чтобы тут же отступить. Полумрак ватной тишиной сдавил виски. Роми показалось, что она перенеслась куда-то, или вселилась в кого-то. Видит чужими глазами. Помнит то, свидетелем чего

никогда не была.

Так уже было, когда она делилась памятью с Мирой. Так, но иначе.

...Прохлада глиняных стен не спасает от жара среднего слоя. Вся планета – огромный огненный океан, лава, запертая внутри каменных глыб. Фахтэ. Планета – смертница. Одна из пяти, подаренных тем, кого не должно было быть. Тем, кто нарушил Закон Кольца. Единственный дом, что у них остался.

У кого – у них? Что за Кольцо? Какой ещё Закон... – хочет спросить Роми. Но спрашивать некого. Она – лишь свидетель, безмолвный и бесправный.

– Вы, правда, считаете, что это – наказание древних богов во имя спасения всего рода человеческого и не только? – Роми силится вспомнить имя того, кто задал вопрос, и ничего не выходит. Почему-то кажется, что это неправильно. Она должна его знать. А он, высокий, абсолютно лысый бледный мужчина, продолжает говорить. Желчно, зло: – Добрых богов? Потому, что Содружество не уничтожило нас, а подарило последний шанс. Заперев, как зверей? Что за своё легкомыслие, самоуверенность, за дерзкую попытку возвыситься и примерить личину Творца мы теперь должны вечность провести под землёй, размышляя над собственными ошибками? И после этого, злые боги – мы?

– Мы вообще не боги. Как и они, – тихо отвечает та, чьими глазами смотрит Роми. И она с изумлением узнаёт собствен-

ный голос. – Нам оставили пять планет. Мы угробили четыре из них. Залили водой Ауки, обеспечили вечный ледниковый период на Стивале, уничтожили всю растительность Атаны, после нас остался только песок на Тайко. Фахтэ вскоре отправится следом. Какой бог допустит подобное?

– Злой, – хмыкает кто-то из полумрака, Роми хочет развернуться, но не может. Этот голос она тоже знает. – У которого есть запасной план.

– У тебя есть запасной план, Самар? – первый мужчина подаётся вперёд.

– У меня всегда есть запасной план. Но цена вам не понравится.

– Надеюсь, ты не предложишь теперь уничтожить Эннеру.

– Перестань. Доа нам не угроза. Никому больше не угроза.

Но мы выживем, а они – нет.

Та, в чью память вклинилась Роми, делает шаг в сторону. Она нервничает. Ещё миг и Роми увидит размытое отражение в мутном жёлтом стекле окна. В последний момент картинка рассыпалась на миллион осколков: здесь, сейчас, в огромной пещере, полной светящихся артефактов, заключающих в себе чужую память, Ромиль Эннавара в ужасе отдернула руку. Она не хотела видеть дальше. Она боялась вспоминать.

Шар послушно повторил её движения – отлетел обратно, огонёк на миг засветился ярче. На секунду, не больше, как раз тогда, когда Роми вскрикнула, наступив на что-то острое.

Пол окрасился жёлтой кровью, показавшейся невероятно насыщенной на белом камне. Роми вернулась в коридор, села, привалившись спиной к стене, осторожно вынула из босой пятки несколько прозрачных тонких осколков. Порез был глубоким.

Роми посидела немного, потом высунулась на уступ.

На самом краю поблескивало стекло. Разбился от прикосновения? Нет. Шар висел совсем рядом, словно сообщая – передумаешь, вот он я. Желаеть узнать всё? Думала, что жизнь уже перевернулась? Поверь, это только начало.

Роми верила, но не хотела больше ничего слышать. Не оглядываясь, запрещая себе сомневаться, она нащупала Путь в Замок.

Глава 22. Бал

Сильный порыв пронизывающего до костей ветра настойчиво подтолкнул вперёд, напоминая, зачем она пришла на набережную. Мира зябко поёжилась, кутаясь в шаль, шагнула к мраморной ограде. Остановилась, оглядываясь на замок.

На фоне ночного неба каменный красавец, сверкающий серыми гранитными плитами в призрачном голубом свете луны, поражал величием и мощью. Чем-то даже напоминал Тмиор, хотя по размерам едва ли претендовал на сотую часть замка атради.

Мира ловко перелезла на крохотный выступ скалы. Стянула шаль, разжала пальцы. Ветер тут же подхватил, унося прочь, нагло лизнул оголённые плечи. Лунный свет, будто не решаясь соперничать, замешкался, но уже через мгновение по венам побежало знакомое питательное тепло. Мира без страха глянула вниз. Там, у подножия высокого утёса, шумел прилив, пряча под толщами холодной воды скалистый берег. Интересно, если шагнуть вперёд, как долго она сможет блокировать способности? Получится ли не поддаться сильнейшему из всех инстинктов, заложенных в неё – самосохранению? Как быстро она воспользуется даром восстановиться и залечить собственные раны, если всё же не разобьётся насмерть? Или всё-таки сумеет проявить достаточно воли и

закончить то, что должно было случиться ещё в небе Миера, не вмешайся тогда Ллэр?

Ответ знала и так – не сможет. Пусть ни разу по-настоящему не пробовала, хотя часто вспоминала Алэя и не раз мысленно проигрывала, как срывается, камнем летит на скалы. И каждый раз убеждалась – её желание жить сильнее.

...Первое понятное ощущение – прохлада. Не такая, когда в распахнутое настежь окно дует свежий ветерок, а равномерная прохлада хорошо кондиционируемого помещения. Дышалось легко – и это всё, что волновало в первые секунды.

Потом Миера открыла глаза и увидела высокий ровный белый потолок со множеством точек-лампочек, выключенных сейчас. Слева всю стену занимало стекло, за которым клубился густой дым, завораживающе, неспешно завивался в узлы, чуть бледнел, наливался серым, шёл чёрно-белыми мраморными узорами. Некоторое время Миера бездумно лежала на боку, наблюдая за хороводами на стекле. Затем снова откинулась на спину и тогда увидела, что рядом с ней сладко посапывал Ллэр.

Надо же... Она была уверена, что у атради как минимум чуткий сон. Или что они вообще не спят, а если спят, то понарошку. Как с едой, когда на самом деле в пище нет необходимости.

Не удержавшись, Миера ласково провела по его щеке ладонью. Ллэр пошевелился, открыл один глаз, прищурился.

– Я всё слышу, – он лениво приподнял голову и снова уро-

нил на подушку. – Ты права, сон нам не нужен, но от некоторых привычек не избавиться никогда. Как ты себя чувствуешь?

– Живой, – Мира перевернулась к нему лицом и закуталась в мягкое одеяло. Оказалось, оно не одно – у Ллэра было своё. – Где мы?

– Мы у меня дома. Не в Тмиоре.

– Что случилось?

Он тоже перевернулся на бок, нежно убрал за её ухо прядь волос.

– Ты ничего не помнишь?

– Ну, не совсем ничего, – прошептала она, наслаждаясь лаской. Закрыла глаза, пробормотала с улыбкой: – Помню, как ты подхватил меня на руки, назвал котёнком. Потом был красный потолок и голос Таль. Это она меня вылечила?

– Ты всё сделала сама. Ты поразительно сильная.

Он рассказывал – верилось с трудом. Самоисцеление, так разве бывает? О таком Мира никогда не слышала. Такое даже после всего пережитого казалось абсолютно нереальным. И тем не менее по словам Ллэра она сумела направить свою же энергию на себя, заставив вирус отступить. Навсегда ли? Об этом сейчас не хотелось думать.

– Ко мне должна прилагаться инструкция с перечнем возможностей и обязательными правилами эксплуатации, – рассмеелась Мира. – Мне повезло, что ты нашёл правильную кнопку.

– Таких, как ты, не было, нет и вряд ли появятся. Но инструкцию потомкам на всякий случай составить надо, – Лэр подобрался ближе, взял её за руку, потянул к себе. – Уверен, та кнопка была не последняя ненайденная.

Мира послушно юркнула под его одеяло.

– Хочешь поискать другие?

– Хочу поискать, – шепнул он, поцеловал её плечо, чуть отстранился, по-деловому подцепил мизинцем кружевную бретельку ночной рубашки, – и поищу. Прямо сейчас. Если, конечно, не получу за это в глаз.

– Зависит, как ты собираешься искать.

– Не отвлекаясь на разговоры.

Она обхватила его за шею, целуя:

– Я не слишком признательна за спасение?

Лэр ловко перевернул её на спину, и теперь уже он склонился над ней. Отрывисто поцеловал:

– Слишком – не бывает, – снова поймал губами её губы, не дав ответить. – Ты правда сама себя спасла. Я только зудел над ухом.

– И что же ты зудел?

– Всякое. Я могу быть очень красноречивым, – ухмыльнулся он. – Не надейся, что поделюсь секретом. Вдруг мне ещё пригодится этот трюк. Эффект неожиданности и всё такое.

Мира лукаво прищурилась:

– Эффект неожиданности? Например, такой?

Ллэр вместе с одеялом взмыл под потолок.

Он рассмеялся, исчез и раньше, чем одеяло упало обратно, появился слева от Миры, лежа на боку и опустив голову на согнутый локоть:

– У меня тоже есть несколько трюков.

– Хочу увидеть все.

– Все?

Мира кивнула.

– Значит, будут тебе все.

Ллэр уселся сверху, поднимая её руки над головой и снова целуя.

– Почему ты меня не бросил там?

– Там?..

– В лесу.

Ллэр удивился.

– А ты думала, брошу?

– Ты же не знал, что случилось, и мог подумать, что я...

Ведь я же... – Мира замялась.

Может, не стоило заводить этот разговор прямо сейчас. Или вообще никогда не стоило, но промолчать не вышло. Казалось важным обсудить, что произошло в Тмиоре, до того, как они займутся любовью.

– Убила Самара, – закончил за неё Ллэр. – По крайней мере, это один из вариантов. Ещё есть, как минимум, наши ониксовые друзья, – он лёг на кровать, привлёк Миру к себе, крепко обнял. Мне нужно знать... нужно понимать, что

произошло. Это действительно важно. Но это никак не влияет на нас... Я бы не оставил тебя, я... я же обещал тебе, что не позволю погибнуть.

Они помолчали.

– Когда я перенеслась на скалу в Бэаре и увидела Тени, я тоже начала задыхаться. А потом... как будто во мне ожил кто-то ещё. Как будто там была я и ещё одна я. И всё прошло, я снова дышала, как обычно. У тебя так бывает?

Она приподнялась, чтобы видеть его лицо.

– Нет, – Ллэр покачал головой. – Это ваше, наверное. Штучки доа. Или переходное. Твоё второе я, которое защищает и делает тебя сильнее. Помнишь, что ты сделала?

– Помню, но не знаю, как. Та, вторая... это она справилась с Тенями, подчинила их, – запинаясь, попыталась объяснить Мира: – Видимо, они каким-то образом забрались в меня. Я ничего не чувствовала... такого... странного, в смысле. Только позже, когда случайно перенеслась к твоему отцу... к Алёю в комнату, ужасно разозлилась на него и полностью потеряла контроль. Не понимала, что творю. Мне чудилось, что хочу его убить, а вместо этого...

– Я испугался, что ты забрала себе его рак, – неожиданно сказал Ллэр и уставился в потолок. – Помнишь, что было потом?

– Частично. Я начала задыхаться, попыталась перенестись подальше, на пляж, где ты меня нашёл, но почему-то попала в дом к этому... Самару. И тогда Тени вышли наружу. Наде-

юсь, они убили его, а не я... – Мира осеклась. Какая разница, кто убил, ведь именно она привела их в Тмиор, а значит, пусть косвенно, но виновата. – Они и вас тоже хотели?..

– Нет, – перебил Ллэр, встречаясь с ней взглядом. – Нам они устроили шоу с частичной сменой времён года, но без рукоприкладства. Потом рассыпались. Кажется, навечно, – Ллэр замолчал, словно раздумывая, продолжать или нет.

– Кажется или?.. – насторожилась она, прислушиваясь к ощущениям.

– Доказательств у меня сейчас нет. Но полагаю, что мы попрощались навсегда. Во всяком случае с конкретно этими товарищами.

– Думаешь, есть другие?

– Уверен.

Мира брезгливо поморщилась.

– Не то что бы у меня паранойя, но мне абсолютно не нравится быть переносчиком этой заразы.

– Эй, – Ллэр нежно чмокнул в лоб, – ты не переносчик. Ни в коем случае. А если некоторые мои догадки верны, ты, скорее, переносчик лекарства.

– Лекарства от вечности? – Мира придвинулась ближе, уткнувшись лицом в его плечо.

– Это только предположение. Думаю, скоро Тмиор изменится. Он уже меняется. – Ллэр водил кончиками пальцев по её спине. – Они ещё не замечают или как всегда не придают значения, уверенные, что им ничего не грозит. Однако рано

или поздно не смогут больше игнорировать то, что происходит. Им наверняка не понравится, – он громко хмыкнул. – А может, я слишком много на себя беру. Может, они решат, что мне надо снести башку. Но это всё равно лучше, чем ничего. Чем так, как сейчас.

– Они это Роми и Алэй?

– Все остальные атради.

– Они могут прийти сюда? – Мира неожиданно для себя испугалась.

Ллэр рассмеялся.

– Страшно?

– Можешь смеяться, но... – на полном серьёзе ответила она, села. Пожалуй, впервые чётко осознала: таких, как она, не просто не было и не будет. Таких, как она, и быть не должно. – Роми же не станет молчать, расскажет им про меня. А потом...

– Не паникуй.

– Я не паникую. Я... я жить хочу. Не вечно, но долго.

– Будешь, – заверил он. – Вот увидишь.

– Ага. Скажи ещё, что останешься со мно... – Мира не договорила, потому что «навсегда» прозвучало бы сейчас так же обречённо, как и «никогда».

Какое-то время Ллэр молча изучал потолок, потом тоже сел. Заговорил, взяв её за руки и глядя перед собой:

– Послушай. Этот мир, эта квартира – о них знают единицы. Ромиль. Алэй. Ещё один атради, мой друг. Когда-нибудь

я вас познакомлю. Здесь безопасно. Можешь оставаться, сколько захочешь. Хотя после розово-голубого благолепия Актариона Давинар выглядит постиндустриальным адом. Но дом защищён, никакие «они» не смогут ввалиться без предупреждения, всегда будут нужные секунды, чтобы удрать. Таль оставила тебя в покое. Ты вроде бы справились с вирусом. А твою метку совсем не просто отследить тем, кто не имел с тобой дела. Я... – он осёкся, посмотрел Мире в глаза. – Я не хочу, чтобы ты лезла во всё, что случится дальше. Останешься в стороне – будешь жить долго. Пойдёшь за мной следом, я тебя погублю, а потом... никогда себе... – Ллэр отвернулся.

Мира опешила, потом разозлилась.

– Давай договоримся, что ты не будешь решать, куда мне лезть, а куда – нет.

– Зря хорохоришься. Ты когда-нибудь своими действиями уничтожала целый мир?

– Вот давай только без нравоучений тысячелетнего, умудрённого бесценным житейским опытом, – Мира обиженно поджала губы. – Хочешь, чтобы я ушла, так и скажи.

– Да нет у меня никакого тысячелетнего опыта! Мне и семисот ещё нет... – Ллэр неожиданно подался вперёд, обхватил её лицо ладонями, прижался лбом ко лбу, прошептал: – Я не хочу, чтобы ты уходила. Я хочу, чтобы ты жила. Понимаешь? Чтобы любила меня, а не возненавидела.

– Я на твоей стороне, – также шёпотом ответила Мира. –

Всегда.

Мире нравилось смотреть на ночное небо. Необъятное, усыпанное мерцающими звёздами, далёкое и близкое одновременно, оно всегда притягивало взгляд, манило неизведанными Вселенными, вынуждая тело замирать, а сердце биться быстрее.

Невозможное стало возможным. Расстояние потеряло смысл – всё рядом, всё близко, всё доступно. Ну или почти всё. Стоило на миг сосредоточиться, как антрацитовый небосвод превращался в голографическую карту: открывал входы в Надпространство, рассыпался бесчисленными порталами, указывал Пути. И только причудливый рисунок созвездий отличался, на каждой планете – свой неповторимый узор. Уникальный, как энергетический след.

Мира невольно улыбнулась. Раньше она сравнила бы его с отпечатками пальцев, теперь...

Теперь всё иначе. Теперь она – доа.

Мира приняла себя, многому научилась, почти привыкла. Новые возможности не изменили сути, лишь масштабы. Раньше она бесцельно скиталась по Миеру, сейчас – по Вселенным, такая же неприкаянная. Могла остаться в Давинаре у Ллэра, но предпочла уйти в никуда.

Родной Актарион закрыт навсегда. В их последнюю встречу Таль чётко дала понять: появляться там не стоит. Мира не держала на неё зла – так действительно будет лучше для всех – и даже испытывала нечто похожее на благодарность. Ведь

Таль подарила ей способности и вторую жизнь. Остальное – уже история.

Тмиор до сих пор внушал необъяснимый ужас. От одной мысли оказаться там опять начиналась настоящая паника, причины которой Мира не могла понять, потому с желанием держаться подальше от странного мира атради даже не пыталась бороться. Пусть это означало почти не видеться с Ллэром.

В уютный Бэар, наоборот, хотелось возвращаться снова и снова. Может быть, однажды там поселиться. Пусть не навсегда, пусть на какое-то время. Пока она не решалась. В основном из-за Адана, хотя он уверял, что будет только рад, поможет устроиться. Мира не верила. Чувствовала – её присутствие напоминает ему о том, что он явно пытается забыть.

Скорее всего, им следовало откровенно поговорить. Только Адан не спешил начинать беседу, а Мира боялась: вдруг именно она возглавляет список тех, кого он не желал помнить. Можно опасаться, догадываться, подозревать, но услышать подтверждение было бы слишком тяжело. Ведь от прочной связи между их биополями так легко не отмахнуться. Где бы ни находились, они постоянно ощущали друг друга, пусть со временем научились почти не замечать присутствие. Полностью его блокировать не получалось, а в пределах одного мира связь возрастала, становилась обузой. Это не Таль с Роми, которых можно было выкинуть из головы, сделав вид, что их больше не существует и не существовало

никогда, как и всего остального, например, Теней.

Сейфан приглянулся ей сразу – приветливый мир, где жители не догадывались о техническом прогрессе. Новейшим изобретением уже несколько лет считалась колесница, запряженная парой смешных, но выносливых животных. Мужчины носили наглухо закрытые тёмные костюмы и высокие шляпы, а женщины прятали ноги под длинный подол разноцветного платья, выставляя напоказ грудь и руки, украшенные браслетами, ожерельями, кольцами и бусами из драгоценных камней. Сейфанцы понятия не имели о водопроводе и электричестве, пользовались бумагой, свечами и простейшими механизмами. И были счастливы. По крайней мере, так выглядели.

В Сейфане почти не светило солнце, дни были короткие и дождливые, зато ночи – длинные и лунные. Здесь получилось задержаться дольше, чем в других местах. Здесь она почти не чувствовала себя гостьей.

Дома у Ллэра было иначе. Некрасивый мир, казалось, создан, чтобы прощаться и забывать. Тяжёлый воздух, раскалённый асфальт, жёлтые круги по краям луж после грозы, многоярусные автострады, высоченные однообразные здания. Бетон, стекло, металл. Мира догадывалась, почему Ллэр не остаётся в Тмиоре надолго, но так и не смогла понять, зачем он выбрал для жизни мрачный Давинар, когда доступны сотни более привлекательных.

Пора было возвращаться.

Мира перенеслась обратно в тронный зал, поправила длинное платье из фиолетового бархата с ярко-зелёными треугольными вставками. Внимательно огляделась, почти сразу нашла взглядом Эйтана. Он по-прежнему увлечённо беседовал в окружении нескольких пожилых мужчин в малой гостиной, легко просматривающейся через анфиладу распахнутых настежь позолоченных дверей.

Эйлин, его младшая сестра, как и положено гостеприимной хозяйке бала, неспешно обходила многочисленных приглашённых, о чём-то перешёптывалась с разодетыми девицами, одаривала восхищёнными взглядами дам в возрасте, приветливо, но сдержанно кивала их мужьям, кокетливо улыбалась молодым кавалерам. Высокая тоненькая фигурка, как мотылёк, без устали порхала по паркету, исчезала в одном конце огромного зала, чтобы через пару минут появиться в противоположном.

Мира познакомилась с ними пару месяцев назад, когда впервые перенеслась в Сейфан. По воле случая оказалась в нужном месте в нужное время – Эйлин оступилась на скользкой мостовой и, упав на спину, ударилась затылком о булыжник практически у неё на глазах. Мира бросилась на помощь и только потом осознала, что их могли увидеть и по-своему растолковать её нехитрые манипуляция с лунным светом. Прецеденты бывали – в неразвитых мирах отношение к способностям лавировало между проклятьем, табу и ма-

гическим действием, внушающим ужас и зависть. Реакция и последствия могли быть разными, но обычно не сулили ничего хорошего. Однажды её даже потащили на главную площадь, чтобы сжечь на огромном костре. Поначалу всё казалось увлекательной игрой, позже пришло ощущение опасности. Мира спаслась в последний момент, когда горячие языки пламени вовсю щекотали пятки. Тогда зареклась переноситься в подобные Вселенные, а уже через день забыла об этом и продолжила путешествовать именно по таким, потому что развитые миры вселяли тоску, напоминая Актарион или Бэар.

На этот раз повезло. Темнота и морозящий дождь спасли от нечаянных свидетелей. Эйлин даже не пришлось подчищать память. Она ничего не поняла, лишь благодарила, восторженно повторяя, что Миру послал ангел-хранитель, когда к ним подоспел встревоженный Эйтан. Бледный красавец с такими же как у сестры рыжими глазами искренне радовался, что с Эйлин ничего не случилось и не задавал вопросов. Оба, не задумываясь, поверили в придуманную легенду и пригласили погостить у них. Если Мира и сомневалась, то громадный замок на утёсе, оказавшийся родовым гнездом богатых сиблингов, решил всё.

С тех пор она почти постоянно торчала там, изредка совершая вылазки в другие миры. Такая жизнь устраивала, позволяя делать то, что нравилось, не обременяя себя жилищными проблемами.

Мира вернулась вовремя – начинались танцы. Ей нравились и живая музыка, и вычурные па, и магия кружащих по залу пар. А ещё – копировать незнакомый многообразный язык движений, впитывать в себя мысли и чувства очередного партнера. От них не было отбоя. Вот и сейчас чьи-то сильные руки подхватили, закружили в танце.

– Привет, – просто сказал Ллэр.

На понимание, кто перед ней, ушло несколько секунд. Мира бросила опасливый взгляд по сторонам – на них никто не обращал внимания, снова посмотрела на Ллэра. Белая рубашка ещё могла вписаться в местную моду, но чёрные джинсы – вряд ли.

– Ты...

– Я. Не волнуйся, – как ни в чём ни бывало улыбнулся он. Сжал её пальцы крепче. – Им плевать, они нас не видят. Помнишь, как было в Миере на вашем чудном розовом газоне?

– Уже не моём, – ухмыльнулась Мира. – Твоя гениальная Таль выставила меня из Актариона, помнишь?

– Хочешь обратно? – он лукаво подмигнул. – Я могу устроить.

Она плотнее прижалась, сцепив пальцы в замок на его шее.

– Мне и в Сейфане неплохо.

– Я заметил, – Ллэр улыбнулся. – Потрясающе выглядишь.

Мира смутилась от искреннего комплимента, поспешила сменить тему.

– Зачем ты здесь?

Его руки скользнули с талии на её бедра. Он наклонился, мягко поцеловал в губы, крепче обнял. Шепнул:

– Если скажу, что ужасно соскучился, согласишься?

По глазам Ллэра было видно, что это действительно так. А ещё там была усталость. Не та, что раньше, когда утомляла вечная жизнь, а иная: когда полно проблем, нужно куда-то спешить, что-то делать, с чем-то разбираться.

***

В её комнате горели свечи. Немного – в самом углу, на высокой гранитной подставке, выхватывая из полумрака очертания огромной кровати. Остальные потухли, пропитав воздух сладковатой горечью.

– У тебя что-то случилось, поэтому ты пришёл, – Мира на мгновение задержалась, прижимаясь к Ллэру и удерживая в ладонях его холодные пальцы. Потом отступила назад, обвела комнату широким жестом, приглашая располагаться там, где захочет. – Чем я могу помочь?

– Я идиот. Поможешь с этим?

– Попробую.

Ллэр выбрал нишу у окна, но сел не сразу. Некоторое время стоял, глядя вдаль. Потом всё же опустился на широкий выступ, поманил её к себе.

Мира послушно приблизилась, опустилась на его колени,

обняла за шею. Нежно поцеловала в макушку, вдыхая родной запах. Она тоже ужасно соскучилась, но произносить вслух не стала – Ллэр знал без слов.

– Всё... меняется, – тихо заговорил он. – А атради не верят, что это конец. Не хотят верить. Замок развернулся, утратил многомерность, поломал к чертям половину леса, а они всё равно отказываются признавать очевидное.

– Конец? – Мира удивлённо вскинула брови. – Таль нашла лекарство от вечности?

– Не в Таль дело. – Ллэр вздохнул. – Понимаешь, я ведь хотел измениться сам. Хотел вернуть себе и другим выбор. Хотел отдать долг, – он смотрел мимо неё: в темноту, будто мог там что-то увидеть. А может, и мог. – Знаешь, на что меня в своё время поймала Роми?

Мира не знала.

– Мой отец умер до моего рождения, и мне его чертовски не хватало. А потом пришла Роми и... Безграничные возможности с вечной жизнью шли бонусом. Алэй не знал о моём существовании. Роми не рассказывала ему до последнего. Запретила мне. Ждала, пока я изменюсь. Боялась, что не выйдет, ведь такого никогда не было – чтобы кровные родственники обладали равным даром. Переживала, что тогда отец не выкарабкается, что потеряет его. Она, наверное, никогда ни за кого так не боялась, как за него, – Ллэр усмехнулся. – И я не знаю, хватило ли у неё смелости посчитать. У меня – хватило. Алэй был там. Дома. С моей матерью. Спу-

стя день после похорон и за день или два до того, как в его ДНК не осталось ничего человеческого.

– Почему-то меня это не удивляет? – хмыкнула Мира, вспоминая красивую девушку из памяти Роми. Илара, точно. Значит, она и есть мать Ллэра. – Вы с ним говорили... после того, как я его вылечила?

– О тебе?

Она мотнула головой, хотя Ллэр по-прежнему не смотрел на неё:

– О том, как Алэй собирается жить дальше... вечно.

– А он не собирается жить вечно. Он как раз в курсе, чем происходящее грозит атради.

Мира вздохнула, размышляя, стоит ли произносить вслух, что она на самом деле думает про его отца и о том, какой выбор он сделал, как сделал. Не потому что опасалась реакции Ллэра. Просто не была уверена, нужно ли ему это сейчас. Казалось, он хочет выговориться, а не выслушивать её мнение по каждому пункту. В конце концов, что она понимает? У неё никогда не было семьи и родных, ей не пришлось делать выбор между вечной жизнью и смертью, за неё всё решило другие.

– Не мне его судить.

– Не тебе. Но ты судишь, – Ллэр засмеялся и крепче обнял. – Я тот, кто я есть, потому что тогда всё сложилось именно так. У меня было чудесное детство. До тринадцати лет я, вообще, вёл себя, как избалованная маменькина сво-

лочь. Смерть отца неожиданно принесла успех его последней книге. Моя семья и раньше не испытывала стеснения в средствах, но к моему рождению пришёл именно успех. Невероятный. Я ни в чём не знал отказа. Мог делать, что хочу, как хочу и где хочу. Алэй лучше меня. Когда-нибудь ты это поймёшь. Я никогда его не винил.

– Я тоже его не виню. Просто считаю, что он виноват, – улыбнулась Мира. – Так что у вас там стряслось?

– У нас там... – Ллэр, не выпуская её, устроился поудобнее. – Тмиор возвращает себе естественное состояние. Море Истока беснуется, солнце идёт пятнами, воздух становится ледяным, потом раскаляется и снова промерзает. Очень похоже на агонию, а значит, скоро сдохнет.

– Что ты имеешь в виду?

– Тмиор – искусственный мир. Точнее, изменённый для того, чтобы атради могли там жить. Лесные просторы вокруг, многомерный замок и всё остальное не возникли сами по себе. Не спрашивай меня, как и откуда. Я не знаю. Может быть, если бы знал, смог бы починить, – усмехнулся Ллэр. – Ломать – не строить.

Мира нахмурилась.

– Атради больше не смогут жить в Тмиоре?

– Именно. Но и без Тмиора не смогут. Нам останется или перестать быть атради, что пока невозможно, или найти другой источник питательной энергии вместо солнца Тмиора, что тоже вряд ли исполнимо.

– Таль знает, что делать?

– Пытается узнать. Ей нравится мысль получить несколько тысяч атради для опытов. Но пока у неё есть только я. Если она ошибётся, я могу подохнуть гораздо раньше, чем хотел бы.

Мира растерялась. Замерла, вцепившись в плечи Ллэра, сбивчиво зашептала:

– Ты... ты не можешь умереть. Я не хочу... не надо.

– Я тоже не спешу умирать. Смертность и уязвимость в Тмиоре теперь не лучший выбор. Я – идиот, но не... – наверное, он хотел сказать «самоубийца», но прозвучало бы двусмысленно. – В общем, я хотел попросить. Будешь рядом, если я всё-таки сделаю большую глупость?

– Конечно, буду. Буду, но не хочу быть последним утешением, если... когда...

Мира вскочила, несколько раз нервно прошлась от окна к двери и обратно, понимая свою беспомощность и одновременно не желая её признавать. Остановилась, глядя на Ллэра. Она ни за что не позволит ему умереть, пусть ещё не знает, каким образом. Она найдёт выход. Они найдут его вместе.

– Эль, помнишь, ты просил, чтобы я не вмешивалась в твои дела? Я послушалась. Ушла, не мешала, терпеливо ждала. Но больше не собираюсь, ясно? Ты слишком мне дорог, чтобы пассивно наблюдать, не ошибётся ли Таль с лекарством, если вообще собирается его искать.

Глава 23. Доани

Оказалось, в замке есть спортзал. Напичканный всем, чем только можно, из каких угодно миров. В одном из боковых тренировочных помещений даже была установлена проекционная спарринг-система тирканов, единственной расы, устройства которой не требовали для работы электричества, а потому могли функционировать в Тмиоре. Бассейн имел несколько режимов, позволяя не только наматывать круги, но и устроить плавание с препятствиями.

Роми знала, что найдёт Алэя именно там.

Она старалась незаметно проскользнуть внутрь, хотя понимала, что он всё равно увидит и собьётся с ритма. Его друг, взявшийся помогать Алэю полноценно встать на ноги, говорил, что помехи – это даже хорошо, помогает развивать концентрацию и умение отсекал ненужное, поэтому попросил её приходить каждый раз в новое время, иногда – не одной, иногда – не приходить вовсе. Сбивать с толку, злить, мешать... Мол, Алэй не новичок, пусть не расслабляется. А ей нравилось наблюдать за его тренировками, да и ошибался он не так уж часто, чтобы её присутствие действительно могло помешать.

Сегодня она пришла раньше обычного. Из-за двери доносился звон стали – фехтование тоже было частью программы восстановления.

– Вы оба рехнулись?! – Роми застыла от неожиданности. Наверное, закричала очень громко, потому что они мгновенно остановились, опустили клинки. Она тут же оказалась рядом. – У вас мозги набекрень? Что это?

Неуязвимым атради не было необходимости использовать защитное снаряжение, порезы никого не беспокоили, шрамы не оставались, риска смерти или даже более-менее серьёзной травмы не существовало, но раньше Роми никогда не видела, чтобы они шли друг на друга с боевым оружием.

– Мы полностью себя контролировали, – сказал Алэй.

Его рубашка в нескольких местах была порвана и пропиталась кровью, его друг выглядел не лучше.

– Ага, я вижу.

– Согласись, поединок получился шикарный! – Алэй довольно ухмыльнулся.

– Я не... – Роми шумно выпустила воздух, потом несколько раз раскрыла и закрыла рот.

Она не могла понять, что именно её так напугало, а потом – разозлило. Ведь они в безопасности. Атради мог пострадать, только если в нём почти не осталось энергии, а эти два красавца были, как сытые коты, обожравшиеся сметаны. Никакой объективной угрозы. Мира поставила Алэя на ноги, над болью в отвыкших мышцах он работал. А финал «танца со шпагами» подтверждал, что справлялся Алэй отлично. Былая лёгкость и кошачья грация вернулись почти полностью, ну а раны... Не страшно, заживут. И всё-таки Роми

была в ярости.

– Вы степень шикарности по лужам крови устанавливаете? Теперь я понимаю, почему ты просил меня не приходить на тренировки! Ты хочешь... ты...

– Нет, – Алэй не дал ей договорить. Но она и не смогла бы сказать этого вслух: на миг испугалась, что настроение у него не хорошее, а истеричное, и за этим скрывается желание ещё раз попробовать со всем покончить. – Приятно контролировать своё тело. Приятно ощущать силу. А фехтование, – шпага со свистом рассекла воздух, – мне всегда нравилось.

– Сегодня у меня нет на это времени... – Роми и не думала успокаиваться. Раздражённо вскинула руки и зашагала прочь.

– Рэм, стой! Чёрт, поддержи. – Звякнул металл, наверное, Алэй всучил шпагу другу. – Рэм! – Он догнал её уже в коридоре. Поймал за плечи, заставил остановиться и обернуться. – Ну что ты?

– Ну что я?! Ну что вы! Вы двое... вы как дети!

– Ага, – просто ответил он, улыбаясь.

– У вас в голове ветер.

– Ага. Всегда ты была ветром, теперь мой черед. И это здорово, это очень... живое ощущение. Светлое.

– Светлое... – передразнила она. – Алэй, ты же знаешь. Вечной жизни скоро не будет. А без неё не будет неуязвимости. Всё это – временное. Ещё день, два, месяц – и всё. Может, час! Ты сегодня себя изрежешь, развлекаясь, а завтра не

сможешь залечить раны! И...

– Ты права.

– Что?..

– О, меня услышали! – он взял её за руки, сжал ладони. Посмотрел в глаза. – Ты права, я как ребёнок. Как заново родился. Мир кажется другим, и я ношусь по нему беспечным ветерком. Не знаю, что со мной сделала Мира, но... Я верю, что она не просто починила мой позвоночник. Она убила остатки рака, который продолжал меня травить все эти семьсот лет. И я страшный эгоист, да. Но я рад, что Тмиору наступает конец. Что нам придётся вывернуть себя наизнанку. Что мне понадобится пластырь или даже визит к врачу, если я поранюсь. И что, может быть, останется шрам.

– Думаешь, будет так просто? Посмотри! – Роми вырвалась, махнула на пейзаж за огромным окном. – Идёт дождь, Алэй. Дождь! Уже целую неделю. Да, облака не мешают солнцу, но... Если... когда Тмиору наступит конец – мы погибнем. Нам некуда идти. Не у кого просить помощи. Содружества, которое заперло нас здесь, уже тысячелетия как не существует. Пусть у нас получилось пережить их, но они добились главного – мы всё равно погибнем.

– Необязательно. Мы можем вернуться домой.

– Эннера не примет атради.

– Неправда. Нас может не принять Бэар, но он лишь мегаполис под куполом. Остальная планета пуста. Её солнце даст нам энергию, пока мы ищем постоянное решение.

Они не первый раз заговаривали об этом. Алэй, который никогда не считал себя атради, теперь говорил «мы». И от этого Роми становилось тепло. Она начинала верить, что всё ещё может получиться, что у них есть выход. И перестала злиться на порезы.

Алэй был с ней в пещере, полной светящихся шаров, когда Роми решила туда вернуться. Потом она ему всё рассказала. С самого начала. С того, что ещё совсем недавно не помнила.

Она боялась, что правда испугает его, отвернёт. Ведь раньше Роми была абстрактно вечной, а теперь бесконечная жизнь превратилась в цифры. Но Алэй сказал, что не имеет значения ни древняя вина, ни старые ошибки. Есть только мир, который рушится, и есть будущее, которое необходимо создать. Есть задача, и она, Роми, не одна против упрямых идиотов, которые не хотят верить.

– Атради не пойдут. Зачем им голые просторы Эннеры, когда есть уютный Замок в Тмиоре? Мы не сможем их заставить.

– Когда запахнет жареным – побегут. Вот увидишь.

– А если – нет? А если не успеют? Мы должны уйти отсюда раньше, чем всё начнется. Но в это сложно поверить. Почти невозможно. Когда Мира оживила меня, я недолго верила в собственную смертность. Легко убедила себя, что просто была без сознания. А когда мы нашли Самара... Тогда... – Роми покачала головой. – У меня нет слов, которые убедят истинных. Я не лидер, никогда им не была. Я просто несу в

себе память Кайи Эннавара. Это она была одной из тех, кто стоял у истоков. Я же просто...

– Ты – её дочь, и это уже не «просто». А ещё у тебя есть я.

– Ты тоже не лидер.

– Уверена? – Алэй усмехнулся. Странно усмехнулся, неожиданно серьёзно. Она никогда не видела такого выражения у него в глазах. Желание ляпнуть, что он не из истинных, моментально исчезло. Лёгкий ветер может набрать силы и задавать курс. – У тебя ещё есть Ллэр, где бы он ни шатался.

– Да, но... Если истинные мне поверят, они объявят его виновным в сегодняшних бедах Тмиора. Он привёл сюда Миру, из-за него здесь оказались Тени, убившие Самара и сломавшие печати на пещере.

– Им будет нужен крайний. Как всегда. Мы все – слишком люди. И...

– И крайней станет Мира, – закончила за него Роми. – Думаешь, Ллэр знает, где она?

Алэй многозначительно хмыкнул.

– Ты прав. Если кто-то и знает... – вздохнула Роми. – Ты говорил с ним?

Алэй едва заметно качнул головой.

– Давно.

– Вы должны постараться.

Он отвернулся к окну.

– Мира сказала мне, что я его не люблю. Не прямо так, но... смысл был такой. Ты же знаешь, что это неправда?

Роми нашла его руку, сжала ладонь. Она знала. Ллэр тоже знал.

– Можно я тебя испачкаю? – неожиданно спросил Алэй.

– Что?

– Вымажу в собственной крови, – он засмеялся, ничего больше не объясняя. Не дожидаясь ответа, привлёк Роми к себе, крепко обнял. – Вот так, – прижался щекой к её волосам. – Теперь они тебя испугаются и наконец прочистят уши.

– Они?..

– Истинные. Те, к кому ты сейчас пойдёшь. Ты же пойдёшь?

– Откуда ты...

– Я всё всегда знаю, это у Ллэра от меня.

Роми тихо засмеялась. Её действительно ждали те, с кем она решила поговорить наедине, и, если надо – за шкуру отволочь в пещеру и ткнуть носом в капсулы. Пусть вспомнят. Пусть поверят. Ведь завтра уже может быть поздно. Если Тмиор накроет огненным морем, возвращая ему прежний облик, кто знает, удастся ли добраться до воспоминаний тогда? Пещера герметична, но как поведёт себя Надпространство после всего?

Капсулы слушались только тех, кто их оставил. Каждому – своя. Это было объяснимо: память вставала на своё место, туда, где раньше была неосязаемая пустота. Кайя Эннаваро откуда-то знала – ей не пережить вторых метаморфоз, и завещала капсулу дочери. Поэтому Роми получила доступ и

к её воспоминаниям тоже. Додумался ли кто-нибудь из тех, кто погиб, до такого?.. Или их память так и останется в капсулах навсегда?

Последние дни всё время болела голова. Чужая память тяжело приживалась, затуманивая то, что когда-то случилось с самой Роми уже в этой жизни. Оставляла лишь опыт, умения, знания. Свои и теперь – чужие. И всё равно недостаточно, чтобы легко найти выход. Оставалось надеяться, что кто-то другой из истинных, кто был намного ближе Самару, чем её мать, в курсе, что именно он сделал. Не может же быть, чтобы Самар контролировал весь процесс и никому не раскрыл деталей. Нужно только прийти в пещеру и найти нужную капсулу.

Роми обязана заставить хотя бы кого-то из них пойти с ней.

– Испачкай сильнее, чтобы уж наверняка страху навести, – Роми запрокинула голову, встретилась с Алэем взглядом.

Он обхватил её лицо ладонями, мягко поцеловал. Она не знала, как так получилось, но когда всё завертелось с новой силой, как-то само собой вышло – то, что давно считалось сломанным, угасшим, вновь будоражило кровь. Нет, она никогда не переставала любить Алэя, но со временем чувство переросло в какую-то невероятную глубокую близость, почти родство, растеряв страсть и пыл, и даже просто желание прикоснуться. Теперь же...

Впрочем, ей было абсолютно плевать, почему и как.

Роми нехотя отстранилась.

– Вот, так ещё лучше. Красавица, – он щёлкнул её по носу.

– Пойду вселять страх.

– Ага.

– Иду.

– Иди.

– Выпусти, и сразу пойду.

Он отпустил левую руку, чтобы тут же перехватить правую.

– Так?

– Обе.

– Иди уже. – Когда она отошла на несколько шагов, снова окликнул: – Рэм!

Она обернулась, вопросительно смотрела на него.

– Хочешь, я схожу в Бэар ещё раз?

– Зачем?

– Осмотрюсь, – он засмеялся. – Найду Адана, поговорю с ним.

– О чём?

– О неожиданных гостях.

– Адан хотел вернуться к прошлой жизни. В ней он адвокат, а не спаситель цивилизации атради. Мы у него в печёнках сидим. Мы никому не нужны, и уж если придётся возвращаться, то, как ты верно говорил раньше, – за Сферу. На голые скалы, и никому в Бэаре не мешать.

– Я говорил. А ещё я говорил «может не принять». Ты не

знаешь наверняка и почему-то оттягиваешь момент.

Алэй был прав. Надо было сразу же сходить к Адану, спросить, рассказать. Но Роми не захотела. Боялась услышать в ответ – нет? Боялась, что первой реакцией Адана станет слинять от неприятностей, которые она олицетворяет, как уже было в пещере?

– Адан ведь просто адвокат, он ничего не решает за свой мир.

Да и я не решаю, хотела добавить. Лишний раз напомнить, что она никто в глазах остальных атради. За ней не пойдут.

– Зато он может рассказать, какая будет реакция у тех, кто решает.

– Он может не захотеть с тобой говорить.

– Моя гордость не пострадает. Тогда я просто осмотрюсь. Должен же я знать, где мы будем жить. Я даже кровь с себя смою, чтобы не пугать никого.

Роми шумно выдохнула, едва сдержала смех, такое было у него в этот момент лицо. Махнула рукой, соглашаясь.

– Я догоню тебя, как только вправлю мозги бывшей вер-хушке атради.

***

Адан со злостью пнул Сферу. Невидимая защита мягко спружинила удар, не позволяя ноге коснуться прозрачного и на первый взгляд хрупкого «стеклянного» купола. В ту же секунду послышался неприятный звук – дребезжащий, пугающий. Как будто рядом закоротили два оголённых провода.

Он уже знал – ещё одна попытка, и сработает следующий уровень защиты – его опять ударит электрическим током. Не сильно, но достаточно, чтобы отлететь на пару метров, а затем ощутить всю прелесть восприимчивой к электромагнитным волнам плоти и на несколько минут отказаться от желания приближаться к Сфере вообще.

Не навсегда. Боль постепенно утихала, мысли прояснялись, по жилам снова спокойно бежала кровь. И Адан раз за разом упрямо поднимался и шёл к куполу, чтобы всё опять повторилось в том же порядке.

Сейчас он не торопился. Поджав под себя босые ступни, сидел на тёмном прохладном песке, смотрел на отражающую лунный свет пластиковую сталь и пытался разобраться в собственных чувствах.

С тех пор, как закончилось окончательное превращение в доа, преобладал голод. Ни с чем не сравнимый энергетический голод. По ощущениям – в тысячи раз сильнее, чем ломка завязавшего наркомана. Когда-то в ранней юности Адан, как и большинство сверстников, испробовал на себе предложенный на вечеринке неизвестный наркотик забавы ради. Ему повезло чуть меньше – первым опытом оказался сильнодействующий опиат, вызывающий кроме потрясающих по размаху и красочности галлюцинаций ещё и сильнейшую зависимость. Понадобилось несколько месяцев на борьбу с собственным организмом, чтобы избавиться от пагубной привычки. Ему удалось, но память о пережитых му-

чениях осталась. Три месяца назад Адан убедился, какими ничтожными они были.

Сначала он не сразу понял, в чём дело. Способности сами по себе пошли на убыль. В какой-то момент практически не приходилось больше сдерживаться – Надпространство не открывалось, перемещение, чтение мыслей, телекинез и прочие фокусы давались с трудом, электроприборы не ломались, даже «присутствие» Миры исчезло. Адан обрадовался – наконец-то желание обрести прежнюю жизнь материализовалось, и почти получалось быть как все – обычным.

Но радоваться пришлось недолго. Через пару суток счёт перешёл на секунды. Адан метался озверевшим хищником по квартире, круша всё, что попадалось под руку. Тело болело так, что хотелось снять с себя кожу или сигануть вниз с балкона. В начале такая возможность просто нравилась, позже – казалась единственным выходом. Не соображая, Адан ринулся на стекло. Правда, выпасть из окна не получилось, зато удалось перенестись за Сферу, на знакомую уже скалу. Ту самую, куда вышвырнуло после первой встречи с Роми. Или другую, похожую – в тот момент было не до деталей.

А когда в глаза ударил яркий сиреневый свет луны, когда по жилам побежали колючие горячие волны, и мозг снова включился, Адан понял кое-что из того, о чём с момента трусливого возвращения в Бэар предпочитал не задумываться.

Главным образом, что голод, о котором предупреждала

Таль, не шутки. А ещё – что Сфера каким-то образом блокирует, не пропускает внутрь необходимое для доа ультрафиолетовое излучение.

Почему? Адан не знал. И сейчас, сидя внутри, в нескольких метрах от границы, где светящийся купол уходил в землю, ощущая понятный теперь уже голод, ломал голову над вопросом – кому и зачем понадобилось накрыть Бэар крышкой? Каково её настоящее предназначение? Что она делает с бэарцами в первую очередь: защищает или блокирует?

Кроме голода всегда присутствовала пустота. Даже не так, а огромными буквами. И в отличие от первого избавиться от неё не получалось даже на короткое мгновение. Она прочно и навечно поселилась в его душе. Не спасали ни работа, ни развлечения, ни вкусная еда, ни секс. Пустота умело пряталась за тонкой пеленой ежедневных горестей и радостей и с завидным постоянством напоминала о себе в самый неподходящий момент. И тогда, не в силах больше сопротивляться накатившей тоске, Адан предавался воспоминаниям. Снова и снова прокручивал в памяти два далёких дня, изменивших его жизнь навсегда.

Сейчас он бы ни за что не сбежал. Обязательно бы остался, не бросил Роми одну в светящемся подземелье, шагнул бы дальше, переступил ещё одну грань невозможного, даже если этот шаг означал гибель. Попытался бы разобраться, окунулся с головой в непонятное и неизведанное. Не ради атради и не ради Миры – ради себя.

А тогда пещера стала последней каплей. Не страх, не испуг, не плохое предчувствие – банальная усталость. Словно он долго, бесцельно играл в чужие игры по чужим правилам, которые ему навязали. Слишком много всего произошло, слишком быстро, слишком сразу. Не оставалось времени спокойно взвесить, задуматься, проанализировать, почувствовать – куда, зачем, почему. Постоянная опасность, спасение, новые проблемы, а с ними – и новые вопросы, ответы на которые требовали большего риска и порождали больше проблем. Грохнувшись на твёрдую землю, придя в себя от боли, захотелось только одного – домой. Отдышаться, смыть грязь и песок, и, если не случится чего-нибудь ещё, попытаться обо всём забыть.

Ничего не случилось. За ним никто не пришёл – ни Роми, ни Лэр, ни Тени. Только спустя несколько дней появилась Мира – живая, здоровая, немного печальная. И совсем другая, уверенная в себе, спокойная. Уже позже, в их следующую встречу, Адан понял, что изменилось – в Мире не осталось сомнений и пустоты. А его – только разрастались. Чем больше каждый новый прожитый день смахивал на прежнюю спокойную и привычную жизнь, тем острее он ощущал всю бессмысленность побега от себя и нелепых попыток забыть, не интересоваться, не пытаться узнать, кто он на самом деле и что означает всё, что успел увидеть.

Откуда-то появились неизвестные раньше одиночество, тоска, скука. Его всё чаще подмывало вернуться в Тмиор, в

ту пещеру, куда провалились с Роми, найти её, поговорить... Или бросить всё, присоединиться к Мире и, может быть, позаимствовать у неё лёгкость и непринужденность, с которой она воспринимала окружающий мир и новую себя.

Реже, но всё же мелькала мысль отправиться к Таль. На секунду верилось, что с её помощью у него получится заполнить сводящую с ума пустоту. Пусть на время. Потом казалось, что станет только хуже. Что на самом деле он должен найти свой собственный смысл бытия, свою цель, свой путь. Не находил и упрямо продолжал забывать, доводя себя до энергетического истощения в надежде, что на этот раз сможет противостоять голоду. Что стоит перетерпеть, кровь замолчит, пустота исчезнет, а жизнь заиграет привычными красками, когда обычные вещи и желания опять подарят вкус к жизни.

Не получалось, и тогда появлялась злость. На себя, на Таль, на Роми, даже на Миру. И на весь мир. Нет – на все миры сразу.

Сегодня он вымещал её на Сфере.

Адан решительно поднялся. Короткий миг, и он уже стоял с другой стороны купола. Лунный свет плотным коконом окутал обнажённое по пояс тело, голод заткнулся, кожа жадно впитывала энергию.

Может, если собрать достаточно сил, Сфера не будет такой неприступной?

Адан вытянул вперёд руку. Сконцентрировался, вбирая в

себя энергию и трансформируя её в светящийся шар, замахнулся. Замер, почувствовав чьё-то присутствие, резко обернулся. Перед ним в нескольких метрах застыл атради.

– Привет. Я же не помешал? – он не торопился подойти ближе и казался знакомым, словно они уже встречались или...

– Ты – Алэй? – догадался Адан.

Тот кивнул.

– А ты – Адан.

– Что-то слу... – он не договорил, пытаясь по выражению лица понять, что могло привести к нему отца Ллэра. Ничего конкретного на ум не приходило. – Я могу помочь?

– Сразу к делу, да? – усмехнулся Алэй. – Тогда я тоже, – он сунул руки в карманы джинсов, некоторое время молчал, глядя на свои ботинки, чуть покачиваясь с носка на пятку. Потом медленно заговорил, будто обдумывая каждое слово. – Этот мир когда-то был и домом атради. Очень давно. Возможно, у них не останется выбора. Как думаешь, отреагирует ваше правительство на появление сразу нескольких тысяч незваных гостей?

– Что? – Адан от удивления разжал кулак. Шар на мгновение вспыхнул ярче и исчез. – Каких гостей?

– Шумных, самоуверенных, высокомерных. Если Роми сможет убедить нескольких истинных атради не ждать конца света. Тмиору приходит конец, а солнце Эннеры очень близко по свойствам. Но они не... – Алэй вдруг улыбнулся. – Ты

же не создашь ещё один такой шарик и не запустишь им в меня, если я начну действовать на нервы?

– Давай по порядку, с самого начала, – Адан кивнул на песок, сел, согнув ноги в коленях. Демонстративно сунул руки в широкие карманы, как бы говоря, что Алэю ничего не грозит. – Что значит Тмиору приходит конец?

Тот устроился рядом.

– Ты ведь знаешь, что их планету видоизменили, чтобы она подходила для жизни атради?

– Ллэр что-то говорил... или Роми... или Таль... – неуверенно пробормотал Адан, рассмеялся. – Видимо, мои попытки стереть случившееся из памяти не прошли даром. Впрочем, я и раньше мало что понимал. С технической точки зрения. Если не ошибаюсь, ваше солнце особое, отравляющее кровь всем, кроме доа и атради, но вам дарит вечную жизнь со способностями. Благодаря ему Тмиор каким-то образом защищает и делает вас неуязвимыми. Хотя... – Он вспомнил разлетевшееся на пылинки тело Самара и внимательно посмотрел на Алэя. Интересно, отец Ллэра уже знает? – Не суть. Насколько я понимаю, с Тмиором происходит что-то не то. Так?

– Не то – мягко сказано. Раньше Тмиор назывался иначе. Это была вполне себе обычная планета. Фахтэ. Она-то и стала местом ссылки для всех доани.

– Кто такие доани?

– Новая раса или, скорее, промежуточный энергетически

нестабильный этап между доа и атради. Роми, Самар и многие другие. Теперь они называют себя истинными атради, потому что были первыми, кто в них превратился. Но перед этим успели наворотить дел. За преступлением последовало наказание, и Содружество Вселенных переловили их всех, а потом заперли в изолированной Вселенной в расчёте, что рано или поздно доани погибнут, уничтожив сами себя. А они нашли способ выжить и превратились в атради.

– Каким образом?

– Я не слишком разбираюсь в технической стороне воплощения плана Самара. Кажется, он что-то сделал с магнитным полем планеты, связав его со своим биополем. А когда умер, связь пропала и весь механизм блокировки вышел из строя. Или... не знаю, – Алэй развёл руками. – Если хочешь, я могу рассказать, что успел услышать от Роми. Или можем подождать её. Она обещала присоединиться чуть позже, и тогда узнаешь историю из первых уст.

– Ждать мы точно не будем, – усмехнулся Адан. – Нам с Роми, когда мы рядом, обычно уже не до теории. Да и... – он в упор посмотрел на Алэя. – Не стану врать, ваша история не очень меня заботит. При всём уважении. Но ты сказал, что они... вы... собираетесь сюда. Я не совсем понимаю, зачем.

– До того, как стать Тмиором, планета полыхала. Голый камень, бунтующие вулканы. Вся жизнь была уничтожена, доани прятались под землёй. Они, конечно, сами виноваты, что довели мир до такого, но теперь это действительно исто-

рия. Однако если Тмиор снова станет непригодным для жизни, атради будет нужен новый дом, а что может быть лучше старого? – Алэй помолчал. – Я пришёл просто поговорить. Не втягивать тебя в новые неприятности, а спросить, что нас ждёт, если истинные всё же услышат, что пытаются донести им Роми.

– Не принимай на свой счёт, но за недолгое общение с вами я уяснил одну вещь точно. Просто поговорить – это всегда новые неприятности. Хотя сейчас, как ни странно, это меня не беспокоит. – Он обвёл взглядом тёмный пляж. – Как видишь, здесь полно места. Хватит на всех. Вполне можете отгрохать себе новый замок, – Адан пожал плечами. – Никто в Бэаре не заметит, даже если таких замков будет сто. Просто потому, что в мегаполисе понятия не имеют, что здесь и как. Из-за этой штуковины, – он кивнул на сверкающую поверхность Сферы позади них. – Под куполом будет сложнее. Впрочем, с вашими возможностями вы вполне можете раствориться среди остальных, остаться незамеченными. Правда, не думаю, что вам понравится. Бетон, приборы, механика. Вдобавок, эта хрень не пропускает излучение, поэтому набираться энергии придётся за Сферой, как и мне. Но это тоже вряд ли проблема.

– Не проблема. – Алэй усмехнулся. – В общем-то, атради и жить здесь необязательно. Достаточно приходить, заряжаться энергией, уходить. И никому никаких хлопот. Но так не будет. Желание свить гнездо, осесть... оно возьмёт свое.

Поэтому, понравится или нет, но атради будут пытаться это сделать, – он тоже оглянулся на Сферу. – А если её отключить?

– Знаешь, где кнопка?

– Догадываюсь, кто её установил и зачем. Полагаю, можно найти и кнопку.

– Начни, с кто и зачем, – предложил Адан, откидываясь назад и упираясь руками в песок. – Полагаю, и здесь не обошлось без атради.

– Без них, наверное, нигде не обходится, в скольких мирах наследили, – Алэй вздохнул. – Когда – это легко. Давно. Очень. Чуть больше тридцати тысяч лет назад. Я понял, тебе плевать на историю атради, но вы и они в прошлом – один народ, который жил на этой планете. Сферу установили не атради, а из-за них. Тогда существовало некое содружество. Роми рассказывала, что в него входили весьма могущественные цивилизации и несколько десятков попроче. Они... Хотя вот это, наверное, действительно неважно, кто они и откуда, большинства из них больше не существует. Доа тоже были частью содружества и были обязаны подчиняться общим законам, но твои предки нарушили один из основных, запрещавший генетические эксперименты, которые могли привести к бессмертию. Древние доа, грубо говоря, наплевали на запреты и последствия. Итог, – Алэй кивнул за спину. – Ну и мы.

– Погоди, – Адан изумлённо уставился на него. – То есть

теоретически Роми может быть моей пра-пра-прабабкой, что ли?

– Конкретно Роми – нет, у неё никогда не было детей. Но в принципе ты всё верно понял. Истинные атради – это твои пра-пра-пра кто-то там в энной степени.

– Охренеть, – хмыкнул он, почти физически ощущая, как удивление сменяется чем-то сродни отчаянному пофигизму. Видимо, только так мозг мог здраво воспринимать полученную информацию. – Роми говорила, что не помнит своего прошлого. Так что, может, когда-то давно у неё были муж, семья, дети. А я... Нет, охренеть, конечно.

Алэй рассмеялся.

– Когда всё грохнулось к чертям, ей было двадцать пять лунных лет. Её мать была среди тех, кто проводил эксперимент, кто разбирался как, что, когда, с кем... Роми с детства знала, что с ней будет дальше, так что серьёзные отношения исключались, как и потомство. Привести с собой в программу ещё и мужа с детьми было невозможно. – Алэй замолчал, встретился с Аданом взглядом. – Теперь она всё помнит.

– Что значит «теперь помнит»?

– Вот уже два месяца, как вспомнила. Она нашла капсулы памяти. Та пещера, в которую вы с ней угодили... – он помолчал. – Наверное, и тут стоит начать с самого начала. Атради пережили трансформацию дважды. Первый раз, когда в ходе эксперимента превратились из обычных доа в бессмертных и стали доани, второй – когда нашли выход из

«клетки», куда их заперло Содружество. Одним из обязательных условий процесса было полное очищение сознания с помощью Плеша. Они обнулили себя, изъяли собственные личности, оставили только набор базовых способностей, чтобы, проснувшись уже после трансформации, суметь вернуть себе память, которую загрузили в специальные капсулы. Но что-то пошло не так. То ли очнулись не там, то ли очистили себя недостаточно, то ли ещё что. Теперь, благодаря вам, у них появился шанс стать собой.

– Собой? – тупо переспросил Адан, чувствуя, что пофигизм сдаёт позиции, радушно предлагая разуму осмыслить услышанное. – Это как?

– Прости, плохо выразился. Я имел в виду восстановить собственные воспоминания.

– За все тридцать тысяч лет?!

– Нет. Всего за три тысячи. Или чуть больше. Ровно столько, сколько они прожили в изгнании, пока не нашли выход. Плюс то, что было до. В случае Роми – двадцать пять лет жизни, как доа. Три тысячи – как доани. То, что происходило последние двадцать семь тысяч лет, осталось в её памяти прежним. Может быть, чуть померкло, потому что первая жизнь теперь кажется ей ближе, ярче. Накладывается, затмевает многое. Но не всё, конечно. Я понимаю, звучит странно, – Алэй помолчал. – У неё всё время болит голова, и я не знаю, как ей помочь.

– Обычные таблетки, надо думать, в таких случаях не по-

могают. – Адан задумчиво покусал нижнюю губу. – Я бы порекомендовал Миру. Ты лучше меня знаешь об её способностях.

– Если забыть о том, что я понятия не имею, где она, то, скажем так, мой небогатый опыт общения с ней весьма неоднозначен. Насколько я знаю, она хотела меня убить. Правда, вышло совсем наоборот.

– Ллэр мог бы устроить вам безопасный сеанс, – улыбнулся Адан.

Алэй вдруг стянул ботинки, встал. Подошёл к самой кромке воды. Поднял с песка несколько камней. Замахнулся. Куда улетел камень, темнота увидеть не позволила, только звук сообщил о том, что прежде чем нырнуть в воду, он как минимум раз десять прошлёпал по волнам.

– Я не знаю, где Ллэр.

– Если ты смог найти меня, уверен, обнаружить собственного сына – не проблема.

Глава 24. Сила ревности

Роми остановилась у двери, попыталась унять дрожь.

В первый раз перед истинными она тоже была одна. Те, кто должен был принимать решения, кто должен был заботиться и искать выход, кто прожил столько, сколько существовали атради, кто столько забыл – не хотели ей верить.

Даже когда в Тмиоре пошёл дождь, впервые за многие тысячи лет, а может быть, вообще, впервые, они ей не поверили. Роми видела, как они были напуганы, хотя ни за что не

признавали этого. Как цеплялись за прошлое, которое на самом деле лишь кроха в море их жизнью, и как отказывались делать шаг вперед.

Их мир наконец получил возможность сдвинуться с мёртвой точки, а они... они не хотели. Перемены за окном казались им временной непогодой. Пока ещё ничем не грозили. Истинные атради играли в равнодушие. Но сделать вид, что ничего не происходит, не получалось уже даже у самых твердолобых.

Пятьдесят три дня тому назад Замок утратил свою многомерность. Развернулся в плоскости, подминая лес, превращая деревья в щепки. Теперь это было гигантское полупустое строение, которому не хватало хорошей транспортной сети внутри. Об его истинных размерах никто не имел даже примерного представления. Непостижимым образом никто не пострадал.

Семьдесят шесть дней прошло с тех пор, как взбунтовалось Море Истока. Северное крыло выходило теперь почти на самый берег, и когда первая волна врезалась в террасу, Роми была там – на балконе последнего этажа. Смотрела и не верила своим глазам, но не боялась. Вода ушла, откатилась на километры. Застыла, набралась сил и снова двинулась на каменные стены. Стихия хотела смыть атради с лица Тмиора. Стихия видела в них заразу, которую надо уничтожить.

Пятьдесят один день тому назад Роми поверила Ллэру и решилась. Вернулась к сверкающим шарам с Алэем и не ста-

ла отдёргивать руку. Теперь она знала: это место – пещера Вэра, названная в честь древнего бога доа. Больше пятнадцати тысяч шаров – капсулы памяти. В них – воспоминания истинных, основателей Тмиора, тех, кто родился за много лет до того, как появилась Плешь и начала втягивать одарённых новичков. Только четыре тысячи пятьсот двадцать три сумели выжить и превратиться в первых атради.

Вот что имел в виду Самар под «цена вам не понравится». Цена за уют нового мира. Цена за силу, власть. За свободу, на которую доани не смели уже надеяться. За перегрызенные прутья «клетки», в которую их бросило Содружество, пришлось заплатить смертью. Они отдавали себе отчёт, на какой риск идут, но всё равно не думали, что результат окажется таким.

Теперь Роми знала, сколько лет прошло. Теперь она помнила время, когда её не существовало. Помнила, как звали родителей. Понимала, что становится другой, смотрит на всё иначе. Что воспоминания последних тысяч лет – блекнут, что пустоту заполняет то, что когда-то принадлежало не ей, но от этого не становится легче.

В их истории хватало потрясений. Сотни тысяч лет назад солнце Эннеры едва не убило молодую расу, вызвав резкий скачок в эволюции. Оно заставило приспособливаться. Направило естественное развитие по другому пути. Чтобы выжить, древние доа должны были стать сильнее и выносливее. И они стали, начав с того, что смогли противостоять вред-

ному излучению, а затем поняли, как использовать отражённый свет Луны.

Они не жили вечно, но постепенно способность к регенерации увеличила продолжительность их жизни почти вдвое. Они не ворочали Основаниями миров, но со временем развили умение свободно путешествовать по ним. Они многому научились: телепатия, телекинез, левитация, исцеление энергией. Но всё равно в какой-то момент им стало тесно. В себе. В болезнях, которые всё ещё приходилось лечить. В своей такой короткой жизни. Ведь сто пятьдесят – это так мало, только успеваешь войти во вкус!

Им захотелось большего, и долгие годы лучшие ученые умы Эннеры работали над секретом долголетия, пока не нашли ответ. Способ превратиться в доани.

Конечно, не всем оказались доступны места в новую жизнь. Да и кто решится на эксперимент планетарного масштаба, не проверив предварительно последствия на контрольной группе?

Критерии допуска к программе занимали не один печатный лист, подбор кандидатов вёлся долго, тщательно и открыто. Вся Эннера с замиранием следила за новостями в ожидании первых результатов. Не сомневалась в успехе и уже верила, что не за горами тот день, когда появится простой, безболезненный способ для любого желающего, а может быть, даже повсеместная вакцинация в младенчестве, чтобы новое поколение жило лучше.

Доа не думали о других мирах. Не задавались вопросом, почему ни в одном из них никто не живет больше ста – ста пятидесяти лет. Они верили, что нашли безопасный способ жить дольше.

Их предупреждали. Закон Содружества, в которое входила на правах младшего члена молодая, но дерзкая Эннера, был категоричен. Им напомнили о тайко, расе – из-за которой в своё время и возникло Содружество, и которая на собственном опыте доказала, что эксперименты с бессмертием – опасны. Доа едва ли не отмахнулись. Предоставили тысячи и тысячи терабайт материалов, результатов исследований, доказательств и объяснений. Им запретили. Но они не остановились. Они не сомневались в своей гениальности.

И ошиблись. Во всём.

Роми помнила свой первый вдох, как вечной. Всё было совсем не так, как обещала мать. Ей казалось, изнутри что-то рвётся на свободу, требует избавиться от материальной оболочки. Тело горит, чешется. Помогало какое-то время не дышать. Боль утихала, становилась ноющей, но никогда не исчезала до конца. Потом приходилось снова делать вдох и снова окунаться в волны боли.

Роми помнила, как в исследовательский центр пришло сообщение о том, что творится за его стенами. О планете, терпящей одно стихийное бедствие за другим. О Вселенных, которым досталось ещё больше, и о решении, которое приняло Содружество. Они повторяли историю тайко.

Новая раса совсем не походила на улучшенный вариант доа. У учёных получилось создать нечто принципиально новое. Первые же тесты показали – те, кто прошёл генетическое изменение, будут жить теперь не просто долго. Они будут жить вечно. И они невероятно опасны для всего живого. Энергия, запёртая в материи. Невероятная мощь биополей, бесконтрольно вторгающихся в магнитное поле планеты.

Последствия ощутили повсюду. В считанные дни доани поставили под угрозу существование Эннеры и сместили баланс энергий в других Вселенных. Тлай, самая могущественная цивилизация Содружества, внесла предложение, которое единодушно поддержали остальные члены. Закон Кольца запрещает ничем не мотивированный революционный подход к собственному развитию и не терпит нарушений.

Их изолировали, всех. Никому не удалось скрыться – у Содружества всё было готово для такого поворота событий, они лишь выжидали удобный момент, чтобы обрушить свой праведный гнев на Эннеру.

Роми помнила, как содрогнулись миры, когда Тлай активировали невидимую, но осязаемую Границу. Как заработало магнитное поле, которым спеленали бывшую Вселенную тайко, ставшую тюрьмой для тех, чьё существование закончилось гибелью сотен тысяч людей. Как Содружество выпустило Гончих – те самые «Тени», что впервые пришли за Аданом три месяца назад. Невероятно, но технология Тлай на десятки тысяч лет пережила своих создателей.

Всех доани приговорили к верной смерти в медленно умирающей Вселенной, из которой они, сами того не желая, забирали необходимую для баланса энергию. Доа оставили на Эннере, но упрятали под Сферу и накрыли ей столицу планеты, где они, лишённые питательного излучения Луны, постепенно реэволюционировали и превращались в обычных людей без способностей.

Через почти три тысячи лет после вердикта Содружества доани, на грани отчаянья, вновь нарушили Закон Кольца. Злой бог Самар понял, как стать невидимыми для Гончих и Границы. А ещё – как исправить первый эксперимент. Так возникли Тмиор и Плешь. Так появились атради – такие же всесильные, какими когда-то были доа, но вечные и безопасные для мироздания.

Как же жаль, что самый древний атради мёртв! Тмиор разрушался, и никто не понятия не имел, как не дать ему превратиться обратно в умирающую планету, как спасти всех, кого он приютил на двадцать семь тысяч лет. Благодаря Самару, атради отгрызли у жизни огромный кусок, но потратили его впустую. А теперь не хотели ничего слушать.

Но она их заставит вспомнить.

Роми решительно распахнула дверь.

***

Вслед за первым камнем последовал второй. Потом третий.

– Мне повезло, – наконец ответил Алэй. – Ты оказался за

Сферой. Будь ты в городе, мне бы пришлось попотеть, чтобы тебя найти.

– Тебя прислала Роми?

Он обернулся.

– Не совсем. Это была моя идея.

– Даже так? – искренне удивился Адан. Почему-то вариант, что Алэй на самом деле пришёл, чтобы расспросить его о возможных последствиях массового переселения атради в Бэар, а заодно ввести в курс последних событий и состояния Роми, казался удобным предложением. Ведь куда проще, а, главное, эффективней, оставаясь незамеченным, влезть в голову какого-нибудь политика и всё узнать, а ещё лучше – внушить правительству необходимость сотрудничества с другой расой. Но никакого скрытого мотива в их с Алэем встрече он не находил. Кроме одного. – Роми рассказала о нас?

Ничего в его взгляде и выражении лица не изменилось, но Адан понял, если Роми и рассказывала, то вряд ли всё.

– Она говорила о тебе, – Алэй посмотрел на песок, на свои ноги, сделал несколько шагов вдоль воды. – Конечно, мы могли пойти другим путём, заняться подготовкой перехода заранее, много раньше, выйти на контакт с вашей верхушкой, обрушиться на головы. Правда, это не наш стиль. Не мой и не Роми, а поскольку именно мы вынуждено решаем задачу, – он покачал головой, – действуем своими методами. Другие атради обязательно устроят шоу из своего появления просто потому, что страсть к спецэффектам, видимо, идёт

бонусом к вечности. И так или иначе ты окажешься втянут. Я понимаю твоё желание остаться в стороне. Роми тоже уважает твой выбор. Но сразу или позже ты не сможешь игнорировать происходящее на Эннере. Потому что ты – уже не они, – он кивнул на Сферу. – Ты часть перемен. И я подумал, будет честно, если ты узнаешь, какого чёрта происходит, до того, как всё начнётся. Тем более, что я понятия не имею, куда это всех нас заведет.

– Честно, ага... – вздохнул Адан. Задумчиво посмотрел на луну, скользнул взглядом по усыпанному звёздами небу. Улыбнулся. – Интересно, сколько у меня времени собрать чемоданы и свалить подальше? Например, в гости к Мире. Она приглашала.

– Думаешь, Мира обрадуется и поверит, что за тобой следом не идут неприятности? – Алэй улыбнулся.

– Она не убежала от неприятностей, Мира просто... – он не договорил. – Не важно, раз уж у вас с ней не сложилось. В общем-то, я и сам не собираюсь никуда сбегать. В кои-то веки мои предки вернутся в родовое гнездо, и я это пропущу? Да ни за что! – он рассмеялся. – Даже, если это грозит серьёзными неприятностями мне лично. Кстати, а ты... – Адан прищурился, изучая выражение лица Алэя. – Ты сказал, что вынужденно занимаешься всем этим. Почему?

– Почему вынужденно или почему занимаюсь?

– И то и другое.

– Из-за Роми. Она не может бросить остальных и уйти.

Ведь нет ничего проще, ушли бы сюда, поселились, слились с беарцами. Кто нас вычислит? Да никто. Атради отлично умеют прятаться, научились за столько-то лет, – усмехнулся он. – И пусть хоть трава не растёт. Но это её народ. Это её мать была одной из тех, кто начал эксперимент. Истинные ведут себя, как идиоты. Атради нельзя переместить силой, – не прекращая говорить, он присел, принялся закатывать штаны. – После того, что с ними сделало Содружество, они продумали и это. Научились блокировать выход в Надпространство, чтобы якорем уцепиться за мир. За место. Вот она и пытается убедить их, грозитя потащить за шкуру, но вряд ли это получится. Разве что на поводке наручника тайко.

Алэй зашёл в воду.

– Тёплая. Приятно... А ещё занимаюсь потому, что знаю, что их ждёт. Если не повезет умереть сразу, когда Тмиор захлопнется, то придёт голод. Дней через пять, не больше. Сильный голод, на несколько часов. Я бы мог им много чего рассказать об этом, но кто станет слушать бывшего самоубийцу?

Про голод Адан мог бы рассказать и сам, но его-то уж точно никто в Тмиоре не станет слушать.

– По-моему, атради вообще никого не слушают. Роми – особенно.

– Если она вбила себе в голову, то да, – по голосу чувствовалось, что Алэй улыбается.

– То есть всегда, – хмыкнул Адан. – Думаешь, у неё есть шанс ваших твердолобых переубедить?

– Она и не с такими справлялась. Роми может быть удивительно изобретательной. И упрямой, как ты, наверное, сам уже знаешь. Она не сдастся, даже если ей в лоб сказать «нет». Просто нужно время, а его впервые у неё нет. – Алэй стоял, сунув руки в карманы, почти по щиколотку в воде. Глядел на море, на лунную дорожку. – Как поверить в такое, если тебе само понятие неизвестно?

– Не знаю, – честно признался Адан. – Вы, кажется, хорошо с ней ладите. В смысле, ты так о ней говоришь, про упрямство вот... И вообще. Мне, – он усмехнулся, – частенько хотелось ей врезать. Та ещё стерва.

– Мне кажется, я наконец её поймал. Понадобилось почти семьсот лет, не меньше сотни ошибок, одна попытка умереть и одна разъярённая девчонка, обиженная, что я искалечил жизнь собственного сына. Но её – я поймал, и теперь уже навсегда.

– В каком смысле поймал?

Алэй обернулся и прежде чем что-то успел сказать, Адан впервые увидел так чётко чужое биополе, те самые энергии, о которых столько слышал. И необходимость ответа отпала сама собой.

Это было похоже на то, как если бы Алэя облизывали язычки пламени. Маленькие, юркие бледно-голубые змейки-молнии метались вокруг, вспыхивая красными, яркими.

Знакомыми. Вот почему в первый миг в сознании не прозвучал сигнал – чужак, хоть Адан и понял, что перед ним кто-то, кого он раньше никогда не встречал.

Алэй сразу показался своим. Но не потому, что внешне похож на Ллэра, и не потому что Адан много слышал о нём. Сам того не понимая, он почувствовал энергию Роми. А это могло означать только одно – Алэй и Роми вместе. Теперь или снова они – пара. И сразу же противный, саднящий осадок пополз по горлу вниз, на миг застрял в груди, обжигая, потом горьким комком провалился в желудок.

Ревность. Непонятная, необоснованная, глупая ревность.

Адан нахмурился. Несколько секунд буравил Алэя взглядом исподлобья, пока не осознал, как по-идиотски выглядит сейчас. Поспешно отвернулся, зачем-то вскочил, подошёл к Сфере. Глядя на себя как в зеркало вспомнил, как целовал Роми в воде, как рыжая охотно отвечала на его поцелуи, как почти...

– Вот стерва.

Дорого бы он дал, чтобы увидеть её сейчас, заглянуть в голубые бесстыжие глаза и... и...

– ...и я не понимаю, какого... – Её отражение возникло внезапно, рядом. Роми говорила, размахивала руками. Потом замерла, уставилась на саму себя, перевела изумлённый взгляд на Адана, отражающегося рядом. – Какого чёрта?!

Последнее уже относилось к нему.

– И тебе здравствуй, – буркнул Адан, поворачиваясь к ней

и разглядывая тридцати трёх тысячелетнюю девицу.

Сейчас Роми выглядела ещё «шикарней», чем на поле после аварии кабриолета три месяца назад. Отчаянные, безумные, горящие от прерванного спора глаза, миленькое свободное платьице, на сей раз голубое и чуть длиннее, чем обычно – почти до колен. Лохматая копна рыжих волос, развевающихся на ветру, перепачканная в чём-то кожа и, что гораздо хуже, вымазанное энергией Алэя биополе. Швырнуть бы её сейчас в воду, отмыть, а потом... Потом... Адан хмыкнул, отгоняя неуместные картинки.

– Прости, – он нарочито равнодушно пожал плечами. – Не хотел выдёргивать тебя так... настойчиво.

– Всё-таки мужчины во всех мирах трогательно одинаковы, – послышалось сбоку.

Адан вздрогнул, машинально обернулся на голос с до боли знакомыми дерзкими нотками.

Таль сделала несколько шагов и остановилась в паре метров от них. Традиционно полуголая – короткий кусок полупрозрачной красной ткани, намотанный на обнажённое тело, вряд ли можно было классифицировать, как одежду. Босиком – красные остроносые туфли на длинном тонком каблуке она держала в руках.

– Доброй ночи, – Таль по очереди оглядела всех, насмешливо склонила голову набок, улыбнулась. – Ади, ты ведь нас познакомишь?

Глава 25. Голос

Мира со счастливой улыбкой приоткрыла глаза. Ллэр полусидел на постели, опираясь затылком на мягкое изголовье и нежно водил пальцами по её предплечью. Она не видела его лица, но была уверена – Ллэр тоже довольно улыбается, только чуть сдержаннее. Мира не собиралась сдерживать эмоции. Бесполезно – ничего бы не вышло, потому что сейчас она для Ллэра, как открытая книга. Каждое биение сердца, каждое движение, каждая мысль, каждое желание, каждое ощущение – всё доступно. Хочешь узнать – окунись, почувствуй. Ей нечего скрывать.

Свечи давно погасли. Через два овальных окна струился призрачный лунный свет, превращая темноту в приятный полумрак. Их кожа тоже всё ещё светилась, хоть не так ярко, как несколько минут назад.

– Знаешь, я безумно тебя люблю, – прошептала Мира, перехватывая руку Ллэра и сцепляя свои пальцы с его в замок. – Наверное, за это придётся дорого заплатить. Но я готова. Теперь готова.

Он крепче обнял её, мягко коснулся губами виска. Мира почувствовала лёгкое покалывание на коже, а потом тепло – мягкое, обволакивающее, проникающее в каждую клеточку.

– Ты боишься щекотки?

– Нет. Почему ты...

– А если так?

Ллэр отыскал, наверное, самое длинное пёрышко в разво- роченной подушке. Оно зависло сантиметрах в пятнадцати от носа Миры и медленно поплыло в её сторону.

Она засмеялась, сильнее прижимаясь к Ллэру. Ласково сжала в ладонях его лицо.

– Ты что-то такое делаешь со мной. Это потрясающе. Ты потрясающий.

Он вскинул одну бровь, лукаво прищурился. Пёрышко взлетело выше, скользнуло по её плечу, вызывая ворох му- рашек.

– Пытаешься сбить меня с мысли? – Ллэр перевернулся и оказался сверху. – Я всё равно доберусь.

– Я могу стать призраком, – смеясь, напомнила Мира.

– И что?

– И не доберёшься, вот что.

– Думаешь? Мы не в Тмиоре.

– И слава богу. – Мира перестала смеяться, посмотрела в глаза Ллэру. Поднимать тему снова не хотелось, её воля – она бы забыла обо всём и не вспоминала никогда, но что, ес- ли это поможет спасти гибнущий мир и всех атради? – Воз- можно, я просто пытаюсь найти себе оправдание.

– Но?.. – Ллэр сел рядом, по-прежнему глядя на неё.

– Но я подумала... Ты сказал, что Содружество создали Тени специально, как защитный механизм от доа и доани. Чтобы найти и обезвредить, если кто-нибудь из них проявит

свои способности и выберется на свободу. Так?

– Так говорит Роми.

– Тогда почему они не тронули меня?

– Мешанина в твоей крови, например. Она могла сбить их со следа. Сначала они увидели биополе доа и атради, потом обычной актарионки. Твой мир тоже входил в Содружество и был союзником Тлай. Значит, ты им не враг.

– Допустим, но как ты объяснишь, почему они влезли в меня? Я сейчас не про сам процесс. Я имею в виду – зачем? Я ведь ничего не знала ни о Самаре, ни о Тмиоре, ни тем более о той пещере с капсулами. Они не могли предвидеть, что я попаду в Тмиор снова. Логичней в таком случае было влезть в тело атради. Уж он-то точно рано или поздно вернётся в Тмиор. А просчитать такой алгоритм... – Мира приподняла голову, чтобы видеть глаза Ллэра. – Тебе не кажется, что это чересчур сложно для защитного механизма, нацеленного на уничтожение? Что, если им кто-то управляет?

Он сел ровнее, задумчиво посмотрел на неё.

– Я ни фи́га не узнал. Такого, чтобы наверняка. То, что Роми вспомнила, не до конца вписывается в нашу ситуацию. Вернее, не вписывается совсем, – он покусал нижнюю губу, невесело улыбнулся. – Я вернулся туда. Исследовал каждый миллиметр, где раньше стояла халабуда Самара. Каждую щепку, что не унесло ветром. И единственное, что там сейчас осталось – подземные пещеры. Может быть, Тени явились туда убить Самара, потому что только так можно

было распечатать вход, но я не понимаю, зачем. Им-то какое дело до капсул с памятью? Тем более Тмиор зависел от Самара, его смерти хватило бы с лихвой. Мне не даёт покоя шоу, которое они нам устроили на поляне. Или не нам. Возможно, это часть их программы. Тлай ведь не просто так отправили всех доани в ссылку именно в эту Вселенную. Наверняка учитывали множество вариантов. А значит, Тени вовсе не так просты, как мы думаем. Ты что-нибудь вспомнила?

– Нет. Но... – Мира села, придвинулась у Ллэру ближе. – Давай проверим, чего я не помню.

– Предлагаешь, чтобы я влез к тебе в голову, как ты – к Роми?

– Мог бы не упоминать её в каждом втором предложении. А то начинает казаться, что ты Тмиор ради неё спасаешь, – хмыкнула она. – Откуда ты вообще знаешь, как именно я влезла к ней в голову?

Ллэр улыбнулся.

– Адан, между прочим, тоже в курсе, как ты по головам шарилась.

– Адан, между прочим, в курсе много чего, о чём ты не в курсе, – парировала Мира.

Его улыбка стала шире.

– Да? И о чём же? Можно, я это тоже подсматриваю в твоей памяти?

Весело ему, конечно. А она ревнует, хотя дала себе слово, что не будет.

Ллэр обнял её, прижимая спиной к своей груди.

– Роми было слишком много в моей жизни и будет слишком много в твоей, раз уж мы вместе пытаемся удержать Тмиор. Не упоминать её не выйдет.

– Знаю. Ты тоже прости. – Ревность испарилась, уступая место нежности и страху. Но Мира не собиралась отступать.

– Послушай, – он мягко коснулся губами её виска, пальцами – шеи. – Мне придётся копнуть в твоё сознание глубже, чем было у вас с Роми. Это означает, что ты тоже можешь зацепить что-нибудь из моей памяти. Что-нибудь, что тебе не понравится. Ты должна быть к этому готова.

– Обещаю не устраивать истерик и сцен ревности, – Мира взялась за его запястья, крепко обхватила. Усмехнулась, подумав, каким нелепым кажется сейчас обычное желание всех влюблённых знать друг о друге всё. Она не хотела.

Так или иначе за плечами у Ллэра столетия, впереди – бесконечно много лет. Он будет жить, совершать ошибки, исправлять их, опять ошибаться, наслаждаться, страдать, расставаться, прощать, забывать, влюбляться и так по кругу. А у неё ничтожно мало времени, когда тратить драгоценные минуты на ревность к прошлому – непозволительная глупость. Сегодня Ллэр с ней. Это главное. И поэтому она должна избавиться от всех сомнений, страхов, неуверенности. Их с Ллэром завтра – слишком зыбкое, чтобы ссориться из-за его вчера.

– Готова?

– Да.

...Больница никогда не нравилась Мире. Здесь давили стены. Дышать трудно, воздух пропитан стерильностью, если та вообще может чем-то пахнуть, множество непонятных приборов и пугающих роботов.

Сейчас Мира сидит в удобном кресле и терпеливо дожидается кого-то. Стены уже не давят, запах не раздражает, яркий свет не режет глаза.

– Знакомое место, – шепчет Ллэр, его не видно, но незримое присутствие ощущается.

И сразу становится спокойней.

Мира уверенней оглядывается и замечает в конце длинного, пустого коридора Таль.

Она стоит, прислонившись спиной к красной стеклянной стене, рядом с незнакомым полным мужчиной в голубом халате. Как всегда, шикарная. Синее облегающее платье повторяет каждый изгиб идеального тела, высокие каблуки делают стройную высокую фигуру ещё выше. Жесты властные, как будто ей принадлежит не только эта больница, но и вся Вселенная. Потом знаком отпускает его и направляется к ней. Грациозная походка хищницы – неторопливые, уверенные шаги пожирают пространство.

Мира машинально вжимается в кресло. В присутствии Таль она всегда робеет, хотя та мила и любезна с ней. Может, потому что в голосе нет-нет да проскальзывают ледяные нотки, а в тёмно-синих глазах – высокомерие. Таль – Спо-

собная, она не умеет вести себя иначе, но сейчас в её взгляде – сочувствие. Настоящее. Мира откуда-то знает: Таль не притворяется.

– Как ты себя чувствуешь? Ничего необычного?

Мира мотает головой, сильнее ощущая дискомфорт. Кажется, что глаза Таль гипнотизируют. Попросит сейчас прыгнуть с крыши, и Мира выполнит, не задумываясь.

– У меня хорошие новости, – в голосе Таль отчетливо слышится разочарование. – Больше у нас нет причин держать тебя здесь. Ты можешь вернуться домой.

К Мириной робости добавляется задорный интерес Ллэра. Вряд ли он специально позволяет ей понять, что чувствует, но теперь Мира знает – Ллэр искренне восхищается Таль, её умом, амбициями, знаниями.

Ревность впивается острой иглой, отвлекает. Мира машинально ставит блок, сосредотачиваясь на собственных воспоминаниях. И сознание послушно раздваивается, как будто здесь и сейчас существуют две Миры. Одна – в больнице, в прошлом. Вторая – наблюдает за первой, отмечает каждую деталь, анализирует.

Бесконечный красный коридор. Совершенно пустой – они идут уже минут пять, а им до сих пор никто не попался навстречу. Зато уже раз семь свернули направо, отчего ощущение, что идут по кругу, только растёт. Миру так и подмигивает распрощаться с Таль и броситься бегом вперёд, чтобы скорее оказаться на шумной улице. Почувствовать себя сво-

бодной. Вдохнуть наконец-то приторно-сладкий, густой, как карамель, воздух, запрокинуть голову, увидеть небо, улыбнуться птицам, потом зажмуриться от удовольствия, подставляя лицо ласковым лучам солнца, рассмеяться.

Мира в прошлом никак не может вспомнить, сколько именно дней находится в больнице. И дней ли? Может, недель. Или месяцев. Уточнять у Таль не хочется.

Вторая Мира знает, что она провела взаперти ровно пятьдесят один день.

Мира в прошлом нетерпеливо идёт рядом с Таль, почти не слушает её. Какая разница? Она свободна, свободна, свободна...

Вторая Мира знает, что задумала Таль и почему у Миры в прошлом такой прилив энергии.

Мира в прошлом ничего не подозревает. Не догадывается, что с каждым шагом приближается к гибели.

Коридор заканчивается неожиданно. Мира в прошлом замедляет шаг, неуверенно топчется на пороге широко раскрытой двери, недоверчиво косится на остановившуюся в проёме Таль.

– Тебя уже ждёт таксилёт. – Холёная белая рука с синими овальными ноготками изящно взлетает в воздухе, указывает на стоянку.

Вторая Мира понимает – Таль всё продумала, подготовилась. Служебный выход без лишних свидетелей, заказанное к порогу такси, заглаженный водитель-смертник. Никаких осе-

чек в идеальном плане. Почти идеальном. Ей почему-то чудится фальшь, игра в каждом жесте, в каждом слове Таль. Но она не успевает сосредоточиться. Мимолётное, невнятное ощущение, мелькнув тенью, исчезает.

Мира в прошлом смущённо бормочет слова благодарности, не поднимая взгляда, несётся к таксилёту, торопливо кивает на прощание и лезет внутрь. Уже из салона сквозь затемнённые окна бросает взгляд исподтишка на Таль. Та смотрит так, будто непрозрачное стекло – не помеха. Накатывает тоска вперемешку со страхом. Сердце то замирает в груди, то бешено колотится, словно собирается выскочить. Пульс громко стучит в висках. Становится холодно, хотя в салоне не продохнуть от жары. Внезапное головокружение вынуждает зажмуриться. Таксилёт набирает высоту, мчится над Миером.

Вторая Мира знает, что произойдёт. Сначала плавно опустится стеклянная перегородка. Потом резкий запах газа, тошнота. Мозг успеет предупредить об опасности, Мира в прошлом – испугаться и отправить сознание в Плешь, Ллэр – подхватить её тело и перенести на газон. Взрыв, разлетающийся на куски таксилёт, клубы чёрного дыма в оранжевом небе.

Вторая Мира пытается остановить мелькающие картинки, отмотать память назад, вернуться в то странное ощущение – у дверей с Таль. Не получается.

– Где Тени? – шепчет невидимый Ллэр в настоящем. –

Покажи мне.

Мира в прошлом скорее догадывается, чем понимает – она в комнате Алэя. И почти сразу сильный спазм сдавливает грудь, будто холодные пальцы хватают за горло и душат. В ушах звучит незнакомый голос. Бесполой, монотонный. Он повторяет одну и ту же фразу, смысла которой Мира не знает. Силится разобрать слова, но всё сильнее болит голова, всё труднее дышать.

И вдруг кажется, будто обдувает мягкий, ласкающий летний ветерок, и сквозь ледяную корку прорывается другой голос. Ллэр.

– Котёнок, слушай меня. Вернись на шаг. Вернись к Алэю.

Она послушно отматывает назад картинки. Наугад оставливается.

В комнате тишина. Алэй испуганно смотрит на неё.

– Ты что натворила?

– Молодец. – Мира в настоящем снова слышит Ллэра. – Молодец. Ещё чуть-чуть. Шаг за шагом. Не торопись. Дыши.

Он замолкает, и она понимает – Ллэр не знает, почему ей больно. Так не должно быть, память – всего лишь отпечаток. Но Мира чувствует то же, что чувствовала в прошлом, к которому прикасается. Ллэр растерян и в то же время уверен – бояться нечего. Надо лишь шаг за шагом, секунда за секундой разматывать спираль времени.

Комната Алэя наполнена одиночеством и страхом. Кашель мешает соображать, Мира различает только одно жела-

ние – обратиться. Как можно дальше. Туда, где никто не найдёт. Где не будет Ллэра и его жалости.

Бесполоый голос продолжает монотонно бормотать. Сопротивляться ему не получается. Ещё миг, и залитая солнечным светом комната в Замке атради сменяется зелёной поляной.

Перед Мирой одноэтажный домик, вокруг лес. Тихо, даже птицы не поют.

Дверь распахивается. Сколько лет тому, кто стоит на пороге – не понять. На лице юноши глаза старика.

– Но почему – Самар? – спрашивает Ллэр. Не у Миры – у её памяти. И у того, что подчиняет себе её сознание в прошлом.

Оно молчит, а Мира в настоящем эхом узнает то, что недавно выяснил Ллэр – самому старому атради больше тридцати тысяч лет.

Вероятно, Самар почувствовал чьё-то присутствие. Он удивлённо смотрит на Миру. Она испуганно таращится на него. Не успевает ничего сказать, сделать... Цепенеет от ледяного холода. Необъяснимого, потому что с неба светит раскалённое солнце, под ногами зеленеет трава, за спиной атради – горшки с цветами.

– Что тебе надо? – грубо бросает Самар.

Мира в настоящем улавливает недоумение Ллэра: самый старый атради не удивлён госте.

– Ты знаешь сам, – она покорно озвучивает, что требует

всё тот же голос в её голове.

– Этого не будет.

– Тмиора тоже. И таких тварей, как вы, – повторяет следом Мира. И ни капли не сомневается – голос не шутит.

Голову словно сдавливают тиски. Память сопротивляется, как будто хозяин голоса не хочет, чтобы она добралась до сути, чтобы догадалась. Он не может знать, что сейчас за всем подглядывает Ллэр, но, видимо, ему не сложно было предположить, что рано или поздно атради доберутся до её разума, попробуют вскрыть.

Мире в настоящем кажется: ещё немного – и она потеряет сознание. Но в этот момент, здесь, сейчас, в реальности, Ллэр перестаёт сжимать её руки, ладони поднимаются к её голове, пальцы ложатся на виски.

– Я сильнее, – уверяет он Миру. – Веришь? Я – сильнее. Я не позволю ему до тебя добраться.

Он раскрывается, позволяя прикоснуться к его энергии, взять её себе.

Конечно, она верит. Сначала осторожно, потом смелее пользуется согревающим живительным теплом. Вместе с ним приходят картинки из памяти Ллэра.

В темноте кажется, что там, где они находятся, ничего нет. Только низкий каменный алтарь и свеча позади него. Чёрно-красные стены украшают странные не то объёмные рисунки, не то лепные надписи, мерцающее пламя заставляет их отбрасывать тень, делает ещё необычней, даже пугающи-

ми.

Такое место подошло бы для какого-нибудь мрачного демона, но Ллэр, а вместе с ним и Мира, знают: местные верят, здесь обитают добрые духи, время которых – ночь. В этом мире у Добра чёрный цвет, который помогает им скрываться от захватившего день Зла. Вот уже почти пятьсот лет здесь всё наоборот.

Девушку возле алтаря Мира видит впервые, понимает, она – не атради. Худенькая фигурка, затянутая в узкие, совершенно несоответствующие месту джинсы и майку-топ. Маленькие босые ступни. Прямые чёрные волосы, длинные, ниже талии.

Ллэр её знает. Ллэр знает, что она, закрыв глаза и положив руки на камень, пытается сорвать завесу с прошлого. Что-то вспомнить. И у неё может получиться, потому что алтарь – не просто обработанный кусок скалы. Тонкий прибор неизвестной этому миру технологии. Информационный блок, к которому доступ имеют лишь избранные. Но не эта девушка.

Внезапно её охватывает серебристое сияние, и облик меняется: на ней оказывается светящееся белое платье почти до самого пола, открывающее босые пятки на каменном полу. Чёрные волосы почему-то совсем не отражают свет, а даже наоборот, словно поглощают его, и только венчающая их серебряная диадема мерно мигает в темноте.

– Это крайне неразумно с твоей стороны, – тихо говорит Ллэр.

Девушка оборачивается. Она молода и невероятно красива, но не яркой красотой. Её лицо будто светится изнутри. В такую не влюбляются, такой хочется поклоняться, почитать. Как божество, ангела-хранителя.

Ллэр же смотрит на неё недовольно.

– Что именно ты имеешь в виду?

– То, что ты сейчас здесь, – он зол. – Урсейя, в этот Храм нельзя так просто взять и войти, на него наложено заклятие.

– Тебя злит, что я прошла сквозь твою охрану? – Её губы кривятся в усмешке.

– Это не моя охрана. Заклинание наложено Древними. Его несложно обойти, но не стоит этого делать. Ты должна сейчас быть с остальными, они уже заметили твое отсутствие и начинают нервничать. Ты же не хочешь, чтобы они узнали?

Урсейя усмехается.

– Оставь этот бред, Майоти. Я в курсе, кто ты.

– И кто же я?

– Ты сам – Древний. Из тех, кого мы теперь зовём раммари – Ушедшие. Ты когда-то жил на нашей земле, но потом умер, а теперь вернулся, чтобы нас уничтожить.

Он удивлён, но это ничего не меняет. Ллэр продолжает злиться, хотя голос его остается ровным.

– Я пытаюсь помочь.

– Это не имеет значения. Ты уничтожишь.

– Это сказали тебе Боги?

Урсейя медленно обходит алтарь, останавливается по дру-

гую сторону, протягивает руку, касаясь свечи, тут же отдёргивает руку. Ллэр знает почему – воск ледяной, так же, как и пламя. Это лишь иллюзия. Холодный огонь, который Ллэр притащил из другого мира. Атрибуты загадочности, призванные убедить местных жителей, что здесь пристанище добрых духов, которые спасут и защитят.

– Я должна была увидеть Храм изнутри, – на последний вопрос Урсейя не собирается отвечать. – И прикоснуться ко всему, чем он наполнен. Даже к тому, чего ты не видишь.

Видение обрывается. Картинка опрокидывается, наливается светом. Солнце отражается от облаков. Здесь Мира уже была. Три месяца назад, в воспоминаниях Роми.

– Если ты не остановишься...

– Это и наш мир, наш дом. Алэй, я не могу...

– Эль, я не буду начинать всё с начала. Не буду тебе снова объяснять, что Нэшта теперь живет по другим законам. Остановись.

– Они себя разрушают.

– Это их жизнь. А ты не их бог. Хватит играть чужими жизнями.

– Играть? Мы сделали это. Ты. Я. Роми. Я...

– Эль, знаешь, кто такая Урсейя?

Ллэр молчит. Смотрит на облачное море.

– Почему мы всегда встречаемся в этом месте? – он не хочет отвечать, не хочет и слушать. Он знает, кто она. И знает, что если не остановится и проиграет, никогда себе не про-

стит.

Мира отгораживается от памяти Ллэра.

Когда-нибудь, если этому суждено случиться, если она выживет, если у них получится спасти атради, если... Если все эти бесчисленные «если» позволят, она обязательно расспросит Ллэра обо всём, что произошло тогда. И кто такая Урсейя. Она должна знать. Но не сейчас.

Пока в ней снова достаточно энергии, стоит попытаться ещё раз.

– Ты ведь не позволишь им... – Мира не договаривает. Память, это всего лишь память, успокаивает себя. Всё это уже было, всё это уже не может причинить ей вреда.

Она набирает в лёгкие воздуха, прикасается к воспоминаниям и будто проваливается в глубокий колодец.

Мучительные секунды падения, перед глазами снова калейдоскоп картинок. И снова возвращается боль, удушающий кашель разрывает лёгкие на части. Во рту – привкус крови. В голове – тот же монотонный голос.

Мира в прошлом чувствует – Самар колеблется, решая, как поступить. И это ощущение само по себе болезненно. Она откуда-то знает, его решение коснется и её тоже. Сопротивляться голосу не выходит.

– Это твой окончательный выбор, Самар? – хрипло, через силу произносит Мира.

Он едва заметно улыбается. Отвечать и не думает, молчание само по себе – ответ.

– Мира, что-то... Уходи, – просит Ллэр. Он тоже чувствует опасность, даже сейчас, когда это всего лишь срез памяти.

Она слышит, но ничего не может изменить. Безвольной марионеткой отдается во власть уже пережитого, чтобы показать и пережить снова. Болят мышцы, вены, кожа. В ней будто застряло инородное тело, пытается высвободиться. Любой ценой, даже если цена – её жизнь.

Голоса, запахи, звуки, картинки, ощущения теперь уже троются. Мира одновременно чувствует тремя ипостасями сразу. Одна – пассивно наблюдает в настоящем, две другие борются между собой в прошлом. И эта борьба сводит с ума.

Одна из них оказывается сильнее. И Мира скорее замечает со стороны, чем чувствует: там, на поляне – она снова призрак. Как на пляже с Ллэром, как потом на скале, когда Тени...

Тени! Она вдруг видит их совсем близко. Ещё через миг понимает – они всё время находились в ней, а теперь беспрепятственно покидают убежище, множатся, из серых превращаются в чёрные, блестящие на солнце, как гладкая морская галька Актариона.

Холодно. Ужасно холодно. Воздух стынет в горле, обжигает нёбо. Но дышать, как ни странно, легче. Кашель пропал, во рту исчез привкус крови.

Невидимая сила лишает Миру опоры, бестелесной оболочкой она стремительно пронзает расстояние, взлетает в Надпространство – туда, где Теням до неё не добраться. Зато

она видит всё. Позволяет увидеть и Ллэру.

Самар не боится. Стоит на пороге и ждёт, пока Тени до него доберутся. Кажется, ему всё равно, чем закончится сегодняшнее противостояние. Кажется, он готов ко всему. А может быть, даже хочет, чтобы всё закончилось. Прекратилось. Ллэр ведь говорил, он – самый старый.

Мира в настоящем чувствует – Самар невозможно устал.

Тени будто нарочно не спешат. Полукругом выстраиваются перед атради. Долгие секунды ничего не происходит. А потом... В этот раз твари не скидывают костлявые руки, но Мира ощущает, как из Самара начинает медленно вытекать энергия. Колючая, холодная, чужая.

Атради продолжает стоять, улыбаться. Он не падает на колени, не задыхается, не корчится, хотя лицо, застывшее будто маска, бледнеет, пока не начинает синеть. Улыбка намертво приклеивается к губам. В буквальном смысле. А потом он неожиданно разворачивается и уходит в дом.

Бесшумно вздыхает невидимый Ллэр.

Звон бьющегося стекла звучит громом. Что, где раскалывается на осколки – не понять. Тени не спешат за Самаром. Только скидывают головы к небу, будто чувствуют, что оттуда за ними наблюдают. У них нет глаз, но это не мешает им видеть.

Мира сжимается. Чёрные твари, завершив миссию, не скрывают своих намерений: они собираются вернуться обратно в неё. Это не просто подозрение, а знание. Откуда ей

это известно, Мира задуматься не успеваает.

– Время пошло, – произносит голос, и она понимает, что именно это означает.

Что-то случилось. Изменилось. Дни Тмиора сочтены.

Тени взмывают в Надпространство, плотным ледяным кольцом окружают её. Все силы, физические и ментальные, вся энергия теперь уходят только на одно – не позволить. Не дать превратить себя в оружие. Не допустить, чтобы по её вине погибли другие.

Снизу доносятся приглушенные мужские голоса. Мира узнает их, но всё равно опускает голову – на поляне, прямо под ними появляются Лэр и Адан. О чём-то обеспокоенно переговариваются, один за другим бросаются в домик Самара.

Вместе с узнаванием приходит ужас – хозяин бесполого голоса хоть и молчит, но посылает вполне понятный импульс Теням – уничтожить. Те безропотно подчиняются.

Что это означает – Мира даже не думает. Не пытается представлять, как это может быть. Лихорадочно ищет способ их остановить, удержать, заставить вернуться в себя. Знает – это не выход, но любым способом пытается оттянуть неумолимое, выиграть драгоценные секунды. Может быть, Лэр и Адан успеют уйти и спастись.

В начале почти получается, но недолго. Тени сильнее, а она слабеет. Почти не слышит вторую себя, не контролирует голос, отключается. В сознании – ослепляющая вспышка,

похожая на взрыв, только бесшумный.

И следом каскад из ярких картинок сменяется темнотой. В ней – почему-то очень тепло, уютно. Глаза закрываются, руки безвольно падают. Мира в настоящем умирает, только почему-то это совсем не тревожит. Наоборот, её тело будто жаждет конца, сулящего вечный покой. Она снова слышит голос, но нет ни силы, ни желания прислушиваться. Так хорошо, когда тот, первый умолк, когда перестал требовать и вынуждать. Ей кажется, что она отмахивается от него, как от мухи, но тот всё твердит и твердит что-то, только с каждым разом тише. Мягкое, нежное тепло и темнота становятся ближе.

И вдруг обрываются ледяной вспышкой, будто кто-то бросил её в прорубь.

Мира вернулась, и оказалось, что ледяная вода – не мираж, не игра памяти. Перед ней стоял Ллэр с ведром в руках. – Прости. Другие способы не действовали.

Мира окинула взглядом влажную постель, ворох из слипшихся перьев, недавно служивших ей мягкой подушкой, скапывающиеся по обнаженной коже в мурашках прозрачные капли воды, убрала с лица намокшие пряди волос.

Память отпущала, но лучше не становилось. Наоборот, с каждой секундой голова раскалывалась сильнее.

Мира с силой сжала виски пальцами, попыталась сосредоточиться, избавиться от боли – не помогало, как будто способность излечивать себя бесследно испарилась.

– Чёрт... Таблеток у них нет.

Ллэр поставил ведро на пол, подошел ближе, положил ей руку на лоб. Мира почувствовала легкое покалывание, но боль стихла лишь на самую малость.

– У тебя тут выпить есть? Вдруг поможет.

– Ведро, значит, нашёл, а алкоголь мне тащить? – улыбнулась она. В руке появилась бутылка вина. В другой – два медных кубка. Мира облегчённо вздохнула – ну хоть с этой способностью ничего не случилось. Бросила быстрый взгляд на этикетку. Лучшее вино Эйтана. – Подойдёт?

Он кивнул.

Сделав несколько глотков, Мира даже смогла улыбнуться.

– Спасибо. Я помню, ты не добрый, но если будет болеть – вылечишь.

– Мне здесь даже не из чего вытянуть энергию. Всё такое до одури натуральное, – он сел рядом, – но я вылечу.

Терпкое, вкусное чёрное вино из местных ягод приводило в чувство и пьянило. Видимо, организм слишком ослаб. Мира усмехнулась, подумав, что будет, если напьётся сейчас и уснёт прямо так – голая, на смятой, мокрой постели, вся в перьях и вдобавок в обнимку с незнакомым мужчиной. То, что может подумать Эйтан, даже представлять не хотелось. Как и то, что будет с ним, когда он поймёт – она ушла навсегда.

Мира с нежностью прикоснулась ладонью к щеке Ллэра.

– Надеюсь, ты хоть что-нибудь понял из всего этого.

– Хоть что-нибудь понял, – Ллэр с шумом выпустил воздух. – Например, что меня водили за нос. Самар знал, что происходит. Когда ты явилась к нему – он определённо знал, и кто ты, и что будет дальше. Возможно, даже ждал. Это чувствовалось. Я же... не подозревал. И есть несколько совпадений, которые мне не нравятся.

– Какие? – Мира нахмурилась. – Ты ведь скажешь, правда? Я должна знать! Я уже часть этого, да ещё какая часть. И мне совершенно не нравится, что кто-то использовал меня. Да ещё бросал с место на место, как Адан, и... – она осеклась. Испуганно замолчала.

Ллэр хмыкнул, пожал плечами.

– Видишь? Ты сама сказала.

– Адан?! Не может быть.

Он развёл руками.

– Когда Тени орудовали на поляне, Адан здорово припечатал меня к стенке в кабинете Таль. Очень похоже по ощущениям. Он опустошил Роми, чуть не убил тебя в самую же первую встречу. От него глючило Роми на Море. Он был на скале, когда Тени появились во второй раз, – Ллэр опять помолчал. – Я не уверен. Что-то не увязывается. Но он – доа, и Роми ещё в Плеши почувствовала исходящую от него угрозу.

– Я тоже – доа, – Мира перехватила его взгляд. – Ладно, не только, но и доа тоже. Я разве враг? Как и вы, я – эмпат. Могу прикоснуться к чувствам других, могу считать эмоции и ощущения, поделиться своими. И Адан тоже, хотя до сих

пор не научился этим пользоваться. Но он... С ним... По-другому. – От волнения не получалось связать слова в нормальные предложения. – Я и Адан... Наша связь – сильнее, понимаешь? Даже чем с тобой, во много раз. Он не может мне врать. Я бы поняла. Такое нельзя скрыть. А если... Нет, всему, что ты рассказал, есть объяснение. Должно быть! – Мира вскочила с постели. – Я не буду гадать. Я пойду к нему и... Если понадобится, влезу в башку силой и всё узнаю.

– Мира, сядь. Выдохни, – примирительно сказал Ллэр. – Всему есть объяснение, да. И мы пойдём и проверим. Но не прямо сейчас. Если вдруг... я говорю если!.. ты ошибаешься, и ваша связь – не помеха дурить тебе голову, то он нас на месте завалит. Учитывая размах происходящего, я могу оказаться намного слабее. Пусть даже наши силы почти равны.

Она осталась стоять, скрестила на груди руки.

– Ты мне что-то недоговариваешь? Доа и атради – враги?

– Доа и атради – один народ, были когда-то. Хочешь услышать всю сказку сначала?

Глава 26. ЗАКРЫТЫЙ МИР

Недоумение было кратким, но оглушительным. Роми показалось, что все слышали, как клацнули её зубы, и теперь пялятся на неё, потому что она даже моргает громко.

Хотелось разразиться вопросами или даже возмутиться, но слова застряли в горле. Видимо, за последние три месяца, несмотря на весь фейерверк, что творился в Тмиоре, она отвыкла от неожиданностей. Нет, не так. Она отвыкла от подобных неожиданностей. Вот если бы рядом с Замком образовался действующий вулкан, грозя потоками лавы, тогда она знала бы, что делать и как реагировать.

А сейчас Роми чувствовала, будто её швырнули в ледяное море, не помогли выплыть и с довольной улыбкой наблюдают, как с неё стекает вода.

Демонстративное равнодушие на лице Адана не могло скрыть его злорадство на что-то, возможно сделанное или сказанное до того, как здесь появилась она. Яркая молодая женщина – Роми никогда не видела её раньше, – в коротком красном платье, которое так и тянуло обозвать удлинённой футболкой, похоже, тоже неприкрыто наслаждалась происходящим.

Алэй бродил в воде, не выказывая беспокойства, только привычный лёгкий интерес. Невозмутимый. Уверенный. Он последнее время часто бывал таким.

Растерянность схлынула, раздражение не появилось, тревога – да. Ничего хорошего ни пляж, ни знакомое море под фиолетовым небом, ни зеркальный купол Сферы не предвещали, и вряд ли Роми перенеслась сюда случайно.

– Доброй ночи, – девица, улыбаясь, перевела взгляд с Роми на Адана, потом на Алэя и снова посмотрела на Адана. – Ади, ты ведь нас познакомишь?

– Ты... ты же... – довольное выражение на его лице сменилось изумлением. Искренним и настороженным.

Девица, продолжая улыбаться, кивнула. Опустила на песок туфли, плавно вытянула вперёд левую руку, шевельнула пальцами, и на ладони появился небольшой, размером с яблоко, фиолетовый искрящийся шарик.

– Но... Ты же... Ли?..

Адан, казалось, напрочь забыл, что кроме них двоих на пляже есть кто-то ещё. Переместился к девице, одним шагом преодолел последние разделявшие сантиметры, с силой схватил за плечи, потряхнул. Каштановые кудряшки взлетели в воздухе и мягкой волной опустились на обнажённые плечи.

Роми только сейчас заметила, что кожа незнакомки отражает сиреневый лунный свет, одновременно впитывая его в себя, а внутри чётко просматривалась уже знакомая энергия доа, похожая на энергию Адана, но ещё больше – Миры, только в чистом виде.

– Зачем?

– Потом, хорошо? – перебила она, кивком напоминая, что

они не одни. В голосе, несмотря на вопросительную интонацию, слышались твёрдые, властные нотки. Так говорят те, кто привык приказывать, а не просить об одолжении. – Ты нас представишь наконец?

Адан какое-то время молчал, не шевелясь. Затем отступил назад, опустил руки.

– Ромиль, Алэй, – он обернулся к Роми. Бросил быстрый взгляд на Алэя, снова посмотрел на неё. – Та самая Таль.

– Та самая и всё? Нет, ты неповторим. Ллэр представил бы меня лучше, – она насмешливо фыркнула. Подкинула светящийся шарик на ладони, перевела заинтересованный взгляд на Алэя. Затем уверенно шагнула вперёд, приветливо кивая Роми. – Искренне рада нашему знакомству. Прости, что Ади выдернул тебя к нам. Мужчины-доа. Всегда непосредственны и эгоистичны, как дети, – она небрежно повела плечом. – Но ты ещё можешь попробовать вернуться, хотя не советую.

Роми не собиралась никуда возвращаться. Теперь тем более. Тревога крепла, мысли разбегались. И причиной было вовсе не прогрессирующее количество доа на квадратный метр.

На миг в душе вспыхнуло то же чувство, когда она впервые прикоснулась к Адану. Враг. Защищаться. Потом поняла, что нынешнее и близко не стоит: Адан никогда не был врагом. Не мог им быть, потому что доа и атради никогда не враждовали. Содружество не прививало им эту мысль. Незачем. У возникшего в Плеши чувства была другая при-

рода. Роми теперь знала, особые, только внешне такие же, как остальные народы, населяющие миры Вселенных, доа обладали способностью узнавать соплеменников в толпе, даже не видя глазами, безошибочно выходить друг на друга. Возможно, сознание Адана, его спящее знание истиной природы попыталось подать знак, вторгнуться в заблокированный участок памяти Роми. Пробылось, а пустота, на которую там наткнулось, отреагировала неожиданным образом, послал сигнал «враг».

С Таль не было нужды ни в каких ощущениях или сигналах, чтобы распознать исходящую от неё угрозу. И хотя Роми признавала, что может вновь ошибаться, что Таль – не враг им всем, убираться обратно в Тмиор не торопилась.

– Я тоже рада нашему знакомству. Очень много о тебе слышала, – улыбнулась Роми. – Адан, объяснишь?

– Я? – Пару секунд он переводил взгляд с неё на Таль и обратно. Внимательно разглядывал, словно сканировал. Или сравнивал. Потом вдруг зло улыбнулся, с силой привлёк Таль к себе, обхватив за талию. – Нет уж. Пусть он, – Адан кивнул на Алэя, – тебе объясняет. У него хорошо получается. А мы пока прогуляемся. Нам...

– Я сама могу всё объяснить, – перебила Таль. – Гораздо лучше, чем Ади, поверь. Что именно тебя интересует?

– Адан, ты... я... – Роми на мгновение нахмурилась и почувствовала себя круглой душой.

Неужели она ревнует Адана к этой наглой девице? Роми

соврала бы себе, если бы сказала, что никогда не думала о нём и о том, что произошло между ними. Почти произошло. Что забыла его слова, что не вспоминает. Она соврала бы, если бы сказала – что всё это имеет прежнее значение. Но оглянуться на Алэя почему-то оказалось невероятно тяжело. А он в этот самый миг как раз наклонился, выживая что-то из воды, и через секунду послышались шлепки плоского камешка по воде.

– И что же ты можешь объяснить? – Роми взглянула на Таль. Ещё одна доа и снова из Актариона, который когда-то приложил руку к наказанию Эннеры. Как и почему – не имело значения. Той, кто изменил Миру, не составило бы труда повернуть опыт и над собой. Улучшенный, исправленный и дополненный эксперимент.

– Могу или должна? – улыбка с лица Таль не исчезла, просто стала другой – холодной и жёсткой. Точно так же изменился взгляд тёмно-синих глаз. В них больше не было ни капли вежливого дружелюбия, только высокомерие и голый расчёт, будто Таль мысленно прикидывала, какую пользу может извлечь из ситуации. И совершенно этого не скрывала, как не ждала ответа на свой вопрос. – В принципе, я в отличие от тебя могу объяснить всё. Если захочу.

Роми пожалела, что так мало расспрашивала Ллэра о том, чем он занимается с Таль, о деталях того, что ищет, что не углублялась в его план. Что раньше лишь злилась, обвиняла и предрекала, что ничего не выйдет. А если и выйдет –

совсем не то, что задумывал. Позже злость исчезла. Понимание этого в какой-то момент шокировало, а потом у них не осталось времени на личную неприязнь. Слишком много всего свалилось. Они виделись несколько раз, каждый – почти мимоходом. В последнюю встречу она успела рассказать ему о роли Актариона в Содружестве и союзе с Тлай. Почему он не предупредил, что Таль пошла в своих опытах дальше? Не знал или не захотел?

– Если я найду, что предложить тебе взамен? – спросила Роми, возможно резче, чем стоило и чем имела право.

Таль усмехнулась.

– У тебя нет ничего, что могло бы меня заинтересовать. Кроме него, – небрежным кивком указала на Адана, застывшего, словно изваяние. Повелительным жестом остановила, когда он собрался вмешаться. – Ты просила объяснить. Передумала?

Роми вскинула брови, улыбнулась.

– Мы, видимо, друг друга не поняли. Я сюда не по своей воле пришла, и вопрос мой касался именно этого.

– Не знаю, как наши мужчины, но я прекрасно поняла, хотя вопрос ты так и не озвучила, – Таль подкинула на ладони искрящийся сгусток энергии, самодовольно улыбнулась. Фиолетовый шарик пролетел несколько метров, за считанные доли секунды преодолевая расстояние до Сферы, с характерным хлопком встретился со сверкающей гладкой поверхностью и эффектно разлетелся разноцветными искрами. –

Объясняю, что здесь только что произошло. Всё дело в том, что Адан – страшный собственник, – как ни в чём не бывало продолжила Таль. – А поскольку вместо того, чтобы изучать новые возможности, он три месяца последовательно и методично глушил способности доа, то контролировать определенные желания так и не научился. О некоторых даже не подозревает, – она обернулась к Адану, подмигнула. – Мы умеем притягивать других к себе. Практически любого из любой точки и любого мира, пока он открыт, – Таль повернулась обратно к Роми. – Считай, тебе сказочно повезло. Ади очень вовремя тебя приревновал.

Пока она говорила, настроение Роми менялось. Сначала хотелось сбежать, чтобы не слушать. Потом – ударить, после – вырвать язык, свернуть шею. Таль великолепно умела вызывать к себе раздражение. Но когда она замолчала, Роми смогла выдавить чуть слышно, чувствуя, как холодеют пальцы, и боясь сделать хоть что-нибудь, чтобы получить ответ самостоятельно:

– Что ты имеешь в виду?

– Я только что искала Ллэра и не смогла найти Тмиор, – Таль смотрела на неё в упор. – Кажется, то, чего вы, атради, так опасались, случилось. Очень надеюсь, что Ллэр не застрял там.

Она ещё не закончила говорить, а Роми уже пыталась нащупать Пути. Таль не смогла? Эта самоуверенная выскочка не показатель. Кто она такая, чтобы делать подобные заяв-

ления? Новосозданная доа из бывших врагов?

Надпространство охотно развернулось, пляж обрёл иную чёткость. Вода застыла, мелкий прибой перестал шелестеть. Песок под ногами превратился в твёрдый, потрескавшийся грунт. Туннели, тонкие, едва осязаемые проколы – сотни, десятки дорог уводили прочь, в полном, лёгком доступе. Роми прикасалась к ним, тянулась, ощущала ответное, приглашающее покалывание – только выбери и иди.

И только Пути в Тмиор упирались в невидимую преграду. Роми попыталась понять, где находятся те, с кем несколько минут назад она разговаривала, кого пыталась убедить в том, что пришло время выбираться из раковины бессмертия, и снова натыкалась на ватную, пружинящую стенку. Они были там, атради чувствовала их и не могла прикоснуться к сознаниям, достучаться, разорвать пространство.

Кружилась голова. Леденели пальцы рук и ног. Становилось тяжело дышать. Реальность теряла смысл, оставляя лишь одну мысль: не успели?!

– Ллэр не в Тмиоре, – сквозь туман паники послышался лишённый эмоций голос Алэя, и Роми вывалилась обратно в нормальное пространство. Почти упала на песок, но Алэй успел подхватить её под локоть: оказывается, он уже вышел из воды и подошёл к ним.

– Я рада, если так, – кивнула Таль.

– Да неужели? – подал голос Адан.

– Не веришь? – она с невозмутимой улыбкой обернулась

к нему.

Он смерил её долгим мрачным взглядом.

Таль пожалала плечами, будто отвечая на неозвученый вопрос, повернулась к ним.

– Что ж... Можете не верить, но я правда рада. Из всех атради Ллэр – единственный, кто заслужил право не умереть от голода в вашей прогнившей клетке.

– А ты знаешь всех атради, чтобы судить? – не удержалась Роми.

Думать о том, что творится в Тмиоре, она себе запретила. Не сейчас, не здесь. Если Таль не врёт, а закрытые Пути говорят в пользу этого, то уже ничего не исправить. Не остановить. Сожалеть, посыпать головы пеплом, проклинать себя и других за глупость, упрямство и прочие непростительные ошибки – делу не поможет. Роми и раньше подозревала, что, когда солнце Тмиора начнёт меняться, мир захлопнется, законсервируется сам в себе, превратившись в ловушку, каковой был до того, как Самар нашёл выход из созданной Содружеством тюрьмы. Содружеством, среди которого были и предки Таль.

– Знаю достаточно, чтобы... Вы – ошибка, за которую пришлось заплатить всем. Нам, им, – Таль кивнула в сторону Адана, продолжила: – Столько людей погибло, столько миров. И что? Вы прониклись их гибелью? Какой урок вынесли? Сиганули в раскалённую лаву от раскаяния? Нашли другой способ подохнуть от чувства вины? Нет! Вы наплевали

на всех. Пережили и создали для себя уютный, безопасный мирок, угробив половину своих же. Снова! А чтобы не мучиться угрызениями совести, избавились заодно от памяти. Возомнили себя богами. Решили, что имеете право отлавливать и превращать других в такие же прогнившие, равнодушные мумии! При этом вы искренне считали это подарком судьбы! Вы...

– Мы никого не отлавливаем, – перебила Роми. – Мы своё заплатили. Те, кто погиб – знали, на что идут. Мы все знали. Тебя там не было, ты не сможешь понять. Я не знаю, откуда ты всё это узнала, но информация – совсем не то, что лично пережить сначала тысячелетнее заточение, голод, все грани сумасшествия, агрессии, апатии, потом – надежду и неизвестность. Незнание, кто выживет, а для кого не хватит энергии нового мира!

Голос ещё не срывался на крик, но близко подходил к этому. Злость захлёстывала, лишала способности думать. Роми не желала оправдываться перед Таль. Ни перед кем. Это была цена и их выбор – её заплатить. Они все могли погибнуть, гарантии не было, но решили рискнуть, и не актарионке их судить.

– Мы – ошибка? А не решение Содружества? Не ваше всеобъемлющее категоричное превосходство? Не ваше право сильного навязывать свой взгляд тем, кто слабее, но всё же достаточно смел, чтобы пойти дальше? Тлай предложили, их послушались. Но если бы и нет, ядро Содружества, вы

– Тлай, Актарион и Виль’лари – подмяли бы под себя всех недовольных, верно? Платить заставили вы. Ты и тебе подобные. Чем существование доа грозило мирозданию? Этих доа, предков моих и Адана! Ничем, только вы не хотели лишнего беспокойства, забот. Проще наказать всех, чем только виновных. Проще обозвать виновными каждого, кто не соответствует вашим критериям!

– Нашим критериям? – Таль равнодушно качнула головой. – Содружества давно нет, Роми. Я не имею к нему никакого отношения. Прошло много тысяч лет, – она холодно улыбнулась. – Понимаю, тебе трудно осознать. Для тебя всё началось ещё тогда и никак не закончится. Могло бы закончиться сегодня, если бы не глупая ревность Ади.

– Ли, ты пыталась найти Ллэра, чтобы предупредить? – оборвал Адан, не давая Роми разразиться новой тирадой. Шагнул вперёд, развернул Таль лицом к себе: – Не смогла и пришла сюда, потому что знала, что будет, да?

– Откуда, по-твоему, я могла знать?

– Оттуда же, откуда знаешь всё это!

– Я буду тебя ждать, где всегда, – она легко высвободилась, хотя Адан держал её крепко. Наклонилась, подхватила туфли с песка. – Нам надо поговорить. Кое-что решить, Ади. И лучше наедине. Согласен?

Он лишь неопределённо мотнул головой. И прежде, чем до Роми по-настоящему дошло, что только что заявила Таль, та исчезла.

– Чёрт бы тебя побрал, Ли... – сквозь зубы пробормотал Адан. Рухнул на песок, сел, обхватив колени.

Чёрт бы её побрал, согласилась Роми. Чёрт бы побрал слова, что задела за живое, воспоминания, от которых болела голова, страх, что лишал способности здраво мыслить. Чёрт бы побрал эмоции, которые заставляли чувствовать себя снова девчонкой. Упрямую мать, которая решила за неё, а потом бросила расхлёбывать. Для Роми действительно ничего не закончилось, и растерянность затмевала опыт прожитой вечности.

Она легонько стиснула ладонь Алэя. Ощувив ответное пожатие, невесело улыbnулась, чувствуя, как растворяется злость и появляется усталость. Захотелось точно так же сбежать, обо всём забыть или хотя бы, как Адан, упасть на песок. А потом уткнуться носом в колени и разреветься, как ребёнок.

– Тмиора больше нет, – тихо сказала она. – Или очень скоро не станет. Как когда-то не стало Тайко. Был бы здесь сейчас Ллэр, он бы цинично пошутил, что одной проблемой меньше.

– Иногда ты о нём думаешь хуже, чем я, – чуть слышно усмехнулся Алэй.

– Но с ним всё в порядке?

– Он не в Тмиоре. В этом я уверен.

Роми кивнула. Большого он и не мог знать.

Она выпустила руку Алэя, приблизилась к Адану, не спе-

ша опустилась на песок в стороне. Хотела что-то спросить, но вместо этого сказала:

– Привет... – и почему-то почувствовала себя ужасно.

Он не ответил. Она помолчала.

– Ты тоже считаешь, что мы должны были умереть от чувства вины в качестве расплаты за самоуверенность?

На этот раз Адан ответил, хотя не сразу.

– Я считаю, что я – идиот, потому что... – он осёкся. Поднял голову, встретился с Роми глазами. Взгляд изменился. Вместо тотальной растерянности – лёд отчуждения, словно за долю секунды между ними появилась невидимая, но очень прочная стена. Не та, что превращала их в смертельных врагов, но та, что не позволяла оставаться друзьями. Адан выпрямился, горько усмехнулся. – Нет, я не считаю, что ты должна была умереть. На твоём месте я бы не торопился прыгать в пекло, а постарался выжить. Ты сделала выбор. Это не делает тебя лучше в моих глазах. И хуже тоже. Ты такая, какая есть. И ты не виновата.

– Я такая, какая есть, – повторила она, оглянувшись на Алэя.

Тот не спешил подходить к ним, но не отворачивался. Роми не рассказывала ему о том, что почти произошло здесь, в Эннере, на скале. Не потому, что хотела скрыть или сожалела. Просто так вышло. А теперь она никак не могла понять, насколько это имело значение для неё и будет – для Алэя. Снова глянула на Адана, всё-таки сказала:

– Прости.

– За что ты просишь прощение? – ухмыльнулся он. – За то, что было, или наоборот – чего не было и уже не будет? Или так... на всякий случай?

– За то, в чём, как ты говоришь, я не виновата, но что всё равно причиняет боль, – она попыталась улыбнуться.

Адан поднялся, медленно расправил широкие штанины, стряхнул песок. Так же медленно выпрямился, огляделся. Несколько секунд пристально разглядывал Сферу, потом переместился к Алэю.

– Я не очень понимаю, что должен сейчас делать. Если всё правильно уяснил, вы только что остались без своего мира. И наш с тобой недавний разговор утратил условное наклонение, – спокойно, по-деловому, может слегка сдержанно, но без злости произнёс Адан.

– Наш разговор утратил не только это. Сюда никто не придёт, незваных гостей не будет. Вне Тмиора атради осталось не так уж много, и вряд ли они догадаются, куда идти. Кого искать...

– Чем я могу вам помочь теперь?

Алэй помолчал, пожал плечами.

– Сам не понимаю. Мы оказались в потрясающей ситуации.

– Но что-то делать надо.

Роми перестала слушать, посмотрела на воду.

С голоду они не умрут – есть Эннера. Без денег тоже не

останутся. Она готовилась к этому. К тому, что окажется без дома. Что Тмиор станет недоступен или просто прекратит существование. Три месяца назад первым делом привела в порядок разбросанные по мирам собственные норы, пополнила запасы «на чёрный день», над которыми всегда смеялась и не верила, что пригодятся. Занимаясь всем этим, чувствовала себя невероятно глупо, будто заранее сдавалась, а ещё – будто готовилась к поражению. Алэй верил, она успеет убедить остальных, что надо уходить, процесс не остановить, потому что единственный из них, кто знал, как справиться с взбунтовавшейся стихией – Самар. Она ни во что не верила, но не позволяла печальным мыслям захватить власть над поступками.

И сейчас, когда возможное будущее превратилось в паршивую реальность, накатила вдруг полнейшая апатия. Что-то делать? А зачем? И действительно – что? Искать остальных? А как? Она даже не знала, кто спасся, и найти их не получится. Во всём многообразии миров вряд ли звёзды встанут так, что подскажут атради путь в единственное место, где они могут выжить. Повезёт, если хотя бы часть из них, по цепочке выходя друг на друга, доберутся до Эннеры.

А потом что? Рассредоточиться по планете? Вернуться в нажитые норы и наведываться сюда, чтобы подышать полезным воздухом, а затем возвращаться к своим странным жизням? Купить квартирку в Бэаре, найти работу, в миллионный раз поиграть в смертных? И так – до бесконечности?

Раньше вечность не пугала, сейчас... нет, сейчас страха всё так же не было. Но заранее становилось скучно. Результат известен. Почему раньше он не имел значения? Потому что был Тмиор? Нечто постоянное, неизменное, где не возникало необходимости притворяться?

Эннера пуста, атради могут построить себе новый Замок. Другой, но почти такой же. Фиг с ней, с многомерностью, всё равно от неё было больше вреда и неразберихи, чем пользы. Пусть нет солнца Тмиора, способного превратить их в атради, но есть местное солнце. И снова – а зачем?

– Зачем всё?..

– В каком смысле всё?

Роми вздрогнула, оторвала взгляд от тёмной, бесконечной водной глади. Спрашивал Адан, и сейчас он хмурился. А она и не заметила, что произнесла фразу вслух.

– В самом прямом. Зачем что-то делать? Чтобы снова всё наладилось и пошло своим чередом? Может, Таль права, и лучше бы всё закончилось сегодня. Может быть, прав Ллэр, и таких, как мы, вообще не должно было появляться на свет.

– Та-а-а-ак... – Адан шумно выдохнул. Махнул рукой, обернулся к Алэю. – Прости, на это, – он кивком указал в её сторону, – у меня сейчас нет ни сил, ни времени, ни желания. Когда обретёте смысл вечной жизни снова, и я всё ещё буду вам нужен, поймёте, где меня искать.

И исчез.

Алэй подошёл к Роми, встал рядом, глядя на неё сверху

вниз.

– Он прав.

– В чём? – Ей приходилось запрокидывать голову, чтобы видеть его глаза.

– В том, что на это сейчас нет ни сил, ни времени, ни желания.

– На что?

– На истерики и упадок духа.

Она не ответила – нечего было сказать. Спорить, что никакая у неё не истерика? Сообщить, что вот наконец-то она его поняла? Полностью, до конца. Все его слова, сказанные за семьсот лет. Его и Ллэра. Все ощущения. Всю безысходность, серость, однообразие и желание прекратить. Нет, она не захотела умереть, но поняла, почему они хотели. Словно увидела мир их глазами, и он ей не понравился.

Роми опустила взгляд, сгребла в ладошку песок, высыпала и снова набрала полнуюю.

– Поднимайся.

– Отстань.

– Поднимайся, Рэм.

– Я устала.

– Я знаю, – Алэй присел на корточки. – Рэм, посмотри на меня.

– Ты не понимаешь.

– Я? – он хмыкнул. – Ты правда так думаешь?

Она опять промолчала. Ответ был бы «нет». Если кто-то

и мог понять, так это Алэй. Даже Ллэр, считая, что главная ценность жизни в её конечности, никогда не испытывал ничего подобного. Он не искал смерти, только смертности. Роми же сейчас была близка по-настоящему жалеть, что Адан так удачно выдернул её с Тмиора.

– Ты тоже злишься сейчас. На меня все злятся. Я...

– Прекращай, – перебил Алэй. – Прекращай, прошу тебя. Вот это всё – не ты, не твоё, ты знаешь.

– Прекращать?! – Роми вскочила. Теперь она смотрела на него сверху вниз. – Я должна быть вечно бодрой и боевой? Истериически оптимистичной? Самоуверенной, всезнающей, хладнокровной? Вечно бороться? Не сдаваться, упорно искать ответы, выходы, сыпать предложениями? Спорить до хрипоты? Доказывать?

– Я люблю тебя, – неожиданно сказал Алэй, заставляя замолчать на вдохе.

– Но... При чём здесь... – она глубоко выдохнула. Шумно. И будто сбросила шелуху. Будто ночь стала светлее. Ответить Роми ничего не успела, Алэй уже продолжал:

– Я знал давно, всегда, ты ведь помнишь. Но осознал, что это означает, только теперь. Хоть год, хоть миллион лет. Время перестаёт иметь значение.

– Значит, смысл нашей жизни – в любви?

– Нет. В равновесии, – он встал.

– И в чём же заключается равновесие, от того что мы выжили?

– Не знаю, – Алэй пожал плечами. – Пока не знаю. Но мы живы, а значит, у нас есть возможность выяснить.

– И что потом?..

– Будем думать об этом потом. Рэм, во всём в жизни есть смысл. Но мы часто его путаем с объяснением событий и поступков. С мотивацией, с целью. Ты это сейчас ищешь. А смысл ближе к самоопределению. Подозреваю, мир ещё не раз перевернётся с ног на голову, но мы дойдём до конца, и ты сама всё поймёшь.

– Философствуете? – раздался голос Ллэра. Роми оглянулась и совсем не удивилась, увидев рядом с ним Миру.

Глава 27. И снова Тени

Ллэр уверенно шагнул вперёд, а Мира осталась стоять там, куда они вдвоём перенеслись, как только после нескольких безуспешных попыток оказаться в Замке атради убедились: Тмиор недоступен, Роми и Алэй живы и находятся в Эннере. С этого момента Мира больше не спорила, не возражала, даже не пыталась. Целиком и полностью положились на Ллэра, хотя видела – он растерян не меньше неё. Может быть, даже больше.

Как относиться к тому, что происходило, Мира не знала. Объяснить не получалось. Испугаться тоже, потому что она не понимала, чего или кого ей бояться. У «врага» не было конкретного лица. Даже имени. В то, что виной всему Адан, Мира упрямо не верила. Прекрасно помнила его искреннее недоумение на поляне, куда он вытащил её из ванной Ллэра. И всё, что случилось потом, тоже. Как переживал, как защищал, как заботился. Всё это – не игра.

Адан не притворялся, совершенно точно был растерян и плохо понимал, что с ним происходит. Да и позже, когда она пару раз приходила к нему из Сейфана, знал о происходящем не больше. Не врал, не использовал, не пытался прочитать мысли или сделать что-нибудь, чтобы как-то повлиять на неё. Никакой опасности, скрытой или явной, от него не исходило, а если бы он был замешан, она бы обязательно по-

чувствовала. В это Мира свято верила.

Но доказательств не было, лишь ощущения, полагаться на которые Ллэр не спешил. Не обвинял открыто Адана, но просил не торопиться с выводами, подождать, всё взвесить. Явно что-то недоговаривал. И рядом с его знанием и опытом Мира чувствовала себя маленькой несмышлёной девочкой. Это злило, совсем чуть-чуть. А вот уверенность в собственной правоте таяла, оставляя место неопределённости. Но даже абстрактная возможность, что она ошибается и врагом мог быть Адан, всё равно не пугала в отличие от дальнейшей судьбы Ллэра.

И потому его беспокойство, которое он старательно прятал за обычными ухмылками, невольно передалось и Мире. Пусть ей никогда не нравился мир атради, но у чужой беды мгновенно появилось родное лицо. А это сразу многое меняло.

Вряд ли бы она кинулась, сломя голову, спасти всех атради и разбираться в проблемах Тмиора, но ради одного, без которого её жизнь утрачивала вообще какой-либо смысл, она была готова лезть в любое пекло, не задумываясь. И уже влезла, потому что сейчас, стоя на сером песке Эннеры и глядя на растерянных Роми и Алэя, Мира осознала, что по-настоящему переживает. Чувство вины росло, будто сама нажала на кнопку, включив обратный отсчёт в Тмиоре.

Мира встретилась взглядом с Алэем, испуганно замерла. Показалось, что он знает, о чём она сейчас думает. Помнит,

как собиралась покончить с ним. Догадывается, что она убила Самара. И сильнее захотелось исчезнуть, спрятаться. Если бы не присутствие Ллэра, наверное, поддалась бы трусливому порыву и удрала обратно в уютный Сейфан под голубую луну подальше от пронизательных серых глаз.

– Вы уже в курсе последних новостей? – Ллэр будто что-то почувствовал. Не глядя, нашёл её ладонь, крепко сжал.

Мира еле слышно вздохнула, поравнялась с ним, доверчиво прижалась. Ясно увидела, как Роми стиснула зубы. Даже услышала, как они скрипнули.

– Тебе обязательно иронизировать?

Ллэр не стал огрызаться в ответ. Пошёл к ним, потянув за собой Миру. Остановился в нескольких шагах.

– Да, – он посмотрел Роми в глаза совершенно серьёзно. – Помогает.

– Помогает? – чуть слышно хмыкнул Алэй. – Твой дом уничтожен.

– Мой дом уничтожен много лет назад, – усмехнулся Ллэр. – Помнишь? Я сам это сделал, хотя ты и просил остановиться. – Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Роми молчала, Мире даже показалось – затаив дыхание, потом Ллэр снова заговорил: – Ты был прав, когда предупреждал, что, если не образумлюсь, обязательно повторю свою ошибку.

– Но не сейчас, – тихо отозвался Алэй.

– Считаешь, я ни при чём?

Алэй мотнул головой.

– То, что случилось – произошло бы так или иначе. Большую красную кнопку ты не нажимал. Хотя, конечно, легко и привычно повесить всех собак на того, кто постоянно устраивает локальные концы света в той или иной Вселенной, – Алэй улыбнулся. – Но я всё равно прав.

Мира повернулась к Сфере, равнодушно скользнула взглядом по собственному отражению и чётко осознала недавнее присутствие Адана. Его след ещё ощущался в пространстве. Но не только его. Был ещё один, принадлежавший кому-то, кого Мира тоже знала.

– Адан только что был здесь? Вы говорили с ним? – не давая Ллэру возможности ответить отцу, спросила она.

– Да. На оба вопроса, – отозвался Алэй. – Именно благодаря ему Роми здесь, а не в Тмиоре.

– Он знал, что там... – начал Ллэр, его опять перебили, на этот раз Роми.

– Нет, не знал. Они просто очень вовремя увели разговор в неконструктивное русло.

Алэй бросил на неё быстрый взгляд. Ллэр нахмурился, впросительно посмотрел на отца.

– Это абсолютно неважно.

– Кому как, – вырвалось у Миров.

Она догадалась о причинах неконструктивного разговора сразу, как только пригляделась к парочке. Роми времени даром не теряла. Небось навёрстывала упущенное за па-

ру столетий или сколько там прошло, пока отец Ллэра был прикован к инвалидному креслу. Если Адан увидел то же, что и она сейчас, его реакцию угадать несложно. Перехватив пристальный взгляд Роми, Мира машинально представила, как должны выглядеть они с Ллэром, и поняла, что краснеет. Уткнулась лбом в его плечо, но через секунду заставила себя посмотреть на Алэя.

– Кто был с Аданом? Я кого-то чувствую... знакомого, – неуверенно добавила она. – Ещё одного доа. Только откуда?

– Вот. Правильно, – подхватила Роми, может быть, излишне по-деловому. Как будто жалела, что затронула тему, а теперь только и ждала повода её сменить. – Давайте к сути. Здесь только что была ваша общая знакомая, – она посмотрела на Ллэра. – Ты забыл рассказать, что Таль – доа?

– А... вот как?..

Ллэр не притворялся, он сильно удивился. Как и сама Мира. Таль – доа? С каких пор? Хотя, может, поэтому просила не появляться в Миере? Собиралась закончить превращение без сторонних наблюдателей.

– И давно?

– Ты нас спрашиваешь?

– Ну, вдруг она похвасталась своими достижениями. Таль может. Не смотри на меня так, Рэм. Я уже давно тебе не вру. Таль не была доа. По крайней мере... – Ллэр обернулся к Мире, несколько секунд пристально на неё смотрел. – Может быть, для того, чтобы завершить и... нет, мало, – он снова

уоставился на Роми. – Мы что-то упускаем. Мне бы...

– Не вздумай заявить, что тебе бы сейчас свалить и подумать обо всём этом где-то в одиночестве, – заявила Роми. – Мне не нравится растущее количество доа на квадратный метр и чем это сопровождается, – она бросила взгляд на Миру. – Прости, я не о тебе. Просто последние дни всё...

Мира повела плечом, прикусила нижнюю губу, чтобы не ляпнуть какую-нибудь гадость в ответ. Вряд ли Роми собиралась её обидеть. А если и собиралась, то сейчас всё равно неподходящее время для ссор.

– Мы упускаем очень многое, – Роми обернулась к Ллэру. – Это не эксперимент. Таль ненавидит атради. Так, как мог бы ненавидеть потомок Содружества. Но в то же время она – доа.

– Что ты знаешь о Таль? – спросил его Алэй.

– Ничего особенного. Родилась и выросла на Актарионе в Миере, училась там же и ещё кое-где, родители местные. Основали Институт крови, давно умерли, теперь там управляет Таль. Мозгов хватит на всех нас. Адан сейчас с ней?

Алэй кивнул.

Мира уоставилась на море, наблюдая, как волны одна за одной вылизывают мокрый песок.

– Я схожу к нему и всё узнаю, – проговорила она, обращаясь к Ллэру.

– Одна – нет, – он крепче сжал её ладонь.

В другой ситуации такой жест Мира расценила бы, как

трогательную заботу или проявление любви. Сейчас же ощутила себя маленьким ребёнком, которого держит за руку строгий родитель, лишая возможности совершить глупость. Кажется, подозрения Ллэра только крепли. Она же, наоборот, сильнее верила, что Адан ни при чём. Однако возвращаться к бесполезному спору не хотелось, в присутствии Алэя и Роми – тем более.

Мира поняла, что начинает злиться. Ллэр что, не доверяет ей? Не верит, что она в состоянии справиться сама? Зря, она прекрасно сможет всё узнать. По крайней мере, понять, врёт ли Адан или нет, уж точно. А присутствие атради только помешает.

Захотелось высвободиться, самовольно выйти на Адана, найти Таль, заставить рассказать всё, что те знают. Она сдержалась. Обещала ведь, что что сначала попробуют вместе разобраться, что же случилось с Тмиором.

Мира шумно выдохнула. Недовольно проворчала, по-прежнему глядя на море:

– Ну и что ты предлагаешь? Будем стоять здесь и искать виноватых?

– Никто здесь стоять не будет, – отозвался Ллэр.

– А что, собственно, вы собрались узнавать? – спросила Роми.

– Скорее уточнять. Некоторые подозрительные моменты, совпадения. Осведомлённость Самара, поведение Адана, превращения Таль, – он помолчал, словно обдумывал, с чего

начать. – Я всё это время считал, Самар ничего не знал, но я ошибался. Похоже, самый древний атради умело водил меня за нос. Когда я нашёл его, он выращивал цветочки в глиняных горшках, картошку – за домом, занимался самосозерцанием и был склонен к словесному поносу философского характера. Как такому не поверить? Сейчас понимаю, что он либо никогда не стирал собственную память, либо восстановил её.

– Битые шары в Пещере Вэра, – пробормотал Алэй.

– А... – выдохнула Роми. – Полностью загруженные капсулы памяти уничтожаются. Почему я раньше не думала об этом? Это ведь очевидно. Он своё жилище построил над входом в пещеру, и при всём желании его всегда было невероятно сложно найти. Вероятно, она как-то экранировала.

– Не думала, потому что не казалось важным, – сказал Ллэр. – Я готов перед каждым словом добавлять «может быть» и «возможно». Нам ничего неизвестно о том, что конкретно запустило процесс уничтожения. Может, со смертью Самара начался откат только потому, что все изменения держались на его жизненной энергии. Ведь мы не знаем наверняка, что конкретно он сделал, когда превратил Фахтэ в Тмиор, а вас – в атради. Но когда его пришли убивать, он не удивился. Не защищался, не сопротивлялся. И он узнал...

Мира почувствовала на себе чей-то взгляд, обернулась, встретила глазами с Алэем.

– Ты попробовала на нём тот же способ? – спросил он.

Его вопрос не был обвинением, в голосе не было упрека или злости, и всё равно задело. Напугало, заставило заново пережить те ужасные мгновения, когда на её глазах и по её вине умирал Самар. Захотелось оправдаться, найти всему объяснение, доказать, что не виновата. Только как? Не говорить же: это не я. Не она, а кто тогда? Кому бы ни принадлежал тот голос, именно она позволила подчинить себя.

Алэй ждал ответа. Казалось, они все ждали. Даже Ллэр. Впрочем, почему это её удивляет? Он же сказал, что готов перед каждым словом ставить «возможно». Он ни в чём не уверен, абсолютно всё подвергает сомнению. И её слова тоже. Все попытки убедить в невинности Адана наверняка воспринимает, как укрывательство. Или ещё что похуже.

Захлестнула обида, чувство вины сменилось злостью.

– Может, доа и атради никогда и не были врагами, – Мира выдернула свою ладонь из пальцев Ллэра. – Но мы на верном пути ими стать.

– Чего? – удивился он.

– Ничего! – огрызнулась она. – Адан – мировое зло, Таль ненавидит атради, я убила Самара. Замечательно. Вот и нашли виноватых.

Ллэр рассмеялся.

– Имею полное право забрать часть лавров мирового зла себе. Это же я полез со своей навязчивой идеей к Самару, начал следить за Таль и её экспериментами, привёл тебя в Тмиор, а потом и Адана. Продолжать? – он поймал её ру-

ку, Мира снова попыталась выдержать, тогда он взял вторую. Всё так же улыбаясь, посмотрел ей в глаза. Сказал, кивнув в сторону Алэя: – Он умеет задать вопрос. Это у меня от него. Мы все виноваты. Сейчас, раньше, ещё будем. Но в данный момент мы перечисляем факты. Понятно?

Мира послушно кивнула, успокоилась, как будто прикосновения Ллэра обладали магической силой.

– Адан – мировое зло? – нарушила молчание Роми.

– Я не знаю, – ответила Мира. – Надеюсь... Нет, верю, что нет, но... Кто-то управлял мной, заставил перенести Тени на поляну, убить Самара. Самое странное, что он знал, кто я. А я готова поклясться чем угодно, что видела его впервые в жизни! Но он не просто узнал меня. Он понимал, что я собираюсь сделать, и даже не попытался остановить. Словно ждал этого, понимаете? – Мира говорила, уже не думая, как будет выглядеть вся история в глазах Роми и Алэя, поверят ли они ей, сочтут виноватой или сумасшедшей. – Кто-то вынудил меня сделать всё это. Кто-то подчинил моё сознание, перенёс меня с места на место. Насколько я знаю, атради так не умеют. Только мы, доа. Но зачем Адану уничтожать Тмиор?! Это абсурд. Я скорее поверю, что сошла с ума и у меня раздвоение личности, чем в то, что Адан способен сознательно причинить мне вред, – она замолчала и почувствовала, как Ллэр обнял её за плечи, прижал к себе крепче.

– Адану как раз и незачем. Он чистый доа. Ему если кого и ненавидеть, так Содружество, не нас, – задумчиво произ-

нёс Алэй. – Я успел пообщаться с ним совсем недолго, но достаточно, чтобы понять – у него нет подобных замашек. Адан из тех, для кого всё, что непосредственно не мешает, не имеет значения, – он усмехнулся. – Злой властелин – не его амплуа.

– Но при этом кое-что в его поведении на тот момент было просто зеркальным отображением одновременных действий Миры, – отозвался Ллэр. – Я видел одну часть и прочувствовал на своей шкуре другую. Не думаю, что это тоже некое свойство доа, как таковых. Вроде способности притягивать к себе.

– Мы, кстати, можем ставить автоответчик, – буркнула Мира.

– В смысле? – Ллэр посмотрел на неё.

– «Никого нет дома, дёргайте позже», – ответила она. – В смысле, это можно контролировать. Удовольствия, когда таскают с места на место, мне лично хватило. А поскольку в последние месяцы тебя рядом не было, чтобы спасти, пришлось самой о себе позаботиться.

– Она права, – Роми принялась массировать виски. – Как же мне надоела каша в голове. То не помню ни фига, то всплывает. Вот Адан меня вытащил сюда, а я даже не врубилась. А должна ж была!

– У тебя на Адана непредсказуемые реакции, начиная с Плеши, – ухмыльнулась Мира. – Или тебя вырубают или не врубаешься.

– Может, ты всё-таки его дальняя родственница? – хмыкнул Алэй.

– Что? – Роми нахмурилась, посмотрела на него.

– Адан предположил. В теории, так сказать, можешь ли ты быть его сто раз прабабкой, – он улыбался, но ощущение, что отец Ллэра не шутит – возникло. – Может, ещё одно свойство доа.

– Нет, – уверенно ответила она. – Это не на него реакция. Это реакция на то, что у меня в голове больше информации, чем мой мозг в состоянии обработать. Понятия не имею, как не путаюсь в том, что когда было и почему! Я должна знать про доа всё. Что могут, что нет. Как могут. Я ведь была достаточно взрослой, чтобы запомнить. А в итоге...

– В итоге мы уходим от темы, – вмешался Ллэр.

– Мне вообще кажется, что на самом деле доа гораздо больше, чем мы думаем, – пожала плечами Мира.

– Только этого нам не хватало, – вздохнула Роми.

– Тебя выдёргивал кто-то ещё? – спросил Алэй.

– Да. Ллэр всё видел. В моей памяти. Тот, кто перенёс меня к Самару, тот, кому принадлежал голос, не Таль и не Адан, – она повернулась к Ллэру. – Ты сам сказал, что он был с тобой и копировал меня, задыхался. И... Если он как-то замешан, если это как-то связано с тем, что делали со мной, то его используют точно так же, как меня. Наше незнание, силу, возможности. Существует ещё кто-то, обладающий такими же способностями, как у нас. Ещё один доа. Или несколько.

Может, сотни. Или же... это вообще не имеет отношения к доа, – Мира замолчала. Теперь уже она взяла Ллэра за руки. – Эль, что будет с ними?

– С доа?

– С теми, кто остался в Тмиоре.

– Ничего хорошего, – помрачнел он.

– Сейчас там всё возвращается на круги своя, – тихо сказала Роми. – Те, кто остался, не могут выбраться. Солнце наверняка перестанет давать необходимую энергию, барьер окреп. Планету зальют огненные реки, и нет такой неуязвимости, которая выстояла бы перед лавой. Другие Вселенные им недоступны, внутренние Пути ведут в пустоту, потому что остальные четыре планеты тоже мертвы. Дальше, как тебе подскажет воображение.

– А с вами? И с другими, кто остался вне Тмиора?

– У нас есть солнце Эннеры.

– Нет, – Ллэр и Алэй заговорили одновременно. Переглянулись и оба так похоже усмехнулись. Совсем невесело. Алэй продолжил: – Нет, Рэм. Очень может быть, что у нас нет солнца. Или в скором времени не станет. С нами тоже что-то происходит. Мы ещё не чувствуем это, мы ещё – атради, но поскольку не можем проникнуть в Тмиор – значит, изменения затронули и нас.

Внутри похолодело. Даже заговорить получилось не с первого раза. Мира вцепилась в ладони Ллэра, встретилась с ним взглядом:

– Сколько?

– Без понятия. Ведь такого никогда не было, – он ухмыльнулся. – Ну что ты сразу переживаешь, это лишь возможность. Не исключено, что ничего страшного не произойдёт, и мы просто автоматом станем теми, кем были раньше – обычными. Ну покорежит немного в процессе. А может, и того не будет.

– Не ври мне, Эль. Ты не поэтому сотрудничал с Таль, не поэтому появился в Сейфане. Не поэтому просил быть рядом, если... Ты знал, ты всё знал, – Мира обречённо замолчала.

Не осталось сил на слова. Понимание, что виновата, что сама обрекла его на мучительную гибель, сжимало сердце в ледяной комок от ужаса. Она со злостью прикусила губу. Кому она врёт? Плевать ей сейчас на всех атради вместе взятых. Плевать, что бы ни сулило им будущее на умирающей планете. Плевать, потому что жизнь Ллэра в опасности, потому что именно он будет страдать и не выживет. По её вине.

– Ты не можешь умереть, не можешь, слышишь?! – она почти взвизгнула. – Не можешь! Кто угодно, но не ты!

Он высвободил руку, положил ладонь ей на щеку.

– Не могу. И не собираюсь. Никто из нас не собирается. Мы найдём выход. В крайнем случае первое время будешь подкачивать нас местной энергией, если мы сами не сможем, а?

– Тебя – буду, – всхлипнула Мира.

Ллэр улыбнулся, уже мягче, так словно хотел что-то сказать, но не стал.

– Над чем вы работали с Таль? – спросил Алэй. – Точно.

– Я – только над обратным превращением. Она знала, как сделать из человека – доа. Это потрясающе, но она воссоздала в лабораторных условиях то, что когда-то сделало солнце Эннеры с её жителями. Первый скачок эволюции. Как я теперь подозреваю, это же в своё время использовали в основе своих экспериментов доа, когда искали пути продлить свою жизнь.

– В Актарионе, как в мире Содружества, могли сохраниться записи, которые дали толчок её исследованиям.

Ллэр кивнул.

– Я никогда не спрашивал об этом. Не в таком ключе. Не сомневаюсь, что у Таль хватило бы мозгов додуматься до всего самой, без старых подсказок. Но до того, как Роми нашла капсулы, вся информация о Содружестве больше походила на легенды. Даже когда что-то удавалось вытянуть из Самара. Но теперь, зная точно...

– Теперь давайте мы пойдём к Таль и спросим у неё, – встряла Роми.

– Просто гениальная идея! Так она вам... тебе и рассказала! – Мира нервно вытерла слёзы, отступила назад. Устала на Роми, выпалив на одном дыхании: – Ты хоть сообщаем, что предлагаешь? Думаешь, она явилась к Адану, чтобы с вами общаться? От счастья так обрадуется, что всё

выложит? Или собираешься заставить? Не выйдет! Таль теперь доа, в ней полно энергии. Особенно здесь, в Эннере. А с ней Адан, который, насколько я знаю, тёплых чувств к вам тоже не питает. И что? Потратите последние силы на противостояние?

– Я бы не сказал, что Адан питает к нам хоть какие-то чувства, – заметил Алэй.

– К тебе – нет, но не к... – Мира осеклась. Собиралась высказать, что они ничего не понимают, не разбираются. Не знают Адана, Таль – тем более. Не представляют, на что та способна. Но остановилась на полуслове. Эти атради ничем не отличаются от тех, кто остался в Тмиоре. Такие же самоуверенные, упрямые идиоты, переубедить которых она не сумеет. Да и на споры у них тоже нет ни времени, ни энергии. Мира хмуро посмотрела на Ллэра. – Ты собираешься составить компанию парочке самоубийц?

– Ты же сама хотела поговорить с Аданом. И я – тоже. А других зацепок у нас пока нет. Даже если мы захотим, то не успеем за оставшееся время найти решение проблемы самостоятельно. Есть другие предложения?

– Есть, – Мира упрямо мотнула головой. – Мы с тобой пойдём к Адану и Таль. Я – потому что чувствую Адана, как себя, и могу им управлять. Ты – потому что нравишься Таль и сумел найти с ней общий язык. Они, – Мира кивнула на Роми с Алэем, – только всё испортят.

Роми громко фыркнула.

– Да ну прямо-таки! Управлять...

Ллэр вопросительно посмотрел на Алэя.

– В этом есть рациональное зерно, Рэм, – заговорил тот. – Возможно, им удастся эффективнее поговорить без нашего присутствия.

Роми шумно набрала в лёгкие воздух. Потом так же шумно выдохнула. Махнула рукой.

– Делайте, что хотите, – она развернулась и побрела к воде.

Мира молча смотрела ей вслед. Смотрела и не понимала, почему им вдвоём так тесно в любой вселенной. Даже теперь, когда, вроде бы, нечего делить. Когда она уже давно знает, насколько глупа и беспочвенна была её ревность. Когда перемены оказались настолько непредсказуемы, что всё перевернулось с ног на голову, и это она, Роми, оказалась не готова к ним.

Мира смотрела и не понимала, искала ответ и не находила. Не видела никаких мало-мальски веских причин, почему с первой секунды между ними возникло взаимное неприятие. Но оно возникло и никуда не исчезло. И теперь внутри прекрасно ощущалось нарастающее раздражение, которое невозможно было больше сдерживать.

– Делайте, что хотите... – скривилась Мира, передразнивая. Какого чёрта? Что о себе возомнила эта ходячая батарейка?! – Среди нас только ты всегда делаешь, что хочешь! – она встала рядом с Роми, с силой развернула к себе за пле-

чи. – Тебе приходило в голову, что если бы ты не кувыркалась на скалах с Аданом, пока Алэй по твоей вине сидел в четырёх стенах, прикованный к инвалидному креслу, у нас сейчас было бы куда больше шансов договориться с Таль?!

– Никогда больше не смей лезть в то, что связывает меня и Алэя.

– Иначе что?

Роми буравила её взглядом секунды три, а потом отвесила пощечину. С такой силой, что Мира покачнулась, отступила. С трудом удержала равновесие, очутившись по колено в морской воде. Щека горела, но Мира заставила себя вздёрнуть подбородок и улыбнуться. Выпрямилась, расправила плечи, в упор посмотрела на Роми. Машинально отметила, что на море, гладком и спокойном минуту назад, начинался шторм – ещё одна волна ударила в поясницу. Теперь уже не только джинсы, но и футболка намокли.

Раздражение никуда не исчезло. Наоборот, превратилось в ярость. Такую знакомую, которая всегда пробуждала что-то, чего разум объяснить не мог. Тайное ли знание, память ли предков, генные ли ухищрения Таль. И всё же эта ярость была другой. Новой. Контролируемой.

И тогда появились они. Тени.

Прозрачные, но всё равно заметные, они бесшумно приближались, окружая Роми со спины. Она их не видела, но по тому, как побледнела, как слетела с лица злая маска и в страхе раскрылись глаза, становилось понятно – чувствовала.

Ллэр в мгновение оказался рядом с Мирой. Алэй – напротив Роми, почти вплотную.

Тени не двигались, словно ждали. Может быть – приказа. Только одного их присутствия было достаточно, чтобы Роми начала задыхаться.

– Ты?.. – Ллэр не обвинял, он был напуган.

– Не я. – Мира ощущала Тени, ощущала то, что ими управляет, будто была их частью. И в то же самое время знала: они пришли не по её вине.

– Уверена?! – крикнул Алэй.

– Это не она, – вместо Миры ответил Ллэр, нашёл её руку. Алэй напряжённо качнул головой, но спорить не стал.

– Мы должны уходить, – сказал он.

– Я не могу пошевелиться, – слова давались Роми с трудом. После каждого ей приходилось шумно втягивать воздух.

Тени не спешили, но Мира знала, энергия в Роми таяла неумолимо, обрекая на смерть. Как уже было с Самаром.

– Я отдам свою... – Алэй раскрыл ладонь.

– Нет. Они выборочно, Алэ. Я не позволю...

Мира оглянулась на море – оно бушевало. Волны, одна за другой, ударяли им с Ллэром в спину, увлекали за собой, пытаясь сбить с ног. Цвет воды тоже изменился – теперь казалось, что она почти красная. Только самый верхний слой, впитывая лунный свет, по-прежнему искрился фиолетовым, одновременно окрашивая пенистые гребни волн в лиловый

оттенков.

Несколько секунд она заворуженно любовалась поднимавшейся бурей и неожиданно поняла – причиной шторма был её собственный гнев. Море необъяснимым образом реагировало на её эмоции. В точности как тогда – ещё в Тмиоре, когда Роми корчилась от боли в тёплой вязкой воде. По её вине.

Мира обернулась к Роми. Алэй держал её за руку, но больше сделать он ничего не мог. Она же могла её спасти. Могла справиться со злостью, направить в нужное русло ярость, подчинить море, заставить Тени отступить. Вторая внутри знала, что делать. Но Мира медлила, сопротивлялась, упрямо не хотела помогать. И, наверное, пассивно осталась бы стоять, наблюдая, как чёрные твари расправляются с Роми, если бы не встретила взглядом с Алэем и не увидела в его глазах отчаяние и боль. И что-то внутри дрогнуло. Пусть она никогда не сумеет понять, за что, но видела – отец Ллэра любит эту заносчивую, самоуверенную стерву и, не задумываясь, поменялся бы с ней местами, позволил убить себя, лишь бы она жила.

И это решило всё.

Высвободить руку, собрать необходимую энергию, отшвырнуть троих атради далеко на песок, почти к самой Сфере – заняло не больше секунды. Ещё полторы ушли, чтобы взлететь и зависнуть над морем, заставить воду загореться – теперь по всей бурлящей поверхности около бере-

га полыхали фиолетовые языки пламени. Вдрагивали, увеличивались, тянулись к её ногам, поднимаясь всё выше, закручивались, превращаясь в огненную воронку. Раньше, чем Тени успели переместиться, они оказались в её эпицентре. Вдрогнули, растерзанные на куски, взметнулись к небу брызгами зелёных искр.

Чувствуя, что слабеет, Мира из последних сил выставила перед собой раскрытую ладонь, перехватила луч лунного света, сконцентрировала, пропуская через себя и превращая в живительную энергию, направила на Роми. А потом, теряя сознание, рухнула в горящее, бушующее море.

Глава 28. Правда

Таль дожидалась его на крыше Гиганта – самого высокого здания в Бэаре. Без одежды с раскинутыми в стороны руками она застыла на узком металлическом поручне спиной к Адану. Пристально смотрела вниз, будто изучала спящий мегаполис. Бледная кожа отсвечивала уже знакомым сиреневым светом и казалась неестественно прозрачной. Мелькнула мысль, что если приглядеться получше, он обязательно увидит фиолетовую кровь, бегущую стремительным потоком по венам.

Адан сделал шаг и неуверенно остановился, чувствуя себя законченным идиотом.

Таль теперь доа. Эта новость затмила всё остальное: Тмиор, Роми, её воспитанного друга, Содружество, кто и почему накрыл Бэар крышкой, что было до...

Адан смотрел и не понимал – почему не догадался, что это станет её следующим шагом? Почему, предполагая возможные варианты собственного будущего, от банального «мы все умрём» до самого невероятного, ни разу не думал именно об этом: Ли однажды превратит себя в доа. Ведь знал, кому и как обязана способностями Мира, помнил, какой настойчивой могла быть Таль в своих желаниях, но...

А сейчас это казалось настолько предсказуемым и логичным, что ещё больше сбивало с толку.

– Наконец-то, – не оборачиваясь, произнесла Таль. Прежде чем он что-то успел сказать, добавила: – Только, пожалуйста, не спрашивай ничего. Я сама расскажу. Постепенно.

– Всё? – цинично осведомился Адан.

– Всё, что тебе нужно знать.

– Может, для начала просто слезешь? – предложил он и тут же пожалел. Таль повернулась, демонстрируя холёное красивое тело, грациозно опустилась. – И оденешься.

– Хорошо, – вопреки ожиданиям она послушно натянула платье, выпрямилась, хитро прищурилась. – Так лучше?

– Нет, – он улыбнулся. Спрятанная под тонкую материю точёная фигурка ещё больше притягивала взгляд и заставляла думать о том, о чём в данный момент явно не стоило. Таль это понимала.

– Тогда откровенность за откровенность, – она тоже улыбнулась. – Готов выслушать моё чистосердечное признание?

– Неужели тебе есть в чём признаваться?

– Представляешь?

– И какая часть рассказа окажется правдой на этот раз?

– Всё от начала до конца. Не веришь?

Адан мотнул головой.

– Тогда я покажу.

– Не боишься, что увижу что-нибудь...

– Даже не надейся, – Таль уже стояла вплотную. Коснулась губ едва ощутимым поцелуем, шепнула: – Ты знал, что

доа могут делать вот так?

– Ли, я... – Её пальцы легли на его виски, сжали, вынуждая проглотить фразу. Глаза блеснули, зрачки расширились, превратились в две светящиеся точки.

Что-то случилось. Его тело стало вдруг необыкновенно лёгким, стремительно взлетело, так же резко опустилось, при этом босые ступни ни на секунду не оторвались от прохладного камня.

А потом всё исчезло.

...Пахло ванилью. Вокруг – крошечная темнота. Чёрное пугающее пространство со всех сторон. Никаких очертаний, силуэтов, теней.

И тишина. Абсолютная.

Таль зажмурилась и снова открыла глаза – ничего не изменилось. Тогда она попробовала пошевелиться – получилось без особого труда. Казалось, что лежит на чём-то мягком, но одновременно упругом. Как будто её вдавили в массу, мгновенно принимавшую форму тела при каждом движении. Материал на ощупь – гладкий, прохладный.

Таль осторожно приподнялась, пошарила руками, но так и не смогла понять, где именно находится. Совсем не похоже на больницу. Свет зачем-то выключили. И совсем не болит живот. А сказали, будет. Сильно.

Таль села, осознавая, что на ней нет одежды. Испуганно поджала ноги к груди, затаила дыхание. Несколько секунд

продолжала сидеть, не двигаясь и почти не дыша. Если кто-то и был здесь вместе с ней, он ничем не выдал своего присутствия. Всё та же жуткая тишина вокруг, нарушаемая биением сердца.

Через несколько секунд она осмелела: не спеша перевернулась, встала на четвереньки и осторожно поползла вбок, пока не нащупала край того, что представлялось чем-то вроде большой кровати. Аккуратно свесила ноги.

Невысоко – кончики пальцев мгновенно утонули в мягких ворсинках шелковистого ковра. И сразу же загорелся свет – сначала тусклый, желтовато-мутный, одной сплошной линией по всему периметру вдоль плинтуса. Только без светодиодов, будто шёл изнутри стены. Как только глаза привыкли, добавилась ещё одна световая полоска под потолком, точно так же повторяя квадратную форму комнаты.

Таль встала и обернулась. Назвать это кроватью не поворачивался язык. Скорее, огромный овальный белый матрас, брошенный прямо на пол посередине комнаты. Другой мебели не было. Просторная комната, казалось, способна вместить как минимум три большие гостиные. Не было ни окон, ни дверей, только сплошные бежевые гладкие стены. На той, что справа, виднелся дисплей размером с ладонь. Ничего общего с домом, тем более с больницей.

Таль с удивлением огляделась. Нахмурилась, неожиданно понимая, что не имеет ни малейшего представления, ни где находится, ни сколько сейчас времени, ни как отсюда выби-

раться. Порталов не ощущалось, попытка перенестись завершилась ничем, как будто лишили всех способностей разом. Последнее, довольно расплывчатое воспоминание – она лежит на холодном операционном столе, яркий свет ламп режет глаза, вынуждая зажмуриться, чей-то приглушенный голос сообщает, что пора начинать.

Неужели всё-таки больница?

Таль подошла к экрану. Стоило протянуть руку, как тёмный прямоугольник ожил, на чёрном фоне появились голубые сенсорные кнопки с обозначением функций. Под ними – панель цифр от нуля до девяти. Большинство команд совершенно непонятные, но одну нельзя было спутать ни с чем – именно таким значком изображали видеофон. Наверное, где-то встроен динамик, или устройство работает по-другому...

Она прижала палец к виртуальной кнопке. Экран моргнул, высвечивая новую панель: доступ в адресную книгу, список часто используемых абонентов и цифровое табло. Таль набрала домашний номер. Сейчас ей ответит знакомый папин голос, как всегда немного недовольный. И обеспокоенный, потому что она ушла, не сказав куда, и до сих пор не вернулась.

Ничего не произошло. Прибор, подумав несколько секунд, вернул предыдущий экран с функциями. Таль повторила восьмизначную комбинацию цифр, но и на этот раз экран моргнул, возвращаясь в исходное положение.

Может быть, надо добавлять код района? Точно. Она опять набрала номер. Теперь прибор думал дольше, но закончилось тем же.

Не может быть! Она просто что-то не так делает. Или дурацкое устройство не работает.

Проверка адресной книги и списка абонентов ничего не дала – и там, и там было пусто.

Сзади послышался шорох, показавшийся в абсолютной тишине неожиданно громким. Таль вздрогнула, обернулась, стыдливо прикрываясь руками. Но напрасно – она по-прежнему была одна в комнате. Только там, где ещё минуту назад находилась сплошная стена, теперь виднелся широкий проём.

После секундных размышлений Таль на цыпочках приблизилась к нему, с опаской шагнула вперёд. Стоило переступить порог, как потолок засветился мягким голубоватым светом.

Вторая комната выглядела гораздо больше, чем первая. С правой стороны находились бирюзовый диван и два мягких кресла такого же цвета с высокими спинками. Между ними стоял низкий, круглый стеклянный столик, на стене напротив висел огромный плоский экран. С другой стороны располагался полукруглый стол и несколько стульев вокруг него. Окон по-прежнему не было.

Таль двинулась вдоль стены, надеясь, что трюк с дверью повторится. Однако то ли здесь её не оказалось, то ли устрой-

ство не срабатывало, потому что ничего никуда не сместилось. Обойдя комнату дважды, она вернулась обратно – туда, что мысленно назвала спальней. Прошлась по периметру и прямо напротив первой двери обнаружила ещё одну. За ней была ванная. Размером со спальню, в светло-зелёных тонах и таким же освещением.

Сама ванна, идеально круглая, ярко-зелёного травяного цвета, располагалась в самом конце на довольно высоком подиуме, впритык к стене. Чтобы в неё залезть, пришлось бы сначала подняться наверх по трем ступенькам, отделанным таким же зелёным ковровым покрытием, как весь пол. Без крана – вода бесшумно лилась через маленькие отверстия сверху на стенках и почти на половину наполнила ванну.

Около двери находилась раковина, тоже круглая, с краном – причудливой, изогнутой формы трубкой белого цвета. Над ней – круглое зеркало, сбоку – маленький пульт. У противоположной стены – душевая кабинка из мутного зеленоватого стекла. Никаких шкафчиков, столиков с флакончиками, шампунями и мылом.

Таль покрутила головой, внимательно изучая кафель и гладкие стены. Догадка оказалась правильной – рядом с подиумом, между душевой кабинкой и ванной обнаружилась встроенная ниша, где нашлись и шампуни, и несколько видов пенки, и куча других ёмкостей и тюбиков с кремами, духами, а также разнообразные туалетные принадлежности на все случаи жизни. В соседнем отделении на полках лежали

скрученные разноцветные махровые полотенца и халаты.

Таль нагнулась, потрогала воду – не холодная, но и не кипяток, с еле уловимым фруктовым ароматом. Выпрямилась, огляделась. После минутных размышлений убедила себя, что несмотря на все странности находится в больнице. И полезла в ванну. С наслаждением вытянула ноги и покрутила головой, поудобнее устраиваясь. Потом зажмурилась. Теплая вода убаюкивала. Не хватало только свечей и ароматических масел. Может, они где-то есть, но вылезать не хотелось. Думать – тоже, но думалось. О том, как жаль, что нельзя взять и отключить разум. Хотя бы на время. Лежать вот так вечность, нежась и лениво играя с воздушной шапкой из пенки.

И вдруг почувствовала, что она не одна.

Таль открыла глаза и увидела в проёме светловолосого паренька в серых брюках и белой футболке. Ничуть не смущаясь, он смотрел на неё в упор. Щурился, приветливо улыбался.

– Вижу, ты освоилась...

– Вот такой была моя Плешь, – Таль убрала с висков Ада на пальцы, отстранилась. – Ты ведь узнал его?

– Кого? – не понял он.

– Самара.

– Самара? – изумился Адан, всё ещё силясь прийти в себя после необычного «путешествия». Сознание не спешило

отпускать пережитые ощущения, и какая-то часть по-прежнему принадлежала напуганной девчонке в ванной.

– Ну вот! – Таль звонко рассмеялась. – Атради хвалятся тем, что не меняются и не стареют, но прошло-то всего пара десятилетий, а ты его не узнаёшь.

– Я никогда не видел Самара. – Адан вспомнил, как вбежал в домик атради следом за Ллэром, нахмурился. – Значит, ты с ним знакома?

– Более чем.

– Даже так? – Адан мрачно хмыкнул. Взмахнул рукой, предлагая продолжить. – Только без фокусов. Не думаю, что это то самое, что я хотел бы пережить в твоём теле.

– Это самое я не показала бы тебе, даже если бы ты умолял, – не осталась в долгу Таль. Прищурилась. – Нет.

– Что?

– Ответ на вопрос, который мучил тебя на пляже, – Таль вернулась к металлическому поручню, уселась на край, скрестив ноги. – Нас с Ллэром связывают исключительно деловые отношения.

– Откуда ты... – он хмуро посмотрел на неё. – Почему я не могу читать твои мысли?

– Потому что я не позволяю, – Таль лукаво улыбнулась. – А ты весь на ладони. Но мы отвлеклись, – она серьёзно взглянула на него. – Мне было пятнадцать, когда умерла мама. Чуть позже я поняла, что жду ребенка. Не спрашивай, кто отец. Это абсолютно не важно. Его давно нет в живых, – Таль

перехватила взгляд Адана, едва заметно повела плечами. – К сожалению, я сообразила, что беременна, слишком поздно, поэтому пришлось идти на риск. Тогда это казалось правильным. Я была молода, впереди – учёба и карьера. Но... Что-то у врачей пошло не так, в итоге я умирала прямо в операционной. А потом сработали неожиданные способности, и я очутилась в Плеши.

– Как Мира.

– В точности, – Таль смотрела в упор. – И это не случайное совпадение, Ади. Мира – моя дочь.

– Что?

Признание Таль выглядело, как плохая шутка.

– Из-за неё я угодила в Польшу. Она просто не захотела умереть, не позволила себя убить, – продолжала рассказывать Таль. И Адан вдруг чётко понял – она говорит правду. Мира действительно её дочь, как бы нелепо и жестоко это не выглядело. – Самар убедил меня не делать аборт. Перенёс в Тмиор, устроил так, что я могла там находиться без последствий, потом помог родить. Сделал всё, чтобы я вернулась домой без ребёнка и продолжила свою жизнь. Не безвозмездно, конечно. У него были свои планы на мой счёт.

– А Мира?

– А что Мира? Осталась жива, выросла, выучилась, успела наделать глупостей.

– То есть ты совсем о ней не заботилась?

– Она никогда ни в чём не нуждалась, если ты это имеешь

в виду.

– Не это. Ты бросила её, потом использовала, а когда поняла, что натворила, решила убить?

– Я её не убивала. И не собиралась убивать.

– Разве? – Адан выразительно посмотрел на Таль. – По моему, мы это уже обсуждали. Тогда у тебя была совсем другая версия...

– Тогда я не могла сказать тебе правду! – перебила она. Спрыгнула с поручня, шагнула ему навстречу. – Ты притащил с собой атради ко мне в дом, обвинял, не хотел ничего слушать. Мне пришлось придумать эту историю, чтобы вы поверили.

Адан оторопел. Отрешённо отметил, что, оказывается, ещё не разучился удивляться. Затем попытался соединить вместе услышанное и уже известные события, и осознал, что не в состоянии.

– Ты соображаешь, что говоришь?

– Вполне. Ты ведь поверил, правда? И Ллэр поверил, – Таль вздохнула. – Тогда это было важнее, потому что из-за твоей рыжей подруги всё пошло не так.

– Ты про Роми? А она-то здесь при чём? Или с ней ты тоже давно знакома?

– Нет, не знакома. – Что-то в её тоне насторожило, заставило сомневаться в том, что сейчас Таль говорит правду. – Она чуть не угробила Миру, вышвырнув обратно из Плеши. Потом потащила за тобой, всё испортила. Всё ведь должно

было быть совсем не так, понимаешь? У меня был план.

– Нет, не понимаю! Какой ещё план? – Адан обхватил голову, нервно взъерошил волосы. И тогда почувствовал невероятную слабость.

Ощущение длилось короткий миг, но его хватило, чтобы понять – у Миры проблемы.

– Мы не закончили, Таль.

Адан перенёсся обратно в тот самый момент, когда из фиолетово-огненной воронки в небо взлетел столб ярко-зелёных искр, а следом луч энергии ослепил глаза. Адан успел подхватить Миру на руки прежде, чем она упала в бурлящее море. А когда он снова стоял на песке, там уже была Таль.

– Это тоже часть твоего плана? – зло бросил ей Адан.

– Нет, но ты же всё равно сейчас не поверишь, – огрызнулась она. – Положи её сюда, – Таль опустилась рядом с Мирой, опустила ладонь на её лоб, закрыла глаза.

Адан, не дыша, присел рядом на корточки. А через миг около них рухнул на колени Ллэр, потянулся к Мире, но в последний момент отдернул руку. Выглядел он потрёпано, и вся одежда была мокрой.

– Что... – Ллэр посмотрел на Таль, но та никак не прореагировала на его появление. Тогда он обернулся к Адану. – Что с ней?

– Это ты мне скажи, что с ней.

– С ней всё в порядке, – спокойно ответила Таль. – Будет. Минуты через две, – она сжала и разжала кулак, отчего рас-

крытая ладонь засветилась ещё ярче. – Дурочка выплеснула всю энергию сразу.

– Какого чёрта у вас тут творится? – громким шёпотом спросил Адан.

Ллэр прищурился, пристально поглядел ему в глаза.

– Тени... опять. Мира сцепилась с Роми. Опять. Мира спасла Роми. Опять, – он потёр ладонью шею, оглянулся назад. – По пути приложила нас хорошенько. Но все живы. Вроде бы.

Почти у самой Сферы с песка медленно поднимался Алэй, сжимая голову руками. Судя по тому, как его шатало – досталось ему больше, чем Ллэру. Толком даже не встал – бросился к неподвижно лежащей Роми. Положил на её лоб раскрытую ладонь. Адан знал, что тот собирается сделать – поделиться своей энергией, как когда-то, безумно давно, в его квартире с Мирой делился Ллэр. Только здесь не было ламп, которые можно сжечь, подпитываясь электрической энергией. Атради не умеют лечить.

– Тени?.. – Адан снова посмотрел на Ллэра. – Но как Мире удалось?

– Очень просто, – вместо него ответила Таль, по-прежнему не открывая глаз. — Гидродинамический удар. Мира задействовала поверхность моря, соединив своё биополе с ним, а потом создала энергетическую воронку и взорвала. Верный способ разделаться с Тенями раз и навсегда.

– Откуда ты знаешь? – насторожился Адан.

– Я много чего знаю. Умная. А вот откуда Мира знает, вопрос интересный. – Таль убрала с её лба руку. Открыла глаза, встряхнула запястья.

– Мира ещё умнее. Память предков, помноженная на гены, – хмыкнул Адан. – Она же твоя дочь, забыла? Или снова решила поменять версию?

– Дочь?.. – Ллэр перевёл изумлённый взгляд с него на Таль.

– Ш-ш-ш... – громким шёпотом перебил Адан, заметив, что Мира пошевелилась. – Не хватало, чтобы она узнала об этом вот так.

Через пару секунд Мира пришла в себя.

– Ты?.. – удивление в её глазах сменилось испугом. Она перевела взгляд на Ллэра. – А Тени?

– Сдохли благодаря тебе, – Ллэр нежно улыбнулся. – На этот раз точно.

– Так, эта жить будет, – Таль поднялась на ноги, обернулась к Алэю и Роми у Сферы. – А с этими что?

Адан проследил за её взглядом.

– Эти тоже будут, – мрачно процедил Алэй. Теперь он сидел на песке, уложив себе на колени голову Роми. Та пока не шевелилась.

– Как ты? – спросил Ллэр, помогая Мире подняться.

– Нормально. – Она покосилась на Таль. – Спасибо. Если честно, не ожидала от тебя.

– И правильно делала. Советую и впредь не рассчиты-

вать, – сухо бросила Таль. Прищурилась, обводя всех поочередно глазами, чуть задержалась на Роми. Потом посмотрела на Адана. – Предлагаю всем нам перебраться в более уютное местечко. Думаю, там будет гораздо удобней.

– В такое, откуда не сбежать? – спросил Ллэр.

– Не думаю, что мой ответ что-то изменит, – Таль обернулась к нему. – Если я хочу вас угробить, то, естественно, не стану в этом признаваться. Если хочу помочь, сейчас не докажу. Вам остаётся либо поверить мне, либо... – она нарочито медленно стряхнула с платья песок. – На самом деле я планировала поговорить с Ади. Многое ему объяснить, кое-что показать, что имеет отношение и к вам тоже. Но... – Таль выпрямилась, вполне искренне и душевно улыбнулась Ллэру. – Мира в очередной раз доказала, что совершит любую глупость ради тебя и твоих близких. Ади следом ползет в пекло, чтобы её спасти. Кажется, мне проще сразу помочь тебе. И чем раньше, тем лучше. До того, как Мира угробит и себя, и вас, и его.

– За меня не волнуйся, как-нибудь справлюсь, – буркнул Адан, тоже пытаясь стряхнуть песок, но тот намертво прилип к влажным брючинам.

– Буду, – Таль неожиданно подхватила его под локоть. Другой рукой обняла Миру за плечи. – Вам обоим не помещает принять душ и переодеться. – Тебе тоже, – она с улыбкой посмотрела на Ллэра. Кивнула на Алэя с Роми. – Они могут пойти с нами. Могут остаться. Решение за вами.

***

Сфера осталась где-то на юге, отсюда её уже было не разглядеть – слишком далеко забрались. На другой материк Эннеры, как сказала Таль. Остальное пообещала рассказать позже.

Их глазам предстал огромный замок. Настоящий. Высокий каменный, с круглыми башенками, винтовыми лестницами, арочными переходами, анфиладами пустых комнат. Несмотря на тёмные глазницы окон и безлюдные коридоры, замок не выглядел мрачным или заброшенным. Дом атради в Тмиоре производил куда более гнетущее впечатление. А этот, казалось, кого-то ждал. Кого-то, кто ушёл, но обязательно вернётся. Замок пах этим ожиданием.

Освещение – от луны, что заглядывала в окна там, где их не закрывали тяжёлые портьеры, и от свечей в канделябрах причудливой формы. Когда они проходили мимо – огонь вспыхивал и тут же гас позади. Складывалось впечатление, что кто бы ни построил Замок, а он явно появился не вчера, всё это время за ним ухаживали. Наполняли особой атмосферой.

Просторную комнату, в которую они вошли, послушно следуя за Таль по длинным коридорам, явно обставляла она сама – по своему вкусу. Яркие, насыщенные краски, мягкие диваны и кресла с высокими спинками в тон разноцветным стенам напоминали Актарион. Между ними – стеклянные низкие столики-близнецы, как в миерской квартире Таль,

вдоль стен – бесконечные металлические стеллажи, заполненные кристаллами и реже – книгами. Единственное, что было общего с остальными помещениями – свечи. Будто здесь других способов освещения не было и быть не могло.

Таль уверенной походкой направилась в противоположный конец. Чуть пошевелила рукой, и стена начала таять на глазах, превращаясь в прозрачную. Стало понятно, что перед ними огромная стеклянная дверь на террасу. Оттуда открывался невероятный вид на море, красавицу луну, далёкие каменные столбы гор и пляж.

– Прошу. Свежий морской воздух и лунный свет кое-кому сейчас не помешают, – Таль оглянулась на Алэя, державшего на руках Роми. Та всё ещё была в отключке, но глубоко дышала, будто спала.

Адан раскрыл рот, собираясь попросить Таль привести Роми в сознание, но в последний момент передумал. Кто знает, как отреагирует на просьбу эта бешеная... Уж лучше пусть Роми приходит в себя сама.

Словно в ответ на его мысли Таль встретилась с ним взглядом и еле заметно качнула головой. Адан усмехнулся. Молча переступил порожек.

На просторной террасе стояла плетёная мебель. Четыре кресла и диван с мягкими подушками. Между ними – круглый столик с плетёными же ножками. Алэй устроил Роми на диване. Сел рядом, на пол, прислонился спиной. Мира прошлась вперёд, с любопытством перегнулась через каменные

перила. Ллэр остался стоять в проёме.

– Ну и что это за хоромы? – спросил он. – Я не чувствую электрических полей и каких-либо механизмов. Но не верю, что тут вместо отопления – печи.

– Всё это создал Самар очень давно. Для вас, своих любимых морских свинок, – Таль улыбнулась. – План «Б», если или когда что-то пойдёт не так в Тмиоре.

– А у него, оказывается, было очень много дел, – прищелкнул Ллэр. Прошёл через террасу, остановился рядом с Мирой, оперся спиной на перила. И снова внимательно посмотрел на Таль, потёр подбородок. – Я так понимаю, вы с ним были знакомы.

– Причём очень давно, – нарушил молчание Адан. – Я даже не удивлюсь, если сейчас выяснится, что именно Самар... – он замолчал. Мысленно чертыхнулся. Надо же быть таким идиотом! Не хватало, чтобы после всего случившегося Мира именно так узнала, что Таль – её мать. Хотя как-то рассказать об этом ей придётся.

– Не так уж и давно, – Таль села в кресло, небрежно скрестила ноги. Сделать вид, что не заметила чуть было сорвавшегося с губ Адана признания, ей удалось великолепно. – Всего-то двадцать три лунных года назад, – она ухмыльнулась. – По меркам атради – сушая ерунда. Я попала в Плешь, он был в тот день Смотрителем. Там и познакомились.

– Все дороги ведут в Плешь, – хмыкнул Ллэр. – Чувствую, история будет интересная, но... – он посмотрел на Роми.

Спросил у Алэя: – Как она?

– Так же.

Ллэр вновь глянул на Таль, объяснил с улыбкой:

– Мне бы хотелось, чтобы Ромиль услышала всё. Она единственная из нас, кто относительно хорошо знал Самара.

– Тебе бы хотелось? – фыркнула Мира, отрываясь от созерцания лунного пейзажа. У неё явно прошёл шок после приключений на пляже. – Ты список ей составь, в трёх экземплярах, чего бы тебе ещё хотелось. Потом посмотришь, как она бежит, спешит и падает его выполнять. А я пока схожу, переоденусь, – Мира нахально взглянула на Таль. – Надеюсь, твоё предложение в силе?

– Наверху есть одежда. Выбирай себе любую комнату.

– Здесь есть хотя бы душ? Или придётся в тазике, как древние?

– Ну, тебе-то не привыкать. В Сейфане с удобствами не очень.

– А я по нужде в Актарион ходила, – огрызнулась Мира, – пока ты себя в светляка превращала.

Адан невольно улыбнулся. И как он раньше не догадался, что перед ним мать и дочь. Такие разные и одновременно похожие. Особенно характером. Судя по тому, как ухмылялся Ллэр, ему пришла в голову такая же мысль.

– Раз замок построил Самар, – он взял Миру за руку, – не удивлюсь, если здесь не то что душ – бассейны будут в каждой комнате. Пошли поищем.

Адан проводил парочку взглядом, повернулся к Таль.

– Мне тоже не помешает в душ. Но я вернусь...

– Даже не мечтай. Ни в какой Бээр ты сейчас не пойдёшь, – она поднялась, шагнула к нему. Крепко сжала ладонь и потащила за собой обратно в комнату, но на пороге остановилась. Обернулась к Алэю: – Я могу ей помочь. Если хочешь.

– Я знаю. Спасибо, – он улыбнулся, но глаза остались серьёзными. – Роми бы этого не хотела. Мы вас подождём. Этого времени будет достаточно.

– Как скажешь, – пожала плечами Таль.

Адан удивлённо вскинул брови. Какая разница, что в данной ситуации хотела или не хотела Роми, если существует возможность ей помочь? Откуда вообще Алэй может знать, что бы предпочла Ромиль? Но спорить не стал. Оставалось надеяться, что тот понимает, что делает. Не угробит Роми, как когда-то себя.

Развить мысль он не успел. В следующее мгновение полумрак террасы сменился темнотой. Адан почувствовал, как спиной налетел на стену. Не смертельно, но довольно ощутимо. Шершавый камень ободрал кожу, в плечи упёрлись чьи-то сильные руки. Понадобился ещё миг, чтобы увидеть перед собой сверкающие глаза Таль.

– Прекращай о ней думать, – процедила она. – Иначе я за себя не ручаюсь.

– Убьешь её или меня? – усмехнулся Адан. Теперь уже он прижимал Таль к стене – одной рукой удерживал плечо,

второй – вцепился в горло. – Что, если я сверну тебе шею раньше? Не думала об этом?

– Не сможешь, – прохрипела она.

– Попробуем? – он сильнее сжал пальцы.

– С удовольствием, – Таль задыхалась, но не вырывалась.

В блестящих глазах – ни намёка на испуг. Что-то другое...

Возбуждение. Страсть, которая передалась и ему.

Адан не успел понять, как – влажная, перепачканная в песке одежда вспыхнула прямо на теле. Полоснула огнём кожу и пропала. Почти одновременно загорелось платье Таль. Мелькнуло языками пламени, разлетелось в стороны пеплом.

От неожиданности Адан отдёрнул руки, отступил назад.

– Попробуем? – улыбнулась Таль. Оказалась совсем близко, настолько, что обнажённая грудь коснулась его кожи. Горячие ладони легли на плечи, прерывистое дыхание обожгло лицо. – Тебе понравится, обещаю. Веришь?

Не отвечая, Адан прижал Таль к себе. Обхватил руками за талию, скользнул вниз – на бедра, сжал упругие ягодицы.

– Не здесь, – шепнула она, целуя в губы.

– Мне всё равно.

– Мне – нет. Смотри, – Таль отстранилась.

– Впечатляет, – хмыкнул Адан, оглядываясь. Теперь они стояли по пояс в горячей зеленоватой воде маленького озера. Со всех сторон – скалы, за спиной – три вместе, чуть крупнее остальных. Наверху сверкающими фонтанами в ночное небо

били гейзеры.

– Инбары. Горячие источники Эннеры, – пояснила Таль.

– Красиво. Нет, правда, Ли. Очень, – улыбнулся Адан, встречаясь с ней взглядом. Притянул к себе. – Попробуем как раньше?

– Как сейчас. Лучше.

Глава 29. Новый Замок

Пока они блуждали по замку, Мира пыталась решить, нравится ей здесь или нет. Безуспешно.

Многомерная громадина в Тмиоре оставила далеко не радужные воспоминания. С другой стороны, в замке Эйтана в Сейфане ей было уютно, несмотря на отсутствие элементарных удобств. А здесь... Ощущения раздваивались. Она то радовалась, то злилась. Одновременно хотелось смеяться от счастья и плакать от невыносимой тоски. Прижаться к Ллэру, обнять и оттолкнуть, убежать. Как будто внутри неё шла непонятная борьба. Мира улыбалась и почти сразу печально вздыхала. Спокойная безмятежность и уверенность, что эти каменные стены смогут их защитить, сменялись тревогой и безысходностью. Потом отпускали и снова возвращались.

Ллэр оказался прав. Комнаты на верхних этажах были обставлены со вкусом и комфортом. Ничего лишнего, просто и уютно. Стрельчатые окна, тяжёлые портьеры, удобная массивная деревянная мебель, зеркала, отделка из натурального дерева. Всё самое необходимое, включая просторные ванны. Как и в Тмиоре – имелись туалет и душевая кабинка. Единственное отличие – ванны из натурального гранита. Гладкие, отшлифованные изнутри, и шершавые – снаружи. Маленькие точки слюды поблёскивали, отражая мерцающий в темноте свет от свечей. Их было гораздо больше, чем в ко-

ридорах. И они почему-то не сторали.

Побывав в нескольких комнатах западного крыла, они с Ллэром перешли в восточное. Там всё выглядело точно так же. Заглянув еще в несколько комнат, остались в последней. Молча разделись. Затем, обмениваясь односложными фразами, вымылись в душе. После чего, не сговариваясь, перебрались в просторную ванну. Погружённые каждый в свои мысли, молчали.

Ллэр, подложив под голову свёрнутое валиком полотенце, нежился в тёплой воде с закрытыми глазами. Явно что-то обдумывал. Мира развлекала себя тем, что перехватывала лучик лунного света, соединяла с водой, превращая в горящий эфир, рисовала вокруг себя незамысловатые узоры. Потом это надоело, как и молчание.

– О чём ты думаешь? – спросила Мира, придвигаясь вплотную.

Ллэр пошевелился, устраиваясь поудобнее, обнял.

– Прости, – мягко коснулся губами её виска. – Ни о чём и обо всём сразу.

– А конкретней? – она ещё ближе прижалась к нему, закрыла глаза. Шутливо пригрозила: – Тебе лучше самому мне рассказать, иначе...

– Воображение уже подсказывает, на что ты способна, – он засмеялся. Потом серьёзно добавил: – Ты была права. Насчёт Адана. Это не он.

– И что же заставило тебе передумать?

– Я пока не уверен. Надеюсь, нам всё-таки прочитают обещанную лекцию, – он хмыкнул. – Но... Таль знала Самара. Это ставит кое-что на свои места и в то же время – меняет.

– Это всё, что ты надумал? – она усмехнулась. Зачем вообще спросила, знала же, что делиться не станет. Мира села, высвобождаясь из его объятий. – Пошли, а то пропустим лекцию.

Она попыталась встать, но Ллэр тут же потянул её назад.

– Вернись, – заставил снова сесть, лицом к нему. – Это не всё, что я надумал. Но я постоянно делаю неверные выводы и больше ни в чём не уверен. Смотри. Я исходил из того, что Таль – очень умная Способная актарионка. Гений своего рода, с неограниченными ресурсами. Даже мысли не допускал, что она могла быть втянута в Плешь и иметь к Тмиору хоть какое-то отношение. Никаких подозрений. Таль скрывала. Сознательно, тщательно. Заранее подготовлено.

– Что это меняет? – Мира внимательно посмотрела на него. – Тмиора больше нет, твоё будущее неизвестно. Это сейчас главное. И Таль может тебя спасти, я уверена. Не стала бы она меня очухивать на пляже, приводить всех сюда, показывать замок, рассказывать про Самара и Плешь, если бы не собиралась помогать. Только её помощь не бескорыстная, и ты это понимаешь. Должен понимать, раз уж даже я понимаю, – она с грустью вздохнула. – И это тоже не важно, потому что я сделаю всё, что она захочет, если это спасёт тебя. Я не позволю тебе умереть из-за меня.

Ллэр улыбнулся в ответ.

– Я знаю, – он подался вперёд, мягко поцеловал. Отстригнулся. – Знаю. Даже если я попрошу не делать, потому что ничего из этого не из-за тебя, ты всё равно не слушаешь. Чем я заслужил?

– Я люблю тебя.

– За что? Я ведь не могу тебя защитить. Хуже. Я постоянно вовлекаю тебя в опасности. Я даже не знаю, как... – он замолчал, нежно провёл пальцами по её щеке, снова поцеловал. – Ты права, значения не имеет, что и почему Таль скрывала. Но знать это необходимо. Потому что важна цена. Потому что мне дорога ты, и тебе лучше учитывать это, когда будешь, никого не слушая, лезть на баррикады. Понятно?

– Всего лишь дорога? – тихо спросила Мира.

– Нет, – он ответил, не задумываясь, пристально глядя в глаза. – Нет. Я... – сглотнул, будто хотел сказать что-то ещё, но не смог. – Гораздо больше...

– Тогда не проси меня ничего учитывать, – она отвернулась к окну. Шумно вздохнула. – А цену мы скоро узнаем. Наверное, не стоит надеяться на какую-нибудь ерунду, – Мира посмотрела на Ллэра, ухмыльнулась. – Раз уж однажды она меня почти убила.

Он как-то странно хмыкнул, качнул головой.

Мира придвинулась ближе, поджав к груди колени, опустила подбородок на сложенные друг на дружку мокрые ладони. Ласково улыбнулась.

– А знаешь, всё-таки хорошо, что Таль пыталась меня убить. Иначе я бы никогда тебя не встретила, никогда бы... – она не договорила. Смущённо отвела глаза, еле слышно добавила: – За это можно умереть.

– Можно, но не стоит, – он улыбнулся, крепко прижал к себе. – Жить будет правильнее, – коснулся губами её шеи, потом плеча. – И намного приятнее, – его руки нашли её, пальцы переплелись. – Всё ведь только начинается.

– Только начинается, – повторила Мира. Хотелось бы в это верить, но грусть и страх вернулись, стало не по себе. – Я не смогу без тебя... – прошептала она, отвечая на его поцелуй.

– Ты не будешь без меня, – отозвался он, на миг отстраняясь, чтобы снова поцеловать, уже иначе. Жарче, требовательнее. – Не будешь.

Она хотела, чтобы это длилось вечно, ни на минуту не прекращаясь. Отдаваться, растворяясь в нём до последней клеточки, чувствовать на горящем теле его нежные, сильные руки, обжигающие кожу поцелуи, падать и взлетать, отпустить на миг и снова прижиматься. Любить его, быть любимой. Всегда.

***

Им давно пора было возвращаться. Наверное, все уже собрались на террасе и ждут только их. Но Мира тянула. Откуда-то знала – без них не начнут, дождутся. Поэтому, выбравшись из ванной, ещё долго вертелась перед зеркалом,

придирчиво выбирала одежду в огромном шкафу, как будто именно сегодня было крайне важно, как будет выглядеть. Зачем-то перемеряла с дюжину нарядов, хотя спокойно могла влезть в обычные джинсы и футболку ещё полчаса назад. В конце концов остановилась на коротеньком зелёном платье без рукавов. Вытащила из нижнего ящика подходящие по цвету босоножки, нацепила на ноги. В который уже раз за последние несколько минут покрутилась перед зеркалом.

– Пошли?

Ллэр всё это время терпеливо ждал в кресле, смотрел на неё с улыбкой, не торопил. Он-то справился с вопросом переодевания быстро: чёрные джинсы и белая рубашка для него тут тоже нашлись.

Теперь он встал, несколько секунд смотрел на Миру и вдруг перестал улыбаться, отвернулся к окну. Потёр рукой шею.

– Прежде, чем мы вернёмся... Я должен тебе кое-что сказать.

Мира отступила назад, к шкафу. Прижалась спиной, нервно теребя подол платья. Эхом в ушах прозвучали его же слова, что всё только начинается. Да, конечно. Начинается.

– Ну, раз должен... – она замолчала, не узнавая собственный голос.

– Это касается Таль. – Ллэр говорил медленно, словно подбирал слова. Тянул. И по-прежнему не смотрел на неё. – Она собиралась, вероятно, рано или поздно тебе сказать.

Возможно, я зря пытаюсь её опередить.

– Эль, пожалуйста, – попросила Мира, оказавшись рядом. Обняла за пояс, прижалась к его спине. Всё, что касалось Таль, она переживёт, справится, сможет. Главное, чтобы Ллэр был рядом, живой, и тогда ничего не страшно. – Я хочу услышать от тебя.

Он накрыл её руки своими, сжал ладони. Обернулся, не высвобождаясь.

– Ну в общем... Похоже, она – твоя биологическая мать.

– Что?.. – Смахивало на шутку, но Ллэр не шутил. – Это она тебе сказала?

– Она сказала Адану. Я не знаю подробностей. Сам услышал только на пляже.

Мира улыбнулась. Ну конечно, очередная ложь Таль, чтобы добиться Адана. Спорить не стала. Чмокнула Ллэра в щёку, сжимая его пальцы.

– Пойдём.

На террасе кроме Алэя и Роми никого не было, Адан и Таль ещё не вернулись. Роми уже пришла в себя, но явно недавно и не до конца. Сидела, растрёпанная, притихшая в углу дивана, подобрал колени к груди и натянув на них платье. Алэй – рядом с ней.

– Как ты? – спросил Ллэр.

– Будто по мне проехали несколько раз. Туда-обратно, – она посмотрела на Миру. – Спасибо.

Ллэр устроился в широком кресле, что стояло дальше все-

го от дивана, потянул Миру за собой. Им вполне хватило бы там места вдвоём, но она предпочла опуститься ему на колени. Обняла рукой за шею, прижимаясь. Шепнула:

– Не позволяй мне наделать глупостей.

Ллэр не успел ничего ответить – послышался шум приближающихся шагов, и через мгновение на террасу вышли Адан и Таль. Оба в голубых облегающих фигуру джинсах и одинаковых светлых футболках, словно парочка туристов, собиравшаяся прокатиться по заливу около Миера, но отбившаяся от основной группы. Таль – непривычно простая, без высокомерной ухмылки и заносчивого взгляда. Адан – с довольной улыбкой. Кажется, маленькая ложь удалась на славу.

Таль отпустила его ладонь, остановилась на середине террасы.

– Давно ждёте?

– Нет, – Ллэр сжал вторую Мирину руку, будто говоря: не позволю. – Только-только вернулись.

– Вот видишь? А ты спешил, – Таль обернулась к Адану.

Он молча пожал плечами, неторопливо опустился в свободное кресло. На секунду встретился взглядом с Мирой и почему-то отвёл глаза.

– Оклемалась?

Мира взглянула на Таль, уверенная, что вопрос адресован ей, но «мамаша» обращалась к Роми.

– В процессе, – та пристально посмотрела на Таль. Мира

почти слышала невысказанное «как будто тебе есть до этого дело». Вряд ли это были мысли Роми, но выражение лица и без того говорило само за себя. Ладно хоть не ляпнула вслух, уже прогресс.

Наверное, Таль «услышала» то же, потому что довольно холодно бросила:

– Представь себе есть. Сове...

– Ли, ты обещала, – перебил Адан. Спокойно, без злости, без раздражения. И, как ни странно, подействовало. Таль снова расслабилась, на лице заиграла добродушная улыбка, и Мира готова была поклясться – вполне искренняя.

Таль прошла по террасе до каменной ограды, вернулась обратно. Молча уселась в кресло напротив них. Поочередно оглядела всех, на миг задержалась взглядом на Мире, снова посмотрела на Ллэра.

– У тебя наверняка больше всего вопросов, и я обещаю ответить на все. Только имей в виду, что на какие-то не смогу дать чёткого ответа, потому что даже я, – она опять улыбнулась, уже иначе, со свойственным ей высокомерием, – не знаю всего. Но с удовольствием поделюсь собственными предположениями или догадками.

– Давай ближе к делу, – опять вмешался Адан. – У нас мало времени.

– Ладно, – Таль со вздохом откинулась назад. – Тогда начну с самого главного, – она обернулась к Роми и Алэю. – Вы уже задумывались, что вас ожидает дальше, не так ли?

– Дней пять агонии, – вместо Роми заговорил Алэй. – Сначала медленной и безболезненной, а ближе к финалу – невероятно богатой на яркие, неповторимые ощущения.

– Думаю, меньше. Для неё – Таль кивком указала на Роми, – ещё меньше, потому что собственной энергии лишилась основательно, а солнце Эннеры только ускорит преобразования. Насколько болезненными они будут – не знаю. Но приятного мало. В конечном итоге истинные атради – такие, как Ромиль, – скорее всего выживут и станут снова доани. Такие, как ты, обращённые, – она перевела взгляд на Ллэра, – погибнут.

Мира почувствовала, как страх ледяным обручем обхватывает грудь, не позволяя дышать. Пять дней, а потом... Нет, только не это!

– Это неправда! – она хотела вскочить, но Ллэр удержал. – Ты специально запугиваешь, чтобы повесить себе цену! Ты ведь знаешь, как помочь. И поможешь! Я не позволю...

– Ты уже позволила, – перебила Таль. Посмотрела в глаза пристальным, глубоким взглядом. В нём не было ненависти или злости, скорее, печаль. – Когда погубила Тмиор и обрекла атради на мучительную смерть.

– Я... – Мира осеклась. От охватившего ужаса проглотила слова.

– Спокойно, – шепнул Ллэр, крепче прижал её к себе. Уже громче произнёс, обращаясь к Таль: – Хорошо. Вступление получилось эффектное. Ты нас напугала. Теперь можно пе-

реходить к последовательному рассказу, – он улыбнулся. – И поскольку меня интересует абсолютно всё, предлагаю тебе самой выбрать, с чего начать.

Таль несколько секунд молчала, глядя на Луну.

– Самар не посвящал меня во все свои планы, – заговорила она с усмешкой. – И в то время они, честно говоря, меня не интересовали. Вроде бы согласно первоначальной задумке Самар собирался перебраться сюда со всеми выжившими на Фахтэ после вторичного превращения. Но что-то заставило его отказаться. Полагаю, дело в ваших хороших знакомых – Тенях. Мне привычнее называть их Гончими. Самар, видимо, так и не нашёл способа, как защитить от них первых атради, в которых осталось достаточно от доани. И потому безопасней оказалось скопировать родную Эннеру, создав её подобие – искусственный мир Тмиор на Фахтэ. Это обеспечило защиту новой расе, позволило воскресить забытые способности, обрести новые, найти нужную энергию для бесконечной регенерации организма атради. Как? – Таль пожала плечами. – Не знаю. Многомерные вселенные меня никогда не интересовали. Наверное, всё дело в фильтре-катализаторе. Жаль, что секретом Плещи Самар так и не пожелал поделиться. Но, – она обвела всех внимательным взглядом и снова посмотрела на Ллэра, – вернёмся к Гончим. Это энергетические убийцы, настроенные на определённый вид силовой материи. Не совершенные, потому что способны убить всех, кто даже случайно связан биополями с потенциальной жерт-

вой. То, что произошло с вами на скале, лучшее подтверждение. Шли за ней, – Таль кивком указала на Роми, – перескочили на Адана, потом на Миру и тебя. И не будь Мира... – Таль не договорила, нахмурилась. – Об этом чуть позже. Так вот. Ошибочно считается, что Гончих создал Актарион, чтобы охранять запертых под Сферой доа. На тот случай, если кто-то из них выберется наружу. На самом деле это не так. Любой доа из тех, что существовали тогда, смог бы мгновенно расправиться с ними. Гончих создали Тлай и совсем с другой целью – выслеживать доани, если кому-то из них каким-то образом удастся вернуться в Эннеру. Тлай опасались, что приобретённая вечность станет существенным преимуществом, даст доани необходимое время, чтобы найти способ выжить. Справедливо опасались, – Таль хмыкнула, – поэтому предлагали сразу уничтожить всех доани, но гуманное Содружество не поддержало идею. Сошлись на вечной ссылке.

– Ничего себе гуманное, – нарушил молчание Адан. – Одних запереть под Сферой, лишит энергии, других отправить на верную смерть в умирающий мир.

– Доа нарушили закон, – Таль обернулась к нему. – Своими действиями подвергли опасности миллионы жизней в других мирах, вызвали необратимые катаклизмы во Вселенных. У Содружества имелись веские причины так поступить.

– Неудивительно, что ты их оправдываешь, – раздражённо буркнула Мира. Её в отличие от Ллэра подробности ис-

тории, особенно далёкого прошлого, не интересовали. Волновало только одно – как спасти атради. В том, что «рецепт» существует, она не сомневалась. Это вселяло уверенность, но хотелось услышать, что делать, как, что придётся отдать взамен. А Таль словно специально тянула время.

– Я не оправдываю, – покачала головой Таль. – И не осуждаю. Я могу посмотреть на случившиеся с разных точек зрения и понять, чем руководствовались все, кто так или иначе оказался замешанным. И тогда, и теперь.

– Ещё бы, – усмехнулась Мира. – Цель у тебя всегда оправдывает средства.

– Почти всегда, – улыбнулась Таль. – И не только у меня. У тебя тоже. И у них, – она кивнула на Алэя и Роми. – И даже у него, – посмотрела на Адана. – У всех.

– Ли, ты должна ей рассказать. И объяснить, – с нажимом произнёс он.

– Должна. Ты прав. Теперь должна, – отозвалась Таль. Задумчиво покусала нижнюю губу, встретила глазами с Мирой: – Я не собиралась... Тем более вот так, при всех. Не видела причин, хотя, может быть, стоило сделать это гораздо раньше.

– Сделать что? – напряглась Мира.

– Рассказать тебе, кто ты на самом деле.

– В смысле, что ты из меня сотворила?

– И это тоже. – Таль помолчала. С какой-то совсем уж непривычной грустной усмешкой произнесла: – Дело в том,

что ты – моя дочь.

Тон, каким было сказано, не оставлял сомнений – Таль говорила правду. Мира понимала это, чувствовала каждой клеточкой её искренность и прямоту, но упрямо отказывалась верить. Если бы не руки Ллэра, продолжавшие заботливо удерживать, вскочила бы, убежала, исчезла, лишь бы не слушать. Сумела бы сделать вид, что показалось, убедила бы себя, что ложь, постаралась бы забыть. Если такое возможно...

Перед глазами замелькали картинки прошлого – детство, интернат, школа, больница.

А Таль продолжала говорить.

Сначала слова казались просто неразборчивым, действующим на нервы гулом, затем постепенно удалось сосредоточиться, звуки обрели смысл, выстроились в связные предложения:

– Мой отец был помешан на истории, мечтал возродить былое могущество Содружества. В частности – Актариона. Никак не мог смириться, что Способные вырождаются, что рано или поздно актарионцев постигнет участь тлай и остальных. Он настоял, чтобы я проводила каникулы в специальном лагере для одарённых детей из разных Вселенных. Такие лагеря были – одна из его задумок. Отец надеялся, что завязанные в детстве и юности знакомства помогут укрепить связи между развитыми мирами в дальнейшем, создадут условия, когда проблемы каждой в отдельности расы ста-

нут общим для всех. Верил, что только так возможно спастись от вымирания.

Таль опять замолчала, опять тянула время. Остальные не проронили ни слова. Терпеливо дожидались, когда она снова заговорит. Мира ждать не собиралась.

– Я не буду спрашивать, почему ты отказалась от меня, почему бросила, почему скрывала и врала! – Голос дрогнул, но удалось сдержать слёзы. – Это уже не важно. Но если ты – моя мать, то какого чёрта усадила меня в таксилёт? Почему хотела убить?

Таль не отвернулась, выдержала её взгляд. Ответила, глядя прямо в глаза:

– Это важно. Ты имеешь право знать. И я не хотела тебя убивать.

– Неужели?! Думала, я просто прокачусь с ветерком, да?

– Мне исполнилось пятнадцать, когда я познакомилась с твоим отцом. А когда поняла, что беременна, осталась совсем одна. Родители умерли, и в тот момент я просто не была готова становиться матерью, брать на себя ответственность за чью-то жизнь, – Таль передёрнула плечами. Вздохнула, скреживая пальцы на коленях. – Я не жду, что ты поймёшь. Тогда я сделала то, что считала нужным и лучшим для себя. Но вышло так, что ты не захотела умереть. Втащила меня в Плешь и очень удивила Самара, потому что из Актариона никто, ни до этого в течение многих тысячелетий, ни потом вплоть до вашего с Аданом путешествия в бар, туда не по-

падал. Естественно, сбой в фильтре его мира очень заинтересовал Самара. Я бы даже сказала – напугал. И он, конечно же, в первую очередь попытался выяснить, каким образом это стало возможным. Тогда ни ему, ни тем более мне в голову не пришло, что причиной была ты, – Таль улыбнулась.

– Это не объясняет, почему... – Мира совсем не разделяла её радости.

– Выслушай и не перебивай. Самар решил, что гены доа – причина моего появления в Плеша. Расслабился. Не знаю, как ему удалось справиться с моей истерикой, но он уговорил меня остаться в Тмиоре до родов. Плешь не сделала из меня доа. Я так и осталась актарионкой. Разве что способности стали сильнее, что-то видоизменилось, усовершенствовалось. И не потребовалось никаких ухищрений тайко, чтобы оставаться в Тмиоре. Солнце оказалось совершенно безвредным для меня. Зато в моём лице Самар нашёл благодарного слушателя, которого ему так не хватало. Ты спрашивала, знаю ли я всех атради, чтобы судить, – Таль склонила голову набок, чуть насмешливо, с привычным высокомерием посмотрела на Роми. – Не всех. Но многих. Достаточно, чтобы навсегда отказаться от идеи стать одной из. И что гораздо важнее – знаю о вас то, чего даже вы не знаете. Или не помните. Ни с кем из атради Самар не мог быть настолько откровенным, у него не осталось друзей. Вы всегда считались всего лишь его детищем, непрекращающимся экспериментом длиною в вечность. Каждый новый атради – лич-

ное достижение, ещё один маленький опыт в общую копилку успеха. Со мной он был другим. Может, потому что влюбился, может, видел особый потенциал для себя.

– Скорее, второе, – усмехнулась Роми. – Самар и влюбился? Не представляю. Мне казалось, что ему не нравятся женщины.

– Я ему нравилась. Как женщина или нет – уже неважно. Мне он доверял, показывал, учил. Даже привёл сюда, в этот замок. Много рассказывал. Про доа, про Эннеру, про первый эксперимент, про то, что случилось потом. Думаю, он верил, что после рождения Миры я приму его предложение, соглашусь стать вечной. Не просто атради, а помощницей, подружкой, любовницей.

– И как? Удалось? – хмыкнул Адан.

Таль обернулась к нему, снисходительно улыбнулась. Продолжила, не отвечая на вопрос:

– Когда Мира родилась, я решила вернуться в Актарион. Самар не настаивал, не уговаривал. – Она посмотрела на Миру. – Помог нам обоим начать новую жизнь. Не стирал память, не угрожал, наоборот, часто навещал, поддерживал. Видимо, он до последнего момента надеялся, что рано или поздно я передумаю и приму его предложение.

– Так это ты – голос? Ты его убила? – исподлобья глядя на Таль, спросила Мира.

– Его убила ты. Твоя вторая сущность. Самар оказался прав.

Опять перехватило дыхание. Опять откуда-то появилась уверенность, что Таль не обманывает. Опять тёплые руки Ллэра ласково прижали к себе. Он что-то прошептал, но Мира не расслышала. Смотрела в упор в синие глаза Таль и молча требовала объяснений.

– Твой смертельный вирус – правда. Всё, что я вам о нём рассказала, – Таль повернулась к Адану, – не выдумка. Поврежденные шапероны, нарушенный синтез белков, возрастающий при стрессе или сильных эмоциях. В результате – мучительная смерть в молодости. Этим тебя, – Таль развернулась обратно к Мире, – наградил твой отец. Онкогены – бич тех, кто когда-то принадлежал к могущественной расе Тлай. Ты была обречена с рождения. А я не смогла смириться, представляешь? – она как-то неестественно улыбнулась, совсем невесело. Замолчала, поджав губы и уставившись на луну.

– Тебе удивительно везёт на контакты, – хмуро проговорил Ллэр. – Дочь от тлай, опекун – атради, да и тот нерядовой. В любовниках – доа. – Он кивнул на Адана, затем посмотрел на Миру. И вдруг улыбнулся. – Котёнок, да ты во всех смыслах настоящее чудо. Наполовину тлай, наполовину актарионка, а теперь в комплект добавилась кровь и способности доа. Не хватает в наборе только виль'лари.

– Они не гуманоиды, – неожиданно встряла Роми. – Виль'лари. Были. Потомки каких-то насекомых. Яйцекладущие и генетически несовместимые ни с кем, кроме самих

себя. А вот тлай... – она восхищённо покачала головой. – Самые сильные. Самые могущественные. Говорили, для них не осталось неизлечимых болезней, кроме старости, которую они холили и лелеяли, как самое важное, что существует во Вселенной. И они... существуют?..

– Да, но единицы. Их мир давно погиб, те, кто выжил, перебрались в Актарион. Теперь старость – непозволительная для них роскошь. Мало кто доживает до двадцати пяти, – по-прежнему глядя на небо, ответила Таль. Потом посмотрела на Ллэра, грустно улыбнулась. – Это не везение. Это судьба и моя работа. Когда Миру привезли без сознания ко мне в клинику, я далеко не сразу поняла, в чём дело. Но пары исследований хватило, чтобы распознать вирус и его причины. Вот тогда всё окончательно прояснилось: и почему я беременной попала в Плешь, и как это случилось, и что дело во-все не в генах доа, и что Мира умирает. Оставался только один способ её спасти. Теоретически – простой, практически... – она помолчала. – Никто и никогда такого не делал. Результаты могли удивить. И удивили.

– Что именно ты собиралась со мной сделать? – Мире всё-таки удалось сбросить с себя охватившее оцепенение. Даже улыбнуться – неестественной улыбкой окаменевших губ.

– Когда-то тлай могли лечить самих себя. Умели заставить регенерировать клетки до полного выздоровления. Те, кто создавал доани, пытались в искусственных условиях повторить тот же естественный процесс регенерации. Я не зама-

живалась так высоко. Хотела окунуть тебя в Плешь, чтобы сделать сильнее и разбудить способности. А если не получится – видоизменить тебя. Превратить в доа или, – Таль еле слышно вздохнула, посмотрела на неё, – в атради, если это останется единственным выходом. Но Самар отказался помогать. Заявил, что нельзя оживлять гены тлай, что это обязательно спровоцирует необратимые катаклизмы. В Тмиоре тоже, и с ними он уже не сможет справиться, что в конечном счете погубит его мир и всех атради. А он этого никогда не допустит, – она перевела взгляд на Ллэра, потом – на Адана и снова на Миру. – Я ему не поверила. Решила, что дело в его ненависти к тлай, даже если речь идёт об очень далёких потомках, даже если – о моей дочери, которую он сам когда-то спас. И сделала по-своему. Обманула Самара. Предала. Отправилась в Бэар, выбрала подходящего донора. Тебя, – Таль обернулась к Адану. – Придумала, как соединить биополя, как накачать Миру твоей кровью, как спровоцировать ваше попадание в Плешь. Это и был мой план, – она снова вздохнула. – Сущя ерунда по сравнению с тем, что когда-то проделал Самар с доани.

– Могло ведь не сработать, правда? Я могла просто погибнуть... – Мира осеклась, нервно передёрнула плечами, шумно выдохнула: – Почему могла? Я почти погибла. И если бы не Ллэр...

– Могла. Но другого способа у меня не было. Ни спасти тебя, ни вернуть все потенциальные способности доа Ада-

ну, а это было необходимо. Вы оба должны были сначала попасть в Плешь, чтобы начались метаморфозы, а уже потом... Только всё сразу пошло не так. Из-за неё, – Таль кивнула на Роми.

– И чем же я так всё испортила?

Глава 30. План Таль

– Испортила? – переспросила Таль. Пару секунд пристально смотрела Роми в глаза. – Ты не испортила, хотя можно сказать и так. Но я предпочитаю другую формулировку: не справилась.

Адан усмехнулся. В их недавнем разговоре на крыше Гиганта Таль обвинила Роми как раз в том, что она испортила её план. Интересно, что заставило Таль стать покладистой? Куда подевалась эгоистичная самоуверенная стерва, которой ни до кого нет дела? Неужели их близость тому причиной? Или всё это – игра, очередной обман, чтобы добиться каких-то своих целей? Хотелось верить, что нет, но Адан не спешил.

– Хорошо, пусть будет не справилась, – Роми спустила на пол ноги. Выпрямилась. – С чем?

– Ты – истинная атради. Смотритель. Опытный. Но ты отправила их обратно, не задумываясь. Ты не сумела разглядеть в Мире ничего особенного. Если ты и заметила что-то подозрительное в том, как такие оказались там, да ещё и одновременно, то ничего не предприняла, чтобы выяснить, расспросить. Просто вышвырнула обоих туда, откуда они явились, – Таль усмехнулась. – А потом зачем-то бросилась за Аданом, заставила подняться в воздух на кабриолёте, не подумав, что после Плеша это как минимум опасно. В ито-

ге спровоцировала аварию, в которой Адан мог погибнуть, привлекла внимание Гончих, объединила ваши биополя и подвергла Адана ещё большей опасности.

Роми покусала губу, словно размышляла, стоит ли вообще заговаривать.

– А раньше ты обвиняла меня, что мы такие-сякие, отлавливаем, дурим, меняем. Не отловили – тоже плохо, – задумчиво проговорила она.

Алэй положил ей руку на плечо. Роми тут же бросила тихо, чуть раздражённо:

– Не беспокойся, я не собираюсь заводиться.

Он сразу же убрал руку, едва слышно хмыкнув.

– Ты права, Таль. Я ничего не предприняла. Ты, видимо, не так много знаешь о Смотрителях. Мы не спим и видим, как бы захомутать очередного беднягу в свои сети. Не все такие внимательные, как Самар. Не всем есть дело. Мне в тот момент не было, меня ждали в другом месте. Возможно, окажись там кто-то, кто маялся от скуки, всё пошло бы по другому пути. Но не повезло. Я хотела побыстрее со всем разобраться, – она помолчала. – Не знаю, почему вышвырнула Адана из Плеши. Я могла бы даже сказать, что не делала этого. Сознательно – нет. Мира же... – Роми покачала головой. – Ты снова права, я не разглядела. То есть совсем. Мира ведь даже не слышала никогда об атради. Не понимала, кто я и где она находится. Потенциал – в тот момент – почти на нуле. Может, слишком много намешано, чтобы че-

рез коктейль легко читать суть. Может, я просто была невнимательной. Но Плешь время от времени затягивает тех, кто не станет атради, и мы просто стираем им память об этом событии, – она перевела взгляд на Адана и опять посмотрела на Миру. – Можете считать жестокостью или эгоизмом, или высокомерием, чем угодно, но какая польза просто знать об атради и Плещи? Когда-то давно мы так решили. Я пошла за тобой в Актарион именно поэтому. А когда увидела взрыв... не знаю, – Роми криво улыбнулась. – Стало интересно. Необычно. Нестандартно. Если бы не это, я бы вернулась за Аданом позже. Просто потому что так мы поступаем. Приходим потом. Объясняем. Или же новичок оказывается в Плещи во второй раз.

– Смахивает на оправдание, – улыбнулась Таль. Как-то очень естественно, совсем без злости или насмешки, скорее, дружелюбно. – Не стоит. Я не обвиняю. Констатирую факт. Своими действиями ты многое изменила, мой план рухнул. Тмиор – тоже. И в это каждый из нас внёс свою посильную лепту.

– О лепте мы уже достаточно знаем, – заговорил Ллэр, – а чего не знаем, можем додумать. Если бы Смотритель повёл себя иначе – Тмиор бы всё равно рухнул.

– Не рухнул бы, если бы вы не притащили Миру в Тмиор. Её надо было всего лишь чуть-чуть задержать в Плещи, а потом вернуть в Актарион. Об остальном я бы позаботилась. Мира бы вылечилась от вируса и продолжила жить обычной

жизнью. Я вовсе не собиралась делать из неё подопытного кролика. Я всего лишь не хотела её смерти.

– Если бы Ллэр меня не вытащил вовремя, я бы сторела заживо, – вмещалась Мира. – Или разлетелась на куски от взрыва в квартире.

Таль покачала головой.

– У тебя нашлось бы достаточно сил выжить и восстановиться. Я бы помогла.

– Уверена? – нарушил молчание Адан. – Что-то я не заметил у Миры никакой способности к восстановлению, когда...

– Ты много чего не заметил. Вы с ней, вообще, не должны были встречаться. Ни в Бэаре, ни в Тмиоре. Особенно там.

Препираться не хотелось.

– Можешь нормально объяснить, чего именно ты добивалась? – уже спокойней спросил он.

– Я уже объясняла. Спасти Миру и получить ПНК.

– Тогда зачем ты взорвала её квартиру? Заметала следы?

– Именно, – она отвернулась и снова уставилась на звёздное небо.

– Взрыв как ещё одна ступень активации способностей? – спросила Роми. – Разве в этом риска не больше, чем в надежде на то, что атради задержит её в Плещи нужное количество времени?

– Не ещё одна ступень, а самая первая. Единственная. Та, что должна была спровоцировать попадание Миры в Плещь, – Таль обернулась, слегка подалась вперёд. – В отли-

чие от твоих экспериментов с ним, – она кивнула на Ллэра, – у меня совсем не было времени. Мира умирала, а Самар не просто отказался помочь – он следил за мной. Подозревал, что я не отступлюсь, что найду способ. И мне надо было его обмануть. Заставить поверить, что Мира... Что её больше нет. Что я предпочла решить проблему таким образом. Поэтому запретила тебе возвращаться в Актарион.

Без каких-либо способностей было заметно – Таль слишком нервничает. Не потому что боится или врёт, а потому что на самом деле переживает. Искренне, но зачем-то из всех сил старается это скрыть.

– Да, могло не получиться, – она перевела взгляд на Миру. – Твоё яростное желание жить могло не сработать. Ты могла не попасть в Плешь, могла погибнуть. Ты бы ничего не почувствовала. Я позаботилась, чтобы... – она осеклась.

Голос дрогнул, и Адан не удержался. Присел рядом на подлокотник, ласково обнимая её за плечи. Она благодарно сжала ладонь. Продолжила, обращаясь к дочери:

– Я никогда не была настоящей матерью. В привычном понимании. Никогда не старалась ей стать. Я и сегодня не хотела. Наверное, Ади прав. Я – расчётливая стерва. Амбициозная карьеристка. Самоуверенная самка, ненасытная и похотливая.

– Я... Я никогда такого не говорил.

– Ты так думал, – Таль через силу улыбнулась. – Это всё равно, как если бы ты мне сказал. Может быть, даже хуже, –

она снова посмотрела на Миру. – Мы с тобой вряд ли сумеем когда-нибудь стать ближе. И вряд ли должны. Но пойми одну вещь. Постарайся. Если бы у нас с тобой ничего не вышло, если бы ты разбилась, я хотя бы знала, что сделала всё, чтобы это предотвратить. Я верю, что это лучше, чем просто смириться и опустить руки.

На пару секунд на террасе повисла тишина. Мира, уставившись в пол, тихо спросила:

– Почему ты не рассказала Ллэру, когда он принёс меня к тебе после...

Таль вздохнула.

– Я испугалась, – она горько усмехнулась. – Только тогда осознала, что произошло, что Самар уже мёртв, что он не врал, что все его опасения были не напрасны, что совсем скоро Тмиору конец. Мне нужно было время осмыслить, что я сделала.

– И как я всё это проморгал? – пробормотал Ллэр. – Собственно, не Роми тебе всё испортила, а я. Потому что потащил Миру в единственное место, которое пришло мне в голову.

– Ты поступил правильно, – возразила Таль.

– Да уж, я всегда поступаю правильно, – горько усмехнулся он.

– Ты спасал Миру и не мог предположить, что она настолько опасна для Тмиора. Никто не мог. И вполне возможно, никаких катаклизмов бы не произошло, если бы Роми не

бросилась за Аданом в Эннеру, не натравила на себя Гончих. А дальше – уже по цепочке к Мире. Её встреча с Гончими – вот что стало началом конца Тмиора. Они признали хозяйку, разбудили в ней то, что в итоге погубило Самара и ваш мир, – Таль прерывисто вздохнула. – Я сама только потом поняла, что именно произошло и чем чревато. После того, как вы с Аданом рассказали о Тенях. Потом ко мне пришел Самар. В ярости. Только было уже слишком поздно.

– Самар должен был предупредить остальных, – нарушила молчание Роми. – Возможно, процесс можно было остановить.

Таль обернулась к ней.

– Он считал, что после Плеша Мира стала истинной тлай. Что дальше она возненавидит атради, начнёт вас преследовать. Захочет уничтожить, попытается разрушить Тмиор. И что у неё получится, ведь древние тлай были сильнее доа и атради. Они не нуждались даже в подпитке от светил. Независимая энергия, способная ненавидеть и убивать. Сфера над Бэаром, клетка-вселенная для доани – всё это тоже их изобретения, – перечислила Таль. – Про Гончих Самар ни разу не упомянул до того дня. А я откуда могла знать? Я вообще не подозревала об их существовании. Тем более не могла предвидеть, к чему приведёт.

– Он всё-таки идиот или из ума выжил от старости, – Роми гневно взмахнула руками. – Эль, он ведь знал, чем ты занимаешься! Что ищешь, за чем наблюдаешь. Он долго и упорно

направлял тебя по ложному следу, а мог просто рассказать. И тогда вообще ничего этого бы не было. Ничего!

– Самар был помешан на своих тайнах, – хмыкнул Ллэр. – И мне очень хочется сказать, что получил по заслугам. – Он перевёл взгляд на Таль. – Что именно его убило?

– Я убила. – Мира задалась целью продырявить взглядом каменный пол.

– Не вини себя, – со вздохом отозвалась Таль. – Ты не знала, не могла контролировать.

– Я пыталась... правда... – совсем тихо пробормотала Мира, не поднимая глаз.

– Погодите, – нарушил молчание Адан. Посмотрел на Таль, на Миру, на Ллэра и снова на Таль. – Она ведь спроецировала часть ощущений на меня тогда. И потому, что как это было... Не она убивала, а её убивали! Эти твари такое представление устроили, не говоря о том, что там дальше творилось, – Адан встретился взглядом с Роми, усмехнулся. Вряд ли получится описать словами внезапное падение в пещеру, когда земля из-под ног ушла в самом буквальном смысле. Он уставился на Таль. – Можешь объяснить доступно, что вообще всё это было?

– С Самаром? – спросила она.

– С ним тоже. Но потом. Давай с самого начала. С Плеша. Помнится, ты очень удивлялась, что такое вообще бывает. Таращила на меня свои невинные синие глазки, ресничками хлопала. Убедительно так врала, мастерски. «Значит, Плешь

на самом деле существует...» – передразнил он, машинально повторяя голос и интонацию, с какой эту фразу сказала тогда Таль. – «Не могу попасть отсюда в Бэар».

– Ади, всё просто, – она улыбнулась. Поднялась с кресла, прошла вперёд и остановилась, прислонившись спиной к перилам. – Да, я соврала. Пришлось. Выбора не было. Пойми, ты оказался втянут по уши, уже знал про Тмиор, говорил, что дружишь с атради, разгуливаешь по Бэару со Смотрителем, расспрашивал про Миру. Это стало для меня неожиданностью. Я предполагала, что тебя вернут в Бэар. В худшем случае – предложат сразу вечность, покажут Тмиор. Что у меня будет время найти тебя, объяснить, помочь разобраться. Но всё вдруг пошло совсем не так, вмешались другие, всё запуталось. И тут являешься ты с утра пораньше, злой, устраиваешь погром, угрожаешь, даже, – она окончательно развеселилась, – людей калечишь. Во второй раз ещё и Ллэра с собой притащил, убеждал меня – Мира жива, Мира жива! Ты её убила! Знаешь, что пришло мне в голову? Что за всем стоит Самар. И потом... Многое, из того, что я рассказала – правда. Не считая Миры. Про Способных, про вырождение, про ПНК. Я не собиралась устраивать никаких концов света или видоизменять расы. Пыталась спасти Миру и...

– И заодно выкачать из меня кровь, поставить парочку опытов, свести с ума, одарив всеми этими умениями, да?

– Ладно, – Таль вздохнула.

– Что ладно?

– Ты прав, – она развела руками. – Оправдываться не буду. Могу объяснить, почему так.

– Начинай, – Адан соскользнул с подлокотника в кресло.

– Когда Самар отказался помогать, я помимо рабочих проектов с ПНК для актарионцев искала возможность сделать Миру неуязвимей. Мне нужна была кровь доа, поэтому я искала подходящего донора в Бэаре. Нашла тебя. Потом мне пришла в голову мысль, что не стоит ограничиваться Мирой. Почему бы не попробовать активировать и твои способности?

– Действительно почему? – хмыкнул Адан. – И мне сообщать об этом необязательно.

– Я не успела.

– Несколько месяцев не хватило прийти и поделиться откровениями? С головой ушла в опыты? – съязвил он.

– Самый лучший способ активировать чьи-то спящие гены или генный потенциал, если хочешь, – продолжила Таль, никак не реагируя на его замечание, – это поместить человека под энергетическое излучение типа Плеша. Самар так и не пожелал объяснить, как именно её создал, каков принцип. Многое из того, что я хотела сделать, основывалось исключительно на моих предположениях и скудном личном опыте. Не было гарантии, что что-нибудь выйдет. Я решила рискнуть. Самым сложным оказалось придумать, как спровоцировать ваш переход в Плешь. А без него никак. Необходимо было дать толчок, стимул. Потом, как я считала, начнутся

метаморфозы. Какие именно – не знала. И, представь себе, сомневалась. Боялась. Потом убедила себя, что если не получится сразу, то смогу повторить. Ведь метаморфозы всё равно будут, пусть слабые. Они что-то изменяют в тебе, и такие изменения никогда не исчезнут полностью. Не зря же все одарённые, кто однажды побыл в Плещи, но потом по тем или иным причинам вернулся в свой мир со стёртой памятью, снова попадал в Плещь.

– Не всегда, – встряла Роми. – Если потенциал мал, ты не переживёшь дальнейшие метаморфозы, солнце или Море убьют тебя, поэтому тебе нечего делать больше в Плещи. Тем, кто обладает большим потенциалом, бесполезно стирать память. Десять, пятнадцать раз исправляй... всё восстанавливается.

Она бросила быстрый взгляд на Алэя, но тот, казалось, вообще не собирался активно участвовать в разговоре.

– Я и говорю о тех, у кого большой потенциал, – добродушная улыбка учительницы, терпеливо объясняющей нерадивому ученику очередную премудрость, сменилась ехидной, вызывающей ухмылкой.

Адан невольно усмехнулся. У Роми талант вызывать в Таль и Мире желание огрызаться. А может, не только в них. Может, это естественное влияние на всех актарионок. Или вообще на женщин. Интересно, за все прожитые тысячелетия кроме позабытых любовников Роми обзавелась хотя бы одной подругой?

– Если ты... – Таль осеклась, бросила на него хмурый взгляд, опять посмотрела на Роми. Выдавила из себя подобие прежней радушной улыбки.

Адан нахмурился. Наверное, она и сейчас легко читает его мысли, раз так реагирует.

– Если Смотритель не заметил, ещё не значит, что потенциала не было, – заговорила Таль. – И что бы вы там ни чистили, последствия попадания в Плешь даже для обычного человека всегда оставались. Организм меняется. Становится сильнее, пусть это выражается всего лишь в отсутствии банальной простуды. Вы же всегда смотрели на тех, кто попадал в Плешь, только через призму собственной необходимости. Получится ли в итоге новый атради или нет, хватит ли сил у новичка на преобразования или не стоит возиться. Тех, в ком таких сил не видели, считали ошибкой, глюком системы. И совершенно напрасно. Плешь – одна из совершенных систем, которые мне известны. Там никаких осечек и случайностей быть не могло. Она, – Таль кивнула на Миру, – самое лучшее доказательство. В ней не было ни грамма потенциала превратиться в солнечную батарейку, зато достаточно сил, чтобы уничтожить целый мир. Твой мир.

– Хорошо, – вмешался Адан. Не хватало, чтобы Роми и с Таль сцепилась, а она уже явно была к этому готова: даже рот успела раскрыть. А сейчас захлопнула, бросила на Адана колючий взгляд, в глубине которого как будто светилась благодарность. – У тебя получилось. Ты запихала нас в Плешь.

Дальше что?

– Дальше я надеялась, что Мира сможет справиться с вирусом. И даже обретёт какие-нибудь способности. Актарионки или тлай. Про доа я не думала. Мечтала об образовании ПНК в лучшем случае.

– А со мной каких результатов ты ожидала?

– Что ты постепенно станешь полноценным доа. Так или иначе выберешься за Сферу. Сам или со мной. Впитаешь необходимое излучение, постепенно завершишь все этапы. Надеялась, что смогу убедить тебя жить в Актарионе. Так тогда казалось проще всего. Правильней. Что бы ты там ни думал, – она улыбнулась, теперь уже по-настоящему. Обвела всех взглядом. – Что бы вы ни думали, я никаких масштабных планов не строила. И прежде чем успела сообразить, что происходит, Адан с Мирой уже побывали за Сферой и торчали в Тмиоре. У неё, – она кивнула на поникшую Миру, – начались совсем другие метаморфозы. Краткого пребывания в Плещи, а позже под вашими лунами, – Таль посмотрела на Ллэра, – хватило, чтобы в ней проснулись древние гены доа и тлай одновременно. И началось противоречие. Две в одной. В результате что-то там в Тмиоре среагировало на тлай. Море Истока вроде бы... Да так бурно, что Самар сразу догадался, вышел на вас, понял, что случилось, и явился ко мне с претензиями. Но не знал, что Гончие уже начали охоту.

– Оно самое. Море, – подтвердила Роми. – Сначала чуть не прикончило меня. По крайней мере у меня было именно

такое ощущение, потом... Потом у меня возникло непреодолимое желание прикончить Миру. И если бы не Адан...

– У которого возникло непреодолимое желание прикончить тебя, – с улыбкой прокомментировал он.

Роми тоже улыбнулась.

– Верно. И хорошо, что возникло, и что ты вытащил меня в Эннеру. Но почему тогда Гончие не пришли за нами? Не успели? Или нам просто повезло?

– Не знаю, – сухо бросила Таль. Она, конечно же, радости Роми не разделяла. Но хотя бы не хамила, уже хорошо. – Наверное, вы пробыли там слишком мало. Или были днём, когда слишком активное солнце их отпугнуло. Гончие его не выносят, предпочитают ночь.

– Когда умер Самар, был вполне себе день, – напомнила Роми.

– Правильно, – Таль с усмешкой тряхнула головой. – Поэтому мы сейчас с тобой разговариваем. Появись они там ночью, вам, да и всем атради пришлось бы несладко. Но повезло, – она обвела всех взглядом, – что между Эннерой и Тмиором именно такая разница во времени, хотя... – Таль задумчиво покусала нижнюю губу, посмотрела на Ллэра. – Я почти уверена, что это Самар как раз продумал, когда создавал Тмиор. А может, нет, – она едва заметно пожала плечами, улыбнулась. – В последние дни я склонна преувеличивать его заслуги. В любом случае под солнышком Тмиора Гончим пришлось несладко.

– Так вот почему они решили вернуться в меня, – про-
бормотала Мира, прекратив наконец созерцать пол. Оберну-
лась к Ллэру. – Помнишь, в моей памяти? – он кивнул. Ми-
ра продолжила: – Они захотели обратно, но у меня как-то
получилось не пустить...

– И тогда они решили всё вокруг заморозить, – усмехнул-
ся Адан.

– Устроили нам невероятное по красоте и гармоничности
шоу, – хмыкнул Ллэр. – А в конце появилась Мира, – он за-
думался. – Холод – ещё не ночь, но уже ближе к ней, чем жар-
кий полдень. Тени не замораживали всё вокруг. Они сме-
щали слои. Вытаскивали наружу кусочек пространства меж-
ду огнём истинной Фахтэ и стерильностью климата Тмио-
ра. Самар должен был остудить горящую планету, как – не
знаю, я ведь не подозревал, кого нужно спросить, да и не был
уверен до того дня, что такая прослойка существует. Впро-
чем, это тоже уже не имеет значения, – он помолчал. – Ро-
ми, как доани, чьё тело побывало во всех этапах преобразо-
вания планеты, чувствовала постепенное понижение темпе-
ратур на протяжении всего процесса. Ты, Адан, как доа, не
должен был ничего чувствовать, лишь видеть рисунок про-
странства и итог, если бы не наручник тайко, который соеди-
нял тебя с Роми. Я же, как бывший человек, имел возмож-
ность испытывать весь спектр ощущений, пока с простран-
ства шёлухой спадает слой за слоем. Энергетический отлив.
Я в тот момент думал, что всё идет к огню и за снегом после-

дует лава. Но появилась Мира, – он повернулся к Таль: – Ты сказала, они почувствовали в ней хозяйку? Что это означает?

– Тлай создали не просто энергетических убийц, которые должны сидеть в Эннере и ждать доани сколько понадобится, пусть хоть целую вечность, – заговорила Таль. – Они многое продумали. Распознать энергию доани, не обязательно в чистом виде, даже смешанную с другой, и уничтожить – это первая ступень. Следующая – установить источник, считать след, понять – откуда и как. Потом найти способ, как добраться туда, чтобы выполнить свою главную миссию – ликвидировать источник «заразы», обезвредить остальных. В этом смысле Гончие – идеальные механизмы. Единственное ограничение – они не могут самостоятельно перемещаться между мирами. Для этого им необходим проводник или хозяин. Первым может быть тело убитого доани. Если бы, – Таль посмотрела на Роми, – тогда на поле у Адана не получилось их разнести в пух и прах, ты бы погибла, а Гончие влезли бы внутрь и ждали.

– Пока рано или поздно за ней не явятся атради, – проговорил Ллэр. – И не заберут тело в Тмиор, как в принципе и сделал я, – он качнул головой, кажется, даже с уважением.

– Верно. Не пришёл бы никто, значит, Гончие остались бы ждать. Для них не существует понятия времени, – Таль повернулась к Ллэру и Мире. – С хозяином – чуть сложнее. Им может стать только представитель расы тлай. Видимо, на скале Гончие сначала приняли Миру за доани, что неуди-

вительно, если вспомнить, как смешались ваши биополя, – Таль на мгновение встретилась взглядом с Аданом, отвела глаза. И он совершенно чётко понял: она каким-то образом знает, что между ним и Роми произошло до появления Теней, словно была там и видела. – Потом распознали в ней хозяйку, – продолжала Таль. – Древние тлай могли направлять Гончих, контролировать. Мира же... – она пожала плечами. – В идеале она тоже должна уметь. Наверное, сможет вспомнить, как, если научится контролировать обе сущности. Тогда на скале она стала пассивной хозяйкой. Позволила использовать своё тело, перенести их в Тмиор, добраться до Самара и... – Таль вдруг замолчала, повернулась к ним спиной, застыла. Каким-то чужим голосом, совсем без эмоций сказала: – То, что вы рассказываете, подтверждает мои догадки. Вероятно, эти твари считали устройство Тмиора, когда оказались там. Быстро разобрались, что к чему. Все слои, кто всем управляет, как его найти, как уничтожить. Из-за солнца собирались вернуться обратно в Миру и переждать, чтобы продолжить миссию, но каким-то чудом Мира смогла задержать их снаружи, обрекая на гибель. Наверное, тут уже сущность доа сыграла свою роль. Тогда Гончие попытались защититься от солнца другим способом. Видимо, не вышло. А может, ваше присутствие или наручники повлияли. Или само место. Пещеру ведь создали когда-то тайко.

– Которые тысячи лет назад враждовали именно с тлай, – пробормотала Роми. – И наверняка успели изобрести немало

защитных примочек.

– Так ты и про пещеру знаешь? – удивился Адан.

– Я знала, что в ней прячет Самар, – Таль повернулась к нему. – Если ты это имеешь в виду. Но я никогда там не была.

Все замолчали, видимо, думая каждый о своём.

– Их наверняка можно, – громко заявила Мира.

– Можно попробовать, – Таль не спешила никого обнадеживать, хотя Адан был уверен: она бы никогда не завела этот разговор, если бы не имела решения. Хотя бы временного, с большими рисками и возможными нежелательными последствиями. – Роми придётся пройти два обратных процесса. Сначала естественным путём, теряя энергию, снова стать доани. Только потом я смогу попытаться искусственно «отмотать» обращение до «заводских настроек» и сделать из неё доа. Это долгий и болезненный процесс. Но другого пути я не вижу.

– А их? – с надеждой спросила Мира.

– Алэй и Ллэр в прошлом обычные люди. Теряя энергию атради, они будут превращаться обратно в тех, кем были до Тмиора. Но в отличие от истинных атради, их организм не способен на регенерацию мёртвых тканей. – Таль перевела взгляд на Ллэра, ободряюще улыбнулась. – Возможно, мы всё-таки сможем обмануть смерть. Наши с тобой опыты, помнишь? Кажется, я знаю лекарство, – она кивком указала на Миру. – Её кровь. У меня получилось сделать сыворотку, задействовав гены тлай. Она может стать катализатором для

морфаллаксиса, пока вы превращаетесь в доа. Процесс, конечно, болезненный, стопроцентной гарантии, что всё пройдёт успешно, дать не могу, но... Когда-то вы побывали в Плещи, стали сильнее, одарённой. Это огромный плюс, – она обернулась к Алэю. – И вы всегда можете отказаться.

Тот чуть прищурился, едва заметно улыбнулся, как и прежде – молча.

– А остальные атради? – не унималась Мира. – Погибнут?

– Остальные... – Таль вздохнула. – С ними будут происходить те же процессы, – она на миг взглянула на Роми с Алэем. – Обращённые умрут. Истинные без нужной энергии потеряют способности и застрянут в одном из миров. Тут уж, как повезёт. Тем, кто сейчас в Тмиоре, однозначно не повезло. – Она пожала плечами. – Мне сложно представить, что там сейчас творится. Опять же теоретически, если кто и может их оттуда выгнать, это ты.

– Что нужно делать? – Мира выпрямилась, глядя на мать в упор.

Таль несколько секунд молча смотрела ей в глаза. Потом, словно приняв нелёгкое решение, заговорила медленно, будто подбирала правильные слова:

– Тебе придётся прислушаться к себе, нащупать это знание. Стать по-настоящему тлай, в полную силу. Дальше всё зависит от того, насколько тебе удастся контролировать способности. Если получится помирить в себе доа и тлай, сумеешь снять блок с вселенной и открыть портал оттуда сюда.

Идти за тобой или нет – их выбор. Рисковать своей жизнью ради них или нет – твой. С одинаковой вероятностью ты можешь попасть туда и не суметь выбраться. Или перебить их всех.

Мира кивнула. Умоляюще посмотрела на Ллэра.

– Я пойду. Я должна.

– Котёнок...

– Знаю, – Мира обхватила его за шею, прижалась лбом ко лбу Ллэра. – И помню, что обещала быть с тобой, когда... если... И буду, обещаю. Но сначала я должна их спасти. Попытаюсь.

– Это опасно, и мы не можем рассчитывать на все эти «если».

– Эти «если» теперь всё, на что нам осталось рассчитывать.

– Нет. Я могу тебя связать и никуда не пустить, – будто бы шутку сказал Ллэр, но он не шутил.

– Можешь, – согласилась она, отстраняясь. – Но отпустишь. Ты ведь и сам знаешь, что так надо. Так – правильно.

– Правильно... Я никогда не делаю так, как правильно.

Адан уже открыл рот, собираясь согласиться с Ллэром, но промолчал. Мира права. Так – правильно. Неправильно, что идти в Тмиор может только она. Он бы, не задумываясь, отправился с ней.

– Неужели даже не вмешаешься, чтобы его убедить? – спросила вдруг Таль, обращаясь к Роми.

Вместо неё неожиданно заговорил Алэй:

– Его не нужно убеждать, – он смотрел прямо на сына. Ллэр оглянулся, будто почувствовал, встретился с отцом взглядом. – Эль знает, что необходимо сделать.

– Что ж... В таком случае остаются атради, разгуливающие по мирам. Наверное, кто-то из них уже знает про Тмиор. Через несколько дней поймут все. Что предпримут потом, вам виднее, – Таль внимательно посмотрела на Алэя и Роми. – Мы с Ади можем их спасти.

– Каким образом? – Адан удивлённо вскинул брови. Толпа рассеянных по бесчисленным Вселенным вечных – как, вообще, возможно их всех отыскать? Да ещё уговорить пойти с ними в Эннеру. На это уйдут месяцы, если не годы, а у атради в запасе от силы неделя.

– Притянуть к нам сюда – в замок. Одного за другим, по очереди. Нет, – Таль качнула головой. – Лучше ближе к морю. Этим займусь я, тебе придётся разбираться с Гончими. Твари обязательно появятся, как только почувствуют доани.

– Может, лучше я буду притягивать, а ты – разбираться? – на полном серьёзе предложил Адан.

– Не лучше, – тоном, с каким спорить сложно, оборвала она. – С Гончими у тебя хоть какой-то опыт есть, остальное я объясню. Это просто. А притягивать... Ты притянешь половину Вселенной на мою голову. Надо разделить обязанности, и ваша помощь, – Таль обернулась к Роми и Алэю, – тоже понадобится. Ты должна впустить меня в свою память и

показать всех, кого вспомнишь, кроме тех, кто точно сейчас в Тмиоре. Тогда я смогу сосканировать их след и попытаться притянуть к себе. Вам с отцом, – она посмотрела на Ллэра, – надо будет ввести появившихся здесь в курс дела. По возможности кратко. Нельзя, чтобы они ушли или отделились от нас. Там их достанут Гончие. Для начала – это самое главное. Потом уже всем вместе можно рассказать остальное, детали. И пусть выбирают, что делать. Насильно удерживать их здесь лично я не собираюсь. Как и тех, кого, надеюсь, получится высвободить из Тмиора.

– Погоди, а дальше? – спросил Адан. – Или предлагаешь мне вечно атради от Гончих оберегать?

– Вечно не понадобится, – покачала головой Таль. – Тем, кто выберет остаться на Эннере и стать доа, Гончие не опасны. Энергия доани исчезнет в процессе преобразования. А те, кто не захочет... их проблемы, – она в который раз за ночь пожалала плечами, развернувшись к Роми. Через миг уже стояла рядом, протягивая ей руку. – Сможем довериться друг другу?

Роми медленно встала, улыбнулась, чуть склонив голову на бок. Потом молча пожалала её ладонь.

– Давай попытаемся.

Глава 31. Выбор

Самым страшным оказалось дожидаться ответа Алэя. Не сложным, а именно – страшным.

Он тянул, а Роми не осмеливалась спросить – почему. Вообще заговорить об этом. Боялась услышать не те слова, что хотела бы. Несмотря на то, как и что он говорил ей совсем недавно на пляже, на последние месяцы, когда он снова стал самим собой, обрёл силу и уверенность. Несмотря на то, что Роми знала – доа живут лет сто пятьдесят, не больше, а с учётом всего, через что они уже прошли и что ещё предстоит преодолеть, рассчитывать на дополнительную сотню к имеющимся биологическим тридцати не приходится. Несмотря на то, что Таль не давала гарантии даже на ещё пятьдесят. Алэй всё равно способен отказаться, и Роми не смогла бы тогда обвинить его в эгоизме или слабости. Никогда.

Она просто ждала. Столько, сколько понадобится. И старалась не думать.

Мира ушла почти сразу, словно не только торопилась помочь, но и боялась, что Ллэр остановит. Или что сама испугается и передумает. Едва Роми и Таль пожали руки, как Ллэр оттащил её в сторону, что-то долго втолковывал, не то чтобы спорил, но доказывал. Роми наблюдала за ними изда- лека, удивлялась. Похоже, он был неравнодушен к этой девочке даже больше, чем сам готов признать. Но Роми знала,

на что смотреть. Знала, как он ведёт себя, когда ему кто-то дорог. Как говорит и смотрит. И как может слететь с катушек, если с Мирой что-то случится. Едва уловимых перемен, знаков было достаточно.

Она пробормотала тогда, обращаясь только к Алёю:

– Ты же знаешь, что будет, если она не справится?

Алэй встретился с ней взглядом, но не успел ничего ответить: Ллэр уже возвращался, а Миры и след простыл.

– С меня взяли слово, что я как можно быстрее наемся твоего лекарства, – сообщил он Таль. – Но я так понимаю, что тогда выйду из игры надолго, буду прохладиться в прострации и ловить глюки.

Он понимал правильно, поэтому с сывороткой предстояло немного обождать.

Некоторое время они ещё обсуждали детали того, что предстоит сделать, вырабатывая стратегию, потом – перебрались на пляж.

Сомневаться в словах Таль Роми перестала. Не важно, что ей двигало, какие цели она преследовала. Не важно, что ещё утаила, чем не сочла нужным поделиться. Роми поверила, потому что всё складывалось в единую, идеальную картинку, потому что только в правде не бывает изъянов. Это не означало, что она теперь ей безгранично доверяла или стала относиться с теплом и пониманием, нет. Но в том, что Мира – её дочь, и история, рассказанная Таль, истинна, не сомневалась. Роми прекрасно знала, на что способны люди, если

речь идёт об их детях, даже если с этими детьми у них складываются не самые лучшие отношения. Даже если потом эти отношения расстроятся вовсе.

Весь остаток ночи они провели, блуждая в памяти в поисках тех, кто в момент катастрофы находился вне Тмиора. Вроде бы – сколько времени требуется, чтобы вспомнить? Оказалось, много! Не так уж просто представить их достаточно чётко, чтобы передать образ Таль и чтобы та смогла выдернуть их. Чтобы быстро и внятно ввести в курс дела, пока Адан удерживает Гончих, если те появятся.

Твари тлай, видимо, сжалились над ними. Или же механизм, всё-таки не такой идеальный, как восхищался им Ллэр, дал сбой. А может, у замка, отгроханного Самаром, была некая защита, что покрывала весь остров, на котором он стоял. В любом случае – Тени не появились. И Роми совершенно не интересовало, почему.

Самое сложное было убедить. Заставить атради поверить. Конечно, рассказывать всю правду никто не собирался, ограничились краткой версией, которая сводилась главным образом к следующему: Тмиора больше нет, как это получилось – неизвестно. Что-то заклинило, вы же помните, что происходило последние дни и недели. Если сомневаетесь, легко проверить – доступа туда нет. А значит, нет доступа к нашему солнцу. И вы все знаете, чем это грозит. Но нам повезло. Посвящать в то, откуда они знакомы с Таль, тоже не планировали. Знакомы. Она может помочь. Точка.

Выбора ни у кого не было. Вернее, он был у истинных твердолобых сородичей, но совсем крохотный и сводился к выбору из двух зол. Превращение обратно в доани лишит всех способностей, кроме абсолютной неуязвимости и вечной жизни, и тогда они без посторонней помощи или технических приспособлений не смогут даже покинуть Эннеру. Превращение в доа – болезненное и тяжёлое, возврат к истокам – делает их смертными.

Для Роми вопрос выбора не стоял, но она мысленно приготовилась к тому, что многие им поначалу вовсе не поверят, особенно из тех, кто редко бывал дома. Кому зачастившие дожди и бушующее Море казалось чем-то вполне обычным, случайным и несущественным. Впрочем, тогда будет плевать. Заставлять не станет.

Теперь каждый атради сам решал свою судьбу. Не в первый раз далеко не все из них смогут спастись. Роми чувствовала себя слишком уставшей, чтобы переживать по этому поводу. Она сделала и продолжала делать всё, что могла. Но на чувства и эмоции не оставалось сил.

Ллэр предложил первым раскрыть свою память Таль, потому что стоило начать с тех, кого хорошо знал он, кого ему доводилось втягивать в свои затеи. Кто поверит или как минимум станет с ними говорить, а не отправится сразу обратно, откуда их вырвали. Таких было немного, но все они, как ни странно, находились не в Тмиоре. Впрочем, ничего странного. Чтобы связаться с Ллэром надо по крайней мере обла-

дать схожим характером и неусидчивостью, и уж никак не равнодушием истинных. Среди первых оказался и друг Алэя. Увидев его, Роми вдруг испытала такое облегчение, будто это знак – у них всё получится. Пусть всему приходит конец, он же – новое начало.

Позже дело пошло быстрее.

Истинным незачем было торчать здесь, если они нуждались во времени, чтобы поверить и решить, как поступать – они могли это сделать и в другом месте, знали, куда возвращаться. В любом случае, чтобы стать доа, им сначала нужно было полностью избавиться от энергии Тмиора. Таким, как Ллэр и Алэй, кто в отличие от истинных атради никогда не был доа, наоборот тянуть не стоило. Чем раньше начать, тем больше сил будет у организма.

Но торопить никто не собирался. Спорить – тоже. Вопросы копились, устраивать семинар по сложившейся ситуации каждому в отдельности сил не было. Ллэр в какой-то момент заявил, что стоило распечатать памятки «Как вести себя в случае конца света», раздать, а беседы вести после того, как участники войдут в курс основного положения вещей. Шутки шутками, но довольно скоро Роми поняла, что в этой идее есть рациональное зерно.

Ход в Тмиор оставался всё так же закрыт. Они надеялись, даже рассчитывали, что если не тут же, то хотя бы через несколько часов уже появятся первые атради или же вести от Миры, но время шло, а ничего не менялось.

К утру, несмотря на то, что ей помогали и другие, Роми падала с ног от усталости, а мозг готов был взорваться. К тому моменту она уже сбилась с точного счёта и едва не грохнулась в обморок, заблудившись в собственной памяти, но, казалось, вытащили они не меньше трёхсот человек. Тогда Алэй потребовал, чтобы она отправлялась спать, в конце концов теперь имелось, кому её сменить.

Возражения он не принял, уводить её пришлось силой.

Роми проспала часов десять, как убитая, без сновидений, но проснулась такой же уставшей, с головной болью и ломотой в теле. Таль сказала, это истощение, голод. Роми и сама знала. Энергия уходила из неё быстрее, чем из остальных, хотя бы потому, что до этого её почти всю выкачали Тени, и Роми жила на том, чем поделилась с ней Мира. Но помочь ей сейчас ничем не могли. Сначала будет хуже, но потом станет легче, оптимистично подбодрила Таль. Роми только хмыкнула. Ей и раньше доводилось подолгу не получать доступ к жизненно необходимому солнцу, но теперешнее состояние не имело ничего общего с тем голодом, к которому она привыкла. Энергия не просто уходила, а замещалась другой. И организм боролся с ней, как с вирусом, нехотя сдавал позиции, менялся.

Несколько сильнодействующих таблеток успокаивали голову на несколько часов, потом постепенно всё начиналось сначала, Роми выдерживала ещё час, от силы – полтора, и снова глотала таблетки, чувствуя себя наркоманом. Но так

по крайней мере сохраняла ясность ума.

Многие из тех, кого они притащили сюда ночью – ушли. И не только истинные. Но Роми не сомневалась – вернутся. Голод пригонит. Надежда. Мысли о том, что необходимо выжить сейчас, а способ исправить найдётся потом. То, что сделано раз, наверняка можно повторить. Главное – выиграть время.

Атради разучились о нём думать, разучились его ценить. Забыли, что такое «не успеть». Многим вещам придётся учиться заново. Роми не удивилась бы, если большинство истинных выберут судьбу доани, вечность на Эннере или ещё где, без способностей. Они верили в силу разума, забыв, что не пользовались своими способностями к познанию уже много лет. Они так и не вспомнили, что никогда не хотели жить вечно. Теперь, вместе с Тмиором, пещера с капсулами памяти была потеряна навсегда.

Впрочем, это их право и выбор. Свой – она уже сделала. Вероятная смерть в некоем будущем ни грамма не пугала, а вот бессмысленная бесконечность – да. Кажется, она начала понимать Ллэра.

***

– Знаешь, а ведь Самар всё знал, – сказала Роми.

– О чём?

Они сидели на берегу, смотрели на тёмно-фиолетовое, гладкое, застывшее, словно зеркало, ночное море. Роми пришла сюда, чтобы заставить Ллэра вернуться в замок и нако-

нец-то сделать то, что он пообещал Мире, но разговор никак не доходил до этого.

– Обо всём. Не просто, кто мы, откуда. Он создал Тмиор, построил это место, сделал массу вещей, притворяясь садоводом. Мне кажется, он никогда не лишал себя памяти и понимал, что нам, наоборот, ни в коем случае нельзя обретать её обратно. Потому что тогда детище пошлёт создателя к чёрту. Доа ведь не искали вечность, не хотели её, а как только обрели – сразу полезли менять обратно, попутно разрушая на пути всё, – она покачала головой. – Плевать, какие у Самара были мотивы. Кажется, я благодарна ему за то, что он не дал нам вспомнить. Нельзя жить вечно и помнить истоки. Это противоестественно, – Роми криво улыбнулась. – Бесконечность тянется в оба конца. Но когда есть исток... Когда мы не можем отречься от него, переступить, перерасти...

– Тогда это не бессмертие, а бесконечная очередь. Вечное ожидание чего-то, – засмеялся Ллэр. – Видишь, а ты со мной всегда спорила. Мы не готовы.

– Мы не готовы, – эхом повторила она. – Я не помнила. Теперь знаю. Ты и Алэй – единственные, кто пожалел.

– Ну, ты не со всеми псевдо-родственниками эти беседы вела, – усмехнулся он. – Но я – со многими. Искал единомышленников. Вы ж с отцом не хотели... – Ллэр помолчал. – Мы похожи. Доа и нэш. Всегда были.

– Кто его знает, может, в далёком прошлом, миллионы лет назад наши предки вышли из одного мирового океана, –

улыбнулась Роми. И тут же испугалась, что Ллэр сейчас заговорит о Нэште, о том, что произошло там сотни лет назад. Что именно поэтому он и тянет с сывороткой. Ей всегда казалось, что Ллэр для себя всё давно решил, достиг согласия и мира с самим собой. Нашёл тот самый баланс, о котором говорил Алэй. Знает, чего хочет, и это – уж точно не преждевременная смерть. Но сейчас он рисковал, они оба, и Роми хотелось хорошенько обоим же за это врезать. – Такое ощущение, что всё именно так и должно было закончиться. Закольцеваться. Вся эта долгая, безумная, бесконечная жизнь должна была вернуться к тому, с чего начинали. Вернуться домой. Если бы истинные вспомнили, они бы ни минуты не сомневались в том, какой выбор сделать теперь. Я не знаю, почему, но уверена в этом.

– У них ещё будет возможность передумать. По крайней мере какое-то время.

– Почему ты сам до сих пор не принял лекарство? – наконец решилась она.

– Моя помощь всё ещё нужна.

– Перестань. Всех, кого могли, мы притянули, всем всё рассказали. Объяснили. Показали дом. Вопросы у них, конечно, не закончились, да и как они могут закончиться, когда ничего подобного никто не мог даже вообразить? Но здесь человек пятьдесят истинных, которые маются от безделья. Без тебя есть, кому помогать Таль.

– Есть, – неожиданно легко согласился он. – И без него –

тоже. Ты спросила его?

Роми стиснула зубы.

– Вы играете в игру – кто первый?

– Ни в какую игру мы не играем.

– Но у вас не хватает рассудительности поговорить. Ты же знаешь, он будет ждать.

– Любви к тебе ему недостаточно? – Ллэр хмыкнул. Роми дёрнулась, как от пощёчины. Обернулась, готовая сорваться, но Ллэр успел опередить. – Прости. Я... злой. И не прав. С ним тоже. Но это он сказал, чтобы я держался подальше, если не остановлюсь.

– Ты уничтожил свой мир.

– И я живу с этим. Но на всё можно посмотреть по-разному. Учитывая то, что происходит сейчас с нами, верно?

Роми не хотела об этом говорить. Они втроём должны остановиться.

– Ты в порядке?

– Если ты имеешь в виду, не устрою ли я очередной конец света, если Мира не вернётся, то ответ – нет.

– Я имею в виду – ты в порядке?

Ллэр покусал губу.

– Нет, – покачал головой. – Нет. Но это сейчас не имеет значения, – он встал. Отряхнул от песка руки, джинсы. – Сегодня ведь только второй день.

Роми ничего не ответила. Откинулась на спину, закрыла глаза. Слушала, как удаляются его шаги.

– Если у Миры получится вернуться, ей понадобится он. Живой, вменяемый, любящий, – слышался уставший голос Таль.

Роми приподнялась на локтях. Та стояла босиком у самой кромки воды, спиной к ней. В тех же голубых джинсах, белой футболке, что и вчера. Растрёпанные волосы небрежно собраны в пучок на макушке. То ли не нашлось времени привести себя в порядок, переодеться, то ли – желания. А может быть, сил.

Таль медленно присела на корточки, опустила обе руки в воду, тихо спросила, не оборачиваясь:

– Ты не против, что я тут? – и ещё тише добавила: – Одиночество сейчас – не лучший советчик, но не хочу, чтобы они видели меня такой.

– У неё должно получиться. – Как ни странно, сегодня Роми тоже не хотелось оставаться одной. – Как долго их будет... – она махнула рукой, не зная, как назвать состояние, в котором пребывали те, кто уже согласился на сыворотку. Сейчас они все были без сознания или даже глубже – будто в коме, но время от времени тела сводила судорога, и вот такого Ллэра Мире действительно лучше не видеть.

– Не знаю. Ни когда, ни что выйдет в итоге. Надеюсь, что успешные лабораторные пробы – не случайность. В противном случае... Боюсь даже думать, что будет с ней, если Ллэр не выдержит. Или с ним, если очнётся, а Мира так и не вернулась, – Таль прерывисто вздохнула. – И что будет со мной.

Роми видела, что она растеряна. Будто сама не знает, что чувствует, к кому, как. Они все вдруг стали совершенно другими последние сутки. Будто раскрылись, сбросили шелуху. Не стали ближе, но словно научились лучше понимать. Если не других, то самих себя. И это понимание только ещё больше всё запутало.

Роми знала, что может быть с Ллэром. Он не станет искать виновных. Сначала просто уйдёт в себя, никто ничего даже не заметит, тем более, кроме неё и Алэя, никто его хорошо не знает. Он сам не заметит. А потом... Нет. Роми не хотела думать о том, что может случиться. Всё-таки Ллэр теперь старше. На почти триста лет и два, если считать гибель Тмиора, конца света. Но как отреагирует Мира, если что-то пойдёт не так, с её-то силой? Кого станет винить?..

– Как было бы проще, если бы изначально все не носились с собственным планом, а просто... поговорили, – невесело усмехнулась Роми.

– Говорить сложно... Всегда. Особенно таким, как ты и я, даже если мы знаем с кем и как, – Таль развернулась, не спеша приблизилась, опустилась на песок в том месте, где недавно сидел Ллэр. Пристально посмотрела на Роми. На осунувшемся, усталом лице глаза выглядели пугающе огромными. – Вот и сейчас. Ты боишься спросить Алэя, я избегаю Адана.

– Я боюсь не спросить, а услышать ответ... Хотя, наверное, это одно и то же. Алэй нужен мне в будущей смертной

жизни. Но он столько лет искал способ всё закончить, пытался. Я боюсь, что пойму его решение, – она качнула головой. – А ты и Адан?..

– Он молчит, но я вижу, что ему нелегко принять всё таким. Ади старается, помогает, подбадривает, но в глубине души уже винит меня. Из-за Миры. Он... – она осеклась. Отвела глаза, почти шепотом продолжила: – Ади её чувствует. Единственный из нас, у кого ещё получается. У Миры проблемы. Она застряла, не может выбраться. Только... – Таль встретила с Роми взглядом, тихо попросила: – Не говори пока ничего Ллэру. Ещё ведь есть время.

– Я не враг нам всем, – хмыкнула Роми. – Хотя в какой-то степени это и хорошие новости. Проблемы или нет, но Мира жива. А сейчас одного этого могло бы хватить, чтобы Ллэр перестал валять дурака.

Она вдруг подумала, что за всё это время так ни разу и не разговаривала с Аданом наедине. Не отдавала себе отчёт, но, кажется, тоже избегала. Или он её. Или они оба.

– Я уже не знаю, какие новости хорошие, а какие – наоборот, – вздохнула Таль. – Никогда не думала, что всё обернётся вот так.

– Как ты там сказала, я вмешалась и испортила? – Роми усмехнулась. – Чем сложнее план, тем неожиданней может оказаться результат. Мне иногда кажется, что ни один из моих планов не завершился ощущением, что всё так, как я думала. Может, мы постоянно не то планируем?..

– Может быть, но я не об этом, – Таль едва заметно улыбнулась. Пожала плечами. – Мой план не был сложным, и я в определённой степени предполагала, что что-то пойдёт не так, как задумано, но такого... – она обвела глазами тёмное, усыпанное сверкающими звёздами небо. – Я уже говорила, что не собиралась ничего глобально менять. Тем более признаваться вам. Мире – особенно. Но она поразила меня. Её реакция на происходящее, связь с Ади, готовность жертвовать собой... Всё это что-то сделало со мной, заставило переосмыслить, передумать, решиться. И вот теперь я по уши в этом дерьме. Помогаю атради, спасаю тех, кого ещё можно спасти. А собственную дочь, из-за которой всё затеяла, зачем-то отправила на верную смерть, подсказала, как. Ведь могла промолчать. Могла же? Могла. И должна была. Ведь никто из ва... них этого не оценит. Ты сама видела их реакцию. И это они ещё всей правды не знают. А представь, что будет, если узнают? Захотят оторвать мне голову и будут правы. Или Миру четвертуют. Но почему-то осознавая это, я не смогла промолчать. Или хотя бы соврать ей, что способна помочь тем, кто в Тмиоре, нет, – Таль со вздохом опустила подбородок на согнутые колени, обхватила ноги руками, скрестив пальцы в замок. – Как раз это Ади и не понимает. Да я и сама не понимаю.

Роми хотела сказать, что Таль не могла бы поступить иначе. При любом раскладе. Изменила её Мира или она всегда была такой где-то глубоко в душе – неважно. Оценят или

нет – тоже. Не ради награды и признания это делается. Человек, который бы мог наплевать, забыть, соврать, промолчать в последний момент или сразу, скорее всего, не стал бы изначально ничего затевать. Пытаться спасти... И дело не только в том, что Мира винила себя во всём, что происходило сейчас в Тмиоре. Они все о себе частенько последнее время думали хуже, чем оно было на самом деле.

– Ты не смолчала не потому, что мои сородичи заслуживают спасения настолько, что мы должны положить свои жизни в борьбе за это. Ей слишком важно помочь им. Тебе слишком сложно обмануть её. Независимо от того, что ты думала раньше. Верно?

– Наверное, – не очень уверенно согласилась Таль. – Я вообще-то не склонна винить прошлое. Что было, как, почему... На все свои причины. И это только кажется, что будь у нас возможность вернуться, мы поступили бы по-другому. На самом деле сделали бы всё точно так же, повторили бы все ошибки. Так же бы заблуждались. Исправлять что-то если и возможно, то в настоящем, чтобы будущее стало другим. Я всегда в это верила, всегда так жила, а теперь... Я боюсь будущего. Меня пугает, что ожидает нас всех. Всё слишком непредсказуемо. И это, – она растерянно покачала головой, – совсем не так, как все мои даже самые смелые исследования и опыты. Не только потому, что не могу гарантировать успешный исход, а потому что понятия не имею, как это отразится на нас, на Эннере, на остальных Вселенных. Ведь

последствия будут, обязательно.

– Тысячелетия назад мой народ перевернул с ног на голову всю энергетику миров. Теперь мы пытаемся вернуться к тому, как оно было до. Может, если заставить всех до единого атради обратиться в доа... Не дать возникнуть доани, чья энергия в своё время и нарушила баланс. Но мы ведь не станем и не сможем этого сделать, – Роми помолчала. Потом улыбнулась. – Мы бы совершенно точно поступили бы так же! Я имею в виду, если бы нам дали возможность изменить уже свершившееся. Знаешь, нашу вечную жизнь можно сравнить с путешествием во времени – бесконечные возможности переиграть свою судьбу, стать кем угодно, где угодно, достичь чего угодно. Не выйдет там, найти другой мир, даже – точно такой же. Ты бы знала, сколько во Вселенных похожих миров! Практически идентичных! Попробовать всё сначала. Чтобы через лет десять понять, что совершаешь те же ошибки. Снова, и снова, и снова. Исправляешь одно, вылезает другое. Как будто поступить правильно, учесть всё, сделать по-настоящему идеально – невозможно в принципе. И выхода нет. Я, наверное, будь у меня разум хотя бы на половину такой же, как у Ллэра, смогла бы только из чистой статистики тысяч своих жизней просчитать, как всё будет дальше, как отразится, что произойдёт с нами. Но и точное знание подводных камней не поможет. Ллэр уже однажды просчитывал похожие варианты, – она покачала головой. Возвращается мысленно к одному и тому же! Будто на-

казание, навязчивая идея, страх, что всё может повториться. Но эта партия – последняя. – Мы не имеем права проиграть и в этот раз.

Таль ответила не сразу. Молчала несколько секунд, словно обдумывала то, что услышала. Потом открыла рот, явно собираясь что-то спросить, но в последний момент передумала. Нахмурилась.

– Не знаю, в чём для тебя заключается победа, но в этот раз вы умрёте и гораздо быстрее, чем может показаться. Смертная жизнь мимолетна и быстротечна. В ней полно сюрпризов, далеко не всегда приятных.

– Значит, так и будет, правда? За последние месяцы я столько раз почти умерла. А так до конца и не верю.

– Такого больше не случится. Можешь не сомневаться. Главный вопрос, сколько каждый из вас проживёт дальше. И он пока – открытый.

– И останется открытым, – кивнула Роми. – Совсем как люди.

– Не настолько безнадёжно, – Таль поднялась с песка. – Попробую всё-таки уговорить Ллэра не тянуть.

Роми смотрела ей вслед, даже когда Таль скрылась из виду.

Она плохо выразилась. Не о той победе думала, не о том проигрыше говорила. Сколько лет впереди – неважно по сравнению с тем, что может случиться с Эннерой. Они не могут проиграть, не могут допустить смерти ещё одного ми-

ра. Хотя, возможно, единственный способ победить – если все до одного атради, доа и доани – исчезнут. И только тогда остальные менее энергетические миры вздохнут свободно. Смогут выбраться из своей Песочницы и совершать свои собственные ошибки, а не переживать последствия игр других.

Впрочем, исчезать прямо завтра не хотелось. Жизнь, какой бы короткой и непредсказуемой в дальнейшем ни была, оставалась предпочтительнее смерти. Только бы не идти по ней в одиночку.

Роми отвернулась.

В тот день она больше ни с кем не разговаривала. До самой ночи просидела на пляже, иногда слышала чьи-то шаги за спиной, но никто так и не приблизился, не заговорил. Был ли среди них Алэй – не знала, она больше не оборачивалась. Что-то вспоминала, что-то обещала себе забыть, мечтала, представляла, ругала себя за всё это, и если бы кто спросил – о чём думала, не смогла бы внятно ответить. Обо всём и ни о чём.

День расцвёл, достиг пика, пошёл на убыль, небо снова постепенно темнело, потом солнце скрылось, уступило место луне. Огромной, фиолетовой. Знакомой. За тридцать тысяч лет Эннера изменилась. От яркого, красочного мира сохранились гигантский город и замок. Но луна все эти годы оставалась прежней и словно обещала своим заблудшим детям: только вернитесь и вы увидите, всё станет хорошо. Пра-

вильно. Вы никогда не должны были отсюда уходить.

Здесь, на песке, почему-то не болела голова, не тошнило, не ломили кости, как было утром, в замке. При этом Роми казалось, что она физически чувствует: из неё вытекает энергия Тмиора, так же медленно, как ночь сменяет день. Капля за каплей уходит в песок. Навсегда.

Потом, когда тёмно-фиолетовое небо вновь начало светлеть, неожиданно громко сказала:

– Это мой дом. Я – дома. Впервые за столько лет. Ты разве не хочешь остаться здесь со мной?

– Хочу, – ответил за спиной Алэй.

Роми не вздрогнула, хотя и не слышала, как он подошёл. Он умел ступать почти бесшумно, особенно, если босиком. А может, просто перенёлся, используя тающие силы.

Роми не улыбнулась. Не оглянулась.

– Тогда почему ты здесь?

– Искал тебя, – он сел позади, близко. – Я не видел тебя с утра.

Роми могла бы отклониться сантиметров на пятнадцать, не больше, и прижаться к нему. Не стала, хотя хотелось. Не меньше, чем накинуться на него с кулаками.

– Раньше нам случалось не видеться годами, – едко буркнула она.

– А ещё раньше – не расставаться и на день.

Она шумно выдохнула, тряхнула головой.

– Ты прекрасно понял, что я не это имела в виду, – про-

цедила с неожиданной для себя злостью. Не видела, но знала: он сейчас улыбнулся, едва-едва, и кивнул. Может, почувствовала это движение, легкое колебание ветра, может, всё ещё проще – как же хорошо его знала! Он мог ничего не говорить, не отвечать, не делать... Она всё поняла бы и так. Но как же надоело понимать! Как же хотелось услышать. – Молчишь... Как там Ллэр?

– Таль убедила его. Уж не знаю, какими словами... Но убедила.

Надо было спросить – успели ли они побеседовать. Заговорили ли вообще друг с другом. Но она лишь бросила:

– А тебя – нет?

– Меня нет нужды убеждать.

– Не надо?.. Алэй, чего не надо – так это всего этого! – Роми всё-таки сорвалась. Внезапно. Ярость, обида, боль, страх, отчаянье, всё смешалось. Нахлынуло, захватило, подбросило с песка. Она вскочила, сжала пальцы в кулаки. – Перестань! Перестань! Перестань!!! – схватилась за голову. Будто это могло помочь выбить из себя истерику. – Или объясни, или уходи! Куда-нибудь... Я не могу больше. Я пойму. Приму. Любой ответ!.. Постараюсь. Я не буду...

– Рэм! – Он тоже поднялся, протянул к ней руки, почти дотронулся, но Роми оттолкнула его. – Рэм...

– Нет! Хватит. Скажешь, ещё подождать? Скажешь, поверить? В тебя, в себя, в будущее, в мир, в баланс, в любовь... Ты умеешь говорить! И ты всё время молчишь. Ты прика-

саешься ко мне ночью не так – как раньше, ты заставляешь чувствовать будто... – осеклась. – Не могу. Думала, выдержу – сколько тебе потребуется, столько и выдержу! Но не могу! Сдаюсь. Правда сдаюсь...

– Мне страшно, – тихо сказал Алэй, и Роми замолчала. – Просто страшно. Я тяну не потому, что не знаю соглашаться или нет. Не потому, что пытался переупрямить Ллэра, заставить его первым принять вкусную «таблетку», – он сделал шаг ей навстречу, Роми не шелохнулась. – Не потому, что не верю Таль. Я поверил ей в первый вечер. Как и ты. Ты же помнишь, как я сам чудил, когда узнал о Ллэре, – Алэй улыбнулся. – Мне не надо обдумывать что-то, искать своё место в будущей, третьей жизни, в следующем мире. Новом, непонятном, не бесконечном. Наоборот. Я всё давно нашёл и понял. Знаю, почему выжил дважды. Почему хотел умереть. И почему теперь – не хочу. Именно поэтому страшно. Я ведь могу ошибаться. Таль может. Исследования, лабораторные опыты – ещё не все. Всегда есть место случаю. Это ведь даже не смерть. С ней всё просто. Это рождение, с которым всегда полно неопределённостей. И... по крайней мере у нас были эти два дня, пусть даже весь сегодняшний ты просидела тут одна!

Она хотела ответить, что Таль не ошибётся, что можно не бояться, что...

Алэй не дал: как когда-то давно она сама приложил ей палец к губам, заставляя молчать.

– Можно, мне ещё побудет страшно до завтра? А утром, обещаю, на завтрак же – супер-лекарство Таль.

Он сдержал слово. Хотя очень хотелось оттянуть ещё, спрятаться ото всех, убежать, забыть. Но время не потерпело бы такого легкомыслия, и Роми, проводив Алэя до кабинета Таль, пообещала не приходить, пока обращение не закончится. Чтобы не думать о плохом, не накручивать себя, не погружаться глубже и глубже в страх, что на той стороне бесконечности любой из них может не вынырнуть.

Это было позавчера.

Сегодня Роми проснулась далеко за полдень, хотя накануне легла очень рано, луна даже не успела взойти на небо. Силы заканчивались, сон восстанавливал их, сохраняя ясность ума, но с каждым днём требовалось всё больше времени.

Многие из тех, кто ушёл – вернулись, то ли поверили и страх пригнал, то ли желание на всякий случай перестраховаться. Если где и доходить до грани жизни и смерти, то там, где могут помочь.

Роми уже было плевать. Последнее, что беспокоило – отсутствие вестей от Миры. Заканчивался пятый день, а она так и не дала о себе знать. Адан по-прежнему избегал и Роми, и теперь уже Таль. И Роми в конце концов решилась наступить себе на горло и отправиться к нему сама.

В прошлый раз, ночью, в темноте она ничего не смогла, не успела и не спешила рассматривать. Тогда хотелось выпить и поговорить. Сейчас же только вечерело, а иллюзию в ок-

не заменила настоящая панорама многоярусного города: вероятно, многое, в том числе и окно-экран, пришлось отключить. Барахлило, конфликтуя с биополями доа.

Почему-то в его квартире она ожидала найти металл, стекло и пластик во всём и причудливой, совершенно непрактичной формы мебель. Услужливых роботов, умный дом – полную автоматизацию: от температуры воздуха и воды до покупок продуктов.

Но под ногами оказался деревянный паркет. Настоящий, а не удачная подделка. И никаких ковровых покрытий, затягивающих пространство от и до, только коврики непосредственно около кресел и диванов. Или у кровати. Небольшие, пушистые. Приятные босым пяткам.

Стены, шершавые и прохладные, каменные, Роми их даже, сама не понимая зачем, поковыряла ногтем. Проверила, насколько камень подлинный.

Картины с пейзажами. Массивная, глубокая мебель. Мягкая, удобная и без лишней вычурности. Тяжёлые, плотные шторы, как в замке, создавали уютный полумрак. Камин, свечи.

– Адан?.. – Она заглянула в комнаты, вернулась в гостиную. – Адан, я знаю, что ты дома, чувствую. Прости, что без приглашения.

Откуда-то из глубины квартиры послышался шорох. Следом появился Адан. С мокрыми взъерошенными волосами. По гладкой, загорелой коже капельками стекала вода, на бёд-

рах – замотанное наспех зелёное полотенце. Явно только что из душа.

Она вскинула брови, потом непроизвольно сглотнула, понимая, что весьма откровенно разглядывает его и не чувствует от этого ни грамма смущения. Вероятно, стоило извиниться, отвернуться, но стесняться Роми не умела.

– Привет.

Он ничего не ответил. Пару секунд молча смотрел на неё, в глазах – ни удивления, ни недовольства, только равнодушные. Потом так же молча исчез.

Роми потопталась, машинально осмотрелась ещё раз. Осталась стоять на месте.

Минуты через две, а может, гораздо раньше Адан вернулся. Теперь уже в светлых широких брюках, обтягивающей салатовой футболке, босиком. Прошёл в метре от Роми, уселся в кресло. Ловко подхватив со столика раскрытый ноутбук, опустил на колени, уставился в экран, словно её и вовсе не было в комнате.

Роми несколько секунд смотрела на его затылок, на капельки воды в волосах, хмурилась. Во время последней встречи, тогда – на пляже, они сказали друг другу не больше нескольких слов, но ей казалось – в них уместилось всё. Что хватило лишь того «прости» на берегу, рядом со Сферой. Прости за всё, что причиняет боль. Теперь же вдруг поняла: ничего не уместилось в тех словах. Будто и того не было сказано.

Она опёрлась на спинку кресла напротив него. Всё-таки не сдержалась:

– Ты правда считаешь, что я заслуживаю именно такого отношения?

– Нет, – не сразу и по-прежнему не глядя на неё ответил Адан.

– Тогда, может быть, оторвёшься?

– Зачем? – Он всё же посмотрел на неё, но таким взглядом, что уж лучше бы продолжал сидеть, уткнувшись в компьютер. – Чтобы наглядно и доступно показать, какое именно отношение, по-моему, ты заслуживаешь?

– Адан... я... – Она не знала, что сказать. Холод и равнодушие в его голосе причиняли неожиданную боль. – Можешь показать.

– Я не настолько сволочь.

– Я смогу выдержать, – заверила она, прищурившись.

– Я всё равно не стану, – он не отвёл глаз. Смотрел в упор, пристально, не моргая.

Она – тоже.

– Но что-то же с этим надо делать.

– Уходи.

Роми снова сглотнула. Теперь иначе, потому что в горле встал комок. А собственно, чего она ожидала? Тёплого приёма, распростёртых объятий? Понимания? Объяснений? Задушевного разговора, как тогда, совсем недавно и невероятно давно, когда могло случиться больше, чем случилось? Кто

она ему, кто он ей? Даже не друг, не стал другом. Или стал?..

Резко сменила тему:

– Как там Мира?

– Просто уйди.

– Я серьёзно спрашиваю, как там Мира?

– Хорошо, не уходи, – Адан вернулся к прежнему занятию – изучению монитора.

Чёрта с два, яростно подумала Роми. Сконцентрировалась, глядя на ноутбук. Может быть, она и теряла постепенно силы, но пока их было достаточно. Что-то противно запищало, скрипнуло, тут же из ноутбука брызнули немногочисленные искры.

Адан, ухмыльнувшись, отбросил безжизненный кусок пластика на стол. Спокойно откинулся назад в кресле, встретился с Роми взглядом.

– Мира мертва. Погибла.

Холодно стало лишь на миг. Роми оставалось надеяться, что это никак не отразилось на её лице. Она чуть повела бровью, ухмыльнулась в ответ. Обошла кресло, точно так же спокойно, неторопливо села. Твёрдо проговорила:

– Я тебе не верю.

– Я тебя слишком ненавижу, чтобы врать.

– Не больше, чем я тебя.

– Пришла рассказать мне об этом? – хмыкнул Адан. – Я польщён. Теперь убирайся.

– Ты знаешь, зачем я пришла.

– Не знаю, – неожиданно тихо ответил он. И гораздо мягче. Из глаз исчезло колючее, холодное равнодушие, сменилось плохо скрываемой болью, как будто у Адана внезапно закончились силы притворяться. – Ты должна быть сейчас с ним. Или с ними. Но никак не здесь, не со мной.

Роми вдруг поняла, что причина прихода – не больше, чем повод. Нет, она верила, что идёт разузнать о Мире, на самом деле переживала, ещё больше – за Ллэра без неё, но пришла не потому. И до последнего момента не отдавала себе отчёт, что больше всего ей хотелось просто поговорить с Аданом.

– Я хотела прийти, – тихо проговорила она.

– Зачем?

– Поговорить, попытаться... объяснить, не знаю! Всё... не должно быть вот так. Не может.

– Не знаю, как должно, но может точно. Не думаю, что стоит что-то объяснять, – Адан улыбнулся чуть насмешливо, с примесью едва заметного презрения, как будто он уже всё для себя давно решил, и вряд ли её слова или поступки смогут изменить сложившееся мнение. И вопреки этому впечатлению всё же добавил: – Но ты можешь попытаться... Объяснить.

– Я ... Я... идиотка. Действительно, – она потёрла лоб ладонями, подтянула к груди ноги, обхватила колени руками. – Знаешь, я действительно шла спросить о Мире. Таль сказала, ты её чувствуешь. А теперь вот... – качнула головой, выпрямилась.

– Теперь вот больше не чувствую, – он перестал улыбаться. – Уже несколько дней.

– Но ведь... это ещё ничего не значит? Мы не знаем, как там в Тмиоре, что...

– Мы все знаем, что это значит, – Адан тряхнул головой. Ухмыльнулся. Теперь уже он без стеснения изучал её.

Роми видела, как его взгляд бродит по обнажённым ногам, которые едва скрывают короткие шорты, поднимается к животу, к груди, будто и нет на ней просторной цветастой блузки, скользит по оголённым плечам, по лицу, волосам. Она молчала, закусив губу. Чего-то ждала. Или просто позволяла себе плавать в ощущениях, которые следовали за его глазами.

– Сколько тебе осталось?

Роми вздрогнула.

– День, может два. А потом... Как получится.

– Боишься?

– Нет, – ответила она и поняла – что не врёт. Страх ушел. Полностью.

– Это хорошо, но знаешь, – Адан покачал головой. Задумчиво уставился в окно. Почесал переносицу, снова встретился глазами с Роми. – В одном ты ошиблась. Я оказался совсем не готов к переменам. И сейчас не готов. И вряд ли буду. Лучше бы ты тогда стёрла мою память, а не Миры. А ещё лучше, если бы я никогда с тобой не встречался вообще.

– Ты – доа, вряд ли тебе можно стереть память. Ты бы

вернулся, вспомнил или ещё что. Ты генетически готов. И... всё это уже миллион раз говорилось, – Роми сглотнула. Посмотрела на свои руки, будто они могли помочь ей найти ответ на последнюю фразу Адана. – Ты правда жалеешь, что мы встретились?

Адан вздохнул.

– Нам с тобой всегда будет слишком тесно. Особенно, когда доа станешь ты. И он.

– Я никогда не думала, что всё может вернуться. И так...

– Дело не только в этом. Не в том, что и почему вернулось. Не в том, что я не поверил в твоё беспокойство о Мире. Не в том, что мне нравился мой мир таким, каким он был до вас. И даже не в том, что Мира принесла себя в жертву, спасая атради. – Адан мотнул головой. – И уж точно не в том, что неугомонная Таль никогда не успокоится. Найдёт способ изменить Бэар, разрушит Сферу, создаст новую расу или ещё что-нибудь. Проблема в тебе. В нас. В том, что я посмел захотеть тебя. И сейчас хочу. Но ты принадлежишь Алэю и всегда будешь.

Всегда. Она принадлежала ему даже тогда, когда и ещё не знала Алэя. Даже когда они не были вместе, когда избегали друг друга, не виделись годами, когда их жизни переплетались с чьими-то другими. Когда уходила страсть, и оставалось лишь ни с чем несравнимое тепло. Когда захватывала злость, граничащая с ненавистью. С желанием вычеркнуть, вырезать. Забыть. Это было больше, чем любовь, больше,

чем единение, чем родство. Сразу всё и что-то совсем другое. Её маленькая, личная вечность, которая не имеет никакого отношения к времени.

И всё-таки, несмотря на это она могла бы сейчас сказать Адану, что не знает, как бы оно могло быть уже с ним. Что желание, которое вспыхнуло здесь, в этой самой комнате, когда она вдруг поцеловала его в ответ на предложение удивить – не исчезло, никуда не делось и вряд ли денется. И если он сейчас прикоснется – она ответит. И тогда они точно зайдут дальше. Теперь уже никакие Гончие не помешают.

А потом Роми не будет испытывать вины перед Алэем. Но перед ним, Аданом, – да.

– Думаешь, это наш последний разговор?... – почти шёпотом проговорила она.

– Надеюсь, последний. Нас больше ничего не связывает. И не связывало никогда, – он поднялся с кресла. Подошёл к окну, остановился спиной к ней. – Уходи.

Роми смотрела ему в спину. Ей казалось, что в её голове не осталось места, что в ней – целая тысяча мыслей. Они толкуются, вытесняют друг друга, мечутся хаотично и этому не будет конца. Если только она не уйдёт, не послушает Адана, облегчив им обоим жизнь. Или не сделает по-другому, усложнив всё ещё больше.

Она должна была бы уйти, но не получалось. Встала, подошла к нему. Протянула руку и почти прикоснулась. В последний момент отдернула, сделала ещё шаг – теперь уже в

сторону, замерла рядом с ним.

– Значит, ты уверен, что Миры – больше нет? – тихо заговорила Роми, будто и не было ничего сказано до этого.

– Я уверен, что не чувствую её, – не оборачиваясь, ответил Адан. – Учитывая, что там творится, вряд ли Мира решила просто уединиться.

– Может, что-то изменилось. В структуре мира, Тмиор окончательно стал Фахтэ, лава фонит или, наоборот, обратная трансформация превратила планету во что-то ещё, новое, третье. Может, то, как ты её чувствуешь – это те же наши метки и... они стираются. Достаточно мощного всплеска и всё.

– И как? – он обернулся к ней. Саркастически изогнул бровь: – Получается убедить себя?

– У тебя, я вижу, обратное получилось легко! – в тон ему ответила Роми. Добавила: – Я должна верить. И я верю. Это же Мира. Она – особенная.

– Я не о Мире.

– А я о ней.

– Хорошо, давай о ней, – Адан рассмеялся. Неожиданно легко. – Я верю, что Мира – особенная. Но я знаю, где и с кем ей пришлось иметь дело. Я с одной упрямой стервой никак не могу справиться, а там – сотни, если не тысячи таких, как ты.

Роми непроизвольно улыбнулась.

– Тысячи, скорее всего. Мы не вытащили и пятисот. Но

они её не тронут. Максимум – не послушают. Она справится. Вот увидишь.

– Угу. Расскажешь Ллэру, когда он очнётся, – Адан отвернулся. Снова уставился в окно, за которым почти стемнело.

– Она сама ему всё расскажет. Вот увидишь.

– Ещё одно «вот увидишь», и я окончательно поверю.

Роми хмыкнула, помолчала. Как бы там ни было, во что бы он ни верил...

– Адан, посмотри на меня.

Он медлил, потом всё-таки повернулся. Замер, пристально глядя в глаза.

Роми заговорила, тихо, торопливо:

– Я знаю, что не смогу убедить тебя. Я никогда этого не умела, но... Это не твоя вина, не вина Таль, что Мира там. Не моя и не Ллэра. Мы, может быть, все виноваты в том, что ситуация сложилась именно так. Даже без «может быть». Но в том, что она пошла – никто. Она должна была, только так. И если бы Таль ей соврала... Если бы Ллэр попытался не пустить... Если бы ты связал её и не знаю, что ещё... Я не смогла наладить с ней контакт, и ты, да и остальные, не верите, что мне не всё равно. Но одно я знаю точно – она не глупа. Самоуверенная, нахальная и упрямая, безрассудная, но не дура. Мира жива. А я... – Роми перевела дух. – Я, кажется, сейчас сделаю то, что...

Ей надоело бороться. Роми подалась вперёд, потянулась. Поцеловала.

Он ответил. Обнял, прижал к себе. На миг отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. Улыбнулся так, словно не просто ожидал этого поцелуя, а был уверен – это обязательно случится. Это и не только. Рано или поздно.

Снова поцеловал, прижимая к стене. Ладони скользнули вниз, стянули с её плеч блузку, с силой сжали запястья, поднимая их вверх, над её головой. Адан наклонился, едва касаясь губами щеки, нагнулся, нежно целуя шею. Одной рукой продолжал удерживать её ладони, другой ласкал обнажённую грудь. Какие-то считанные секунды, мгновение, и осторожные поцелуи стали настойчивей, движения – смелее. Пальцы Адана жадно касались её тела, подчиняли, словно он боялся не успеть. Не удержать, не почувствовать, потерять и теперь уж точно навсегда. Одежда посыпалась к их ногам, они сами – рухнули следом.

А потом...

Потом Роми почти не соображала, что происходит. Как происходит. Позволила ощущениям и Адану захватить власть – заставить её забыть, где она и что их окружает. Зачем пришла, о чём думала. Ощущения превратились во вспышки света перед глазами, яркие, как звёзды. Ей казалось, что тела светились, и Адан тоже должен был видеть это, но сил хватало только на то, чтобы оставаться в сознании.

– Не забудь, – шепнул Адан, когда всё закончилось. Нежно поцеловал в висок. – Ты обещала меня помнить, – он улыбнулся. – Пусть теперь тебе не придётся жить ещё одну веч-

ность.

Роми мягко коснулась пальцами его щеки.

– Не забуду, – покачала головой. – Ты... никогда не забуду.

Она ушла через час, может, меньше. Ушла, не прощаясь, но понимая, что навсегда. Зная, что будет помнить, скучать, запретит себе думать об этом, представлять, задаваться вопросами, но так – лучше для них обоих.

Только в замке почувствовала, насколько мало осталось сил. Будто там, в Бэаре, она держалась за счёт энергии Ада-на, или всех тех ненавистных ранее электроприборов. Или просто так неосознанно нервничала, что не замечала своего состояния.

Почти сразу упала в постель, вырубилась, проспала без сновидений, впрочем, как и почти всё последнее время. Если кому-то и повезло ловить сказочно красочные глюки, то не ей. Её сон походил на чёрное, непроглядное, ватное беспомыслие. И Роми откуда-то знала, так будет и позже, всю трансформацию.

На следующий день поняла, что ошиблась с прогнозами. Утром едва хватило сил, чтобы позвать Таль, и та подтвердила, что процесс вышел на финальную стадию.

Роми смутно помнила, как всё происходило в первый раз, когда в яркой, сверкающей лаборатории, в которой работала её мать, будущие доани готовились подняться на следующую ступень в своей эволюции. Торжественно и в то же время –

спокойно. Тогда не было давящего ощущения пустоты впереди и вокруг. Они знали на что идут, были настолько уверены, что, когда поняли, что ошиблись, не сразу смогли в это поверить.

Теперь они возвращались, и в пути назад каждый шаг сопровождался вспышками боли, яркими кругами перед глазами, чередующимися с вязкой темнотой. Будто ты ныряешь в прорубь, в первый миг ледяная вода кажется обжигающим кипятком, выталкивает, выбрасывает тебя наверх, прочь, ты выскакиваешь, но только затем, чтобы обжечься уже воздухом и снова упасть в холод.

К вечеру Роми потеряла сознание.

Глава 32. Снова вместе

Луна не успокаивала. Её призрачный, голубоватый свет ненавязчиво ласкал обнажённые плечи и руки, проникал под кожу, растворялся в крови, торопливо бежал по венам, питая изголодавшееся тело. Вернее, ту его часть, что принадлежала доа. Энергия тлай в подпитке не нуждалась. Наоборот, была через край, будоражила, требовала действий, лукаво нашептывала, что нет ничего невозможного, что стоит только захотеть...

Мира хотела. Хотела и понимала, какие безрассудные идеи возникают в её голове. Поэтому мысленно отмахивалась, приказывая внутреннему голосу заткнуться. Хватит, набегалась. Теперь если и бросаться куда-то, то сразу с террасы в море на камни головой вниз. А ещё лучше – вернуться в пекло Фахтэ и сигануть с разбега в лаву. Так уж точно вернее.

Она давно не чувствовала себя настолько беспомощной. Давно, чтобы не сказать – никогда. И в те времена, когда, не обладая и малой толикой нынешних способностей, умудрялась попадать в переделки, в любых, казалось бы, безнадежных ситуациях, которых выпало пережить немало. Уж что-то, а неприятности находить умела всегда. И даже запертая на мёртвой планете с терявшими силы атради не ощущала такого отчаяния, как сейчас.

Терпеливо ждать – не самая удачная мысль, совершенно бесполезный совет и уж точно не тот ответ, что хотела услышать от матери. Но единственный, который получила. Таль ничего не рассказала, не объяснила. С помощью Адана практически силой выдворила её из лаборатории, отправив вместе с ним в Бэар. В душ и спать.

С первым проблем не возникло. Мира заставила себя ни о чём не думать, ничего не расспрашивать, не пытаться проникнуть в мысли к Адану. Молча отправилась в ванную. Как ни странно, стало чуть спокойней. Даже удалось сжать в жгучий комочек тревогу, проглотить готовые сорваться с губ вопросы и почувствовать небольшое облегчение, смывая с себя кровь, грязь и гарь.

А вот спать – это даже не один из возможных вариантов. Не то что заснуть, просто лечь в постель казалось невероятной глупостью. Зачем? Она не настолько устала, чтобы провести в беспамятстве несколько часов. От энергетического голода сон тоже не поможет. Но спорить не стала. Послушно впихнула себя в предложенную ночнушку, забытую в квартире одной из подружек Адана или специально купленную для них же, чмокнула заботливого «охранника» в щёку, пожелав и ему сладких снов. Ушла в комнату, решив не посвящать его в свои планы на ближайшую ночь. Собиралась подышать свежим воздухом за Сферой – где-нибудь на скалах Моря Вечности. В итоге пришла в Сейфан. Надеялась, что, как и пару месяцев назад, сумеет обрести здесь покой.

Ошиблась. Не получилось – от себя ведь не убежишь, хотя попытаться стоило. Просто, чтобы ещё раз убедиться в очевидном и сломить собственное упрямство.

Именно из-за него её понесло в Тмиор. Чувство вины, так правильно, долг – чёрта с два. Не стала слушать, потому что хотела доказать всем, себе особенно – она сможет всё исправить. Сможет спасти если не гибнущий мир, то хотя бы тех, кто в нём застрял. А что в итоге? Многие погибли гораздо раньше, чем её нога ступила на раскалённую планету. Кто-то – чуть позже. И сейчас, сидя на широкой каменной балюстраде, продуваемая всеми ветрами, Мира с горечью признавала – несколько тысяч спасённых атради не стоили того, чтобы нарушить обещание, бросить Ллэра одного, когда на кону стояла его жизнь. Бессмысленная жертва, потому что если у него не получится выжить, больше ничего не будет иметь смысла.

– Идиотка! Не поперлась бы геройствовать, знала бы, как он сейчас!

Мира от всей души выругалась. Спрыгнула на пол, мысленно награждая себя ещё парочкой нелестных эпитетов. Ведь не будь она такой дурой, не пришлось бы сейчас ждать, разрываясь на части от неизвестности и беспокойства. Не потребовалось бы разрешение Таль, было бы плевать на все запреты входить к Ллэру.

– Упрямая бестоло... – она не договорила, замирая.

В нескольких шагах, облокотившись на колонну, стоял

Эйтан. Высокая, статная фигура была закутана в длинный тёмный плащ, подходящий к холодной погоде гораздо больше, чем прозрачный пеньюар. Судя по выражению лица – стоял довольно давно. Достаточно, чтобы в деталях разглядеть весь её странный вид, светящуюся кожу.

Почему не слышала его приближение? Неужели так задумалась? Да вообще! О чем только думала, приходя сюда? Разве мало места в этом огромном мире, где могла бы уединиться со всеми своими сомнениями, тревогами и угрызениями совести?

Мира переступила с ноги на ногу, напряглась, понимая, что сейчас посыпятся вопросы, на большинство из которых отвечать совсем не хотелось. Но Эйтан ничего не спросил. Не спеша приблизился, сдержанно улыбнулся.

– Не беспокойся. Меня не надо искать. Вот он я. И я давно всё знаю.

– Всё?

– Ну... – он усмехнулся. – Всё, что мне нужно знать. Ещё с того дня, когда увидел, что ты сделала с моей сестрой.

Мира удивлённо моргнула. Страх и стыд сменились растерянностью.

– Но ты же... – слова давались с трудом, не желая складываться в предложения. Срывались с губ осторожным шёпотом и растворялись в воздухе. – Почему ничего...

– Не сказал? – закончил за неё Эйтан. Улыбнулся шире. – Сначала испугался. А потом подумал, какая разница?

Ты ведь спасла Эйлин жизнь. Это важно. Остальное – меня не касается.

– Но ты же... позволил... остаться...

– А почему нет? Посчитал за честь. Кем бы ты ни была, откуда бы ни пришла, что бы ни привело тебя в наш дом, я знал, что ты не причинишь вреда. Ты мне понравилась, – Эйтан нахмурился, отвёл глаза. – Я надеялся, что когда-нибудь... Потом понял, что напрасно, – помолчал. Чуть слышно добавил, встречаясь с ней взглядом: – Когда увидел тебя с ним.

– Ты нас видел? – ошарашенно повторила Мира.

– В спальне, – пояснил он. Будто извиняясь, продолжил: – Ты так неожиданно исчезла с бала. Я боялся, что что-нибудь приключилось. Поднялся проверить... – снова отвёл глаза. – Вы не закрыли дверь.

– Не закрыли, – она глупо кивнула. Представила, что увидела Эйтан тогда, и смутилась. Мысленно обрадовалась, что стоит спиной к луне, и он не может разглядеть её лицо.

– Потом ты ушла. Но я знал, что вернёшься. Ждал тебя.

Повисла неловкая пауза. Надо было что-то сказать, но Мира никак не могла подобрать правильные слова. Попытаться объяснить? Эйтан не спрашивал. Исчезнуть, предоставив ему самому подыскивать возможные объяснения, если они всё же понадобятся? Не могла. Босые ступни словно приросли к холодному камню.

– Не беспокойся, я знаю, что у меня нет шансов, – Эйтан,

видимо, по-своему расценил её молчание. Вдруг неожиданно улыбнулся. Широко, по-настоящему радостно, искренне. – Эйлин выходит замуж. Всё решилось, пока тебя не было. Вчера уехала готовиться к свадьбе. Мне вот тоже надо. Хочу жить рядом. Мы же с ней никогда не расставались, – вдруг помрачнел, махнул на громадину за своей спиной. Заговорил быстрее, сбиваясь. – Но не переживай, ты можешь... остаться. Можешь сюда приходить, когда хочешь. Я уже распрямился. Считай этот замок своим.

– К чёрту замок! – выкрикнула Мира. Осеклась, замолчала, заставляя проглотить истерику. – К чёрту! – повторила, топнув ногой. Не нужны ей никакие замки! И не были нужны никогда! Она, вообще, ненавидит все эти проклятые замки во всех Вселенных вместе взятых! Сейчас бы жизнь отдала, чтобы оказаться в уютной квартире Ллэра с ним вместе. Живым, невредимым. Чтобы смотрел на неё, ухмыляясь, чтобы был рядом, чтобы... – Ты не понимаешь! Я не за тем пришла, я люблю его... Я...

– Знаю. Ты хотела попрощаться.

– Нет, я... – Мира не договорила. Опустила глаза, уставившись на голые пальцы ног. Она пришла, потому что боится. Потому что умирает от ужаса только от мысли, что Ллэр не выдержит, что его больше не будет. Пришла, потому что подсознательно знала – здесь её ждут, здесь примут, поймут, будут любить, никогда ни о чём не спрашивая. А теперь поняла, что это в прошлом. Максимум, на что может

рассчитывать – тоскливое одиночество в громадном пустом замке. – Да, – Мира вскинула голову, заставила себя посмотреть в глаза Эйтану, уверенно улыбнуться. – Ты прав. Хотела. Прощай.

Он кивнул. Едва заметно дёрнулся вперёд, но сдержался. Ещё раз кивнул, развернулся, медленно побрёл в дом. А она стояла, молча смотрела, пока тёмный силуэт не исчез в дверях. Отвернулась, уставившись на луну. Почувствовала присутствие Таль раньше, чем услышала её голос:

– Ты можешь сделать так, чтобы он обо всём забыл.

– Могу, – согласилась Мира. – Но не буду, – обернулась. Скользнула взглядом по стройной фигуре матери, закутанной в облегающий красный брючный костюм с капюшоном. – Ты всегда подслушиваешь чужие разговоры?

– Ты всегда разгуливаешь полуголой по чужим террасам? – в тон ей ответила Таль.

Мира открыла рот, собираясь отпустить ещё одну колкость, но осознала, что мать не стала бы являться сюда просто так. Значит, что-то произошло. Сердце забилося сильнее, дыхание сперло.

– Ллэр?..

– Не пугайся. Всё закончилось. Почти, но ты уже можешь быть с ним, – Таль хитро прищурилась. – Если, конечно, не передумала.

Мира не ответила. Вцепилась в её запястье. Потом испугалась, отпрянула назад.

– Как... он? Ему больно?

– Уже нет.

– Он... доа?

Таль кивнула.

– Пойдём, – подхватила Миру под руку. – Сама увидишь.

Все окна были закрыты, двери в смежные помещения – тоже, задёрнуты плотные шторы. В комнате – душно и жарко, будто кто-то на всю катушку раскочегарил невидимую печку, врубил скрытые батареи или подогрев пола: даже мягкий ковёр казался тёплым.

Ллэр спал на животе, неуклюже подмяв под щеку подушку и натянув почти по самые уши толстое одеяло.

Ощущение нехватки воздуха усиливал странный запах, терпкий, сладковатый. Незнакомый. Лекарства не могут так пахнуть, впрочем, что она знает о том, какой дрянью пичкала его Таль? Хотя, чем бы не пичкала, главное, что помогло. Преобразование завершилось, Ллэр будет жить – по крайней мере так уверяла мать.

Мира опустила на колени возле кровати. Она смутно помнила собственные метаморфозы на больничной койке, когда Таль колдовала с её кровью. Да и вряд ли они сравнимы с тем, что пришлось пережить Ллэру. Это ведь не просто активировать потенциальные способности, как было с ней, а, скорее вернуться с того света, пройдя все стадии умирания и воскрешения в минимально короткий отрезок времени.

Мира сдержанно вздохнула, с беспокойством оглядела

Ллэра. Осторожно поправила упавшие на его лоб волосы. Нежно прикоснулась к щеке, отдёрнула руку, потому что в первую секунду кожа показалась глыбой льда – такой же гладкой и холодной. Потом всё-таки переборола страх и ласково прижала ладонь, надеясь, что своим теплом сможет хоть чуть-чуть согреть.

– Эль, милый, – прошептала она, опасаясь и в то же время желая разбудить, чтобы убедиться – он, правда, в порядке. Что Таль не обманула – самое страшное позади. – Ты слышишь меня?

– Слышу, – с закрытыми глазами пробормотал Ллэр. – Только шторы не трогай.

– Тебе холодно?

– Холодно... и светло, и... – он осёкся, один серый глаз уставился на Миру, второго не было видно из-за подушки. – Ты вернулась.

– Вернулась, – так же шёпотом отозвалась Мира. – Я могу помочь?

– Ты... уже, – Ллэр попытался перевернуться на бок, поморщился. Сглотнул. – Проклятье. Как мне всё это...

– Дай руку.

Он протянул. Ладонь оказалась горячей и влажной.

Мира крепко обхватила её, сцепляя свои пальцы с его в замок. Собралась перенести обоих, но в последний момент остановилась. В груди неприятно кольнуло – вдруг сделает хуже? И тут же успокоилась. Таль бы предупредила, если бы

хоть что-то было опасно делать. Тряхнула головой, решаясь. В конце концов собственная интуиция ни разу не подводила, не подведёт и сейчас.

В следующий миг вокруг было темно, голые колени провалились в горячий песок, стало жарко. Ещё жарче, чем в комнате, зато не так душно. Пока глаза привыкали, за спиной вдалеке послышался шелест волн. Свежий воздух, сильная луна, которой не видно из-за плотных облаков, но чьи лучи проникают внутрь, позволяя впитывать, как губка, энергию доа, подальше от остальных, там, где их никто не найдёт, потому что в этот мир может войти далеко не каждый, тишина и покой – всё, что им так необходимо сейчас.

Рядом шумно выдохнул Ллэр. Пошевелился, садясь, не выпуская руку Миры и опираясь на неё. Давалось это с трудом – он едва не повалил её на песок, другой рукой ухватил за плечо. Больно сжал.

– Прости, – Ллэр ослабил хватку, только когда сел. – Воздух... И ночь.

– И я.

– И ты, – он выпустил её плечо, прикоснулся к щеке Миры. Мягко провёл. – Вернулась.

– Вернулась. И никогда не должна была уходить, – она перехватила его пальцы, поцеловала, снова прижала к щеке. – Прости.

Ллэр качнул головой.

– Ты не могла не пойти. Не попытаться исправить. Иначе

мысли бы сожрали тебя.

– Я всё равно жалею, что оставила тебя. Ты, – она посмотрела в светящиеся глаза Ллэра, – важнее всего на свете.

– Нет, – он снова покачал головой. Оглянувшись на море, улыбнулся чему-то, поднял глаза на Миру. – Нет. Сейчас – ты.

– Нет, сейчас уже мы, – она тоже улыбнулась, крепко сжала его ладонь двумя руками. – Знаешь, этот мир когда-то принадлежал тлай. Я нашла его, когда пыталась попасть на Фахтэ. Теперь здесь никто не живёт, никого не осталось, ничего не напоминает о былом могуществе. Только песок, темнота и океан. Так странно.

– Всегда темнота?

– Ага. Кажется, последствия возникновения доани. Одно из, за которое их и наказали. Только это всё равно не спасло тлай, – Мира помолчала. – Тмиора тоже больше нет. Они погибли. Не все, но много. Слишком. Я ничего не смогла исправить. Зато почти потеряла тебя, – голос дрогнул.

Мира замолчала, к горлу подступил комок. Пришлось чуть ли не до крови прикусить губу, чтобы не разрыдаться. Почему-то сейчас хотелось именно этого – уткнуться в горячее плечо Ллэра и плакать. Долго, навзрыд. Потому что не справилась, потому что чуть не погибла, потому что перенервничала, потому что сходила с ума от беспокойства, потому что, только оказавшись запертой в огненном кольце, поняла, как сильно любит Ллэра и на что способна. Успока-

ивало одно – всё это стоило пережить хотя бы для того, чтобы знать, чтобы помнить, чтобы ценить такую хрупкую и переменчивую смертную жизнь.

Неделю назад она отчаянно торопилась уйти. Опасалась не сколько того, что Эль передумает, сколько растерять собственную решимость под натиском его аргументов. Ведь так легко сдаться, позволив уговорить себя не рисковать. И чёткое понимание, что потом пожалеет и будет до конца жизни корить себя за слабость, растворялось, таяло под обеспокоенным взглядом любимых серых глаз. Но за секунду до смогла заставить себя убраться с террасы, исчезнуть, стереть след. Сбежать подальше, сюда, в древний мир тлай, чтобы впервые за это время позволить себе стать собой в полную силу. Поссорить двух внутренних Мир, столкнуть лбами, заставить принять друг друга.

Она не думала – действовала. Торопилась не успеть, боялась передумать, вернуться. Оказалось, что преодолеть барьер, отделявший Фахтэ от остальных Вселенных, совсем не сложно. Гораздо труднее – понять, как поступить дальше. Куда идти, что говорить, как убедить, заставить поверить. Невероятно трудно – узнать путь обратно. Почти невозможно – вернуться. Но это случилось уже потом, а в начале...

В начале Мира вряд ли могла объяснить, что именно произошло. Полностью потеряла ощущение времени. Не чувствовала – час, день, больше. Только потом словно прозрела. И вспомнила. Внезапно, сразу, всё. Как будто тоже получила

доступ к капсуле памяти предков. Осознала, что внутренний голос на поляне принадлежал только ей, знала, что же так настойчиво пыталась добиться от Самара, угрожая уничтожить его мир, что хотела узнать, проникая в его память.

Самый древний атради сопротивлялся до конца, возводил блоки, снова и снова. Она – беспощадно ломала. А Гончие терпеливо ждали её сигнала. И эта борьба убивала не только Самара, но и её саму. Тот, кому в определённом смысле должна быть благодарна за своё рождение, оказался слишком сильным. Почувствовал в ней противоречие, нащупал доа, сумел надавить, вынуждая бороться с самой собой, тратить оставшуюся энергию на самоуничтожение. Каким-то чудом, будучи уже на грани, Мира всё-таки смогла выпустить тех, кто Самару не по зубам. Гончие послушно привели в исполнение смертный приговор, завершили начатое и погибли. Она – тоже почти умерла. И всё же сумела проникнуть в часть тайн создателя Тмиора, которые он так тщательно прятал от всех.

Ничего из этого не было её осознанным выбором. Ожившие инстинкты заткнули голос разума, навязали чуждые желания и стремления. И чем больше она разбиралась в себе, в том, что случилось и почему, тем больше крепла уверенность – Самар мог остановить закрутившуюся смертельную воронку. Мог изменить, мог договориться. Мог, но не стал. Предпочёл умереть, прекрасно зная, что тем самым погубит всех, кого так долго создавал и оберегал. И как бы парадок-

сально это не выглядело, именно она изо всех сил старалась спасти обречённых атради, готовая поставить на кон собственную жизнь ради них. Только это был уже её осознанный выбор, потому что тлай и бывшие доани не должны ненавидеть друг друга. Может быть иначе. И будет.

Потом, придя в себя, снова вернулась в Эннеру, уже с определённой целью. И появившиеся вокруг Тени, десятки, если не сотни мрачных бестелесных силуэтов, больше не пугали. Они теперь были частью плана. Необходимой частью, чтобы разрушить защиту, придуманную могущественными когда-то тлай. Мира активировала их всех, кого смогла обнаружить в Эннере. Невидимыми щупальцами притягивала к себе, вынуждая подчиняться. Меняла цель, корректируя программу. Гончие созданы уничтожать, но кто сказал, что это нельзя использовать во благо? Принести их знание и умение в жертву, чтобы пробить брешь в Клетку?

Мира прогнала воспоминания. Встретилась с Ллэром взглядом. Попросила:

– Эль, расскажи мне про Урсейю.

– Урсейю? – он нахмурился. – Она... Хорошо, только погоди. Что с атради?.. Ты смогла?..

– Не всех. Но те, кто выжил, уже на Эннере, – Мира виновато посмотрела на него. – Можно, я тебе потом все расскажу? Сейчас ты... Или нет, подожди, – улыбнулась, не выпуская из правой руки его ладонь, левой ласково провела по взъерошенным волосам.

Ллэр только-только приходил в себя. Ослабленный болезненными метаморфозами организм продолжал бороться, сил не хватало, даже находясь под питательными лучами луны. Должно пройти много времени, прежде чем он по-настоящему окрепнет, станет доа. Но Мира не хотела ждать. Не умела и не собиралась учиться, потому что знала, как помочь, как ускорить.

– Я, конечно, не моя мать, – хитро прищурилась, крепче сжимая его руку. – Но тоже умею воскрешать. По-своему. Правда, есть только один способ поделиться энергией тлай, – она стянула пеньюар через голову, отбросила в сторону. – Подходит не для всех, – села ближе, нежно пробежалась пальцами по его обнажённой спине снизу-вверх. Слегка надавила на плечи, вынуждая Ллэра улечься обратно на песок. – Но тебе повезло, потому что с тобой я могу себе это позволить. И позволю, – осторожно, как будто своим весом могла раздавить, уселась сверху. Встретилась взглядом. – Доверишься мне?

Ллэр вскинул одну бровь, ухмыльнулся, ответный взгляд был красноречивее любых слов. Он лишь глазами, не спеша, скользнул по её телу, но всё остальное – предоставил ей.

Это была не просто физическая близость, не просто секс. Или не секс вовсе. Что-то иное, некий глубокий, значительный обмен энергией. Она ничего ни брала, только отдавала. Делилась силой, изучала каждую клеточку на теле Ллэра, наполняла собой. Неторопливо, бесконечно долго, пока у са-

мой не осталось сил.

А потом они привычно лежали рядом, прижимаясь друг к другу. Молчали, купаясь в отголосках наслаждения.

– Помогло? – не вытерпела Мира. Приподнялась на локте, заглядывая в глаза Ллэра. – Учти, это мой первый раз, но я старалась. Очень.

– Надо подумать, – Ллэр покусал губу, – проверить... – нарочито шумно вздохнул, уставился в небо и вдруг повалил её обратно на песок. Выдохнул в самое ухо. – Может, закрепить?..

– Справишься?

– Сомневаешься?

– Провоцирую, – шепнула она, прикусывая мочку его уха и прекрасно зная, какая последует реакция.

***

Они сидели на песке, у самой воды – безграничный, спокойный океан мира тлай иногда начинал волноваться, и тогда мягкие волны подбирались к их ступням, мягко, словно чего-то боясь, касались, и снова откатывались прочь.

– У доа совсем другая чувствительность кожи, – задумчиво проговорил Ллэр, глядя на свою раскрытую ладонь, потом на тыльную сторону, сжимая в кулак и снова раскрывая. Его кожа ещё не светилась так, как у неё, но уже были заметны изменения. – Атради могут... могли, – хмыкнул, – могли не ощущать ни холода, ни жары. Если хотели.

– Разочарован?

– Ни в коем случае, – он усмехнулся. – Просто надо заново учиться, привыкать к обычным вещам. Будешь следить за тем, чтобы я тепло одевался?

– Угу, и лечить твой насморк, – Мира рассмеялась. И удивилась, как беззаботно это вышло. Как будто и не было всех пережитых волнений, как будто все страхи отступили разом, как будто плохое осталось позади. А впереди – совсем другая жизнь. Абсолютно незнакомая, новая, в которой они могут быть просто счастливыми, в которой обязательно найдется возможность осчастливить тех, кто рядом, кто дорог и важен. – Уже думал, чем собираешься заниматься?

– Неа. И вот знаешь, мне, наверное, впервые за долгие годы не хочется об этом думать. Может, сознание до сих пор не перестроилось... А ты? Чем хотела бы?..

– Собираюсь заключить выгодную сделку с матерью, – Мира загадочно улыбнулась. Теперь, когда она многое вспомнила, а главное, столько узнала от Самара, ей будет чем заинтересовать Таль, заставив согласиться на все условия. – Раз уж я так или иначе необходима для экспериментов, то хотя бы должна разбираться, что именно там происходит в этом её Институте крови. А ещё, – встретила взглядом с Ллэром, – хочу, чтобы у нас с тобой был уютный дом. Только наш. Не замок. Подальше от всех. И чтобы мир... – снова рассмеялась. – Не важно, какой это будет мир. Но только наш.

Он ответил не сразу. Некоторое время смотрел ей в глаза,

улыбался краешками губ, потом опустил голову.

– У меня есть на примете одно место. Дома там, правда, нет, но его всегда можно построить, – Ллэр задумчиво провёл ладонью по песку, сгребая и снова выпуская его. – Хочешь, чтобы было поменьше солнца?

– Хочу, чтобы там был ты, – она перестала улыбаться. Внимательно посмотрела на него. – Расскажешь?

– О месте? – он усмехнулся.

Мира повозилась, устраиваясь поудобнее. Сначала откинулась назад, оперевшись руками в песок. Тут же передумала, улеглась на спину, положив голову Ллэру на колени, перехватила его взгляд. Нежно коснулась щеки:

– Можешь начать с места, если так проще.

Некоторое время он просто смотрел на неё, ласково глядя по волосам. Потом тихо проговорил:

– Я обязательно всё испорчу. И не раз.

Мира испуганно застыла, сжалась. Уже испортил, пронеслось в голове. Но всё же заставила себя побороть страх, улыбнуться. Шутливо бросить, сделав вид, что уверена в его ответе, знает, каким он будет, и что после него обязательно на душе станет спокойно и легко:

– Думаешь, будет лучше или проще, если я сейчас исчезну? И мы никогда больше не встретимся?

– Нет, с чего ты?.. Нет... – он растерянно улыбнулся. – Просто предупреждаю, чтобы ты хоть примерно понимала, с чем будешь иметь дело. Потому что хочу, чтобы у нас полу-

чилося. Правда, я сам не вполне представляю, – качнул головой. – Не умею. Никогда не... – замолчал. – Я клинически упрямя, когда у меня есть цель. Но вот сейчас подумал... Наверное, по-настоящему не верил, что найду способ вернуть всем нам смертность, – он хмыкнул. – Хотя технически, не я нашёл, но это неважно. Просто всё очень неожиданно. Ты – неожиданно. Даже больше, – Лэр сглотнул. Глаза вновь смотрели серьёзно, с какой-то совершенно новой теплотой. – Помнишь, я сказал, что знакомиться с тобой не входило в мои планы? Помнишь, конечно. Не самое приятное, что могло ляпнуть в подобной ситуации. И прости. Но я могу объяснить. Попробую. Это – хорошо. Что не входило, что не было частью замысла. Потому что когда я что-то планирую, рассчитываю – всё, что существует – это цель и средства. Так было всегда. И если бы я сразу собирался через тебя подобраться к Таль, я никогда бы не увидел в тебе – тебя. И я бы... Ты в моей жизни – это свет. Яркий. Ошеломляющий. И я боюсь, что он исчезнет. Я – эгоист и не умею быть с кем-то. Очень, очень хочу научиться. Если бы вместе с продолжительностью жизни можно было подправить и характер, а?

Он говорил, а ей хотелось одного – заткнуть уши, чтобы не слышать. Исчезнуть, убраться подальше, спрятаться в какую-нибудь тёмную нору, где никто никогда не найдёт, сжаться в комок, зажмуриться, вдохнуть и разучиться дышать.

Он говорил, а она чувствовала, как разрастается в горле

ком, как по спине ползёт холодный, липкий страх, как медленно, глухо и безнадёжно стучит её сердце, словно отмеряет оставшиеся им вместе минуты. И сил – на одно дыхание.

Когда Ллэр, наконец, замолчал, осознала, какая же она идиотка. О чём думала? На что надеялась? Уютный дом всё равно в каком мире?! Дура! Наивная дура!

Мира сумела сесть, отодвигаясь. Подтянула к груди согнутые колени, обхватила их руками, отвела взгляд – нагота неожиданно мешала, смущала. Она прикусила нижнюю губу, чувствуя, как из глаз готовы хлынуть слёзы. Понимала, что Ллэр, может быть, впервые в жизни так откровенен, так искренен. Что не стал бы никогда делиться страхами, обнажать душу, если бы она, Мира, не имела значения в его жизни. Но боль от его слов затмевала всё – все мысли, чувства, желания, логику. Правильно или неправильно – уже не важно, всё рухнуло, утратило смысл. Смешалось, горело, выжигая в сердце дыру.

Ллэр молчал, а в висках по-прежнему стучали его слова.

Она не хотела быть светом. Ни ярким, ни ошеломляющим. Тем более светом, который исчезнет. Просто хотела быть, рядом, в его жизни, с ним. Без определений, без правил. Без инструкций на будущее. Какой в них толк? Нельзя жить по составленным заранее правилам, опасаясь что-то сделать не так. Нельзя любить, мучаясь сомнениями и боясь однажды всё испортить. Уж лучше не любить вовсе. Ненавидеть. Уж лучше не жить. Уж лучше бы она подохла на Фахтэ

или ещё раньше, в том проклятом таксилёте.

Ллэр молчал, видимо, ожидая ответа. А Мира не знала, что сказать. Отвернулась, до крови закусил губы, боясь разрыдаться или, наоборот, наговорить гадостей, сорвавшись и выплеснув на него всю обиду и разочарование, всю боль.

А ведь её предупреждали. Говорили. Но она упрямо не хотела видеть, не хотела знать. Цеплялась за нежные слова, за горячие губы, за ухмыляющиеся глаза, которым не всё равно, за ласковые руки, которые не лгали. И вот получила! Поделом!

И вместе с тем отказывалась признавать. Не понимала, как это возможно. Он не умеет с кем-то быть, но разве она – просто кто-то? Он хочет научиться, но что это меняет, если она не умеет учить? Если сама не знает – как? Если верила, что у них получится, потому что это они. Вот так, легко, само собой.

И даже сейчас продолжала на что-то надеяться.

Глава 33. Нэшта

Ллэр смотрел на неё и молчал. Тоже кусал губу, хмурился. Вдруг поднялся. Отряхнул ладони от песка, протянул руку.

– Вставай.

Мира послушно выпрямилась. Почти прикоснулась к его ладони, потом отдернула руку и всё же в последний момент сжала горячие пальцы. Встала, не решаясь посмотреть Ллэру в лицо.

Он не настаивал, развернул её руки ладонями вверх, мягко сдувая песчинки. Оглянулся по сторонам.

– Одеться бы. Там прохладно.

– Там?..

– Там, – абстрактно подтвердил Ллэр. – Ну да ладно. Всё равно ни твой шикарный пеньюар, ни мои супер-штаны не спасут от комаров.

Мира встретилась с ним взглядом. Думала, шутит или издевается. Оказалось, говорит на полном серьёзе.

– Каких ко... маров?

Он улыбнулся.

– Мелких кровососущих насекомых. Хорошо бы, им не понравилась фиолетовая кровь. Ну что, идём?

Ответа он не ждал.

Мир в единый миг преобразился.

Вместо низких туч – тёмное, почти чёрное чистое, без

единого облачка, небо, россыпь сверкающих звёзд и серпик луны. Вместо солёного океана – огромное зеркало круглого озера, вместо бескрайних песчаных дюн – пушистый лес, дальше – пики гор, светлеющих к вершинам. Наверное, там лежит снег, но до него – бесконечность.

Пахло травой, свежей. Густая, она мягким ковром подступала к самой кромке воды. Пахло молодой хвоей и чем-то терпким, кисловатым, но приятным. Тишину нарушали сверчки и гортанное, раскатистое «пение» кого-то ещё.

– Это лягушки, – объяснил Лэр. – Звук... Лягушки. Мелкие, в общем-то, скользкие и противные твари. Точнее, земноводные. У вас их, кажется, нет. И в Эннере тоже нет, наверное, потому что нет пресных водоёмов.

– Красиво, – буркнула Мира. – Нет, правда, – торопливо добавила, понимая, как прозвучало. – И лягушки... тоже.

– Ага, – Лэр хмыкнул. Улыбнулся. – Но я привёл тебя сюда не для того, чтобы наслаждаться концертом. Ничего не чувствуешь? Попробуй прочесть мои мысли.

– Не буду. Хватило слов.

– Мне не хватило. Твоих.

Мира всё-таки прикоснулась к его сознанию и поняла – бесполезно. Вторая попытка тоже ничего не дала. Да и с остальными способностями ничего не вышло, как будто исчезли все разом. Только выход из мира легко ощущался, но по-другому. Словно она попала в комнату, где кроме одной единственной двери, через которую вошла, больше ничего

не было – голые чёрные стены.

И тогда Мира разозлилась.

– Не хватило моих слов, да? Настолько, что привёл туда, где ничего не смогу тебе сделать? Молодец, очень предусмотрительно. Отличное место для расставаний.

– Ещё! – потребовал он, пристально глядя в глаза.

Это подстегнуло. Заставило выплеснуть эмоции.

– Я верила, что возможно... Что ты и я – это возможно, понимаешь? Верила! Не хотела взвешивать все «за» и «против». Думаешь, не понимала, что ничего не получится? Что рано или поздно разочарую или наскучу, и ты уйдёшь? Всё я понимала. Всегда знала. Ещё в самом начале. Такие, как я... Не важно, – она тряхнула головой. – Я не хотела слышать, что ничего не выйдет. Это больно. Ещё больнее – убеждать остаться, уверять, что получится, что сможем. И я не пыталась. Я не буду. Не хочу жить с мыслью, что однажды ты всё испортишь. Или я испорчу, что скорее всего. Потому что я тоже не подарок. Потому что тоже не умею, потому что всегда порчу. Ты же знаешь, как я жила. Видел мой дом... там, – Мира неопределённо махнула рукой. – В Миере. Я никогда... – она запнулась.

Сейчас с уверенностью могла сказать, что не любила. Никого. Никогда. Привязывалась, привыкала, увлекалась, но не любила. Не собиралась любить. Взбалмошная, непостоянная, упрямая, она не искала домашнего уюта и тепла, хотела свободы, упивалась ей. Ценила независимость, ни в ком не

нуждалась и не собиралась нуждаться. Но Лэр... Он слу-
чился и...

– Ты всё изменил. Меня изменил, – Мира посмотрела ему
в глаза. – Не Таль, не кровь Адана, не Плешь. Ты. Я больше
не умею без тебя, – она прерывисто вздохнула, но взгляд не
отвела. – И это не повод, чтобы ты остался.

– Мне не нужен повод. Я никуда не уйду и не собирался.
И тебе я тоже не позволю уйти. Потому что... Нет. Без «по-
тому что». Просто не позволю. Я не сомневался, не думал,
что возможно, а что нет, не взвешивал «за» и «против». Мне
не нужны правила и инструкции, не нужно верить, я знаю и
так. Всё знаю. Но мы не должны молчать. Не можем. Наде-
яться на телепатию и на что-то там, как-то там. Потому что
оба скоры на радикальные решения. И мне нужно, чтобы ты
знала – если... или когда я всё испорчу, я собираюсь почи-
нить, – он улыбнулся. – Не надо жить с этой мыслью. Просто
знай.

Мира ошеломлённо хлопала ресницами.

– Я тоже постараюсь, – она сглотнула. – Починить. Но...
лучше бы нам не пришлось никогда...

Он не дал договорить, обхватил её лицо ладонями. Поце-
ловал. Мягко, будто бы продолжая улыбаться. Отстранился.

– Никакого «бы». Справимся.

– Тогда не пугай так больше, – Мира обняла его, загляну-
ла в глаза. Улыбнулась. Сначала осторожно, боясь поверить,
что ошиблась, что просто не так поняла, что, как всегда, по-

торопилась и сделала совсем не те выводы. Потом смелее, облегчённо выдыхая. – Никогда не пугай так. И скажи уже, где мы.

– Это было моё любимое место в юности. Хотя всё выглядело не совсем так в те дни, но тем не менее. Вот там, – он кивнул на лес, – вела к основной дороге тропа. Идти через лес долго, несколько часов, но оно того стоит. Да и поэтому тут всегда было малоллюдно. Дорога, кстати, грунтовая. Её часто размывало. Этот лес считался заповедником, над ним запрещалось летать, по нему не разрешали ездить на автомобилях. У нас не было таксилётов, карбиолётов и прочих подобных лётов. Та дрянь, на которой ездили наши машины... в общем, не то, о чём скучаешь, – он помолчал. – Приезжаешь, паркуешь машину на выезде, а потом – рюкзак на плечи и ножками с палаткой. Богатые бездельники вроде меня много, где побывали, но здесь... Здесь меня никто не стал бы искать, – он снова замолчал. Посмотрел на Миру. – Добро пожаловать на Нэшту.

***

– Этим гадким насекомым, как бы они не назывались, я нравлюсь определённно больше. Наверное, тлай вкуснее, чем доа, – пожаловалась Мира, отмахиваясь от очередного назойливого кровопийцы.

Наглости и упорству маленьких крылатых тварей можно было только позавидовать. Не спасала ни одежда, которую принёс из замка в Эннере Ллэр, ни умело разведённый им же

костёр, хотя предполагалось, что плотная материя и едкий дым – лучшая защита.

Мира в который раз раздражённо и совершенно напрасно взмахнула руками, отгоняя летучих садистов. Ощутимой пользы от резких телодвижений не наблюдалось, как и от попыток унять зуд от укусов. Наоборот, чем больше чесала кожу, тем сильнее хотелось продолжать. Она обречённо выдохнула, мысленно признавая собственное поражение в неравной борьбе с фауной Нэшты. Укуталась в джинсовую куртку, натянув полы на согнутые и прижатые к груди колени до самых пяток. Пробурчала, покосившись на сидевшего рядом Ллэра:

– Неработающие способности – это какое-то последствие или вам всегда так везло?

– И то, и другое, – отозвался Ллэр. – Раньше вполне работало, хотя среди нэш крайне редко рождались люди с психокинетическим даром, кто его знает, почему. Может, те же доа постарались тридцать тысяч лет назад, шандарахнули первым экспериментом, зацепили. Может, природа посчитала, что так будет лучше. Нет, у нас, конечно, хватало всяких там экстрасенсов и гадалок, но в девяносто девяти случаях из ста они оказывались или шарлатанами, или умелыми психологами, досконально знашими язык тела, – он прихлопнул комара, щелчком пальцев отправил то, что от насекомого осталось, в темноту. – Кстати, у нас раньше существовали всякие мази-кремы-спреи и прочая химия, но, честно гово-

ря, мне оно никогда не помогало от этой дряни.

– Ладно, буду фантазировать, что могла бы сделать с этими кусачими уродами.

– Не сдерживай полёт фантазии, – Ллэр ухмыльнулся. – Нам ещё повезло, что здесь сейчас осень.

– Осень?..

Он удивлённо вскинул брови, чертыхнулся.

– Время года. Здесь, на этих широтах – четыре времени года. Лето, когда тепло и даже жарко, всё зелёное, яркое, как было в Тмиоре. Потом – осень, когда становится холоднее. Листья опадают, трава желтеет, – он засмеялся. – Никогда не думал, что придётся объяснять подобное. В общем, потом идёт зима – когда мороз и снег. Ты ведь и о снеге не слышала?..

– Слышала. Представляю в теории. Он – белый. На вершинах гор, так? – Мира улыбнулась, встречаясь с Ллэром взглядом. – Неправильно? Лучше расскажи сам, раз уж мы именно здесь собираемся жить. Мне необходимо морально подготовиться к таким переменам.

– Про снег? Он холодный, ледяной. Он, кстати, есть и в Эннере, только далеко от Бэара. Могу показать. Чтобы подготовилась. Шубу придётся купить. Настоящую, тёплую, меховую, – Ллэр посмотрел на озеро. – Температура воздуха опустится настолько, что оно замёрзнет. И заметь, без вмешательства термостатов, запущенных на охлаждение. Страшно?

– Любопытно, – Мира проследила за его взглядом. Попыталась представить, как будет выглядеть замёрзшее озеро, но воображение отказалось помогать.

Слово «шуба» тоже ничего не говорило. Мира не стала спрашивать. Надо купить – значит купит. И шубу и всё остальное, потому что неожиданно для себя поняла: она хочет здесь остаться, хочет здесь жить. В этом мире. С поющими лягушками и настырными комарами. И со всем остальным, что ещё предстоит узнать о Нэште. Посмотрела на Ллэра.

– Ты когда-нибудь строил дом?

Он покачал головой.

– Здесь нет. Учти, он будет одноэтажным, потому что нагнать сюда многолюдную бригаду строителей не получится, да и... Высокие дома требуют глубоких фундаментов, а Нэшта не позволит вгрызться под землю, – Ллэр помолчал, будто подбирая слова: – Она находится в постоянной регенерации. Естественным процессам – да, искусственным – нет. Я не уверен, что хоть один из прибитых комаров по-настоящему сдох, а не воскрес где-то там в траве.

– Это как? – только и смогла выдохнуть Мира. – Опять вечность?

– Нет, нет. Нам – так точно нет. Мы здесь – почти как люди. Если не брать в расчёт редкие выходы-входы. Но природа... Вот, смотри, – он вытащил из охапки сваленного рядом хвороста длинную палку, сунул её в огонь. Подождал, пока

та загорится. – Ветки – они как бы уже мертвы, я не ломал их, а только собрал в лесу. Поэтому они горят. Но если, – Ллэр пересел чуть в сторону, поднёс огонь к траве, – поджечь то, что ещё живёт... – стебли вспыхнули, легко, быстро, тут же потускнели, остались тлеть. А потом, стоило огню погаснуть, выпрямились и зазеленели снова. – Будет вот так. Начнём рыть яму для фундамента – итог не предсказать. Может выроем, и всё будет в порядке, а проблемы начнутся после, может – земля не даст сразу. А комары – сдохнут, когда придёт их час. Хотя... не знаю. Не ставил подобных экспериментов.

– Расскажешь про те, что ставил? И про Урсейю. Ты обещал, – напомнила Мира. Теперь она хотела знать про Нэшту всё.

Ллэр вернулся на своё место возле костра, помолчал. Потом шумно выдохнул.

– Урсейя... она была одним из тех экспериментов. Точнее – его последствием. Наш мир развивался совсем иным путём, чем Актарион или Эннера. Не думаю, что Нэшта когда-либо вышла бы за пределы своей реальности. Параллельные миры для нэш были вымыслом, слои, Надпространство – таких понятий вообще не существовало. Телепатия – сказки, телекинез – фантастические романы. Я говорил, у нас практически не рождались одарённые необычными способностями люди. Но всё-таки появился Алэй, а следом – я. Роми считает, что я сильнее него, и сейчас это так, но раньше... Ты же помнишь, я рассказывал, что он явился к моей матери

уже после похорон? Думаю, она даже не понимала, как оно вышло. Сон, призрак, который дарит прощальное чудо. Если бы я не был так на него похож, наверняка поползли бы слухи, но ты сама видишь. В общем, он сделал то, что никто до него и никто после. Сумел зачать ребенка уже практически будучи атради. Бог его знает, может, уже тогда что-то в нашем мире изменилось. Может – было иным всегда и потому позволило. Но, как бы там ни было, это дало мне основания полагать, что раз я уникален, то могу пойти дальше. Мы – можем. Алэй не всегда был ярым противником экспериментов. Когда-то он тоже верил, что поскольку есть я, мы способны на ... что-то, – Ллэр покачал головой. – Я иногда сам не могу понять, вспомнить, как, откуда эти мысли зародились в наших умах, в каком горячечном бреде я решил, что имею право попробовать. Не зная толком ничего ни о генетике, ни о биохимии, ни о мутациях или чем-либо ещё. На фига...

Мира не стала спрашивать, что именно он сделал. Примерно догадывалась, что услышит в ответ. Как и о причинах, побудивших Ллэра желать ребенка. Всё просто – обычная история. Скорее всего, через какое-то время пресытился способностями и новыми возможностями атради, влюбился, захотел, чтобы всё было как у «людей» его родного мира: семья, дети. Только образ жизни «пленников Тмиора» такой непозволительной роскоши не предусматривал. И тогда Ллэр со свойственным ему упрямством бросился доказывать

себе и всем остальным, что сможет изменить правила.

– Расскажи мне о ней, – попросила она. Невольно улыбнулась, перехватив его удивлённый взгляд. – Клянусь не устраивать истерик и сцен ревности. Я хочу знать. Ты вряд ли поймёшь, но для меня это очень важно, – Мира замолчала. Передумала говорить, хотя собиралась – она ни капельки не ревнует. Наоборот, рада существованию той девушки в прошлом, ради которой он бросился экспериментировать, потому что это доказывает, что когда-то он всё же хотел и мог, и пытался быть с кем-то. И не просто быть. А значит, у них тоже есть шанс. Прикоснулась к его руке, ласково сжала ладонь. – Как её звали?

– Унали. Её звали Унали, – он помолчал. – Первые лет пятьдесят я был похож на наркомана в экстазе, которому хочется ещё и ещё. Я столько получил, и столько ещё мог получить. Узнать, попробовать. Я видел перед собой безграничные возможности и бесконечное время. Только и делал, что мотался по мирам, учился, выпитывал, всего понемногу. Даже проверял, как далеко заходит моя неуязвимость. Знаешь, я ведь к тридцати годам излазил Нэшту вдоль и поперёк, всё искал что-то, сам тогда не понимал, что. Не находил. Деньги были, забот никаких, на будущее плевать. Вот когда закончатся, тогда и... – он хмыкнул. – Потом, когда появилась Рومي, когда я узнал об отце. Сделал вывод, что на месте мне не давали сидеть гены. Сразу вбухал немалую сумму в то, чтобы узнать, из какого теста состою сейчас, пока ещё человек.

Никто ничего не нашёл. Никаких аномалий, особенностей, свойств. Роми меняла меня, я тратил всё больше и больше на отслеживание этих изменений, но ничего. Теперь понимаю, что технологии моего мира просто были недостаточно развитыми. Возможно, Таль смогла бы найти то, что не удалось тем, кому я платил. Но это уже не имеет значения. И... в общем, когда я приближался к первой сотне – мне всё это вдруг надоело. И я захотел домой. А там...

Мира грустно улыбнулась. Как знакомо всё это звучало. Конечно, у неё не было впереди вечности, но первое, что сделала, когда окончательно пришла в себя в Давинаре – бросилась изучать доступные теперь миры. Зная про возможность регенерировать и самоисцеляться, не боялась рисковать. Даже больше – искала опасность. И находила, получая от этого странное удовольствие. И если бы не знакомство с Эйтаноном, вряд ли осталась бы так долго в Сейфане. Наверняка продолжила бы бесцельно мотаться по Вселенным.

Может, виной всему просьба Ллэра не вмешиваться, остаться в стороне, позволить ему самому со всем разобраться. Но ведь и до встречи с ним, гораздо раньше, еще до всех метаморфоз, практически с раннего детства она ощущала неприкаянность и непреодолимое стремление куда-то бежать, что-то пробовать, искать, лишь бы не оставаться по долгу на одном месте. Не умела довольствоваться тем, что имела. Ставила цели, увлекалась идеями, чего-то добивалась, что-то бросала, но ничего не приносило настоящего

удовлетворения. Нигде не хотелось остаться, никогда не появлялось желание остановиться. Словно какая-то неведомая сила гнала вперёд.

Она облазила единственный материк-государство на Актарионе уже к шестнадцати годам. И так и не обнаружила ничего интересного – только похожие друг на дружку мегаполисы, леса, поля, океан. К двадцати успела сменить с десятков профессий, но каким-то чудом закончила учебу на дизайнера-декоратора, хотя не проработала и дня.

Чем старше становилась, тем больше находила возможностей и поводов метаться по городам Актариона, завязывая приятные и не очень знакомства. Ввязывалась в истории, с лёгкостью находила неприятности и проблемы, так же легко выпутывалась из них. Теперь уже знала – из большинства удалось выбраться только благодаря вмешательству Таль и её влиянию в Актарионе. Но тогда всё казалось игрой. Никакие последствия ровным счётом ничему не учили и не вызывали желание остепениться. Найти постоянную работу, может быть, мужа. Посвятить себя карьере или семье.

И кто знает, будь у неё способности Ллэра, будь Актарион чуть больше, интересней, как бы это отразилось на её жизни, к чему бы привело. Не говоря о том, если бы однажды появился кто-то, пообещавший неограниченные возможности. Наверное, принять вечность даже тогда не позволили бы спящие гены тлай, но всё остальное... Она бы согласилась, поверила, не задумываясь. Она бы бросилась в омут новой

жизни, испробовала бы всё.

А потом ей бы тоже всё разом надоело.

Она понимала Ллэра. Ещё тогда, почти сразу после знакомства, не зная ничего, приняла его сторону, не собираясь осуждать, что бы он ни сделал. Теперь же, когда занавес над прошлым понемногу приподнимался, понимала ещё больше.

– А там?.. – сильнее сжала его ладонь.

– Там оказалось всё не так, как я думал, – Ллэр притянул её руку к себе. Мягко коснулся губами пальцев, отпустил. Глядя на огонь, продолжил: – Я опасался, а может, как раз рассчитывал, что всё останется по-прежнему. Но Нэшта изменилась. Не в плане ориентации – мир так и оставался совершенно технологическим, но произошёл невероятный скачок. Открыли новый источник энергии, который преобразил мир. Пошло развитие всех отраслей. Нэшта поднялась к звёздам. Пока ещё не далеко и не смело, но ощутимо. Заметно. Для меня эти шестьдесят лет пролетели, как день, я уже начал иначе чувствовать время, не замечать его. И увидеть, как может преобразиться мир... Мне казалось, я был дома только вчера. Что может случиться за столь короткое время? То, что меня встретило, не укладывалось в голове, – Ллэр усмехнулся. – И без преувеличений повергло в шок. Наверное, именно тогда я начал в первый раз думать о том, насколько на самом деле неестественны атради в своей... неизменчивости. Я захотел остаться. Пытался что-то понять. Переосмыслить. И тогда встретил её. Точнее, это она встре-

тила меня, Тэйя Унали Канра.

Он помолчал, потом тихо продолжил:

– Наше знакомство изменило мою жизнь. В один день у меня никак не получалось понять родной мир, а в другой – стало плевать. Я будто забыл, что мне не тридцать, а почти сто. Я решил, что... Нет, ничего не решил. Просто хотел быть там с ней. Всегда. И не задумывался, что наши с ней «всегда» – совершенно разные сроки. Ведь нэш по-прежнему к восьмидесяти годам превращались в стариков. Я не собирался ничего рассказывать про атради, будто зачеркнул свою жизнь и оставил только ту часть, в которой было важно лишь сегодня. Не думал, что будет, когда она заметит, что я не меняюсь, что со мной что-то не так. Что я забываю поесть и ухожу куда-то регулярно, но это никакие не командировки.

Мира кивнула. Она прекрасно помнила, как Роми в Замке атради рассказывала про Маррена, про то, как семейная жизнь происходит у них. Вспомнила и свою реакцию. Тогда. И потом, когда убедила себя не думать, что может быть лет через... Когда, если им, вообще, суждено остаться вместе, она начнет стареть, а Ллэр – нет. И как заставила себя жить сегодняшним днём, надеясь, что то, что обязательно рано или поздно должно произойти, случится не скоро. И ведь понимала, что обманывает себя, потому что сама не верит в счастливое будущее. Даже не надеется на него.

Ей повезло, потому что встретила Ллэра уставшим от вечности. Повезло, что он потратил немислимое количество лет

на поиск способа обрести смертность, а нашёл её, Миру. Повезло, что она родилась не обычным человеком. И даже вне связи с дремавшими в крови генами, в её мире уже многие тысячелетия жили две расы: людей и Способных, путешествия по мирам и психокинетические способности существовали веками, а параллельные Вселенные – данность, пусть и доступная далеко не всем.

Ей повезло ещё и потому, что с самого начала всё закрутилось. Плешь, гибель Самара, проблемы Тмиора, её собственные метаморфозы. Между ней и Ллэром не было обмана, кто из них кто и почему так. Не пришлось притворяться и не придётся. И больше никакой вечности, которая обязательно встала бы непреодолимой преградой.

– Ты решился ей рассказать, или Унали сама догадалась? Или так и не узнала?

– Мы умеем... умели немного корректировать свою внешность. Вспомни Самара, он выглядел, как мальчишка, но мог и состарить себя. Когда я впервые нашёл его, его внешность соответствовала годам сорока пяти по меркам Нэшты. Это всё не происходило по щелчку пальцев и не до бесконечности – стариком себя сделать невозможно, но... Какое-то время я мог бы выиграть. Правда, не пришлось. Мы прожили вместе чуть больше пяти лет, когда она поняла, что что-то не так, когда стало ясно, что у нас не просто так нет детей, и что я, возможно, в курсе, почему. И спросила. А я начал врать. Красиво, слажено. Но истина в любом случае прозвучала бы

для неё ещё фантастичнее. Она кивала, я видел, что не верит, но не мог сказать прямо – ничего не будет, потому что я – бессмертная ходячая батарейка! Не мог, хотя миллион раз пытался. И тогда я решил – какого чёрта! Ведь среди атради не было бывших нэш. Ведь мой отец уже почти прошёл все преобразования, когда зачал меня. Почему нет, почему не попробовать? Одно, другое, третье... Вовлѐк в это Роми, Алѐя.

– Ничего не вышло?

– Я... не знаю. Так и не смог узнать. Мы трое поставили процесс на широкую ногу. Не ограничились естественными попытками. Финансировать исследования могли до бесконечности, ведь ресурсы атради не истощить. Конечно, мир не знал о параллельных Вселенных, поэтому мы не могли открыто приволоочь чужие технологии на Нэшту, но... У Рэм за плечами были тысячи лет и способов всё проверить. Через десять невероятно долгих лет безрезультатных попыток и нервов я и Унали расстались. Я заврался уже так, нагородил за все эти годы такого... Я ломал, портил, и чтобы починить – врал ещё больше, отмалчивался. Видел, что она меня уже едва ли не ненавидит. И из всего этого был один единственный, но очень непростой выход. Признать своё поражение. Принять, кто я есть, и дать ей жить.

– Ты... – Мира запнулась. Хотела спросить, почему же он так и не решился ничего рассказать. Что, может, тогда у них могло бы получиться. Но не стала. Спросила другое. То, что волновало гораздо больше и имело значение уже для них: –

Ты так хотел ребёнка или делал всё, чтобы получилось, потому что это было важно для Унали?

– Поначалу просто не думал об этом. Рядом с ней всё было иначе, и как оно будет потом, не имело значения. Я знал, что у атради не бывает детей, и не задумывался над тем, чего не бывает. А потом понял, что мечтаю вместе с ней, представляю, как. Вижу, что ей тяжёло даются наши неудачи, и... Я понимал, что идиот, что должен рассказать, что есть и другие способы быть счастливыми. Но вместо этого только ещё больше заикливался на попытках. И чем больше это превращалось в навязчивую идею, тем меньше оставалось в ней искренности.

– А Урсейя? Она тоже имеет отношение к вашим экспериментам?

– Урсейя – результат. Последствие. И мой второй эксперимент. Уже только мой.

Ллэр снова помолчал, потом шумно выпустил воздух.

– Мы ушли. Я, Роми, Алэй. Всё свернули и ушли. И четыреста пятьдесят лет не приходили на Нэшту. По крайней мере – я. А потом дёрнул меня чёрт. Наведаться. Какой-то нелогичный приступ ностальгии, что ли. То, что я застал... Я до сих пор не могу найти слова, чтобы описать. Видимо, мы что-то привнесли тогда в мир вместе со своими экспериментами. Может, что-то нарушили, может – наоборот. Но когда я оказался здесь снова... Мир был другим. Перевернулся. Представь самую страшную сказку, оживи её, превра-

ти в сюрреалистический бред, в котором возможно всё. Нэш спустились со звёзд, отказались от техники, оставили в пользовании лишь простые механизмы. Начали бояться электричества, следом – любого света, даже солнечного. Днём планета принадлежала непонятым, неуловимым тварям. Я так и не увидел ни одну из них, зато насмотрелся на их жертв, чтобы не сомневаться, что никакие это не предрассудки.

– И ты, конечно, не смог остаться в стороне, решил вмешаться и исправить, – задумчиво пробормотала Мира, вытягивая затёкшие ноги. Откинулась назад, улеглась на траву, подложив под голову руки. Уставилась на звёздное небо.

То, что случилось с Нэштой, конечно же, интересовало. Она хотела знать, что такого сделал Ллэр, что Алэй не мог простить до сих пор. Что означало увиденное в памяти Ллэра, кто эти твари, и почему у него ничего не получилось. Но то, что он только что рассказал, вынуждало задуматься о другом. О чём никогда, ни разу в жизни, Мира не думала. Ни всерьёз, ни в шутку. А теперь – думалось, хотя не просто не хотела, а боялась. И спросить Ллэра – тоже. Но ещё больше – услышать этот вопрос от него. Она закрыла глаза, еле слышно вздохнула. Молчание, конечно, не выход, но у них есть время. Можно подождать, оттянуть. А потом, позже, когда-нибудь, когда она будет готова, когда поймёт, хочет ли иметь детей, они поговорят откровенно и обязательно найдут решение. Они справятся.

– Не смог, – пробормотал Ллэр. – Я смотрел на опроки-

нутый мир и понимал – ведь всё это наша вина. Моя, Алэя и Роми. Даже если не мы довели планету до такого, даже если причиной стали пытливые умы, которые возродили наши исследования, несмотря на то, что мы старательно подтёрли за собой следы. Изначально процесс запустили мы. Я. Своей навязчивой идеей я лишил Нэшту её истинного будущего. По крайней мере, именно так я считал. Я потратил лет сорок, чтобы изучить мир заново. От и до. Поначалу Алэй пришёл со мной, но потом... – Ллэр хмыкнул. – Он понял всё намного раньше. Меня всегда поражало, в хорошем смысле слова, как он умудряется так легко сложить два и два. Добраться до сути сквозь внешнюю пелену. Почему не ошибается в своих выводах. У него ведь вовсе не аналитический склад ума. Он не логик. Пасует перед точными науками. Но при этом – понимает. По-настоящему. И знает, когда надо отступить.

Мира не хотела говорить об Алэе. Совсем. Она так и не смогла разобраться – как именно должна относиться к отцу Ллэра, что чувствовать. Поддаться эмоциям, пустив на самотёк, или попытаться понять, увидеть в нём то, о чём уже неоднократно говорил Ллэр. Но и это решение пока можно было отложить.

– Он пытался объяснить, а я не стал слушать. Это ж я. Уж если что решил... – продолжал тем временем Ллэр. Он словно не замечал ничего вокруг, уйдя с головой в воспоминания. – Первое время я считал, что кто-то восстановил данные. На тот момент о минувшем остались только леген-

ды, всё перевертали, окружили мистицизмом. Конечно, никто не знал зачинщика – основателя, но по всему, что передавалось из уст в уста поколениями, можно было сделать вывод – речь идёт о ком-то, кто задумал нарушить естественный ход вещей. Привить способности нэш, научить их прыгать выше головы. В легендах их называли раммари. Ушедшие. Потому, как считалось, что якобы те умерли, потом воскресли в принципиально другом физиологическом качестве и вот во второй своей жизни уже вершили историю. Кое-что в этом явно было, учитывая, что и я, и Алэй с их точки зрения мертвы, хотя раммари в легендах представляли собой целую расу, – он помолчал. – Я построил тот так называемый храм, который ты видела в моих воспоминаниях. Выбрал для него особое, по мнению местных, место, хотя сам не чувствовал там ничего. Возвёл здание в лучших традициях их богов и проклятий, чтобы было, где укрыться. В храм раммари никто не сунется без надобности. Считалось, что они сами по себе сосредоточие огромной силы, что в них живут добрые духи со скверным характером и что они защищают, только если их не беспокоить. Я притащил туда всё, что могло понадобиться для исследований, замаскировал «заклинаниями» и принялся за дело.

– Что именно ты искал? – Мира приподнялась на локтях. Хотела приблизиться к Ллэру, обнять, но побоялась, поэтому так и осталась лежать на траве на радость осточертевшим комарам. – Способ, как можно вернуть всё к тому, что было

когда-то?

– Да. К тому моменту я уже знал, что многие поколения нэш всегда рождались парами. Но не близнецами, просто по двое. Первое время я думал, что один ребенок – простой, обычный человек, а второй – как вы их называете – Способный, который видит в темноте, общается телепатией, живёт пусть недолго, но обладает невероятной регенерацией, до последнего вдоха оставаясь юными. А те, которым ничего этого не досталось... Всё было не так, как, к примеру, у тебя на Актарионе, где уживаются две расы. Совсем. В этом парном рождении существовал особый смысл. Дети были связаны. Те, кто рождался без способностей, являлись источниками жизненной силы вторых. Теми, за счёт кого одарённые могли существовать. Грубо говоря, мне представилось так, будто менталы паразитировали на простых смертных. При этом, как я понял, меры они не знали, забирали больше, чем требовалось, и излишек высвобождался в энергетический фон мира. Именно это вызвало появление тех самых невидимых тварей, которые отобрали у нэш день. Замкнутый круг, в котором они уничтожали сами себя, не подозревая об этом.

Ллэр сидел спиной к ней, глядя на костёр, и ни разу и не пошевелился за весь рассказ.

– Будь это какой другой мир, я бы остался в стороне, но это был мой дом. Я отвечал за то, что всё случилось именно так, и, честно говоря, сам не понимал, что собираюсь сделать. И как много времени мне понадобится, чтобы подто-

читать устои мира, заставить нэш задуматься, таким образом и в такой момент, чтобы оказались готовы к переменам. Я искал способ нарушить связь ментал-источник, потому что просто сказать «перестаньте», ясное дело, было нельзя. Менталы погибли бы без жизненной силы собратьев. Но не могли не существовать способы какого-то самоконтроля, сбалансированности потребления энергии. Устраивать пропагандистские митинги я не планировал. Но вода камень точит, как говорят в одном мире. Я очень хотел им помочь вырваться из этого круга. Пока мы участвовали в этом вдвоём, нам было просто выдавать себя за местных. Наше сходство играло на руку, Алэй никогда не использовал свои способности и выступал в роли смертного. Я представлял ментала. Такая демонстрация была нужна только первое время, чтобы действительно все поверили, чтобы не вызывать подозрений. К моменту, когда Алэй решил покинуть Нэшту, его присутствие уже не имело значения. Но сначала в нашей жизни появилась Урсейя.

Мира вспомнила красивую девушку, так похожую на какое-то древнее божество, которую она подглядела в памяти Ллэра. И неожиданно для себя почувствовала укол ревности. Не той, что преследовала её в Тмиоре к Роми, а совсем другой. Словно она только что до конца, по-настоящему осознала, как много лет разделяет её с Ллэром. Что трёхзначная цифра – не просто возраст, а время – часы, дни, недели, месяцы, наполненные другими людьми, судьбами, мыслями,

желаниями, поступками. И это всегда останется с Ллэром, до самого конца, сколько бы ни суждено было прожить ему, как доа. Мира даже пожалела, что спросила, что, вообще, завела разговор о прошлом, потому что уверенность, что она сможет принять и справиться, таяла на глазах.

Ллэр вспоминал, рассказывал, а Мира чувствовала себя непричастной, далёкой, как будто прошлое вставало между ними и разделяло невидимой границей. Всё отчётливей понимала, что теперь, зная, тоже не забудет. Не сможет. И каждое решение, которое ей придётся принять, так или иначе будет продиктовано этим знанием.

– Что же Урсейя? – тихо спросила Мира.

Ллэр будто почувствовал. Обернулся. Некоторое время смотрел на неё, и если бы она захотела, то могла бы привстать и увидеть его глаза.

– Её первым встретил Алэй и потом какое-то время скрывал от меня, – заговорил он снова. – Объяснил, что хотел сначала сам понять. Разобраться. Я, конечно, разозлился, но если откровенно – понимал его мотивы, потому что к тому времени меня уже начинало клинить на Нэште так же, как раньше заклинило на возможности иметь детей, – Ллэр горько усмехнулся. – Если бы я признался себе в этом тогда, то наверняка бы услышал и всё остальное. Но я не смог. Когда я увидел её... Практически точную копию Унали внешне и совершенно другого человека внутри, от которого шёл нереальный, нечеловеческий свет и невидимая сила – я. Всё

ожило. Заиграло новыми красками. Понимаешь? Не любовь, нет, но навязчивая идея добиться результата, доказать, создать, исправить! Цель обрела новые очертания, новые мотивы. А Алэй примерно тогда же понял, что надо уходить. Оставить мир в покое, позволить ему жить своей жизнью. Я же... Он сказал мне, что я никогда себя не прощу. Я нагрубил в ответ. Наговорил вещей, которые никогда не стоило говорить. Которые вообще не думал. Глупо, – он сглотнул. – Я так и не смог найти в ней следы моей ДНК, хотя был уверен, что Урсейя – не просто дальний потомок Унали. Я это знал. Как-то. Чувствовал. Но доказательств так и не получил. Она была менталом, сильнейшим из тех, кого мы встречали. И в то же время было что-то ещё. Урсейя легко прошла мимо всех моих охранных систем, вошла в храм и при этом чувствовала в нём что-то, чего не видел я. Что-то, доступное только новым нэш. Она говорила мне почти всё то же, что сказал Алэй. Раммари пришли, чтобы уничтожить. Там, тогда, в тот раз, который видела ты... Урсейя показала мне, кем на самом деле становились нэш. Постепенно, сливаясь, поглощая своих смертных дуалов и даже тех, других, кому достался день. Показала мне третью расу. Она тоже просила меня остановиться. Но я увидел всё по-своему. Решил, что у меня есть опыт и знания... И что я могу... всё.

– А потом?

– А потом я понял, что ошибся. В конечном счёте в последний момент от меня мало что зависело. Я не мог прекра-

титель процесс, который, в этот раз уже точно, спровоцировал сам. Нэш уже жаждали перемен, моих перемен, о которых твердил я, которые прививал им я. Вместе с ними менялся и мир. И это разрушало те связи, которые делали возможным существование самой цивилизации. Это было как болезнь. Эпидемия. Я пытался... – Ллэр осёкся. – Они погибли все до одного. Мир – выжил, выстоял, переболел и вернул себе первоначальный внешний вид. Он – прекрасен, тут я преуспел. Но здесь больше никогда не зародится разумная жизнь.

– Ты не можешь этого знать, – Мира села, усмехнулась. – И боюсь, никогда не узнаешь, потому что у тебя больше нет вечности, чтобы вмешиваться и контролировать.

– Конечно, не могу. Но... любая эволюция – это изменения, а Нэшта теперь противится им, восстанавливается до одного и того же состояния, – тихо отозвался он. – В любом случае, ты права, я никогда не узнаю, ошибся ли в этом снове.

– Знаешь, чем хороша короткая жизнь? Так или иначе сосредотачиваешься на собственных проблемах. Личных, не глобальных. Решаешь их и только потом – проблемы мира, если вообще. И сейчас, – она придвинулась к нему, обнимая за шею и вынуждая посмотреть в глаза, – я – твоя главная проблема.

– Правда? Проблема? – он улыбнулся в ответ.

– Эль, почему ты выбрал Нэшту для нас? – Мира отстранилась. Совсем чуть-чуть, чтобы видеть его лицо. – Только

честно.

– Я очень люблю это место, и мне хотелось бы, чтобы кто-то ещё его полюбил. Это честно. Не из-за чувства вины и желания что-то возродить, если ты это имеешь в виду. Мне просто здесь всегда было... спокойно.

– Кто-то ещё? Вот так абстрактно, всё равно, кто? Или хочешь, чтобы я, именно я полюбила это место и осталась здесь вместе с тобой?

– Хочу, чтобы ты... Останешься?

– Позволишь?

– Мне правда нужно на это отвечать? – ухмыльнулся Ллэр.

– Да, – кивнула Мира. – Потому что мне правда нужно сейчас слышать, что ты лю... – она осеклась, понимая, что требует слишком много. – Что я нужна тебе настолько, что ты готов рискнуть начать с начала. Со мной. Здесь, на...

– Я люблю тебя, – сказал Ллэр, не дав ей закончить. Глядя в глаза. Без тени улыбки или сомнений.

Глава 34. Прощание

Адан остановился на поляне, приложил ладошку козырьком к глазам. Щурясь от солнца, посмотрел вперёд. Узенькая, едва заметная тропинка, петляя между деревьями, убегала вверх по зелёному склону, а потом и вовсе исчезала из вида в густой траве.

Так легко заблудиться, но он не боялся. Откуда-то точно знал – в этом лесу никогда не потеряется.

Адан сделал ещё несколько шагов, приближаясь к заветной цели. Нерешительно переступил босыми ногами, потом всё же осторожно прижался щекой к шершавой коре, обнимая ствол. Недовольно засопел – с противоположной стороны руки и не подумали встретиться. Попытался ещё раз, изо всех сил стараясь дотянуться, чтобы хотя бы кончиками пальцев коснуться друг дружки. Напрасно... Он отступил на шаг. Разочарованно вздохнул.

Значит, ещё не готов. Не вырос, хотя старался. И очень-очень хотел.

Обида захлестнула до слёз. Но плакать нельзя. Плаксы – это маленькие дети, а он не такой. Он уже большой. Почти взрослый. Пусть до сих пор так и не смог обхватить дурацкое дерево!

Сжав кулачки, Адан яростно заколотил по коре.

– Причиняя боль другим, ты никогда не избавишься от

собственной, – послышался строгий голос отца. Адан, как ужаленный, отскочил в сторону. Торопливо спрятал за спину руки, стыдливо отвел глаза. – Ну-ка, покажи, что у тебя там. Поранился?

Он покрутил головой, уткнувшись взглядом в перепачканные в земле пальцы ног.

– Точно? Не обманываешь? Не будет, как в прошлый раз?

Адан, не хотя, протянул руки, разжал кулаки. Досадливо поморщился – из небольших, но глубоких ссадин сочилась фиолетовая кровь.

Противное дерево! С виду – приветливое и дружелюбное, но одно неосторожное движение – и гиволь сразу мстит.

– Вот видишь, – отец опустил на корточки перед ним, добродушно улыбнулся. – Наберись терпения, Адан. Совсем скоро у тебя получится. А сейчас, – он легко подхватил его на руки, прижал к груди, – пойдём-ка к маме лечиться.

Адан вздрогнул. Подскочил в кресле, не сразу понимая, где находится. Через пару секунд глаза выхватили из полумрака привычные очертания офиса. Он удивлённо уставился в окно, за которым пасмурный день давно сменился темнотой.

Ничего себе... Остался, называется, отвлечься, изучить новое дело! Вместо детального ознакомления с фактами проспал, как убитый, прямо за собственным столом несколько часов.

Адан не спеша помассировал затекшую шею, потянулся.

Ничего удивительного. Замотался, устал. В последние дни выспаться получалось с трудом. Тревожные мысли и беспокойство за Миру только усугубляли бессонницу. А вчера, когда переживать уже не надо было, долгожданный сон нарушил ночной налёт проголодавшихся Миры и Ллэра. Они наверняка старались не шуметь, но всё равно разбудили.

Впрочем, Адан и не думал злиться. Наоборот, обрадовался, застав на кухне светившуюся от счастья Миру, уплетающую огромный сэндвич и одновременно пытавшуюся соорудить такой же для Ллэра. С усмешкой вспомнил первый визит этой парочки к нему несколько месяцев назад – осторожный, бессмертный атради и нахальная юная девица, у которых, на первый взгляд, ничего общего. А вот ведь как всё обернулось... Как изменилось, как изменился сам. Уму непостижимо.

Он не стал им мешать. Перебросившись парой фраз, ушёл к себе. Но почти до рассвета не смог заснуть.

Присутствие Миры заставляло острее чувствовать связь между ними, ощущать переполнявшие эмоции: её радость, счастье, но ещё сильнее – собственную горечь и боль, от которых вполне успешно получалось оградиться с тех пор, как ушла Роми. Сейчас всё вернулось. Неожиданной, мощной волной сметая на пути все преграды. Лишая сна, вынуждая думать о том, о чём уже тысячи раз думал. Приходить к выводам, которые давно сделал. Вспоминать, цепляясь за то,

что было. Заново переживать. Размышлять, как могло бы сложиться, если бы... Ругать себя за это.

Бесполезные, губительные мысли, которые не в состоянии запретить себе думать.

В итоге проспал почти до полудня, а в офисе, куда обещал приехать рано утром, появился только к обеду. Впрочем, с тем же успехом мог и не приезжать. Погрузиться в дела, забыть работой, как собирался, всё равно не получилось. Но зато хотя бы выспался.

Адан еще раз потянулся, поднимаясь. Потом, вспомнив сон, в смятении рухнул обратно на стул, обхватил руками голову.

Это что же получается?! Ему приснился... родной отец?! Отец, которого не знал. Не помнил. По крайней мере так всегда считал. Отец, чьих фотографий никогда не было в их доме. И приснился ли? Увиденное поражало чёткостью и позабытыми, но очень детскими ощущениями. Пробуждало потрясающее узнавание, какое хаотичная игра подсознания уставшего, измотанного организма вряд ли могла создать.

Адан нахмурился, выпрямился, уставившись в одну точку. Попытался по обрывкам картинки определить, сколько же лет могло быть ему тогда.

Мама умерла, когда ему едва исполнилось шесть, но и мальчик из сна вряд ли намного старше. Только как такое возможно? Да и тот лес, поляна... Он никогда не видел ничего подобного в Бэаре, а ведь именно здесь провёл всё дет-

ство. А ещё фиолетовая кровь, медленно сочившаяся из ранок на ладонях. Странное, могучее дерево, каких никогда не было и не могло быть ни в мегаполисе, ни за его пределами.

Адан замер, сражённый неожиданной догадкой.

Поляна, лес – никакой это не Бэар, а Эннера. Его родители были доа, могли свободно выходить из-под Крышки. Может быть, даже жили где-то за Сферой.

Это многое объясняло. Например, почему всегда чувствовал себя пленником, почему непохож на остальных бэарцев, почему в отличие от них сумел сохранить тот потенциал, который легко распознала и использовала Таль.

Объясняло и странную болезнь после смерти матери. Он тихо угасал, врачи не могли найти причину, списав всё на переживания и горе, а на самом деле его мучил энергетический голод и последовавшие за ним преобразования.

Но всё это не объясняло, почему не помнил ни отца, ни своего раннего детства. Оставалось только строить предположения. Может быть, последствия пережитых метаморфоз, когда исчезали способности. Может, таким образом мать перед смертью пыталась оградить его от ненужных и опасных воспоминаний, стерев память.

Звонок сотового, неестественно тревожный, а потому пугающий, заставил вздрогнуть. Не глядя, Адан нащупал кнопку, включая громкую связь. Удивился, услышав голос Таль: – Не занят? Надо поговорить. Можешь приехать?

Удивление росло. Таль, избегавшая его всю неделю, по-

ка отсутствовала Мира, не просто первой связалась с ним, заявившись по обыкновению в офис или ещё куда-нибудь, ставя перед фактом, а позвонила. Это уже что-то новенькое. Или, вернее, давно позабытое старенькое в их отношениях.

– Сейчас?

– Да, – что-то в её тоне Адану не понравилось.

– Что случилось? – спросил он.

– Просто приезжай. Поговорим. Запомяни адрес.

Удивление сменилось искренним изумлением, когда на месте назначенной встречи оказался самый обыкновенный ювелирный магазин, ничем не отличавшийся от остальных зданий торгового центра – такие же броские неоновые вывески, прозрачные защитные жалюзи на окнах, за которыми яркими пятнами в ночной темноте выделялись витрины, пустые тротуары.

Адан ещё раз сверился с навигатором кабриолёта, хотя и без него прекрасно знал этот район Бэара. Знал, но всё равно до последнего момента ожидал увидеть что-то особенное. Что-то, что выходило за рамки привычной жизни мегаполиса, напоминая, кто он теперь и с кем имеет дело.

Припарковавшись, некоторое время сидел в машине. Чувствовал присутствие Таль, её нетерпение, но не спешил. Что бы ей не понадобилось, им действительно стоило поговорить. Раз и навсегда расставить точки. Поэтому он, не раздумывая, согласился на встречу. А теперь медлил, понимая, что разговор лёгким не получится. Да и откровенным тоже

вряд ли.

Адан вышел из машины, направляясь к зданию. Потом остановился и просто перенесся туда, где его уже ждали.

– Ювелирный магазин? – выразительно вскинув брови, бросил Адан. – Станный выбор для свидания.

– Между прочим, тебе следовало его помнить, – хмыкнула Таль, кивая на свободное кресло и явно игнорируя последнее предложение.

– Почему, если не секрет? – спросил он, не торопясь садиться. Внимательно огляделся.

На первый взгляд самый обычный кабинет менеджера магазина. Достаточно просторный, только без окон. В правом, дальнем от двери углу – письменный стол, ноут, кресло. Слева вдоль стены – неудобный узкий бежевый диван, такие же незамысловатые кресла впритык к нему с двух сторон, между ними – стеклянный прямоугольник журнального столика. И только мягкий, желтоватый свет из спотов придавал комнате немного уюта.

– То самое наследство, которые ты помогал мне получить, – усмехнулась Таль.

– Неужели? – Адан повернулся к ней. Опустился в кресло. – Я думал, это такое же враньё, как и всё остальное, что ты мне тогда наговорила.

Она поджала губы, нахмурилась. Какая-то непривычно отстранённая, растерянная. А ещё – уставшая. В тёмных брюках и просторной синей блузке без намёка на соблазни-

тельный откровенный наряд, в которых обычно щеголяла перед ним.

– Давай не будем... Снова, – попросила она. – Есть вещи важнее.

– Есть и много, – согласился Адан. – О каких из них ты хочешь поговорить?

– О деле, за которое ты взялся.

– А... – он удивленно уставился на неё. – Ты откуда... Почему?

– Называй, как хочешь. Интуиция, знание, предчувствие. Просто доверься мне и откажись. Ты можешь остаться в Миире у меня. Или в другом месте Актариона. Я всё могу устроить, ты ни в чём не будешь нуждаться, осмотришься. А если не хочешь туда, можешь остаться в замке Самара. Поверь, так будет лучше.

Адан несколько секунд внимательно смотрел ей в глаза. Кажется, Таль говорила на полном серьёзе.

– Понимаешь... Проблема в том, что я не вижу причин отказываться, – заговорил он. – Если ты предпочитаешь их не называть, а просто довериться тебе, то... Без обид, но доверие – это не то, чего было много в наших отношениях.

– У меня нет причин. Таких, – устало вздохнула она, – какие удовлетворили бы тебя. Но... Я прошу ещё раз... в последний раз – доверься. Бэар – не место для таких, как ты. Он тебя погубит.

– Мы это уже обсуждали и, мне казалось, всё решили.

– Не всё. Я кое-что выяснила. О твоей семье.

– Ты о чём? – Адан напрягся, мрачней. Неужели Таль опять копалась в его голове и успела подглядеть странный сон? Иначе как объяснить такое совпадение.

– Я пыталась понять, почему таких, как ты, больше нет в Бэаре. Вернее, почему именно тебе удалось сохранить гены доа такими сильными, – она усмехнулась. – Я не верю в случайности. Даже там, где есть исключение, должно быть правило. Вот я и пыталась его найти.

– Нашла?

– Твоих родителей убили.

– Но... – Во рту пересохло. Адан смотрел на Таль и сопротивлялся, запрещая себе верить. Не желал осознать, осмыслить, потому что это тоже означало бы – поверить. – С какой стати?

– Бэар – закрытый мир. Он не терпит отличий, особенно, таких. Всегда найдутся люди, кто заметит. Догадается. Захочет использовать или, наоборот, избавиться.

– Ты можешь это доказать?

– Нет, – она качнула головой. – К сожалению, пока нет. Это лишь предположение. Которому, – поспешно добавила, видимо, заметив, что он собирается возразить, – есть очень серьёзные предпосылки. У меня есть все основания так думать.

– А у меня – сомневаться, – парировал Адан. – Зато десяток причин, почему не стоит верить тебе. Ты скажешь, что

я снова возвращаюсь к одному и тому же. И будешь права, но не я виноват, что ты предпочла сделать всё именно таким образом. Не говори, – жестом остановил её, – что у тебя не было выбора. Или что я бы не поверил. Возможно, ты права. Возможно. Но если бы с самого начала ты откровенно призналась, кто ты, зачем пришла... Рассказала про Миру, про то, что и почему ты собираешься сделать.

– Ты бы отказался!

– Может быть. В самом начале. Но настойчивости и изобретательности тебе не занимать. Ты нашла бы способ доказать. И вот тогда это было бы моё решение, становиться доа или нет. Тогда я бы оказался готов ко всей чертовщине хотя бы морально. Это был бы осознанный выбор. Мой собственный, а не тот, который мне навязали, используя и поставив перед фактом.

– Да! Пусть! Ты прав! Я ошиблась тогда, – Таль вскочила, нервно прошлась по комнате. Вернулась, снова села. Посмотрела на него. – Неужели никогда не сможешь простить?

– Не знаю, – Адан пожал плечами. – Возможно, потом... когда-нибудь. Не сейчас.

– Ты говоришь так, словно ненавидишь меня.

– Не ненавижу. Может, и хотел бы, но не могу, – он задумчиво покачал головой. Встретился с Таль взглядом. – Ты – мать Миры. Часть всего, что со мной случилось. Такая часть, которую захочешь – не забудешь. И это всё... мешает, понимаешь?

– Это или Роми?

– Роми ни при чём. Она любит Алэя, – ответил он, поспешно отводя взгляд. Может быть, слишком поспешно.

– Но ты любишь её, так?

– Нет, – соврал Адан, заставив себя посмотреть Таль в глаза. – Роми не имеет никакого отношения к тому, что случилось между тобой и мной. Тем более к тому, чего уже не случится.

– То есть всё, что произошло у водопада – ничего для тебя не значит?

– Значит. Но ничего не меняет в нашем с тобой будущем, – он замолчал, ожидая ответа, но Таль ничего не сказала. Просто сидела напротив, сцепив руки в замок. Смотрела куда-то перед собой, покусывая нижнюю губу. Словно что-то сосредоточенно обдумывала. – Ли, не знаю, зачем ты придумала эту историю с моими родителями, но прошу тебя, – заговорил Адан, – не пытайся больше мной манипулировать. Никогда. Какие бы цели ты не ставила.

– Цели? – она резко обернулась. Зло бросила: – Нет у меня никаких целей. Я, как и ты, напугана. Может, гораздо больше, чем ты, потому что от меня все теперь ждут чуда. Потому что я взвалила на себя огромную ответственность за чужие жизни. Думаешь, только ты пострадал? Только ты – жертва? А ты пытался хотя бы на минуту представить, каково мне? Вы все... Ты, Мира... уверены, что я сплю и вижу, как бы изменить миры!

– Хочешь сказать, это не так?

– Не так! – выкрикнула Таль. Помолчала. Уже спокойнее продолжила: – Хочешь и этому доказательств? Пожалуйста. Мира теперь знает, как убрать Сферу. Знает, как Самар создал Плешь. В теории, конечно. И если бы я мечтала о том, в чём ты меня обвиняешь, я бы уже всю проверяла на практике её знания, не так ли? Не догадываешься, почему я этого не делаю?

– Догадываюсь, – Адан поднялся. – И очень хочу тебе верить. Только это всё равно ничего не меняет. Между тобой и мной не меняет. Поэтому прошу, не настаивай. Бэар – мой мир, часть меня. Я должен найти себя здесь. Суметь выжить, хотя бы попробовать. Может быть, в итоге пойму, что это бесполезно. Признаю, что ты права. Возможно, мне даже потребуется твоя помощь, но пока... Я хочу сделать всё сам. И мне необходимо время.

Таль тоже встала.

– Если я смогу доказать, что их убили, обещаешь, что не останешься в Бэаре?

Адан покачал головой. Мягко коснулся поцелуем её губ.

– Береги себя.

– Ты тоже.

***

Последние этажи замка с трудом проглядывались сквозь плотную серую дымку. Казалось, свинцовые тучи громоздятся прямо над головой, и вот-вот начнётся ливень, обрушивая

из тяжёлых облаков на землю потоки воды.

Адан не стал дожидаться и проверять. Он не за этим пришёл сюда.

В комнате воздух был пропитан благовониями. К тому же, невозможно душно, жарко. Дышать трудно.

Вокруг – темнота. Но ещё через мгновение глаза привыкли, позволяя разглядеть кровать, приблизиться к Роми.

Она лежала на спине. Неподвижная, словно мраморная статуя. Только закрытые веки изредка подёргивались, подтверждая, что она жива.

Адану стало страшно. По-настоящему. Мелькнула мысль, что сама природа изо всех сил старалась уничтожить тех, кто когда-то на этой земле нарушил Закон Кольца, заставить их страдать, в муках искупить вину. Адан прогнал её прочь. Если Роми когда-то что-то и нарушила, то уже заплатила сполна вечной жизнью.

Но кроме страха было что-то ещё. Что-то гораздо сильнее. Что заставляло сбросить оцепенение, перебороть ужас, сделать шаг, прикоснуться к ледяной коже.

– Ты сильная, ты справишься. Обязательно справишься. Снова станешь доа и будешь счастлива.

Глава 35. Конец и начало

В полутёмном, прокуренном баре было полно свободных столиков. Все, если быть точной, не считая крайнего слева, у самой лестницы, ведущей вниз. За ним, небрежно откинувшись на спинки стульев и скрестив ноги, расселись двое молодых светловолосых мужчин. Курили, негромко разговаривали.

Ещё один, тоже блондин, в таких же, как у этих двоих, тёмных брюках и белой футболке сосредоточенно натирал и без того блестящую барную стойку. В отличие от напарников он приветливо улыбнулся и, отбросив тряпку в сторону, выпрямился. Уставился на них, видимо, дожидаясь, направятся ли они к бару или сразу в зал за столик.

Ещё по дороге сюда Адан пояснил, что посетители начнут прибывать ближе к вечеру, а в послеобеденные часы в «Нольд» мало кто заглядывает. Это обстоятельство устраивало Миру больше всего. Конечно, они оба, вместе и каждый по отдельности, с лёгкостью могли добиться эффекта «невидимок» даже в толпе, но специально прятаться от людей не хотелось. Наоборот, Мира испытывала необходимость снова почувствовать себя обычной, как раньше – до всех превращений, метаморфоз, чудес и проблем, когда можно заказать коктейль или что-то покрепче, расслабиться, поболтать, наслаждаясь приятной компаний и неспешными разговорами

с друзьями, не отвлекаясь на чужие мысли.

На первый взгляд немногочисленный «Нольд» казался идеальным местом именно для такого времяпрепровождения. Овальный столик с глубокими креслами в правом углу выглядел заманчиво – широкий выступ в стене скрывал их от любопытных глаз и вместе с тем оттуда просматривался весь первый этаж, входная дверь, лестница, ведущая в нижний зал.

– Здесь?

– Давай, – согласился Адан. Помог ей сесть, сам вальяжно растянулся напротив, вытянув ноги и откинувшись на спинку. Мельком посмотрел на наручные часы и сделал знак бармену приблизиться.

Глаза привыкли к полумраку, и теперь можно было рассмотреть незамысловатый интерьер. Как и во многих зданиях Бэара, внутренний декор состоял в основном из пластика, стекла и металла. Только в отличие от Миера цветовая гамма была гораздо спокойней. Вместо обилия насыщенных цветов преобладал чёрный, серый и белый. Гораздо реже – голубой и светло-зелёный, и как раз их в «Нольде» не наблюдалось.

Тёмный потолок в сверкающих брызгах светодиодов, отдалённо напоминающий звёздное небо; серые стены с блестящими вставками из металла; чёрный пол с отражающимися точками-лампочками; огромные окна в человеческий рост с толстыми, затемнёнными стеклами. Удобная, простая мебель – металлические столики овальной формы, круглые

кресла и высокие стулья из белой или чёрной пластмассы. Никаких свечей, дополнительных светильников, ламп, картин, статуэток.

Единственное «украшение» – сама барная стойка, тоже чёрная, причудливо изогнутая. Отсюда не разглядеть – то ли пластик, то ли металл. За ней – множество полок с подсветкой, уставленных бутылками, бокалами, стопками, стаканами.

– Как же давно я не была... в баре. В таком баре, – задумчиво пробормотала Мира.

– Да уж. Никогда бы не подумал, что после Плеши захочешь прийти сюда, – Адан встретился с ней взглядом, задорно усмехнулся. – Я сам долго не решался. Если бы не Таль, то вряд ли когда-нибудь пришёл бы сюда. Но она привела чуть ли не силой. И знаешь, мы с ней сидели, разговаривали, а мне всё казалось, что сейчас обязательно что-то случится. Что-нибудь этакое. Потемнеет в глазах и...

– Я не попадала в Плешь отсюда. Бар навязал нам ты. Но знаешь, я вряд ли когда-нибудь ещё раз сяду в таксилёт, – улынулась Мира. – Тем более с Таль.

– Я думал, вы ладите.

– Мы ладим, – рассмеялась она. – Но без таксилётов.

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как Мира вернулась с Фахтэ. За это время они с матерью научились понимать друг друга и действительно ладили.

Таль не переставала удивлять. Словно она нынешняя и

та, прежняя, до Плеши – два совершенно разных человека. Словно превращение в доа изменило её до неузнаваемости.

Во всем, что касалось совместной работы в Институте крови, Таль откровенно делилась с Мирой знаниями, терпеливо объясняла, показывала, учила. Требовала инициативы, не злилась, когда не получалось. Не настаивала раскрывать тайны Самара, не пыталась ничего выпытать, не проникала в мысли. Никакого высокомерия или пренебрежения.

В остальном, что так или иначе имело отношения к личной жизни каждой из них, они продолжали соблюдать вежливую дистанцию.

Это устраивало обеих, особенно в начале. Никто ни на кого не давил, не лез в душу. И в какой-то момент холодок отчуждения исчез, сменился уважением, заботой и даже доверием. Настолько, что Таль оказалась первой и единственной пока, к кому Мира смогла обратиться за помощью и откровенно поделиться неожиданным секретом.

Вспомнив об этом, Мира помрачнела. Но почувствовав внимательный взгляд Адана, заставила себя беззаботно улыбнуться. Обернулась к подошедшему бармену, чтобы сделать заказ, но Адан опередил.

– «Сапфир» ей и «Страсть» мне, – названия ничего не говорили, но Мира не стала выяснять, полагаясь на его вкус. – И побольше льда. А ещё фисташки. Тебе понравится, – заверил Адан. Наклонился, приподнимая край светлой рубашки, и из заднего кармана белых джинс вытащил сигареты. До-

стал оттуда одну, а помятую пачку бросил на стол.

– Не сомневаюсь, – Мира проводила взглядом уходящего бармена. Нахмурилась, поворачиваясь обратно к Адану. – Ты снова куришь?

– Почему снова? – он удивлённо вскинул брови. Щёлкнул пальцами, отчего на самых кончиках на мгновение загорелось слабое фиолетовое пламя. Прикурил, глубоко затянулся. – Я никогда не бросал. Был период, когда не хотелось. Прошло, – ухмыльнулся, выпуская дым. – Есть привычки, от которых трудно избавиться.

Последние слова напомнили Ллэра, и Мира невольно улыбнулась – слишком не похожими они были. Настолько, что даже если бы Адан скопировал голос и интонацию, фраза всё равно прозвучала бы совершенно по-другому.

– Ну, рассказывай.

– Что? – не поняла Мира.

– Всё, – он подмигнул. – Как там Ллэр?

– Привыкает к новой жизни.

– Получается?

– Надеюсь. Это непросто.

– Непросто, – согласился Адан, усмехнулся. – Я до сих пор не привык. И знаешь, вряд ли когда-нибудь смогу. Всё так изменилось. Мы сами, мой мир... Всё вдребезги. Всё теперь не так, – вздохнул. – Я иногда пытаюсь вспомнить, как было до. Каким был я. И не могу.

Мира помолчала, внимательно вглядываясь в его лицо.

Но он, видимо, хорошо научился скрывать мысли, потому что ничего, кроме грустной улыбки и печального, уставшего взгляда, не увидела.

– Почему ты сопротивляешься? – тихо спросила она. – Почему не позволяешь себе принять перемены, новую действительность? Стать её частью. Адан, я не верю, что не можешь или боишься. Ты не хочешь. Изо всех сил цепляешься за прошлое, хотя понимаешь, что как прежде уже не будет. Ты сам изменился, всё вокруг изменилось, и это необходимо принять.

– Необходимо. Думаешь, мне бы не хотелось? – перебил он. – Ещё как, но... Не получается. Совсем. И я порой очень тебе завидую.

– Мне? – удивилась Мира. – Чему же?

– Хотя бы тому, что из нас всех ты быстрее всего приспособилась, научилась. Без сожалений оставила позади прошлое.

– Там не было ничего ценного, о чём стоило жалеть, – улыбнулась Мира. – Настоящее мне нравится определённо больше.

Адан затаился, глядя на тлеющий конец сигареты.

– Ты что-нибудь знаешь про Роми?

– Что-нибудь знаю, – отозвалась Мира. – Не много. Мы не общаемся, потому что... – замялась. Рассказывать Адану про непростые отношения Ллэра с отцом не собиралась. Главное он знал и без неё, подробности ничего не меняли.

К тому же, многое в их отношениях она всё ещё не понимала сама, хотя признавала, что вековые разногласия за пару недель смертной жизни не сотрешь из памяти. Поэтому не вмешивалась, предоставив им самим разбираться с прошлыми обидами. А если уж совсем откровенно, то её вполне устраивало, что не приходится пересекаться ни с Алэем, ни с Роми. – Вроде бы они всё ещё здесь, в Эннере. Как и многие другие из бывших атради. Приходят в себя, осваиваются.

Адан опять затянулся. Задумчиво пробормотал:

– Надеюсь, у Роми всё в порядке.

Мира поморщилась. Помахала перед лицом рукой, разгоня дым.

– А, по-моему, надеешься, что всё как раз наоборот, – улыбнулась она, догадываясь, в чем настоящая причина не проходящей меланхолии Адана. – Ромиль всё ещё тебя волнует?

– В каком смысле?

– В том самом, – Мира многозначительно вздёрнула брови, обмениваясь с Аданом выразительным взглядом. Пусть он научился скрывать эмоции и мысли, но их связь оставалась такой же сильной, чтобы моментально почувствовать фальшь. – Я надеялась, переспите, и пройдёт. Неужели любовь?

– Так ты знаешь? – удивился Адан. – Роми рассказала?

– Таль.

– Таль? – изумлённо переспросил он. – А она разве?..

– И знает, и считает, что именно из-за рыжей у вас с ней ничего не получилось.

– Но откуда...

– Такое не скроешь, всё же видно. Сразу. Забыл?

– Точно, – нахмурился Адан. Нервно затушил сигарету. –

Я как-то не подумал об этом тогда.

– И зря! Думать как раз стоило, раз именно от Таль зависело последнее преобразование Роми... – она испуганно замолчала, понимая, что проговорилась.

– Ты что имеешь в виду? – осторожно спросил Адан, не сводя с неё внимательного взгляда.

Ну вот... Сейчас посыпятся вопросы. Придётся рассказать, как застала Таль у постели Роми, когда мать явно собиралась внести коррективы и уменьшить шансы на выживание у будущей доа. Пусть и оставалась надежда, что в конце концов Таль бы одумалась. Остановилась, удержалась, потому что гордая учёная одержала бы победу над ослеплённой ревностью женщиной. Только вот никаких гарантий не было. И самое пугающее – в тот момент Мира не только сразу нашла оправдание поступку матери, а неожиданно для себя поняла, что на её месте, в такой же ситуации, при похожих обстоятельствах и возможностях поступила бы так же.

На счастье Ромиль Эннавара тогда у Миры получилось посмотреть на всё с другой точки зрения, не позволив Таль совершить непростительную, жестокую глупость. Правда, любви к рыжей от этого не прибавилось. И это была ещё одна

вская причина, почему Мира предпочитала держаться подале от Алэя и Роми. Зная себя, иллюзий не питала – однажды не сдержится, выскажется, и лучше от этого никому не станет.

– А то, что ты прекрасно знал, как относится к тебе Таль, и не должен был идти на поводу у желаний! Представь себя на её месте. Могли бы подождать, пока всё не закончится, а уж потом...

– Не могли, – оборвал Адан.

– Ну ещё бы. Алэй пришёл бы в себя и помешал, да?

– Ты, правда, думаешь, мы это планировали? Терпеливо ожидали, когда Ллэр с Алэем уйдут в бессознанию, ты – спасти атради, а Таль – превращать их в доа? – он горько усмехнулся. – Всё было не так. Случилось само собой. Роми пришла ко мне, чтобы спросить про тебя, и... – он замолчал. Провёл в воздухе рукой, видимо, предлагая закончить фразу.

– Ага, Роми пришла и... – фыркнула Мира.

– Не веришь?

– Тебе – да. Ей – нет. Роми знала, зачем шла. И это... это... – она запнулась, не находя подходящего слова. – Это подлю.

– Ты ошибаешься. Роми не знала. Правда не знала. Она ничего не планировала. И Алэй тут ни при чём.

– Что значит ни при чём?! У них же там такая вечная любовь, прям куда там! А она...

– Ты не понимаешь. Хотел бы я объяснить, но... – Адан

беспомощно развел руками. – Ты всё равно никогда не поймёшь.

– Потому что дура? – Мира разозлилась.

– Нет. Просто ты – другая, – Адан ласково улыбнулся. Наклонился к ней, прикасаясь тыльной стороной ладони к щеке. Мягко, нежно. – Мне надо было влюбиться в тебя, а тебе – в меня. Всё было бы по-другому. Надеюсь, Ллэр сумеет.

– Сумеет что? – она отшатнулась. Нахмурилась.

– Сделать тебя счастливой.

– А ты бы сумел, да? – хмыкнула Мира. – Учитывая твою болезненную страсть к рыжей, мне как раз повезло, что я влюбилась в него, а не в тебя.

– Я не об этом.

– Намекаешь, он такой же, как Роми? Не способен на верность? – тихо спросила она. – Полигамия и всё такое?

Адан не спешил отвечать. Молчал, пристально глядя в глаза и улыбаясь краешками губ.

Она тоже молчала. Хотела и одновременно боялась услышать ответ. Надеялась, что он развеет нелепые страхи. Понимала, что в действительности всё окажется наоборот – слова Адана превратят собственные опасения в реальную, уже озвученную угрозу. Ведь сама не раз в последнее время размышляла именно об этом.

Напускная беззаботность бесследно исчезла. Прежние страхи и сомнения – навалились разом. Больше не получалось придумывать для самой себя отговорки. А следом при-

шло чёткое понимание, почему до сих пор ничего не рассказывала Ллэру про беременность.

Она боялась. Ужасно, панически боялась. В первую очередь реакции на новость. Собственные неуверенность и переживания, что не готова стать матерью, что слишком рано, слишком неожиданно, пусть обещала себе когда-нибудь задуматься об этом. Слишком невероятно, потому что ни один из них не подозревал, что такое случится. Всё это на самом деле было несущественно, неважно, решаемо. Даже без убеждений Таль родить этого ребенка, без рассказов, каким уникальным он может оказаться, Мира почти сразу всё решила.

Главным неизвестным в новом уравнении оставался Ллэр. Вот он-то точно не собирался становиться отцом. Наверняка не предполагал, что такое возможно даже в теории. Оказалось, да. При превращении в доа регенерация тканей коснулась всех функций организма.

Только как Ллэр отнесётся к будущему отцовству? Какой будет теперь их жизнь?

Мира не искала способа привязать к себе, не пыталась контролировать, хоть в чём-то ограничить его свободу, в том числе – свободу выбора. Она любила Ллэра до последней клеточки, всецело верила, потому что знала: он – смысл её жизни. А если когда-нибудь перестанет им быть, у неё хватит сил пережить, смириться.

А теперь получалось, что кроме Ллэра появился иной

смысл, гораздо важнее, но который привяжет к нему ещё больше. Уже навсегда. Их ребенок.

Как Лэр такое воспримет? Обрадуется, потому что когда-то давно безумно хотел иметь детей? Сбежит, потому что груз прошлого слишком тяжёлый? Останется из чувства долга, потому что ещё помнит, как когда-то самому не хватало отца, и потому не допустит повторения истории?

– Мира! – настойчивый взглас Адана вернул в реальность. Если он что-то и ответил на её вопрос, она просто не услышала. Удивленно тарацилась на него, не понимая, когда на их столике успели появиться два стакана. – Что с тобой? Ты в порядке?

В воздухе запахло алкоголем.

– Не совсем. Поэтому давай выпьем, – она подхватила ближний к ней коктейль, подняла стакан, едва не расплескав содержимое. Натянута улыбнулась. – А ещё лучше – давай напьемся. Забудем обо всём, а? И повод есть. У меня будет ребёнок.

Время летело.

Они и не заметили, как «Нольд» наполнился людьми. Беспечно болтали, сменили десяток тем, делились новостями и планами. Смеялись, подтрунивая друг над другом.

У Адана получилось развеять её сомнения, вселить уверенность. У неё – перестать сыпать обвинениями, понять и принять причины, по которым он никогда не сможет быть с Таль. И что дело вовсе не в Роми. И даже пообещать Ада-

ну попробовать подружиться с ней взамен на его обещание принять перемены и позволить себе стать собой.

Вместе удалось поверить, что рано или поздно время всё расставит по своим местам. Что когда-нибудь они обязательно снова соберутся вместе. Адан, она, Ллэр, Таль, Роми, Ал-эй, как в ту ночь на террасе замка. Вспомнят прошлое, расскажут о настоящем. Улыбнутся, осознав, что каждый из них давно перевернул страницу. Что независимо от того, вместе они или порознь, они навсегда останутся одним целым, историей. Единственными, кому известна вся правда о гибели Тмиора и возрождении Эннеры.

Они ничего не заметили даже тогда, когда голоса вокруг смолкли. Когда повисла неожиданная, мрачная тишина. Когда полумрак бара осветился яркими, короткими вспышками.

Адан среагировал первым. Успел что-то крикнуть, повалить Миру на пол, накрывая её тело своим. А потом, ещё не до конца осознавая, что произошло, она машинально перенесла обоих подальше от «Нольда». За Сферу, к прозрачному куполу, под питательные лучи.

Только всё равно слишком поздно.

***

Мира сидела на песке, поджав под себя ноги, обхватив плечи руками, и раскачивалась, как маятник. Адан лежал рядом, нелепо раскинув руки. Светлая рубашка была залита фиолетовой кровью. В остекленевших глазах маленьки-

ми сиреневыми точками отражалась луна. На губах застыла усмешка, как будто он сам не верил в то, что случилось.

Адан умер сразу – ещё в «Нольде», когда, спасая, накрыл её собой. А Мира каждой клеточкой чувствовала, как оборвалась жизнь: сначала остановилось его сердце, а потом её, разрывая связь биополей. Через миг оно забилось опять – быстрее, сильнее, и следом пришла боль. Острая, жгучая, словно огромной иглой проткнули насквозь, придавили к земле, заставляя умирать снова и снова.

Смерть – страшное слово. Безнадёжное, непоправимое, ужасное. Теперь Мира знала, что это такое. Каково это – умереть. Каково это, когда умирает близкий и родной человек.

Она не могла отвести взгляда от неподвижного тела, не могла даже подняться. Потеряла счёт времени, не понимая, сколько минут или, может, часов просидела вот так. А потом всё-таки сумела выдать из себя слабый шёпот, переходящий в крик:

– Э-э-эль!..

Ллэр появился мгновенно в нескольких шагах, спиной к Адану. Испуганный, бледный – кажется, Мира не просто позвала, а передала ему часть боли, выплеснула её в крике.

– Ты... – выдохнул он, в следующую секунду упал на песок рядом. Попытался одновременно обнять и осмотреть.

– Это Адан...

– Кровь – его? – сообразил Ллэр, но отпускать не спешил.

Мира кивнула, он бросил короткий взгляд назад через

плечо, крепче прижал её к себе.

– Мы были в «Нольде», разговаривали. Потом... я... слишком поздно... – она не смогла закончить предложение, практически силой обрывая кошмар последних секунд в баре. Уткнулась в плечо Ллэра, глотая слёзы.

Адана больше нет. Не будет. Никогда. Они не встретятся, чтобы поболтать. Ей больше не к кому и некуда приходиться, чтобы посплетничать о бывших атради, ставших доа. У неё больше нет преданного друга, с кем можно поделиться последними новостями или посоветоваться. Они убили его. Убили Адана. Её Адана!

И ненависть затмила боль.

Уничтожить! Уничтожить их всех! Всех до одного. Сейчас же!

Мира оттолкнула Ллэра, вскочила на ноги. Уставилась на сверкающую в лунном свете Сферу, медленно надвигаясь на неё.

– Что ты задумала?

Она обернулась, взглядом умоляя не останавливать. Она должна это сделать. Обязана.

Ллэр кивнул, остался на песке.

Она уже вскинула руки, когда путь преградила Таль. Приблизилась к ней вплотную, обхватила ладонями её лицо, вынуждая посмотреть в глаза.

– Нет, девочка моя. Нет. Погибнут люди. Те, кто ни в чём не виноват.

Мира зло мотнула головой. Люди? Эти сытые ублюдки, лившие жизни Адана? Это о них она должна думать? Их жалеть? Да ни за что!

– Послушай меня, – не унималась Таль. – Обещаю, что разберусь. Накажу тех, кто... – голос дрогнул. Глаза подзрительно блеснули, выдавая слёзы. – Сейчас важнее всего на свете ваш ребенок. Он – будущее. Смысл всего, – Таль перевела взгляд за спину Мира, крикнула, обращаясь уже не к ней: – Забери её отсюда!

Зашелестел песок. Может, Ллэр вставал нарочито громко, может, её слух обострился, но Мире показалось, что сейчас она слышит каждую песчинку, вздрагивающую от его движений.

Миг, и Ллэр уже стоял рядом, обнимая за плечи.

Ещё миг, и вместо сиреневого неба – чёрное с россыпью звёзд. Вокруг – тишина, нарушаемая только биением сердца. Нэшта.

Мира выдохнула, потом жадно схватила ртом холодный воздух, как будто не могла надышаться. Или правда не могла. Ощущения вернулись в норму, ненависть и ярость исчезли. Только боль никуда не делась.

– Таль права, я не должна... – пробормотала Мира. Покачнулась и почувствовала, как её подхватили сильные руки. – Не выпускай меня отсюда. Вряд ли смогу остановиться, если окажусь там. А вы не справитесь, потому что... – она осеклась, вспоминая, что ещё сказала Таль. Замерла, боясь

поднять на Ллэра глаза.

– Почему не сказала?..

Она не стала обманывать.

– Боялась твоей реакции. И всё ещё боюсь. Только... Я всё равно его оставлю, Эль, – Мира решила посмотреть на него. – Не потому что он особенный. Потому что он наш.

Таким растерянным она его ещё не видела. Растерянным, удивлённым и, кажется, тоже напуганным.

– Это я должен бояться. И буду. За вас обоих, – Ллэр несколько раз моргнул, сглотнул. Обхватил её лицо ладонями, улыбнулся.

– Будешь? – зачем-то переспросила Мира.

– Буду.

– Значит, ты... рад? – спросила она, не до конца осознавая его реакцию.

– Ты ещё спрашиваешь!.. – Ллэр рассмеялся, легко коснулся губами её губ, обнял, приподнимая над землей, снова поцеловал. – Ещё бы! – Он осторожно опустил Миру. Отстранился, крепко сжимая её плечи. – Да, я... да.

Из груди вырвался вздох облегчения.

– Какая же я дура! – Тем, что она сейчас жива, тем, что у них родится малыш, тем, что вообще встретила с Ллэром, она обязана Адану. Только теперь уже никогда не сможет даже просто сказать ему спасибо. – Адан... Он говорил, что ты обрадуешься, а я не верила. Мы ведь... Мы из-за меня туда пошли. Это я захотела, – она судорожно вздохнула. В отча-

янии обняла Ллэра и расплакалась.

Он крепче прижал к себе, ничего не говоря. И Мира, больше не сдерживаясь, дала волю слезам. А потом они ещё долго стояли, обнявшись. Молчали.

Наконец Ллэр шепнул:

– Ты сказала, наш ребенок будет особенным.

– Так считает Таль, – она отступила назад, чтобы видеть его лицо. – Помнишь ночь, когда я привела тебя на пляж, и мы?.. – Ллэр кивнул, и Мира продолжила: – Таль уверена, что наши с тобой гены, помноженные на энергию доа после всех пережитых метаморфоз, плюс зачатие в мире тлай способны дать начало новой расе.

Он усмехнулся.

– И чем это нам всем грозит?

– Не знаю. Никто не знает, – Мира невольно улыбнулась. –

Страшно?

– Да, – Ллэр улыбнулся в ответ. – И это совсем не смешно!

– Ты можешь отказаться, – она одарила его выразитель-

ным взглядом.

– Или рассердиться на подобные предложения, – ухмыльнулся он. – Да-да! Учти, ты от меня не отделаешься. Я никуда тебя... вас не отпущу. Просто знай. Тем более, – Ллэр лукаво оглянулся на поляну за спиной, снова посмотрел на Миру. – У меня как раз готов наш новый дом. Ну, почти готов. Думаю, Нэшта его примет. Хочешь посмотреть или пусть потом будет сюрприз?

Мира огляделась. Она могла вернуться в Эннеру. Наплевав на предупреждения Таль, разнести в пух и прах Сферу над Бэаром. Могла найти тех, кто виновен в убийстве Адана. Могла размазать их по стенам или заставить страдать, долго и мучительно лишая жизни.

Она могла сделать многое, позволив ярости одержать победу над разумом. Тлай умели ненавидеть. Без сожаления и страха преследовать, причинять боль. Но тлай умели и любить. Как и доа. И сейчас две половинки сошлись в едином мнении: рано или поздно гнев утихнет, уступая место раскаянию. Только ни одна сила во всех Вселенных не сможет исправить сделанное, отмотать обратно. И уже ничто не вернёт Адана.

Он погиб, спасая её. Не раздумывая, отдал жизнь, чтобы жила она, чтобы её ребёнок появился на свет.

Таль права, сейчас важнее всего на свете их малыш. Он – будущее. Надежда. Смысл всего. Ради него Мира обязана найти силы смириться и продолжить дальше. Адан хотел бы того же. В этом она не сомневалась ни секунды.

Мира уверенно обхватила протянутую горячую ладонь, ласково улыбнулась Ллэру:

– Показывай, где будет наш новый дом.

Эпилог

Город за окном спал, и огни фонарей, вывесок и рекламных щитов ему совершенно не мешали.

Ровно два лунных месяца назад, поздно вечером пришёл Ллэр. День в день. Он ещё ничего не сказал, а Роми уже знала, что не захочет слышать.

Выслушала. А потом – встала и ушла. Ни на кого не глядя. Он ещё говорил о чём-то с Алэем, непривычно долго и много. Но в тот момент ей было всё равно.

Позже Роми напилась. Сильно и в одиночестве – в плетённом кресле-качалке на веранде.

Теперь организм реагировал на алкоголь иначе. Хотя она знала, что теоретически легко может выгнать опьянение, делать этого не собиралась. Как и ускорять, чтобы забыться. Наоборот. В тот вечер она долго и безуспешно пыталась думать, вспоминать, перебирать мгновения, как будто это могло помочь найти в случившемся хоть какой-нибудь смысл. Будто в этом был способ принять то, что три дня назад Адана не стало.

Роми пыталась вспомнить, чем занималась эти дни – и выходило: ничем! Наслаждалась морем и солнцем, и всё. Глупо и бестолково, как будто ничего в её жизни не изменилось, будто никуда не делось бессмертие и впереди всё та же Вечность. А Адана – больше нет.

Это не укладывалось в голове. Не получалось представить, как такое вообще возможно, и почему она ничего не чувствовала в тот самый миг, когда Адан погиб. Казалось, должна была, пусть и не существовало между ними настоящей связи, как у него с Мирой. Несмотря ни на что.

Она ощущала себя в вакууме, который разрастался и пытался её раздавить. Кружилась голова, но не от выпитого. Роми задыхалась, но не могла разозлиться, расплакаться, не могла поверить. И поэтому пила.

Там же она и заснула, точнее, вырубилась, чтобы прийти в себя от рассветного холода и с дикой головной болью, которую было, как ни странно, приятно ощущать. Это означало, что она всё-таки способна на эмоции, а значит, поймёт, как справиться с другой болью и со страхом.

В то уже утро Роми сообщила Алэю, что они должны уехать. Куда угодно, только чтобы там не было никаких замков. Чтобы небоскребы – не выше ста этажей и разбитый асфальт под колёсами шумных машин, которые будут слышны даже с крыши самого высокого здания, и дождливое небо над головой. Чтобы никакого лета. А если там будет море – чтобы тоже ледяное, в котором даже в жару не захочется купаться, потому что оно такое же серое, как небо и сам город.

Алэй нашёл для них такое место.

Луна – маленькая точка, едва различимая даже в полнолуние, давала достаточно энергии, чтобы не возникал голод. Город, прекрасный своеобразной мрачной красотой, помо-

гал успокоиться.

Роми нужно было время. Не чтобы подумать, а наоборот: не думать вообще.

Они сняли огромную квартиру под крышей пятидесятиэтажного дома. Обживатьсья не спешили, оба знали, что здесь ненадолго. Днём Роми искала одиночества в толпе. До темноты бродила по городу, глазела по сторонам, заходила в магазины, покупала никому ненужные, странные вещи и одежду. Она играла с самой собой в какую-то непонятную игру и ждала, когда начнут возвращаться настоящие чувства.

Алэй пропадавал целыми днями в Эннере, помогая бывшим атради строить новый дом на далёком от Бэара пустующем архипелаге. Роми помнила, как говорила в последний день в Тмиоре: «Ты тоже не лидер». «Уверена?» – услышала тогда в ответ. Теперь она была уверена в обратном и признавала, что ошиблась.

Несмотря на то, что миров с подходящими лунами нашлось немало, большинство новоиспечённых доа не захотели покидать Эннеру. Роми знала, что рано или поздно они с Алэем тоже присоединятся к остальным. Её место там, откуда всё началось. Но сейчас она не думала о будущем, потому что сразу приходили мысли о хрупкости бытия и начинало казаться, что будущего – нет.

Вечером, когда Алэй возвращался к ней, они вдвоём выбирались на крышу, расстилали несколько покрывал на холодном камне и подолгу сидели в окружении соседних огней

от более высоких домов. Пили местное терпкое вино, от которого не пьянели, говорили ни о чём и обо всём сразу.

Однажды Роми проснулась с неконтролируемым и настойчивым желанием устроить скандал, который бы обязательно закончился безобразной истерикой. И устроила бы, если бы не выяснилось, что дома одна. Тогда она выместила всё на посуде.

Алэй застал её на полу в окружении осколков. Роми не знала, сколько так просидела, из порезанного пальца текла фиолетовая кровь, капала на блестящий светло-серый кафель.

– Чёрт... – Алэй схватил переносную аптечку, из ванны – полотенце, бросил его на пол, сел. Взял её за руку.

Роми молча наблюдала, пока он возится с раной, а потом вдруг тихо призналась:

– Адан сказал, что меня с ним ничего не связывает. – Она прерывисто вдохнула. – Что он надеется больше не встречаться со мной. Он...

– Я знаю.

– Нет. Не знаешь. Я сволочь и дрянь... и... – Роми мотнула головой. – Я обещала ему не забывать. Но я тогда не верила... – И, вдруг или наконец, она громко всхлипнула, продолжая бормотать: – Понимаешь? Я не понимаю. Я не верила... Я же думала... когда-нибудь... мы все... он был...

Роми сорвалась. Разрыдалась, судорожно хватая ртом воздух. Она не знала, как объяснить, кем был для неё Адан. Она

не хотела объяснять. Глупо, наивно верила, что тогда всё не закончилось, пусть пройдут годы, прежде чем они увидятся вновь, но это обязательно произойдёт. Он просто был и всегда будет. Вот так.

А потом сидела, уткнувшись в плечо Алея, снова вспоминала, словно заново переживая всё случившееся со дня их с Аданом встречи в Плеши.

***

Город спал.

Мрачная, промозглая осень уступала место зиме, днём тучи всё чаще рассеивались. Ночью на землю опускались заморозки, падал белый, пушистый снег. Совсем не такой, как на Эннере, но очень похожий на тот, что когда-то укутывал Нэшту. И по утрам город ослепительно сверкал под холодным солнцем.

Вчера они с Алэем первый раз не открывали на ночь окна и тогда же решили: пора возвращаться. Не потому что здесь становилось холодно, просто пришло время.

Весь день Роми, как всегда, гуляла по городу, но теперь смотрела на него другими глазами, открывала заново, понимала, что успела полюбить и, хоть пора прощаться, покидает его не навсегда. А сегодня вечером, уже лежа в кровати, наконец спросила Алэя, что ещё рассказал тогда Ллэр. И услышав ответ, долго не могла заснуть.

Странно, но она даже не думала о такой возможности. Давным-давно, когда всё только начиналось, и Эннера была

совсем другой, когда мать в первый раз сообщила, что ждёт Роми в будущем, она поняла и приняла простой факт – обычной семьи у неё не будет. Легко и без сожалений – ведь то, что открывалось, во стократ грандиознее. Потом она просто забыла. И за все тридцать тысяч лет материнский инстинкт даже не проклёвывался. Может быть, атрофировался вместе с изменениями тела и сознания. Она и сейчас не вспомнила бы, если бы Мира и Ллэр не доказали обратное.

Это ещё ничего не означало, ведь тела тех, кто называл себя истинными атради, претерпели столько метаморфоз, но всё равно заставляло задуматься.

***

Она нашла Таль сразу, хотя Алэй предупреждал, что это может быть непросто. Мать Миры не находилась по долгу в одном месте, занимаясь десятком проектов и исследований одновременно. Теперь уже не только в Актарионе и Эннере, но и в Нэште. А может, и в других мирах.

Таль сильно изменилась, и мало чем напоминала ту высокомерную, яркую девицу, с которой Роми познакомилась. Собранные в хвост волосы, минимум косметики, спокойный, открытый взгляд синих глаз, в глубине которого нет-нет, а проскальзывала печаль. Тёмно-голубой брючный костюм и удобные туфли-лодочки без каблука только подчеркивали простоту во всём облике.

– Я уверена, в том, что происходит в Нэште и происходило в Тмиоре, есть много общего. Один механизм, если хочешь.

Только Ллэр осторожничает! Но я всё равно докопаюсь до сути. Должна же я знать, где будут жить мои потомки, пусть он и утверждает, что мной руководит природное упрямство, а вовсе не беспокойство за внука, – Таль улыбнулась. Наклонилась, отпуская, ребёнка, которым, казалось, с самого начала разговора прикрывалась, словно щитом.

Маленькая девочка, лет пяти, не больше, со смешными, торчащими в разные стороны рыжими косичками неуверенно переступила с ноги на ногу, а затем, перехватив разрешающий взгляд, торопливо выбежала за дверь.

Таль выпрямилась и задумчиво посмотрела на Роми.

– Я долго считала тебя виноватой. Так было проще. Стоит найти, на кого можно свалить всё, и кажется, что становится легче. Что вот оно решение. Но это только видимость. Проходит время, и понимаешь, как ошибалась. Но до этого я злилась. Очень, – Таль усмехнулась, не отводя взгляда. – Когда поняла, что ты и Адан... была готова тебя убить. И убила бы, если бы Мира не остановила. Может, и не стоило тебе этого рассказывать, но зачем бы ты ни пришла сейчас, мне кажется, тебе нужно это знать до того, как ты что-нибудь у меня попросишь.

Роми хотела сказать, что пришла и за этим тоже. Чтобы услышать. Потому что сама чувствовала себя виноватой, хотя, возможно, и зря. Она ничего не знала о тех днях, что отделяли её последнюю встречу с Аданом от его смерти. Не знала и не была уверена, что хотела бы знать. Но наверное

– должна.

– Что произошло?

– То, что и должно было. Рано или поздно, раз он не послушался и остался в Бэаре, – вздохнула Таль. – Мегаполис не терпит тех, кто отличается. Так отличается, – она сделала акцент на первом слове. – Тем более в его случае, когда адвокат вдруг становится почти всемогущим. За ним следили, выжидали удобного случая. И дождались. Мире пришло в голову встретиться с ним в «Нольде». Тот самый бар, откуда Адан попал в Плещь. Не самое безопасное место в Бэаре. А потом... – Таль отвела взгляд. Слишком торопливо, чтобы поверить в наигранное равнодушие. – Их расстреляли в упор, но он успел накрыть собой Миру.

Роми судорожно сглотнула, сжала руки в кулаки, с силой впиваясь ногтями в ладони. Эннера, которую помнила, была другой, а о Бэаре она ничего не успела узнать. Не удосужилась. И даже на миг не заподозрила, что мир, который когда-то создал бессмертных, может так ненавидеть своих же собратьев. Ей казалось, потомки бывших доа должны быть иными. Генетически другими, просто потому что у них одни корни. Наивная дура. Если бы понимала тогда опасность... То что? За шкурки бы вытащила Адана прочь? Смешно. У неё не было права вмешиваться в его жизнь.

– Ты нашла, кто?..

– Нашла, – Таль подняла на Роми глаза.

Роми медленно кивнула. Но таких, как они, наверняка

осталось ещё много.

– Этот мир совсем не такой, каким я его когда-то знала. Эннера никогда не была опасной. Самоуверенной, упрямой, безответственной – да, но не опасной.

– Эннера и осталась такой. А Бэар... – Таль грустно улыбнулась. – У людей, так или иначе запертых в клетке, свои законы. Отсутствие выбора и свободы всегда порождает жесткость. И зависть. Именно поэтому ни в коем случае нельзя убирать Сферу. Ни сейчас, ни потом. Она – наша единственная защита от них.

Роми оглянулась на море, что виднелось из окна лаборатории. Будто могла увидеть отсюда далёкий Бэар. Конечно же, ничего не увидела, только блеск солнца на тёмной воде.

– Печально, что нам нужна такая защита. Мы – один народ, и мы тоже просидели в клетке. Злились на Содружество и на самих себя, но не вынашивали планы мести. Не представляли, как вырываемся на свободу и... – Роми замолчала, покачав головой. – Мы не были жестокими и не стали, когда Самар превратил нас в атради, – она вновь посмотрела на Таль. – Разве что ещё более заносчивыми и высокомерными. Возможно, от этого до жестокости – лишь один шаг.

Ей не хотелось думать, какую угрозу представляют те, кто мог бы жить с ними бок о бок, но не думать не получалось. Может, бывшие атради и не были столь же жестоки, но у них наверняка обнаружатся проблемы с прощением. Роми знала, потому что сама это чувствовала. Потому что едва не ска-

зала чуть раньше Таль – жаль. Жаль, что тех, кто в ответе за смерть Адана, больше нет в живых, потому что тогда бы она...

– Я думала о себе лучше, чем я есть, – Роми усмехнулась – невесело, зло.

– Мы все ошибались, – вздохнула Таль. – Я, например, наивно полагала, что стоит разгадать секрет Плеши, позволить энергии луны проникнуть в кровь бэарцев, и всё – проблема Эннеры решена. И только потом, когда Адан не сумел справиться со своей природой, осознала, что натворила. И что доа... тех доа уже давно нет. Да и их потомки... – она снова вздохнула.

– А мы лишь кусочек прошлого, который, возможно, стоит переименовать, чтобы будущее, – Роми наконец разжала руки, посмотрела на ладони, на порез, от которого практически не осталось следа, – не зависело от прошлого.

– Будущее теперь настолько неопределенно, – Таль улыбнулась. – Но в одном я уверена – дети тех, кого вы когда-то превратили в атради, будут нести в себе гены предков, множества рас из разных миров. И всех теперь объединяет энергия и способности доа. Их потомки уникальны.

Вот они и подошли к вопросу, который подтолкнул Роми прийти сюда. Который она никак не решалась задать. Пока не знаешь ответа – не так тяжело. Пусть не задумывалась, пусть не ждала, не собиралась, не видела себя в такой роли. Не спешила спрашивать Алэя, что он думает об этом.

Не знать – проще, но Роми не привыкла прятать голову в песок.

– А мы?.. истинные атради? Те, кто родился здесь тридцать тысяч лет назад? Мы можем иметь детей?

– Почему ты... – она осеклась. Прищурилась. Спросила прямо: – Ты хочешь родить ребёнка?

– Я не знаю, – честно ответила Роми. – Но... возможно, да. Таль несколько секунд молчала, задумчиво глядя на неё.

– Самар, меняя вас, ставил конкретные цели, возрождал и создавал определённые способности. Может, он и пытался вернуть вам способность продолжать род естественным путём, но у него ничего не вышло. Может, это никогда не входило в его планы. Теперь ваш организм, утратив вечность, заново учится пользоваться энергией лун. Теоретически возможно всё... – Таль чуть склонила голову набок. – Когда решишь окончательно, приходи. Проверим. Но ничего не обещаю.

Роми кивнула. И в этот момент осознала, что ей страшно, но несмотря на страх она придёт. Рано или поздно, потому что сначала уживётся с этой мыслью, по-настоящему посмотрит на жизнь иначе, испугается иначе, проглотит надежду и примет возможность провала. И тогда – придёт. Обязательно.

Будущее менялось снова.

Конец.

– В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.

https://cdn.pixabay.com/photo/2018/01/15/15/20/woman-3084129_960_720.jpg